

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

**3
2010**

Содержание

Семья и родительство

В.И. Ленин: роль личности в истории российской семьи <i>Быстров А.А.</i>	4
Влияние потребительского поведения на институт семьи <i>Голова А.Г.</i>	14
Ценностные ориентации молодежи г. Тольятти <i>Горбачева Н.Б.</i>	21
Родители и дети сквозь призму фольклора <i>Новоселова Е.Н.</i>	27
Ценностные аспекты исследования образа семьи и ребенка <i>Проневская И.В.</i>	38
Влияние демографического статуса и семейного положения на общественное мнение <i>Синельников А.Б.</i>	48
Роль семьи в формировании политической толерантности <i>Устинова И.В.</i>	60
Роль отца и отцовство в современной России <i>Шевченко И.О.</i>	66

Экономика и менеджмент

Семейственность как социально-управленческая категория: исторический аспект <i>Барков С.А., Дорохина О.В.</i>	74
Конфликт ценностных ориентаций бизнеса и общества <i>Куманенко С.И., Франчук В.И.</i>	91
Компромисс как форма экономического поведения <i>Макин И.О.</i>	99
От рискованного субъекта к обществу риска <i>Ромченко Е.Д.</i>	105
Профессиональная культура и образование в туристической сфере <i>Тесленко И.В.</i>	120

Интернет-образование

Непрерывное образование и образовательные социальные сети в Рунете <i>Евдошенко О.А.</i>	126
Обучающие технологии в интерактивном режиме <i>Сушко А.И.</i>	134

Молодежная субкультура

Инвариантная характеристика байкерской субкультуры <i>Гаук А.В.</i>	143
Модификации поведения в субкультурной динамике <i>Маркова Н.Е.</i>	152

Математические методы

Поведенческие гипотезы в математическом моделировании социальных процессов <i>Михайлов А.П., Петров А.П.</i>	160
---	-----

На разные темы

Субъектообразующие признаки социальной активности в местном самоуправлении <i>Бондаренко Ю.П., Гурьева Л.С.</i>	168
Социальный портрет современного казачества <i>Изюмов А.И.</i>	185
Особенности социокультурной адаптации мигрантов <i>Макаров А.Я., Уразалиева Г.К.</i>	190
Социологический аудит в молодежной политике <i>Першуткин С.Н.</i>	196
Удовлетворенность населения жилищно-коммунальным обслуживанием <i>Харченко К.В.</i>	202

Дебют

Формирование ценностных ориентаций специалиста в технических вузах <i>Ватлин А.А.</i>	214
Справедливый социум: историко-философские основания концепции <i>Князев А.П.</i>	222
Из истории мировых империй и колониальных держав. <i>Экарева И.Л.</i>	229
Постфеминистский этап гендерных исследований <i>Юсупова М.В.</i>	237

СЕМЬЯ И РОДИТЕЛЬСТВО

В.И. Ленин:

роль личности в истории российской семьи

Быстров А.А.

Ленинские принципы построения семьи являлись смешением принципов патриархальной семьи прошлого и семьи будущего в представлении К. Маркса и Ф. Энгельса. Внедрение ленинской концепции в жизнь российской семьи обусловило ее конфликтность и, как следствие, эволюцию в сторону малодетности.
Ключевые слова: брак, семья, свобода любви, марксизм, коммунизм, частная собственность, эмансипация.

Bystrov AA

V.I. Lenin: role of the person in history of the Russian family
The author analyzes principles of interaction of a society and family in V.I. Lenin's concept. The leader of revolution has connected principles of patriarchal family of the past and family of the future in representation of founders of marxism. Similar symbiosis of principles of family construction is the reason of conflicts inside family.
Keywords: marriage, family, freedom of love, marxism, communism, private property, emancipation

Независимо от того, как мы относимся к революционным событиям октября 1917 года – как к «Октябрьскому перевороту» или как к «Великой Октябрьской», мы должны признать выдающуюся роль В. И. Ленина в проведении реформ, на много десятилетий определивших историю нашей страны. Значение его воззрений по тем или иным вопросам было настолько фундаментальным, а сам он был окружен таким ореолом гениальности, что даже произведения Маркса и Энгельса можно было трактовать только в свете теоретических построений В.И. Ленина.

В области брака и семьи такой методологический подход вел к фальсификации марксизма и даже к тому утверждению, что конкретного замысла в отношении брака и семьи при коммунизме у К.Маркса и Ф. Энгельса вовсе не было¹. Между тем, идея марксизма о браке и семье достаточно прозрачна и покоится на трех столпах: 1) устранение частной собственности, предполагающее уничтожение семьи как хозяйственной единицы; 2) замена до-

машнего воспитания общественным; 3) невмешательство общества в отношения полов. В основании такой логически непротиворечивой концепции лежит принцип свободы любви и гармонично связанный с ним принцип равноправия между супругами.

Для того чтобы понять, почему из всей совокупности данных положений в основание новой семейной идеологии после Октябрьской революции был положен только принцип равноправия между супругами, необходимо непредвзято рассмотреть взгляды вождя революции, касающиеся брака и семьи. Начнем с того, что В. И. Ленин, прекрасно понимая, что в одни и те же слова можно вкладывать разный смысл, в своем ответе (1915) товарищу по партии И. Ф. Арманд, употребившей понятие «свобода любви» в черновике своей брошюры, перечисляет основные смысловые значения данного словосочетания: 1) свобода от материальных (финансовых) расчетов в деле любви; 2) свобода от материальных забот; 3) свобода от предрассудков религиозных; 4) свобода от запрета папаша etc; 5) свобода от предрассудков «общества»; 6) свобода от узкой обстановки (крестьянской или мещанской или интеллигентски-буржуазной) среды; 7) свобода от уз закона, суда и полиции; 8) свобода от серьезного в любви; 9) свобода от деторождения; 10) свобода адюльтера. Можно себе представить, с каким удивлением И. Ф. Арманд читала продолжение письма Ильича: «Именно потому, что в современном обществе классы, наиболее говорливые, шумливые и «вверхувидные» понимают под «свободой любви» №№8-10, именно поэтому сие есть не пролетарское, а буржуазное требование. Пролетариату важнее все-

го №№1-2, и затем №№1-7, а это собственно не «свобода любви»².

Таким образом, уже исходная предпосылка построения семьи у вождя революции значительно отличалась от исходного положения классиков марксизма о свободе любви, обозначенного им как «буржуазное требование». В самом деле, слова вождя пропитаны идеей вмешательства общества во внутренние дела семьи, как между супругами, так и между детьми и родителями.

Во-первых, Ильич не приемлет «свободу от серьезного в любви», и тем самым берет на себя труд определять степень серьезности в сфере супружеских отношений.

Во-вторых, вождь не приемлет «свободу от деторождения». Это значит, что после деторождения родители, хотя и свободные от материальных забот (пункт 2), все же несут моральную ответственность перед обществом за воспитание своего ребенка. Ни о какой замене домашнего воспитания общественным, как это представляли себе К. Маркс и Ф. Энгельс, при такой постановке вопроса речь, конечно, не идет. Хотя Ильич и планировал «снабжение всех учащихся пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства»³, однако, он вовсе не имел ввиду замену домашнего воспитания общественным.

В-третьих, разговор вождя революции об адюльтере попросту неуместен в том случае, когда отношение полов касается только заинтересованных лиц.

Приверженность вождя идее вмешательства общества во внутренние дела семьи подтверждает и его беседа с К. Цеткин (1920), во время которой он критиковал теорию «стакана воды», суть которой сводилась к тому, что при коммунистическом общественном

строе вступить в половое сношение «так же просто и незначительно, как выпить стакан воды». Можно ли было называть эту теорию «марксисткой», как полагали некоторые ее приверженцы?

В. И. Ленин считает, что нет, и в этом мы можем с ним согласиться, но только потому, что в марксизме такой постановки вопроса попросту не было. Ф. Энгельс в «Книге Откровение» (1883) только упоминал «любопытный факт»: «в каждом крупном революционном движении вопрос «о свободной любви» выступает на передний план. Для одних это — революционный прогресс, освобождение от старых традиционных уз, переставших быть необходимыми; для других — охотно принимаемое учение, удобно прикрывающее всякого рода свободные и легкие отношения между мужчиной и женщиной»⁴. Никакой нужды противопоставлять две группы людей, границу между которыми в реальной жизни провести невозможно, у классиков марксизма в отличие от В. И. Ленина не было. При коммунистическом общественном строе, как его представляли себе К. Маркс и Ф. Энгельс, и те и другие прекрасно уживаются вместе, поскольку отношения полов являются частным делом.

Точно также сторонники теории «стакана воды» не являлись врагами марксизма в отличие, например, от издателей специальных «декретов» о «национализации» женщин и организации «бюро свободной любви», появившихся во Владимире в 1918 году, и данный факт, кстати, упускался из виду советскими исследователями семьи⁵. Поскольку теория «стакана воды», с одной стороны, предполагала наличие «жажды» у обоих участников процесса и, следовательно, их взаимную склонность,

а с другой стороны, подразумевала свободу от материального расчета, то, по сути, данная теория не противоречила принципу классиков марксизма о свободе любви и никоим образом не была связана с проституцией, то есть с продажной любовью. Невзирая на это, вождь революции усматривает в «новой половой жизни», которую провозглашала теория «стакана воды», разновидность «буржуазного дома терпимости», такая жизнь кажется руководителю государства «чисто буржуазной». Следствием такого весьма необоснованного навешивания ярлыков является следующий вывод вождя: «Все это не имеет ничего общего со свободой любви, как мы, коммунисты, ее понимаем»⁶.

Таким образом, ценностные ориентации вождя революции по вопросам брака и семьи явно не соответствовали «Принципам коммунизма»⁷ по двум позициям из трех, а именно по вопросам вмешательства общества в отношения полов и замены домашнего воспитания общественным. При таком положении вещей было бы удивительным стремление Ильича разрушить семью как потребительскую ячейку общества. И действительно, по вопросу об устранении частной собственности, ставящей членов семьи в зависимость друг от друга, слова В. И. Ленина только на первый взгляд повторяют слова классиков марксизма. Например, вот что писал вождь в работе «Великий почин» (1919): «Настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, *массовая перестройка* его в крупное социа-

листическое хозяйство»⁸. Однако, цель превращения частного домашнего хозяйства в общественную отрасль труда у классиков марксизма не совпадает с целью, которую преследовал вождь революции, говоря о переходе от мелкого одиночного домашнего хозяйства к крупному обобществленному.

Идея К. Маркса и Ф. Энгельса предполагает *полное* уничтожение связанной с частной собственностью зависимости членов семьи друг от друга и уничтожение семьи как хозяйственной единицы. Замысел В. И. Ленина состоит только в том, чтобы устранить неравноправное положение женщины. Поэтому когда Ильич так же, как в вышеприведенном примере, заводит речь о переходе от мелкого хозяйства к обобществленному, он, обязательно подчеркивает освобождение женщины, но никогда не упоминает об уничтожении семьи как хозяйственной единицы⁹.

Следует сказать, что позиция В. И. Ленина по вопросу перестройки семьи отнюдь не являлась временным компромиссным решением между идеалами марксизма и революционной действительностью. Достаточно проследить программные положения РСДРП и РКП (б), разработанные под руководством вождя и при его непосредственном участии, чтобы увидеть различие между социал-демократической – ленинской и марксистской концепциями. Вот касающиеся брака и семьи положения Программы Российской социал-демократической рабочей партии, принятой II съездом РСДРП (Брюссель – Лондон. 1903). Низвержение царского самодержавия и замена его демократической республикой должны были обеспечить:

7. Уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан независимо от пола, религии, расы и национальности [...].

14. [...] Снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства¹⁰.

И это всё. Ни слова об уничтожении семьи, ни слова о замене домашнего воспитания общественным. Никакой смены приоритетов в данном направлении не предусматривал и проект новой программы, который был подготовлен под руководством В. И. Ленина¹¹ комиссией, избранной VII съездом РКП (б). Можно только заметить, что в связи с экспроприацией «награбленного» и ликвидацией границы между бедными и богатыми после Октябрьского переворота вместо «снабжения бедных детей» появилась формулировка «снабжение всех учащихся»¹².

По сути ничего не изменила и вошедшая в окончательную редакцию новой программы, принятой VIII съездом РКП (б), и отнесенная к области народного просвещения поправка А. М. Коллонтай: «Создание сети дошкольных учреждений, яслей, садов, очагов и т. п., в целях улучшения общественного воспитания и раскрепощения женщины»¹³. Такое дополнение к первоначальному проекту прекрасно увязывалось с ленинской концепцией взаимодействия общества и семьи и являлось уступкой со стороны Коллонтай идее сочетания домашнего и общественного воспитания, несовместимой с учением основоположников марксизма. Другая же поправка А. М. Коллонтай к новой программе партии «бороться за исчезновение замкнутой формы семьи» была съездом отвергнута. И добился этого, конечно, В. И. Ленин¹⁴.

Проведенный анализ уже позволяет утверждать, что за комму-

нистической фразеологией скрывалась отнюдь не марксистская сущность проводимых под руководством В. И. Ленина реформ в молодом советском государстве. «Из тех законов, которые ставили женщину в положение подчинения, в Советской республике не осталось камня на камне»¹⁵, — заявлял вождь революции. «Ни одна демократическая партия в мире ни в одной из наиболее передовых буржуазных республик за десятки лет не сделала в этом отношении и сотой доли того, что мы сделали за первый же год нашей власти, — с гордостью писал Ильич в работе «Великий почин» (1919). — Мы не оставили в подлинном смысле слова камня на камне из тех подлых законов о неравноправии женщины, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п. — законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах к позору буржуазии и капитализма»¹⁶. В последнем случае вождь революции подразумевал, прежде всего, Наполеоновский кодекс, запрещающий отыскивание отца родившегося «внебрачного» ребенка. Мать этого ребенка, как и сам «внебрачный» ребенок, по этому кодексу не имели права предъявлять какие-либо требования к отцу.

А причиной гордости Ильича являлся первый Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, принятый ВЦИК 16 сентября 1918 года, согласно которому в том случае, если ребенок рождался вне брака, установление отцовства или, как говорилось в кодексе, «удостоверение отцовства» производилось в судебном порядке. Вот как это происходило. Забере-

меневшая женщина не позднее, чем за 3 месяца до родов, подавала в ЗАГС заявление, в котором указывала время зачатия, имя и место жительства отца. ЗАГС извещал его об этом. Ему предоставлялось право в двухнедельный срок со дня получения извещения возбудить судебный спор против матери о неправомочности ее заявления. Невозбуждение спора в указанный срок приравнивалось к признанию ребенка своим.

На родителей возлагалась обязанность материально содержать своих детей. Причем эта обязанность сохранялась за ними и после расторжения брака. При рассмотрении дел, связанных со взысканием содержания на детей, суд принимал во внимание «как средства и трудоспособность обоих родителей, так и невозможность трудоспособной матери иметь заработок по причине необходимости ухода за детьми или беременности». Родительские права, подчеркивалось в кодексе, должны были осуществляться исключительно в интересах детей, в противном случае суду предоставлялось право лишения матери и отца родительских прав. В кодексе было введено важное положение, действующее и поныне, о том, что лишение родительских прав не освобождает родителей от издержек на содержание детей.

Такие меры Советской власти, уже несовместимые с замыслом классиков марксизма об уничтожении семьи как хозяйственной единицы и замене домашнего воспитания общественным, снимали с повестки дня и вопрос о жизненной необходимости радикальной перестройки быта. Свообразным самобичеванием являлись следующие слова Ильича: «Достаточно ли заботливо относимся мы к росткам коммунизма, уже теперь

имеющимся в этой области? Еще раз, нет и нет. Общественные столовые, ясли, детские сады — вот образчики этих ростков [...], которые на деле способны освободить женщину, на деле способны уничтожить ее неравенство с мужчиной, по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни...»¹⁷.

Но слова оставались только словами, на деле руководитель государства вовсе и не собирался принимать решительных мер для переустройства быта, что видно из следующего выступления вождя: «Мы создаем образцовые учреждения, столовые, ясли, которые освободили бы женщину от домашнего хозяйства [...]. Мы говорим, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, и точно так же и освобождение женщин - работниц должно быть делом самих женщин - работниц. Сами женщины - работницы должны заботиться о развитии таких учреждений, и эта деятельность женщины приведет к полной перемене ее старого положения при капиталистическом обществе»¹⁸.

Причем В. И. Ленин был не одинок в такой постановке вопроса. О необходимости самого широкого контроля со стороны родительских организаций над учреждениями общественного воспитания писали Н. И. Бухарин и Е. А. Преображенский в совместной книге «Азбука коммунизма» (1919)¹⁹, выдержавшей впоследствии более 20 переизданий. И даже уже проявивший незаурядные организаторские и управленческие способности Л. Д. Троцкий (1923), признавая, что «государство еще не может на себя взять ни общественного воспитания детей, ни создания общественных кухонь, которые были бы лучше

семейной кухни, ни создания общественной прачечной, где бы не рвали и не воровали белья», по сути вставал на ленинскую платформу. «Но это вовсе не значит, — писал он, — что наиболее инициативные и прогрессивные семьи не могут группироваться уже сейчас на коллективной хозяйственной основе [...]. Для плановой инициативы сверху вопрос еще не созрел — ни со стороны материальных ресурсов государства, ни со стороны подготовленности самого пролетариата. Сдвинуть дело с мертвой точки можно в настоящий момент только созданием показательных общежитий...»²⁰.

Сегодня можно лишь удивляться, как люди, фактически обособившие правомерность устранения семьи от воспитания²¹, и, видимо, поэтому впоследствии причисляемые к апологетам теории «отмирания семьи»²², могли так недооценивать роль государства в проведении реформ. Тем не менее, подобное отношение руководителя государства и его соратников отодвигало полное обобществление быта на неопределенное время.

В этом плане представляет интерес постановление ЦК ВКП (б) о работе по перестройке быта, принятое 16 мая 1930 года. Оно указывало на «крайне необоснованные, полуфантастические, а поэтому чрезвычайно вредные попытки отдельных товарищей», скрывающих «под «левой фразой» свою оппортунистическую сущность», «одним прыжком» перескочить через преграды, стоящие на пути к социалистическому переустройству быта. «К таким попыткам [...] относятся [...] проекты перепланировки существующих городов и постройки новых исключительно за счет государства, с немедленным и полным обобществлением всех сторон быта тру-

дящихся: питания, жилья, воспитания детей, с отделением их от родителей, с устранением бытовых связей членов семьи и административным запретом индивидуального приготовления пищи и др...». В постановлении отмечалось, что проведение этих вредных утопических начинаний, не учитывающих материальных ресурсов страны и степени подготовленности населения, привело бы к громадной растрате средств и жестокой дискредитации самой идеи социалистического переустройства быта²³.

Можно согласиться с А.Г. Вишневым в том, что в постановлении критиковалась не столько идея полного обобществления быта, сколько преждевременность ее реализации. Обобществление быта в очередной раз как бы отодвигалось в будущее, «сам же тезис о грядущей его коллективизации не ставился под сомнение»²⁴. Однако, уточним, что данное постановление, санкционируя расправу с «левацким загибом» и подменяя идею полного обобществления быта идеей планомерной коллективизации, превращало средство в цель и тем самым уже дискредитировало идею марксизма.

Подводя итог в анализе ленинской концепции семьи, положенной в основу государственной семейной политики Советской России, отметим противоречивость представленных В. И. Лениным принципов семейного строительства:

Во-первых, поскольку семья продолжает свое существование как хозяйственная единица, то в ней совершенно неуместен принцип равноправия между супругами. Если в марксизме основанием равноправия является материальная независимость супругов, то в концепции В. И. Ленина — оди-

наковое материальное положение супругов в семье. Поэтому новый принцип равноправия приходит в столкновение со старым принципом единоначалия в домохозяйстве.

Во-вторых, в семье, в которой родители продолжают нести моральную ответственность перед обществом за воспитание своего ребенка, принцип равноправия между супругами противоречит неразрывно связанному с единоначалием принципу ответственности. Равноправие в данном случае не только значительно осложняет совместную жизнь мужчины и женщины, но и обостряет взаимоотношения между детьми и родителями.

В-третьих, в отличие от марксизма ленинская концепция предполагает не замену, а сочетание домашнего воспитания общественным. Такое разделение ответственности за воспитание юного человека между семьей и государственными учреждениями также нарушает принцип ответственности и порождает легкомысленное отношение родителей к воспитанию потомства. Трагичность такого положения наглядно описала В. И. Шилова (1971): «Семья и школа стоят рядом. Их общая задача обучить и правильно воспитать подростка. Однако, родители подчас сваливают все на школу, заявляя «А что школа смотрит?», а школа, наоборот, предъявляет требование к семье, обвиняя родителей в ненадлежащем воспитании подростка. Это извечное противостояние отражается, прежде всего, на подростке и приводит к тому, что он оказывается между двух огней и в результате сам по себе»²⁵. В результате, обществу в целом найти виноватого в плохом воспитании юного человека становится значительно труднее, чем когда бы то ни было.

Таким образом, ленинские принципы построения семьи являлись крайне неудачным смешением логически последовательных принципов семьи будущего в представлении К. Маркса и Ф. Энгельса и непротиворечивых с точки зрения подчинения принципов патриархальной семьи прошлого. Данная комбинация принципов семейного строительства не просто порождала ситуацию внутрисемейной анархии – фактор нестабильности семейного коллектива, не просто предопределяла кризисную социализацию подрастающих поколений, но и детерминировала снижение заинтересованности родителей в рождении собственных детей.

Контраст между старым и новым порядком взаимодействия общества и семьи наиболее резко бросался в глаза в первые годы советской власти, когда патриархальные традиции окончательно лишились законодательной поддержки со стороны государства, количество алиментных процессов «неизмеримо» возросло²⁶, а семья все еще оставалась сравнительно многодетной. О противостоянии между семьей и школой, о «тяжелых» обвинениях родителей, и отцов и в особенности матерей, против школы писал нарком просвещения А. В. Луначарский (1928): «Они говорят, что школа пренебрегает своей воспитательной ролью, они говорят, что дети растут хулиганами, что они недисциплинированны и с ними невозможно сладить...»²⁷. Но по мере адаптации общества к новым историческим условиям и перехода семьи к малодетности все описанные проблемы постепенно теряли свою остроту. И именно это обстоятельство позволило в дальнейшем говорить не просто о сочетании семейного и общественного воспи-

тания, но даже об их «органическом» сочетании²⁸.

Итак, все беды российской семьи, а именно ее конфликтность и, как следствие, эволюция в сторону малодетности, ведут свое начало от противоречивой концепции одного человека, волею судеб оказавшегося на вершине власти – В. И. Ленина. Но, по мнению автора, было бы ошибочным считать эту историческую личность злым гением российской семьи. У вождя революции перед судом истории есть оправдание.

Безусловно, В. И. Ленин был борцом за эмансипацию женщины, но уже до того, как он смог принимать ответственные решения в жизни страны, сложились определенные исторические условия. Не анализируя здесь подробно разрушительную для устоев традиционной иерархичной семьи политику российского государства, только укажем, что появлению новой семьи, в которой, с одной стороны, принцип подчинения жены мужу фактически уже замещен принципом равноправия супругов, с другой стороны, принцип подчинения детей родителям поставлен под сомнение, предшествовали конкретные законодательные акты.

И уже до того, как к власти пришла партия большевиков, П.П. Блонский (1917), описывая отношения между супругами в этой новой семье, отмечал следующие негативные, по его мнению, моменты: «муж не имеет никаких гарантий против жены – паразита, жена не обязана участвовать в издержках семьи и, в противоположность мужу, она избавлена, даже при средствах, от обязанности содержать потерявшего трудоспособность мужа»²⁹. Изменение в отношениях между супругами, естественно, отражалось и на про-

цессе воспитания детей. В отличие от патриархальной семьи, характеризующейся, как писал П. - П. Блонский (1916), «неограниченной властью родителей над детьми и безусловным первенством отца перед матерью», в новой семье фактическим организатором «все чаще и чаще является не отец, но мать или родители как равноправные величины, причем обычно в жизни приходится говорить не столько о родительских правах, сколько о родительских обязанностях в смысле воспитания детей»³⁰. Этот социокультурный поворот от патриархальной семьи, в основании которой лежал провозглашаемый официальной церковью принцип подчинения жены мужу, а детей родителям, к новой семье, в которой отношения власти между супругами, между родителями и детьми уже размыты, произошел, по мнению П. П. Блонского, на рубеже XIX и XX веков. Другими словами, В. И. Ленин оказался во главе государства, которое вовсе не находилось в неподвижном состоянии, но уже достаточно быстро двигалось в сторону уничтожения буржуазной семьи³¹. Это, во-первых.

А, во-вторых, еще неизвестно, смогло бы государство преодолеть некоторые нюансы, связанные с этим радикальным изменением, которого так и не произошло. Мы имеем в виду заразные заболевания, связанные со свободой любви. Именно этот нюанс заставлял, например, П. Ж. Прудона (1846) дистанцироваться от коммунистов: «Общность женщин — это организация заразы. Прочь от меня коммунисты! Ваше присутствие для меня зловоние и ваш вид мне омерзителен!»³². Со времен Г. Уэллса (1923), радикально решившего проблему инфекционных заболеваний в параллельном мире своего романа «Люди как боги»,

кардинальных изменений в реальной медицинской практике нет и, увы, пока не предвидится. Сколько продлится этот «Век Хаоса» и «эпоха варварства», говоря словами Г. Уэллса, никто не знает. Судя по приведенным выше словам В. И. Ленина о разновидности «буржуазного дома терпимости», он прекрасно отдавал себе отчет в неподготовленности государства и общества к внедрению модели брака и семьи, пропагандируемой основоположниками марксизма. А раз так, то из двух зол, а именно — конфликтной семьи и превращения общества в один венерический диспансер, В. И. Ленин выбирал меньшее.

Примечания:

1 Быстров А. А. Концепция семьи: марксизм и советская социологическая школа // Социол. исслед. 2006. №11. С. 73-81.

2 Ленин В. И. И. Ф. Арманд // Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 49. Письма. Август 1914 — октябрь 1917. М., 1975. С. 52.

3 Ленин В. И. Материалы по пересмотру партийной программы // Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 32. Май — июль 1917. М., 1981. С. 155.

4 Энгельс Ф. Книга Откровение // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21. М., 1961. С. 8.

5 Харчев А. Г. Семья в советском обществе. Л., 1960. С. 66-67.

6 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Т. 5. Воспоминания зарубежных современников. М., 1984. С. 45.

7 Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. М., 1955. С. 336-337.

8 Ленин В. И. Великий почин // Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 39.

- Июнь – декабрь 1919. М., 1981. С. 24.
- 9 Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. // Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 37. Июль 1918 – март 1919. М., 1963. С. 186;
- Ленин В. И. К Международному дню работниц // Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 40. Декабрь 1919 – апрель 1920. М., 1981. С. 193; Ленин В. И. Международный день работниц // Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 42. Ноябрь 1920 – март 1921. М., 1963. С. 369.
- 10 Программа Российской социал-демократической рабочей партии. Принята II съездом РСДРП (Брюссель – Лондон. 17(30) июля – 10(23) августа 1903 г.) / КПСС. Программы и Уставы КПСС. М., 1969. С. 23-24.
- 11 Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. Восьмой съезд РКП (б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959. С. VIII, 115.
- 12 Там же. С. 381.
- 13 Там же. С. 115-116, 401.
- 14 См. Ваксберг А. И. Валькирия Революции. Роман. М., 1997. С. 240.
- 15 Ленин В. И. И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике. Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. // Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 39. Июнь – декабрь 1919. М., 1981. С. 199.
- 16 Ленин В. И. Великий почин / // Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 39. Июнь – декабрь 1919. М., 1981. С. 23.
- 17 Ленин В. И. Указ. соч. С. 24.
- 18 Ленин В. И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике. Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. // Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 39. Июнь – декабрь 1919. М., 1981. С. 202.
- 19 Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы Российской коммунистической партии. Харьков, 1925. С. 174.
- 20 Троцкий Л. От старой семьи – к новой // Правда. 1923. №155. Пятница 13 июля. С. 2.
- 21 Бухарин Н., Преображенский Е. Указ. соч. С. 173; Троцкий Л. Указ. соч. С. 2.
- 22 Светлов В. Брак и семья при капитализме и социализме. М., 1939. С. 5, 89.
- 23 Коммунистическая Партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 9-е изд., доп. и испр. Т. 5. 1929 – 1932. М., 1984. С. 118-119.
- 24 Вишневский А. Г. Семья без подпорок // Экономика и организация промышленного производства. 1989. №8. С. 136.
- 25 Шилова В. И. Правонарушение подростка можно предупредить. Л., 1971. С. 12.
- 26 Луначарский А. В. О воспитании и образовании. М., 1976. С. 293.
- 27 Луначарский А. В. Указ. соч. С. 270. См. также С. 217, 265.
- 28 Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС (Москва, 17-31 октября 1961 г.) / КПСС. Программы и Уставы КПСС. М., 1969. С. 203.
- 29 Блонский П. П. Введение в дошкольное воспитание. М., 1917. С. 113.
- 30 Блонский П. П. Курс педагогики. М., 1916. С. 240-241.
- 31 Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1955. Т. 4. С. 443.
- 32 Сюдэр А. История коммунизма / Пер. с фр. – СПб., 1870. С. 365.

Влияние потребительского поведения на институт семьи

Голова А.Г.

Потребительские практики становятся источником конфликтов в семье, коммерческие предложения потребительского рынка замещают функции как семейного проживания, так и института семьи в обществе. Субъект управления формирует новые установки, ориентированные на индивидуализм и гедонизм, которые обеспечивают активность потребительского поведения, и при этом не содействуют созданию и упрочнению семейных отношений.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, функции семьи, поведение потребителей, управление, интенсификация потребления, конфликты, девиантное поведение, холостой образ жизни, эгоизм, гедонизм, досуг, реклама, городская среда.

Golova AG.

Effect of the consumer behavior on the institute of family. Consumerist practices become a source of conflicts within the family. The subject of the control forms new values - individualism and hedonism, its are triggering the active consumerist behavior and not supporting the family relations.

Keywords: family, family values, activities, consumer behavior, management and control, intensification of the consumption, conflicts, deviant behavior, single lifestyle, egotism, hedonism, leisure activity, advertising, the megalopolis environment.

Процесс дестабилизации института семьи в современном обществе отмечают как отечественные, так и зарубежные социологи. «Семья уже подготовлена к распаду» - назвал главу в своей книге Дж. Джекобс¹ еще в 1961 году. По данным Госкомстата, выпустившего статистический сборник «Семья в России 2008», количество разводов в России неуклонно растет в среднем на 2% в год. Особая динамика семейных отношений проявляется в мегаполисах, в частности, в Москве. Если провести расчеты по отношению количества семейных людей к одиноким, то в целом по стране коэффициент по населению будет 6.5, а по числу домохозяйств 2.6, в Москве соответственно 3.04 и 1.7. Иначе говоря, если по России приблизительно на шесть человек семейных встречается один одинокий, то в Москве одинокий - каждый третий. Относительно больше в Москве и одиноких матерей (по России - 3.65, по Москве - 4.37).

Одни авторы видят историческую обусловленность изменений семейных отношений², вторые определяют причиной урбанизацию

и особенности городского образа жизни³, третьи - индустриализацию⁴. Частично эти подходы объясняют состояние семьи и брака в Москве. Новый ракурс дает изучение последствий развития системы управления потребительским поведением, искусственно интенсифицирующая потребление. По мнению С. Зуева, «на наших глазах происходит формирование нового языка управления, фокусом влияния которого является стиль и образ жизни больших групп населения в разных странах. Начиная с 1980-х гг., можно наблюдать превращение культурных технологий в эффективный инструмент нового поколения управленческих технологий»⁵.

Современная система управления потребительским поведением включает в себя не только рекламу, СМИ, но и продукты культуры, визуальную, социальную и коммуникационную среду. К управленческим технологиям можно добавить экономическую, культурную и социальную политику. Субъект управления представляет собой совокупность производителей продукта (товара /услугу), его реализаторов (продавцов), организаций, обеспечивающих информационную поддержку товародвижения или дополнительную капитализацию продукта (СМИ, производители культурных или духовных продуктов, интегрирующихся с другими формами товаров или услуг), а также государственные структуры, регулирующие отношения правовыми и административными способами.

Воздействие этой системы на семейные отношения происходит на разных уровнях. На уровне межличностных взаимодействий результатом развития управления потребительским поведением становятся увеличение числа конф-

ликтов, возникающих в семьях из-за различных потребительских предпочтений и практик⁶. Конфликты могут быть как межпоколенческими, так и между супругами или детьми. Они могут быть локальными, кратковременными, постоянными.

На следующем уровне межличностные взаимодействия внутри семьи заменяются взаимодействиями в рамках общественного разделения труда и переходят в разряд межгрупповых, поскольку индивид становится частью группы потребителей какого - либо продукта или услуги. Это связано с развитием потребительского рынка, который принимает на себя функции, традиционно относящиеся к функциям семейного проживания. Структуры потребительского рынка обеспечивают индивидуума всем жизненно необходимым⁷: от защиты и безопасности до снабжения товарами и услугами, удовлетворяющими любую потребность. Полуфабрикаты, химчистки, салоны красоты, вызов домашнего мастера, подключение к системе платной охраны - все виды работ, которые традиционно распределялись между членами семьи и которые ныне можно решить в одиночку. Решение эмоциональных проблем, связанных с неудовлетворенными социальными или духовными потребностями, можно найти через платную услугу у психолога. Проводя время в публичных пространствах (парки, торговые залы, помещения общепита и т.д.), которые в большей степени перешли на коммерческую основу, человек решает проблемы досуга, отдыха, общения (даже снимает стресс), приобщается к определенным культурным нормам.

С целью стимулирования потребительского поведения на рынке создаются все новые предло-

жения, которые влияют на семейные традиции и практики. Чтение на ночь детям заменяется прослушиванием аудиокниг, совместные настольные игры – компьютерными с виртуальными партнерами. Например, всего четыре года тому назад сеть ресторанов быстрого питания «Макдоналдс» в России провела рекламную кампанию готовых завтраков в кафе. Сейчас такую услугу предлагают многие кафе и рестораны. В результате уходит в прошлое еще одна традиция – семейные завтраки.

Другую важнейшую функцию семьи – социализацию детей – можно обнаружить в системе управления потребительским поведением. Она создает образцы для подражания и модели поведения, интегрирует их в общество, как через систему коммуникации, так и через нормы поведения в публичных пространствах. Институты социализации, например, система образования, переходят на коммерческие основы, и становятся компонентами управления потребительским поведением, поскольку производят потребляемую услугу и заинтересованы в собственных потребителях.

По мнению социологов, «новые коммуникационные возможности, созданные человеком, выходят из-под его контроля. Анонимные силы ведут широкую воспитательную деятельность и ставят воспитательные эксперименты»⁸. Упомянутый воспитательный эксперимент касается, в том числе, создания *активного и контролируемого* потребителя, в котором заинтересована экономика. Система моделирует собственный «идеальный» тип личности и программирует индивидуума на определенный образ жизни.

Во-первых, субъект управления потреблением заинтересован в оди-

ноко проживающих гражданах. В таком случае на хозяйственные нужды необходимо в два раза больше предметов (например, бытовой техники), чем, проживающих в семье⁹ и при этом, исследования показывают, что именно одинокие индивидуалисты более активны и тратят больше денег на развлечения¹⁰.

Стоимость потребительских товаров, которые покупают европейские холостяки обоих полов в возрасте от 25 до 60 лет, составляет сейчас 140 млрд. евро в год. В 2003 г. Британская компания Datamonitor провела исследование и выяснила, что холостые англичане тратят на потребительские товары в два с лишним раза больше, чем их семейные ровесники. Например, «каждый одинокий англичанин 35-49 лет тратит около 4,5 тыс. евро в год на потребительские товары. А их семейные ровесники не больше 2 тыс. евро в год»¹¹. По прогнозам аналитиков европейских маркетинговых компаний, в ближайшее время не обремененные семьей граждане ежегодно будут покупать на 7% больше. Интересны одинокие и рынку общественного питания. «По данным компании «Комкон», в московских ресторанах все чаще можно встретить людей, которые приходят туда без особых поводов, практически каждый день и зачастую в одиночку. Такие посетители знают толк в хорошей кухне и могут позволить себе потратить на обед \$50 и больше. Как правило, это холостяки среднего возраста, социально успешные люди»¹². Ведется пропаганда холостой жизни разными способами, в том числе через рекламные образы и СМИ. Так, журнал «People» (издаваемый и в России) с 1999 г. публикует списки самых знаменитых холостяков.

Во-вторых, как потребители, весьма активны люди нетрадиционной сексуальной ориентации. Они включены в самые различные потребительские практики. «Мода на геев и квир-культуру стала маркером вхождения буржуазного общества потребления в его постиндустриальную фазу», - считает С.Н. Некрасов¹³.

Заработки этой группы выше средненациональных показателей на \$10-15 тыс. Они чаще покупают одежду, проводят отпуска за границей, ходят в рестораны и бары, посещают гимнастические залы, причем, стремятся покупать более дорогие товары¹⁴. Гомосексуальные потребители США ежегодно тратят 700 млрд. долл.¹⁵ Во всем мире их около 80 млн. Реклама воздействует и на другие группы населения, пробуждая интерес к нездоровому образу жизни.

Популяризация нетрадиционной сексуальности становится одним из факторов, разрушающих основы семейных отношений. Формируется некий космополитичный потребитель, который встроен не в систему семьи, национального государства, а в «систему мировой экономики».

В-третьих, на самом глубинном уровне, именно система управления потребительским поведением меняет ценностные ориентации населения, развивая индивидуализм, эгоизм, гедонизм. Интегрируясь в рекламные коммуникации, слова эстетизируются, искажается их первичный смысл. Слово «эгоист» потеряло отрицательный оттенок, стало популярной торговой маркой. Популярен мужской одеколон «Эгоист», в Москве есть сеть магазинов мужской одежды салон красоты, с таким названием, есть кафе бар и «Эгоист Голд», вышел фильм «Эгоист»

(2008) и издается газета «Speed эгоист» под лозунгом «Газета для настоящих мужчин!».

Среди новых поведенческих практик – шопоголизм, который не только вызывает конфликты в семье, но и трансформирует личность. Английские социологи, проведя опрос 40 тыс. человек, выявили связь между шопоголизмом, вредными привычками и *супружескими изменами*. Оказалось, что «более 50% тех, кто импульсивно тратит деньги, несдержанны и в других сферах деятельности»¹⁶, в том числе они курят, передают и изменяют супругам. Гиперактивный потребитель вызывает решать моментально свои эмоциональные проблемы и получать удовольствие, не задумываясь о последствиях, что, в конце концов, сказывается на семейных отношениях. Исследование ученых из Стэнфордского университета показало, что ониоманией страдает около 17 млн. американцев, причем мужчины и женщины в равной пропорции¹⁷. По последним данным, в Австрии 30% населения страдает этой проблемой, причем во время кризиса в 2009 г. процент таких людей возрос на 2%¹⁸. 48% подвержены этому люди в возрасте от 14 до 24 лет, то есть молодежь, которой только предстоит вступать в семейные отношения.

С целью интенсифицировать потребление любыми способами система управления формирует отношение к шопоголизму как к вполне нормальной и даже забавной черте характера, как к феномену культурной жизни. Регулярно публикуется информация об известных персонах, бездумно тратящих огромные суммы и признающих себя «шопоголиками»; вышел художественный фильм «Шопоголик», серия книг про шо-

поголика С. Кинселы и т. п. Таким образом, формируется мода на шопоголизм в виде особой гламурной жизни.

Помимо эгоизма, эмоциональной несдержанности, потаканию импульсивным желаниям система управления потребительским поведением развивает инфантилизм, стремление постоянно развлекаться. С этой точки зрения хотелось бы остановиться на феномене досуга, который часто представляется как фактор укрепления семейных отношений, но который может играть негативную роль в обществе. Апологеты игровой культуры требуют «отказаться от устоявшегося стереотипа противопоставления игры и труда» и считать «игру движущей силой культурогенеза»¹⁹. С другой стороны, внедрение игровой и праздничной культуры является инструментом воздействия на человека и активизации потребления. Приучившись постоянно находиться в атмосфере праздника, индивид, лишенный подобных эмоций, скучает, начинает тянуться туда, где предлагают компенсацию, т.е. в магазин. Современная индустрия развлечений не просто удовлетворяет потребность в отдыхе и рекреации, она создает иллюзию праздника и игры.

Развитие игр (которые используются в продвижении товаров) и массовых праздников имеет то общее, что теряется грань между реальностью и игрой. Поэтому в современной России популяризируются потребительские праздники, к которым надо делать покупки: Новый Год, Рождество, Пасха, 8 Марта, 23 февраля. Прижился день Святого Валентина, позволяющий стимулировать потребление в промежутке между Рождественскими и Пасхальными распродажами. Интересен Хэллоуин актив-

ной продажей аксессуаров и костюмов, поддерживаемых игровыми ритуалами. А вот праздники без включения потребительского элемента не пользуются популярностью - День Конституции или День семьи. Филипп Мюрэ говорит об интеграции праздника в повседневность и называет современную культуру «гиперфестивальной»: «проведение всевозможных праздников... стало трудовой деятельностью нашей эпохи и ее главным открытием»²⁰. Национальные праздники приравниваются по значимости к международным фестивалям, и становятся программой развлечения и отвлечения от социальных проблем. Праздник - не только временный уход от реальности²¹, но и подмена устойчивых межличностных отношений ситуационными и имитационно-игровыми, что не допустимо в семейных структурах.

Внедрение игровой культуры, выгодной экономической системе, в разных формах ее проявления становится дополнительным фактором негативного влияния на семью.

Управление потребительским поведением выходит за рамки экономического дискурса, забирая на себя целый ряд социальных функций, в том числе социализации и воспитания, которые выполняла семья, тем самым уменьшая роль семьи в социуме. Решая вопросы экономического развития, система насаждает нетрадиционную сексуальную культуру, моделирует девиантное поведение в виде ониомании, интегрирует игровую развлекательную культуру в бытовую. Современные управленческие технологии позволяют не только проектировать, но и программировать определенное поведение и даже образ жизни, причем приоритеты отдаются параметрам, не

содействующим семейному проживанию. Управление потребительским поведением влияет на нормы, значения, ценности общества, на глубинные основы культуры, благодаря чему многие деструктивные процессы в обществе становятся необратимыми.

Процессы разрушения семейных ценностей происходят не естественным путем, а интенсифицируются, благодаря политике властей, находящихся в альянсе с крупным капиталом. Объясняется это задачами по росту ВВП, который напрямую зависит от потребительского поведения людей.

Проблема контроля над системой управления потребительским поведением находит освещение у различных авторов. Признается, что либеральное общество отвергает любые формы ограничения потребностей (например, вера в бога или непотребительский стиль жизни) и даже начинает бороться со структурами или идеями, призывающими к ограничению потребностей, как только эти идеи становятся сколько-нибудь значимыми для масс²². То есть прогнозируется увеличения влияния на социум системы управления потреблением. Экономический кризис повышает роль потребительского поведения в системе общественных отношений. Поэтому антикризисной программой во многих странах становится активизация внутреннего спроса, что опять вызовет давление на все общество и его институты, в том числе и институт семьи.

Ссылки:

1 Джекобс Дж. Закат Америки. Впереди Средневековье. М.: Издательство Европа, 2006. - 264 с.

2 Антонов А.И. Сорокин С. А. Судьба семьи в России 21 века. Размышление о семейной полити-

ке, о возможностях противодействия упадку и депопуляции. М., 2000; Черняк Е.М. Социология семьи. М., 2005; Любимова А.Б. Статус семьи: социально философский аспект. Н. Новгород, 1998.

3 Выводы лонгитюдного исследования Middletown I (1929) Middletown II (1935) Middletown III (1977) и Middletown IV(1999) // Мужерджи Ч., Шадсон М. Новый взгляд на поп-культуру // Sociologist,s Warehouse // <http://sociologist.nm.ru>.

4 Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.

5 Зуев С. Новый культурно-экономический курс? // Российское экспертное обозрение // www.rusrev.org.

6 См.: Вдовина М.В. Регулирование межпоколенческого конфликта в российской семье. М., 2009.

7 Вдовина М.В. Регулирование межпоколенческого конфликта в российской семье. М., 2009. С.88.

8 Луков В.А. Воспитание и глобализация: Проблемы социологии воспитания. М., 2007. С.43.

9 LovinGOD Уничтожить семейные ценности поможет ... реклама? // RBCDaily.ru. 12 май 2009.

10 Ганнушкина С. Лавринович Н. Ставка на одиноких // МД. Ресторан. FoodService: 2003 №10 (30) октябрь // www.restcon.ru.

11 Федорова Л. Семью скоро окончательно отменят. RBC daily 2009.15.05 // www.rbcdaily.ru.

12 Сколько тратит Россия. Раздел 2. Питание. Совместный проект телекомпании REN TV, аудиторско-консалтинговой компании ФБК и газеты «Ведомости» Москва 2004 // www.fbk.ru.

13 Некрасов С.Н. Пост-гей и конец квир-культуры как дискурсивный упадок постиндустриализма // <http://tevrizskii.livejournal.com> (16.09.2009)

14 Зубов Н. Гей реклама: по любви, но за деньги // Власть.1997. №25 (231).

15 В Америке пройдет акция протеста гей-активистов “День без гея” // GEYRUSSA 2008 09.12.

16 Шопоголики изменяют чаще? // Passion.ru

17 Men, Women Have Similar Rates Of Compulsive Buying, Stanford Study Shows// ScienceDaily (Oct. 6, 2006) [Эл. ресурс]URL <http://www.sciencedaily.com/releases/2006/09/060930094011.htm>

18 Почти треть австрийцев страдают шопоголией – опрос // РИА новости. 2009. 20 декабря.

19 Попова В.Н., Шумихина Л.А. Трансформация форм праздничной культуры: игровой аспект // Известия Государственного уральского университета . - 2008 №55 – С. 25- 33

20 Мюрэ Ф. После истории. Фрагменты книги / Пер. с фр. Н.Кулиш // Иностр. лит. 2001. № 4.

21 Попова В.Н., Шумихина Л.А. Трансформация форм праздничной культуры: игровой аспект // Известия Уральского государственного университета. – 2008. – № 55. – С. 25-33.

22 Крылов К. Жестяной барабан. О механизме легализации мнений на Западе // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста: Сб.- М., 2004. С 224-227

Ценностные ориентации молодежи г. Тольятти

Горбачева Н.Б.

В статье рассматривается роль семьи в процессе формирования семейных ценностей подрастающего поколения. Автор знакомит с результатами социологических исследований, проведенных в 2008 и 2009 гг., на основе чего характеризует роль межпоколенного взаимодействия для современных подростков в становлении приоритетных ценностных установок.

Ключевые слова: ценности, молодежь, поколения, семья, родители.

Gorbacheva N.B.

Value orientations of young people of Togliatti

In the article the role of family is examined in the process of forming of domestic values of rising generation. An author acquaints with the results of sociological researches, conducted in 2008 and 2009 years, on the basis of what characterizes the role of interaction among the generations for modern youth in becoming of the priority valued options.

Keywords: values, youth, generations, family, parents.

Для того чтобы определить степень влияния старшего поколения на процесс формирования ценностных ориентаций молодежи, пути влияния на ситуацию в сфере социального обучения и воспитания подростков в феврале 2008 г. и в мае 2009 г. сотрудниками кафедры социологии Тольяттинского государственного университета были проведены исследования. Объектом служили молодые люди от 13 до 21 года. В исследовании 2008 г. опрошено 489 юношей и девушек г. Тольятти Самарской области, из них 31,5% – 13-15 лет и 68,5% – 16-19 лет. В квотную целевую выборку включены учащиеся 5 средних общеобразовательных школ (201 школьник), 3 колледжей (186 учащихся) и 2 вузов (102 студента) Тольятти. В исследовании 2009 г. участвовали 57% учащихся 9-11 классов шести средних общеобразовательных школ и 43% студентов 3-4 курсов двух вузов Тольятти. Ошибка выборки в каждом исследовании составляет 5%. Данные обрабатывались с помощью программы SPSS. Исследуемая категоризация возрастов позволяет распространить данные анкети-

рования на старшеклассников города и студенческую молодежь. Полученные данные позволяют сравнить и проанализировать определение ценностных ориентаций подрастающего поколения г. Тольятти в аспекте межпоколенных взаимоотношений.

Одна из задач исследования – установить степень влияния образования родителей молодых людей на их сознание и поведение. Как показало исследование 2008 г., высшее образование имеют 54,4% матерей и 46,8% отцов опрошенных. Среднее специальное получили 40% матерей и отцов подростков. Серьезно думающие о будущем молодые люди рассматривают образование как важнейший фактор своей жизни, что подтверждают ответы опрошенных на вопрос «Ваши планы на будущее?»: 69,8% – окончить школу как можно лучше и поступить в вуз (76,8% школьников 13-15 лет), 17,8% – стать специалистом после окончания техникума или вуза (20,2% респондентов 16-19 лет) и лишь 6,8% – после школы получить рабочую профессию. По Эриксо-ну, на данном этапе развития личности происходит становление индивидуальности – идентификация, где юноша или девушка должны решить вопрос о дальнейшей учебе в институте найти подходящую работу, выбрать спутника жизни.

Как подтверждают данные опроса, проведенного в 2008 г. ВЦИОМом среди 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России, высшее образование обеспечивает успешную карьеру и облегчает достижение жизненных целей, как считает подавляющее большинство (76%) россиян.

Результаты анализа за 2009 г. показали практически одинаковые

данные по двум категориям образования родителей: высшего и среднего специального. 47,1% отцов имеет среднее специальное образование, а количество матерей – на 7% меньше. У 40,6% респондентов отцы имеют высшее образование, матери – у 48,6% молодежи. Среднюю школу окончили только 6,3% отцов и 4,5% матерей.

Таким образом, образование на сегодняшний день является одним из показателей ценностных ориентаций молодежи через образовательный статус родителей.

Интерес представляет наличие новых акцентов в определении групп влияния на молодежь. По-прежнему авторитетной остаются позиции матери (88,9%) и отца (74,5%). Прислушиваются к мнению друга или подруги (61,1%). Одна четвертая опрошенных в 2008 г. прислушивается к словам братьев, сестер, педагогов. Показательно, что меньше половины респондентов пытаются доказать свою правоту в конфликте и требуют, чтобы семья чаще прислушивалась к их собственному мнению. Практика показывает, что 72% опрошенных респондентов участвуют в конфликтах, что говорит о демократичных межпоколенных отношениях в семье. Однако молодые люди, несмотря на разногласия с родителями, «очень любят» их (63% подростков), а 22% – «хорошо относятся» к ним.

Как следует из полученных данных за 2008 г., в подростковом возрасте почти 70% респондентов считают себя общительными, делятся нюансами своих взаимоотношений с матерью, подругой или другом. Подростки считают, что у них «сильно развито чувство собственного достоинства», что нужно учитывать агентам социализации. Отношения взаимозави-

симости поколений отошли в далекое прошлое, уступив место отношениям взаимного доверия и уважения, что подтверждают данные исследования 2009 г. На вопрос «Как Вы оцениваете общение с вашими родителями?» больше половины молодых респондентов (53,7%) отвечают «обычно мне интересно». Конечно, родители должны уметь оказать психологическую и моральную поддержку в трудный момент подростку. Это возможно в условиях взаимного доверия между детьми и родителями. Менее половины опрошенных (41,9%) заявили, что им «иногда интересно, иногда нет», скорее всего, это зависит от темы разговора, от терпеливости подрастающих детей и от умения родителей заинтересовать своих детей беседой. И лишь некоторым респондентам (4,4%) при разговоре с родителями «часто бывает скучно» или считают, что им вообще с ними и не о чем говорить.

В исследовании 2009 г. была поставлена задача изучить степень влияния коммуникативной функции на частоту обсуждения молодежи с родителями события в стране и в мире. Современный человек должен знать, что происходит в стране, чем руководствуются политические деятели в принятии того или иного решения, уметь обоснованно критиковать их поступки, прогнозировать последствия событий. Результаты анкетирования показали, что более половины (57,7%) респондентов иногда обсуждают важные события мирового масштаба. А четвертая часть опрошенной молодежи постоянно в курсе разноплановых событий, как в нашей стране, так и за рубежом, регулярно обсуждают их со своим родителями.

Существует небольшая доля респондентов (15,7%), которая

практически никогда не говорит с родителями о происходящих изменениях в мире. Не исключено, что эти юноши и девушки в курсе исторических событий в нашей стране, на которые у них есть свое мнение. Следующие данные показали, что, скорее всего именно эта часть опрошенных (14%) затруднилась ответить на вопрос «Находят ли взаимопонимание молодые люди с родителями при обсуждении событий в нашей стране и в мире».

Частота обсуждений событий в стране и в мире зависит от возрастной категории респондентов. Молодежь в возрасте старше 18 лет на 7% чаще, чем юноши и девушки в возрасте 16-17 лет, обсуждает с родителями политические и экономические новости.

С наибольшей частью опрошенных молодых тольяттинцев родители частично или полностью соглашаются при обсуждении происходящего в мире или в России. Каждый человек имеет свою точку зрения, но при рассуждении она может оказаться ошибочной, поэтому очень важно научиться прислушиваться к мнению другого и находить компромисс. Необходимо учитывать, что различные реформы в политике и экономике не должны стать камнем раздора между членами семьи.

Результаты исследования 2009 г. показали: юноши и девушки, которые регулярно обсуждают с родителями события в стране и в мире и достигают взаимопонимания, чаще, чем другие, оценивают общение с ними как интересное.

В исследовании 2009 г. выделены следующие часто затрагиваемые темы общения между родителями и подрастающим поколением:

- учебные дела подростка (65,5%), что говорит о социальном

контроле родителей по отношению к институту образования;

- хозяйственно-бытовые проблемы (57%), куда входят покупки и распределение семейных обязанностей; при участии всех членов семьи в разрешении домашних проблем позволяет детям познать трудности бытовой жизни и в будущем самостоятельно и безбоязненно выходить из различных житейских ситуаций;

- выбор будущей профессии, что актуально для молодых людей и при окончании школы и в процессе обучения в институте.

Темы общения, в которых находят отражение семейные ценности: планы на ближайшие выходные, отношения с родственниками, обсуждение книг и фильмов, распределение семейного бюджета занимают вторую половину рейтинга.

Современные подростки, родители которых получили высшее образование, чаще общаются с родителями по поводу прочитанных книг и просмотренных фильмов, чем молодые люди, чьи родители имеют более низкий образовательный статус. Значит, образованность позволяет расширить кругозор интересов личности и найти общий язык между членами семьи.

Опрос молодого поколения в 2009 г. показал, что дружеские отношения сохраняются в семьях, где родители и дети общаются более двух часов. Юноши и девушки, которые обсуждают с родителями взаимоотношения с друзьями, прочитанные книги, просмотренные фильмы, покупки, учебные дела, планы на ближайшие выходные, выбор профессии, чаще считают свою семью дружной.

Таким образом, межпоколенное общение в семье решает насущ-

ные проблемы молодежи и способствует развитию социально-культурной личности.

В то же время остаются трудности «переходного возраста», ибо 62,4% участников анкетирования 2008 г. достаточно неопытны и непоследовательны в своих действиях («умеют отвечать за свои поступки, но не всегда думают о других в момент принятия решения»); подростковый максимализм подтверждается вариантом ответа «пытаюсь доказать свою правоту» в ситуации при конфликтной ситуации между родителями и подростками.

Несмотря на различного рода разногласия между двумя поколениями для молодых людей важен не столько результат семейных дискуссий, сколько их процесс, так как 63% респондентов «очень любят» своих родителей, а 22% «хорошо относятся» к ним.

Исходя из исследования 2009 г., почти 70% молодых людей утверждают, что у них хорошие отношения между всеми членами семьи. Четверть респондентов указывает на хорошие отношения только с одним из родителей. Своей жизнью живут 8% молодых тольяттинцев.

Оценка отношений в семье зависит от материального положения. Юноши и девушки из семей с высоким достатком чаще, чем другие, считают свою семью дружной. Подростки из семей со средним уровнем благосостояния отмечают, что отношения с одними членами семьи лучше, чем с другими. Молодежь из семей с низким достатком чаще отмечает, «в нашей семье каждый сам по себе».

Сотрудничество и умение находить компромисс характеризует демократический стиль воспитания в семье, что формирует у личности чувство собственного досто-

инства и адекватное представление о себе.

Хорошие отношения между всеми членами семьи складываются в семьях, в которых подрастающее поколение ценит образование (52,4%), здоровье (70,6%), хорошие отношения в семье (64,9%). Родители, которые умеют найти общий язык с подростком, оказывают наибольшее влияние на жизненные ценностные ориентации молодежи, у которой на первом плане стоят: здоровье; хорошие отношения в семье; хорошие, здоровые, умные дети.

Хочется отметить, что в иерархию жизненных ценностей сегодняшней молодежи входят: здоровье (67,2%), хорошие отношения в семье (61,2%), что немаловажно для эмоционального равновесия человека; любовь (60,0%), без которого тяжело жить. Более половины (57,3%) опрошенных респондентов которые уже задумываются о создании семьи и будущем потомстве отмечают наличие здоровых и умных детей. Не менее значимая ценность для подрастающего поколения – материальный достаток (51,2%).

Школьники среди критериев жизненных ценностей чаще выбирают «образование» и «умение быть современным». Студенты чаще отмечают собственное жилье, хорошие отношения в семье, интересную работу. Результаты говорят о том, что выбор жизненных ценностей зависит от возрастных особенностей и присутствия решаемых задач в данных период жизни.

В нашем исследовании был ряд вопросов, по ответам которых можно сделать вывод об отношении молодежи к учебе, о характере взаимоотношений учащихся и преподавателей: 53,1% учащихся отметили, что им легко учить-

ся и общаться со школьными педагогами, что подтверждает данные об авторитетности последних. Вместе с тем четверть респондентов подчеркнули, что их успехи скромные, их часто критикуют. О наличии проблем в обучении и взаимодействии с наставниками сообщили 7,5% опрошенных, которые, по их признанию, учатся неважно, а учителя их недолюбливают. Еще 4,8% отмечают: «Меня часто ругают за то, что я пропускаю занятия». Для сравнения: почти столько же (5%) учащихся поощрялись грамотами и ценными подарками. Как «очень положительные» взаимоотношения с преподавателями оценили 8% опрошенных, как «положительные» – 51,3%, нейтральные позиции занимают 29,4%, «отрицательными» считают эти взаимоотношения лишь 2,9% опрошенных, «очень отрицательными» – 1,2%, затруднились ответить 5,7%. Таким образом, в целом межпоколенное взаимодействие в учебных заведениях достаточно конструктивное.

Актуальная тема при определении дальнейшего жизненного пути среди юношей и девушек – выбор профессии. Согласно полученным данным исследования за 2009 г. 54,8% молодых тольяттинцев определились с выбором профессии. Одна пятая часть респондентов – нет. Четверть опрошенных осталась в раздумьях о будущей специальности. Результаты исследования показали: чем больше родители тратят времени на общение с подростками, тем больше уверенности у респондентов в выборе будущей профессии.

В ходе исследования 2009 г. выявлена зависимость между интересом к учебе и будущей профессией молодых тольяттинцев. Интерес к учебе позитивно влияет на степень определения буду-

щей профессии (51,8%). Юноши и девушки, кому учеба не главное в жизни, с выбором профессии еще не определились (58,5%). Почти 55% из этой группы подростков затруднились ответить на данный вопрос. 15% респондентов отмечает, что «учиться совершенно не интересно» и будущую специальность не определили. Значит, половина опрошенных находится в неопределенности и возможно о будущей жизни серьезно не задумываются.

В процессе анализа данных выявлено, что 43,7% респондентов, определившихся с выбором специальности, в семейной жизни ценят безвозмездную материальную помощь. Неуверенность в завтрашнем дне и в своих силах ставит молодое поколение в экономическую зависимость. Однако 55% юношей и девушек, сделавших професси-

ональный выбор, признаком полной самостоятельности считают вступление в брак, что говорит о ценности семейной жизни у подростков. Молодые люди, у которых ценностным аспектом является семья, нацелены на твердые позиции жизни, реально оценивая сегодняшнюю ситуацию в стране.

Таким образом, для молодого поколения важны образование, учеба, специальность, профессия, и как показало исследование, достичь результатов в профессиональной деятельности помогут решения вопросов в других областях с помощью родителей (семьи). Наши исследования подтверждают, что родители являются главными социальными воспитателями подростков и молодежи, ориентиром на становление системы ценностных установок подрастающего поколения.

Родители и дети сквозь призму фольклора

Новоселова Е.Н.

Статья является фрагментом социологического исследования «Динамика норм и ценностей брачно-семейных отношений в России (конец XIX-начало XXI века): социологический анализ фольклора». Источником информации для изучения интеракций между родственниками и свойственниками послужили фольклорные произведения, а именно частушки, которых в рамках работы было проанализировано более 27000. Ключевые слова: семья, семейные роли, родительство, родители и дети, депривация детей и родителей, межпоколенные конфликты.

Novoselova E.N.

The figures of parents and children through a folklore prism
The article is a part of sociological research «The Dynamics of norms and values of conjugal relationship in Russia (from the end of XIX till beginning of XXI centuries): the sociological analysis of folklore». The folklore products, namely chastooshkas, were used as a source of the information for studying interaction between relatives. The number of analysed chastooshkas is more than 27000.
Keywords: a family, family roles, parenthood, parents and children, generational gap, inter-generational conflicts.

Статья написана по материалам историко-социологического исследования, цель которого - показать динамику изменения российской семьи с конца XIX в. до настоящего времени.

Не обращать внимания на серьезные трансформации происходящие с институтом семьи в России в настоящее время невозможно, проблемы низкой рождаемости, материнства и детства все чаще становятся предметом дискуссий в правительственных кругах, на телевидении и в прессе. Как свидетельствует целый ряд социологических исследований, многие из наблюдающихся в настоящее время кризисных процессов в семье являются продолжением тенденций образовавшихся в прошлом, в связи с этим изучение характера и особенностей развития семьи как социального института и малой группы в контексте социально-политических и экономических изменений, имевших место в истории России и происходящих сейчас, представляют особый интерес.

Среди методов, которые используются в социологии семьи для

анализа социальной действительности, норм и ценностей собственным обществом в определенных пространственно-временных координатах особое место занимает метод анализа документов. Обращение к анализу того, что не создавалось специально для исследования, существует вне его целей, весьма плодотворно; такие исторические документы как фольклорные произведения, проза, поэзия, художественные фильмы содержат в себе не зависящие от исследователя данные о конкретных событиях, явлениях, дают оценки поведения человека в определенных ситуациях, отображают действовавшие в то или иное время социальные нормы и демонстрируют отклонения от них.

Источником информации для данного исследования послужили фольклорные произведения, песни в которых «обнаруживается неискаженный, подлинный реализм журналистики или газетной хроники... последние события политической и социальной жизни»¹, а именно – частушки, которых в рамках данной работы было проанализировано более 27000. В связи с тем, что одной из задач социологии семьи является изучение интеракций родственников и родственников, обратимся к народным представлениям об отношениях между родителями и детьми.

Проблема взаимоотношений «отцов и детей» всегда волновала философов, психологов, социологов. Дети не только отрицают ценности, которые были неопровержимы, непреложны, безусловны для родителей, перестают прислушиваться к их мнению, они перестают уважать их, считаться с ними, а ведь уважение и почтение к старшим всегда во все века было законом, святым и непререкаемым, несмотря на разногласия.

Родители тоже, в свою очередь, испытывают горечь разочарования в своих детях, обиду и досаду, не верят в них, не уважают.

Сегодня как будто ничего не связывает людей, живущих под одной крышей, куда-то пропало взаимопонимание и уважение, естественная связь внутри семьи. У родителей и детей нет общей жизни, по-настоящему близких отношений. Каждый существует сам по себе: мама и папа целый день на работе, дети в школе или предоставлены сами себе. Отцы и дети живут автономно, при полной звуковой и эмоциональной изоляции. «Отсутствие совместной деятельности родителей и детей, которая цементирует семейное поведение, ведет к атмосфере потребительства и бытового самообслуживания, к редукции семейных ролей до уровня бытовщины»².

Любое искусство, а в особенности народное творчество, отражает мир и общество, и частушка, которая являлась материалом в данном исследовании, не является исключением. Все существующие семейные роли и отношения нашли свое отображение в этом «накопителе народной мудрости»³. Всего в исследуемых частушках упомянуто 36 семейных ролей (период с конца XIX до начала XXI века). Однако анализ изменений семейных ролей демонстрирует сужение и ослабление родственных связей, вытесняемых социальными отношениями и на современном этапе, в XXI веке семейных ролей уже 23.

Анализ частоты упоминаний семейных ролей показывает, что наиболее популярными в частушках являются родительские роли, причем, отдельно друг от друга (мать, отец) эти роли встречаются гораздо чаще, чем объединенные общим понятием родители.

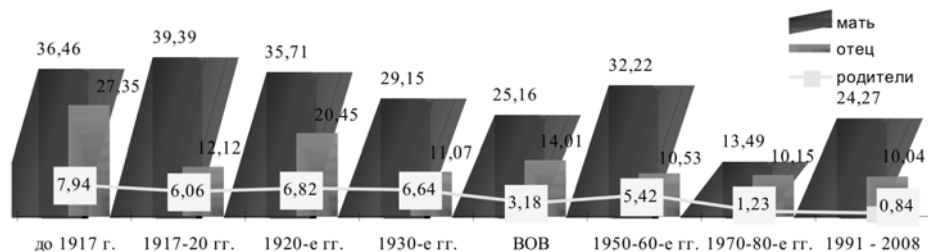

Рис. 1. Значимость ролей отца, матери и родителей (в процентах ко всем частушкам затрагивающим семейные роли).

Роль матери более распространена (29,54% частушек, затрагивающих семейные роли), чем отца (14,46%). Значимость родительских ролей, судя по частушкам, остается сравнительно высокой во всех рассматриваемых периодах. Этим же ролям соответствует наибольшее число слов – синонимов, что подтверждает их важность. Рис. 1 демонстрирует динамику упоминания ролей матери, отца и родителей как целого, на протяжении всего изучаемого периода. Частота употребления роли матери хотя со временем и снижается в полтора раза, но продолжает оставаться на относительно высоком уровне и на современном этапе, в то время как значимость роли отца за рассматриваемое столетие уменьшается более чем в 2,5 раза, а роль родителей как «единого организма» встречается в современных частушках в девять с лишним раз реже, чем в дореволюционных.

Эта тенденция – результат долговременного роста разводов и, как следствие, повышения доли материнских семей, т.к. в России в подавляющем большинстве случаев после расторжения брака дети остаются с матерью⁴. Проблема воспитания детей в материнских семьях не ограничивается лишь материальными трудностями. Отцы должны принимать участие и в

воспитании своих отпрысков. Российское законодательство, четко установив порядок финансовых отношений отцов и детей, оставляет без внимания вопрос об участии отцов в воспитании детей. По оценкам социологов, около 17% мужей (по ответам мужчин) и почти 35% (по ответам женщин) вообще не видят своих детей после развода, и эта цифра постоянно увеличивается с течением времени после распада семьи⁵. Да и в полных семьях, как показывают исследования, дети обоих родителей чаще общаются с матерью, больше ей доверяют и приходят за советом именно к ней, отцы отстраняются от детей и гораздо реже, чем матери занимаются их воспитанием⁶. Сами отцы признают, что недостаточно занимаются ребенком (детьми), «не совсем уверенно выполняют родительские обязанности»⁷, особенно это касается молодых мужчин, возраст которых не превышает 30 лет.

«В современном российском обществе супружество является основной линией внутрисемейных отношений, тогда как родительство – второстепенной»⁸. Наше исследование показывает, что, несмотря на то, родительские роли – первые в списке популярности, их престиж постоянно падает, в то время как супружеских (а скорее даже партнерских) растет на

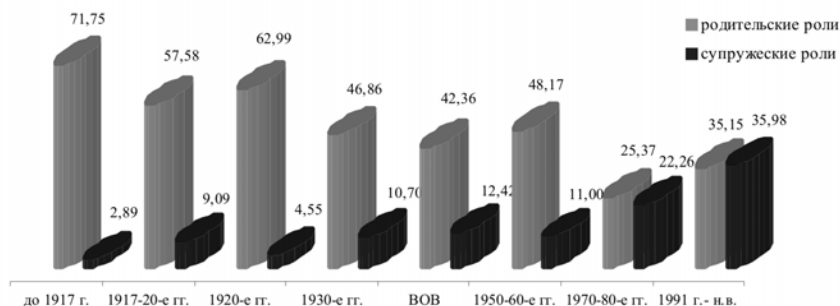

Рис. 2. Упоминание родительских и супружеских ролей в частушках (в процентах ко всем частушкам затрагивающим семейные роли)

протяжении всего изучаемого периода. Рис. 2 демонстрирует, что до революции частушки, упоминающие семейные роли, на 71,75% посвящены родительским ролям (как по отдельности, так и объединенным общим понятием родители), а супружеским - лишь 2,89%. На современном этапе развития общества супружеские роли их догоняют и даже слегка опережают.

На наш взгляд, то, что супружеские роли начинают преобладать над всеми остальными, свидетельствует о приоритете семейных ролей, о девальвации ценности родительства, некотором эгоизме современных супругов, желающих пожить для себя, не обременив себя детьми.

В современных частушках растет число текстов, посвященных добровольному отказу от рождения детей, хотя этот процент пока не высок. Впервые эта тематика в частушках «всплывает» в 1970-х годах, когда начинается разделение мнения «отцов и детей» и снижение репродуктивных ориентацией поколения «пепси». Нежелание жертвовать личным пространством ради ребенка, отсутствие «убедительных причин» иметь детей, «невозможность спросить согласия у детей» на рождение но-

вого ребенка, «неготовность... нуждающегося в реформировании мира принять ребенка», «желание иметь больше свободного времени для досуга и самосовершенствования», «прежде чем рожать новых детей нужно сделать счастливыми уже существующих»⁹, - вот лишь некоторые причины, которыми особенно яростные сторонники добровольной бездетности объясняют свое решение не иметь детей.

В мире число сторонников взглядов Чайлдфри (добровольной бездетности) постоянно растет. Так, Национальный центр статистики здравоохранения США утверждает, что процент американских женщин детородного возраста, определяющих себя как добровольно бездетные, в 1982 г. составлял 2,4%, в 1990 г. - 4,3%, в 1995 - 6,6%¹⁰. В России существует интернет-сообщество чайлдфри¹¹ - это молодые мужчины и женщины в возрасте от 20-35 лет разных социальных слоев и профессий, не желающие иметь детей и проблем с ними связанных, решившие жить для себя. О все большем принятии российским обществом такой позиции свидетельствуют исследования Т.А. - Гурко конца 1990-х - начала 2000-х годов. По ее данным, лишь 19%

мужчин и 15% женщин осуждают те супружеские пары, которые могут, но не хотят иметь детей, а среди молодых респондентов в возрасте от 18 до 29 лет этот процент значительно ниже и составляет 10% и 7% соответственно¹². Сегодня, во главу угла ставится карьера, стоимость человека на рынке труда, а не семья и дети, отношения с которыми, если они все же умудрились родиться, строятся по остаточному принципу – лишь бы не мешали.

Конечно, отчасти снижение рейтинга родительских ролей в частушках можно попытаться объяснить и некоторым «постарением» данного жанра, тем, что молодежь уже не так активно поет частушки, но тогда должна была бы резко вырасти популярность ролей детей и внуков, а этого не происходит (внук/внучка - 0,06%/0,27%).

Роли дочери (4,4%) и сына (2,27%) занимают в нашем рейтинге популярности семейных ролей 6 и 11 места соответственно. Характеристика роли дочери претерпевает серьезные изменения в течение изучаемого нами периода. Если до революции она – послушная, уважающая мнение родителей, покорная, работающая, честная девушка, которая никогда «не принесет славы в родительский дом», то постепенно уважение к старшим сменяется протестом и появлением множества других отрицательных качеств. Дочь начинает обманывать родителей, теряет всякий стыд, ведет беспорядочную половую жизнь, постоянно меняя партнеров, в итоге беременеет «не знамо от кого» и, либо с «легкостью отправляется на аборт», либо рождает малыша и сбрасывает его на попечение бабушек и дедушек. По мнению окружающих, характер и манеру поведения дочь уна-

следовала от матери, значительно преумножив отрицательные ее черты и растеряв положительные. В отличие от роли дочери характеристика роли сына не демонстрирует каких-либо серьезных изменений, он как был гулякой и лодырем, пропивающим родительские деньги, так им и остался, разве что его распущенность становится все сильнее.

Об остроте проблем отцов и детей свидетельствует и тот факт, что поколение «детей» представлено в частушках уже выросшими, взрослыми. А если поется о малыше, то речь идет, как правило, о внебрачных детях, доля которых, по оценкам социологов на 2005 г., составляла около 30% от общего количества рожденных детей¹³. Этот процент выше даже послевоенного уровня (24%)¹⁴, когда частота таких рождений имела демографическое объяснение в связи с нехваткой мужчин молодых и средних возрастов¹⁵.

Частушки подтверждают тенденцию роста числа детей, рожденных вне зарегистрированного брака: если в дореволюционных песенках процент частушек, посвященных внебрачным рождениям, составляет - 0,24, в частушках 1930-х годов - 0,4%, то в современных частушках - 1,28% всех частушек по семейной проблематике. Больше (1,98%) было только в годы Великой отечественной войны и сразу после нее.

Следует подчеркнуть, что эмоциональная окраска частушечного сообщения о таком событии, как рождение ребенка, не состоящими в браке молодыми мамами меняется, становясь от периода к периоду все более благожелательной. Если в дореволюционных частушках оно воспринимается как нечто из ряда вон выходящее и осуждается общественностью, то

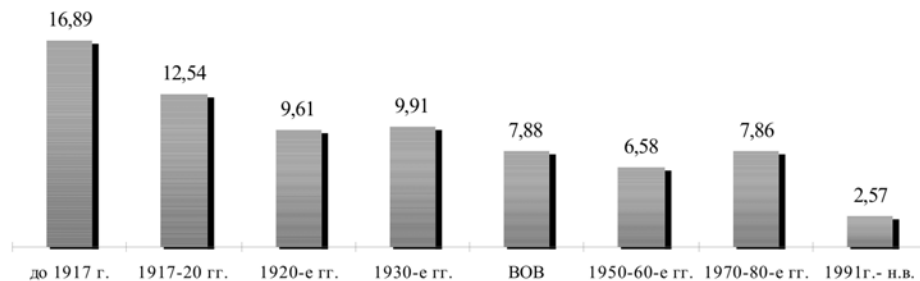

Рис. 3. Популярность темы взаимоотношений между родителями и детьми (в процентах ко всем частушкам по семейной проблематике)

постепенно оценки меняются и становятся если не положительными, то по крайней мере нейтральными: «нынче в девушках не позор родить», «Богородица-то наша, тоже в девках родила». По данным социолого-демографических исследований, доля внебрачных рождений наиболее высока у совсем молодых мам 15-19 лет - в 2001 г. она составила 43,1%, а в 1980 г. этот показатель был значительно ниже - 18,7%¹⁶. Данная тенденция вызывает особое беспокойство, т.к. это не только сказывается на здоровье детей и самих мам (эти дети находятся в худших условиях вынашивания и вскармливания), но именно эти ребята образуют 30% тех, от которых отказываются, они становятся подкидышами и поступают в детдома¹⁷. Причем, судя по частушкам, особых угрызений совести по этому поводу молодые родители не испытывают.

Период социализации детей представлен в частушках, в основном, на последних стадиях, когда дети уже готовы и хотят отделиться от родителей, но по тем или иным причинам этого еще не сделали. Отношения родитель - ребенок на детсадовской стадии или на школьной в припевках, если и присутствуют, то это соотв. доли процента. Взаимоотноше-

ния между родителями и их взрослыми детьми претерпели серьезные изменения на протяжении изучаемого периода, и хотя им уделяется внимание на всех рассматриваемых этапах развития российского общества, интерес к данной тематике постоянно падает, что и демонстрирует рис. 3.

Показатели частоты интеракций между родителями и взрослыми детьми снижаются не только количественно - качество данных взаимодействий также изменяется со временем. В дореволюционной России родители оказывали существенное влияние на любое принимаемое детьми решение, в том числе и на решение о вступлении в брак. Родители являлись авторитетом для детей, их уважали и ценили, несмотря на строгость, в которой они держали своих отпрысков. В частушках того времени поется: «с тяти воли не сымаю», «не принесу славушки в родительский домик», «не спрося своих родителей, не стану под венец».

Однако вопреки распространенному мнению о том, что браки того времени совершались исключительно по желанию и договоренности родителей, наше исследование показывает, что, несмотря на значимость мнения родителей, дети все же часто делали выбор

сами, браки заключались по личной симпатии, хотя и требовали благословения старших. Родители во все исторические эпохи любили своих детей и желали им семейного счастья, поэтому в большинстве случаев старались считаться с мнением детей. Подтверждением может служить следующее частушечное высказывание: «говорили отец-мать: «Если любя, надо брать». Конечно, в процессе выбора учитывались интересы семьи, а если она занимала высокое положение в обществе, то при вступлении в брак социальный и материальный статус должен был сохраниться или повыситься, поэтому случаи женитьбы или замужества по настоянию родителей, ради положения в обществе или денег, конечно, присутствовали, однако такие факты не были массовыми.

Характер взаимоотношений между родителями и детьми постепенно принимает другой вид – уважение и почтение к старшим сменяется протестом и сопротивлением родительской воле, авторитет родителей начинает падать, а конфликты между поколениями обостряются. Зачастую родители стали рассматриваться в качестве помехи к достижению личных целей, по отношению к ним употребляются фразы – «родители губители», «беспонятные родители», «съели счастье родителей». Мнение родителей при принятии решений начинают игнорировать все чаще, заявляя: «по-вашему не быть!», «вы мне не указ!», «милые родители, а х... не хотите ли?». А старшее поколение никак не может свыкнуться с таким положением вещей и не понимает как так, что: «парень пьяница хороший, мать с отцом – плохие». Непонимание и разногласия «отцов и детей» иногда принимали крайние

формы, например, «тятенька – лозовой палкой поперек», «мамка...об лежанку головой». Однако несмотря на утвердившийся в массовом сознании стереотип, допустимости применения в крестьянской семье физической силы, частушек, посвященных этой теме не так много – 0,61% дореволюционных частушек по семейной проблематике, или 3,39% песенок, посвященных отношениям между детьми и родителями (среднее значение по всем периодам – 2,33%).

В современных частушках найдены не встречавшиеся ранее упоминания о сдаче родителей в дом престарелых и даже встречаются песенки о применении физической силы детьми в отношении родителей: «дочь мамашу к престарелым», «мама спит – во лбу топор» (3,77% припевок об отношениях между этими двумя поколениями). Старшее поколение, видимо, пытаясь не отставать в своем цинизме и беспощадности от младшего, тоже ведет себя мягко говоря не по-отечески. Например, мать может посоветовать дочери расплатиться «натурой» с водопроводчиком или слесарем, предложить её маляру в качестве оплаты за труды. Данный пласт частушек очень напоминает такой вид подросткового фольклора, как садистские стишки, в которых «семья – это настоящее поле боя, на котором равнодушные, циничные, безрассудно и бессмысленно жестокие родственники постоянно друг друга умерщвляют»¹⁸.

Протест против «диктата» старших в семье демонстрируется младшим поколением различными способами, в том числе посредством принятия самостоятельных решений при создании семьи. Рис. 4 демонстрирует тенденцию падения в рассматриваемый период авторитета родителей, отразившу-

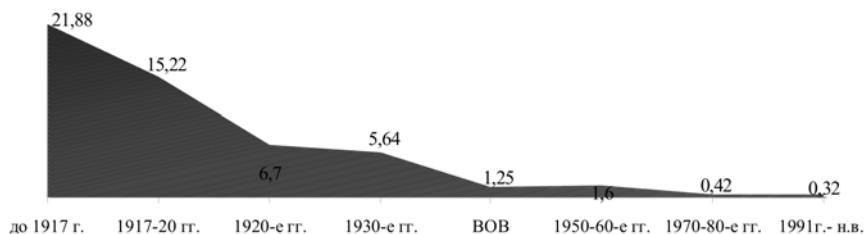

Рис. 4. Мнение родителей как фактор брачного выбора (в процентах от всех частушек по критериям брачного выбора)

юся, в данном случае, в зависимости от степени учета их мнения детьми при вступлении их в брак.

Резкое падение авторитета родителей произошло в период революции и гражданской войны, что, вероятно, связано с резким надломом в преемственности поколений, вызванном революционными событиями, когда родители продолжали верить в «старые» идеалы, а для молодых наступили иные времена, где «интересы революционного класса важнее блага отца»¹⁹. Негативизм, нигилизм, высокомерие и скептицизм молодого поколения, стремящегося построить жизнь в соответствии с новыми ориентирами, не только разрушали возможность диалога, но и вели к напряжению в межпоколенных отношениях.

Аналогичный процесс происходит и в современной России, когда жизнь строится по новым канонам, и произошло крушение шкалы ценностей и идеалов, сформированных при социализме. Однако, по нашему мнению, в современных условиях проблема не носит столь ярко выраженного антагонистического характера, для России настоящего более характерно безразличное отношение поколений друг к другу, или скорее отчуждение между «отцами» и «детьми», чем открытый конфликт. И все же около 80% насе-

ления России справедливо считает, что проблема «отцов» и «детей» существует²⁰.

Судя по частушкам, отношения между родителями и детьми всегда были не простыми, здесь опять проявляется свойство юмористических жанров фольклора, особенно инвективных его составляющих, в гротескной форме изобличать недостатки, акцентировать внимание на острых углах. В связи с этим большая часть припевок об отношениях между родителями и детьми отражает именно конфликтность интеракций. Если дисгармонии в отношениях родитель-ребенок посвящено 35,49% частушек по теме, то мирному сосуществованию - в два с половиной раза меньше (13,56%). Причем, если не учитывать период Великой Отечественной войны (в силу его специфичности), то картина будет следующей: 38,65% конфликты, 11,5% гармония (см. рис. 5).

Непонимание друг друга, расхождение социальных ролей и норм поведения, различие взглядов на сексуальное поведение, семью и брак - все это извечная проблема. В частушках данный конфликт представлен глазами младших поколений недовольных навязыванием старшим поколением своего отношения к жизни. Вместе с тем, нет бума межпоколенных конфликтов в современных

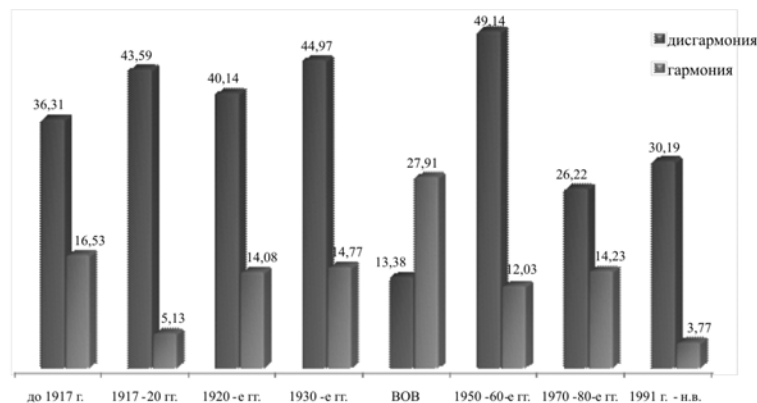

Рис. 5. Характер межпоколенных интеракций (в процентах от общего числа частушек, затрагивающих взаимоотношения между родителями и детьми).

частушках, а есть факт уменьшения количества интеракций «отцов и детей», который говорит о все большем разъединении и отчуждении старшего и младшего поколений друг от друга, и, как следствие, о все большем нарастании малодетных и внесемейных ориентаций²¹.

Проблема «отцов и детей» тревожила людей в разные времена. Иосиф Флавий, древне еврейский историк и военачальник жалуясь на «детей» говорил: «Молодежь относится к нам свысока и не желает внимать наставлениям нашим»²². Но тогда поколение родителей значительно больше было озабочено проблемой, как растут дети и каким станет новое поколение, и само по себе это беспокойство несло в себе некий выход из ситуации. В настоящее время проблема «отцов и детей» приобрела совсем другой вид, старшее поколение отреклось от своей роли родителей и наставников, младшее перестало уважать родителей, прислушиваться к их мнению; не стало семейного уклада, в котором дети и родители могли бы реализоваться в своих ролях. Семья превращается из семьи в «рядом-жительство»²³, происходит

отчуждение родителей и детей друг от друга, которое ведет к вырождению культуры родительства, обычаев и традиций. Тем самым наше общество оказывается лишенным одной из своих важнейших составляющих – культуры быть родителями. И как бы эти проблемы ни были далеки от современного человека с его жизненными ценностями, от воссоздания этого культурного слоя во многом зависит разрешение огромного количества противоречий и конфликтов нашей жизни.

Ссылки:

- 1 Зеленин Д.К. Современная русская частушка / Подгот. к печати Т.Г.Ивановой // Заветные частушки из собрания А.Д.Волкова: В 2 т. / Сост. А.В. Кулагина. М.: Ладомир, 1999. Т.2. С. 465.
- 2 Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М. 1996.
- 3 Верховин В.И. Опыт интерпретации монетарных стереотипов в русском фольклоре // Общественные науки и современность. 1997. №4. С. 175.
- 4 Прокофьева Л. в сотрудничестве с Мари-Франс Валетас. Отцы и их дети после развода // Население и общество. Информа-

ционный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народохозяйственного прогнозирования РАН. Ноябрь 2000. №50.

5 Приводимый материал дается на основе данных исследований проведенных в 1993 и 1998 гг. в 6 городах европейской части России (Центр демографии и экологии человека института народохозяйственного прогнозирования РАН при поддержке ИНТАС). Объем выборки 1215 разведенных женщин и 1249 разведенных мужчин (опрошенные не являются бывшими супругами, это две независимые выборки) / Прокофьева Л. в сотрудничестве с Мари-Франс Валетас. Отцы и их дети после развода // Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народохозяйственного прогнозирования РАН. Ноябрь 2000. №50.

6 См., например: Социолого-демографическое исследование учащейся молодежи проведено в ноябре 2004 г. – марте 2005 г. под руководством проф. А.И. Антонова кафедрой социологии семьи и демографии МГУ и Департаментом по труду и социальной защите населения Администрации Ямало-Ненецкого Автономного округа (1700 старшеклассников и студентов средних специальных учебных заведений ЯНО, в выборке 58% – девушек, 42% – юношей, средний возраст 17,85; См. также: Горбачева В.И. Родительские роли в современной семье: успешность исполнения // Тезисы докладов и выступлений Всероссийского социологического конгресса «Глобализация и социальные изменения в современной России»: В 16 т. М.: Альфа-М, 2006. Т. 5. С. 102.

7 Горбачева В.И. Родительские роли в современной семье: успешность исполнения // Тезисы док-

ладов и выступлений Всероссийского социологического конгресса «Глобализация и социальные изменения в современной России»: В 16 т. – М.: Альфа-М, 2006. – Т.5. С.99.

8 Богачева Н.В. Социальные отношения родителей и детей в современной российской семье // Тезисы докладов и выступлений Всероссийского социологического конгресса «Глобализация и социальные изменения в современной России»: В 16 т. – М.: Альфа-М, 2006. – Т.5. С.93.

9 Высказывания взяты с Интернет сайта Сообщества русскоязычных чайдфри // http://community.lifejournal.com/ru_childfree

10 Источник данных: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0259/print.php>.

11 http://community.lifejournal.com/ru_childfree.

12 Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты. М.: Центр общечеловеч. ценностей, 2003. СС. 54-55.

13 Демографический ежегодник России, 2006: Стат. сб. М.: Росстат, 2006. С. 165.

14 Рассчитано по данным Госкомстата России (см. также: Бондарская Г.А. Внебрачная рождаемость // Народонаселение: Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликьян. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. С. 45; Демографический ежегодник России, 1996: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 1996. С. 236 // Цит. по: Синельников А.Б. Трансформация семьи и развитие общества. М. 2008, С.261.

15 В 1946 г. число женщин превышало число мужчин на 33,9% // Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927-1957. М., 1998, С. 158, 160.

16 Население России 2001. Десятый ежегодный демографический доклад. М., 2002. С. 53.

17 Российский статистический ежегодник. М. 1997, С. 84 // Цит. по Артюхов А.В. Российская семья в период 90-х годов // Семья в России. №3-4. 1998. С.26.

18 Бутенко И.А Из истории «черного» юмора // Социологические исследования. 1994. №11. С. 151.

19 Залкинд А.Б. Этика, быт и молодежь // Комсомольский быт. М., 1927. С. 7. // Цит по: Дорохина О.В. Партийно-государственная идеология социологических преоб-

разований семьи в постреволюционной России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1996. №2. С. 87.

20 См.: Лисовский В.Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях. Социологические исследования. №7.2002. С. 112.

21 См. об этом: А.И. Антонов, В.А. Борисов. Ук. соч. СС. 63-64.

22 Флавий И. Иудейские древности. <http://www.alanica.ru/library/Iosif/text1.htm>

23 См. об этом: Ильин И.А., «Путь духовного обновления». М. 2003.

Ценностные аспекты исследования образа семьи и ребенка

Проневская И.В.

На материалах портретной живописи прослеживаются изменения социального облика семьи от патриархальных ценностей и установок (многодетность, расплывчатый сценарий семейных связей и ролей) до проблем кризиса семьи и массовой малодетности.

Ключевые слова: внесемейные ориентации, гендер, имидж, качественный и количественный подход, кризис семьи, многодетность, однодетность, семейные ценности, семейный образ жизни, семейные роли, символ, установки, фамилизм.

Pronevskaya I.V.

Value aspects of a study of the means of family and child. Basing on the portraiture materials we retrace the social image of the family: from patriarchal values and attitudes of a large family with predefined family functions and roles to the problems of the modern family crisis, with its problems and the mass phenomenon of small families.

Keywords: outer family orientation, gender, image, quantitative and qualitative designs, family crisis, large family, unigeniture, family values, family's way of life, family roles, symbol, attitude, familism.

Материалом для анализа в статье послужили информация культурологического характера: литературная проза или поэзия, произведения живописи, фольклор и пр. В данном случае – это женская и детская портретная живопись русских и российских художников последних четвертей XIX–XX веков. Произведения искусства были выбраны неслучайно.

Предсказуемые процессы идут по заранее вычисляемым научным закономерностям, но вдруг наступает точка, когда движение вступает в непредсказуемый момент. В этот момент, зачастую, срабатывает не вероятность, а случайность. Энтони Гидденс, представитель теории «высокой» или «поздней современности», определяя характер этого этапа, отмечал качественно новый феномен риска. Важнейшая черта «высокой современности» – «непрозрачность», нестабильность, неустойчивый характер социальной жизни. В числе прочих истоков данной черты отмечена неизбежность неумышленных и нераспознанных (скрытых) эффектов. По словам Э.Гидденса, «правильно сконструиро-

ванная система и верные действия оператора еще не гарантируют от неожиданных последствий в результате функционирования других систем и человеческой деятельности вообще»¹.

Когда мы смотрим вперед, мы видим случайности. Посмотрим назад – эти случайности становятся для нас закономерностями. И поэтому историк как бы все время видит закономерности, потому что он не может написать ту историю, которая не произошла. История есть один из возможных путей. Реализованный путь есть потеря в то же время других путей. Мы все время обретаем – и все время что-то теряем. Каждый шаг вперед есть потеря. И вот здесь мы сталкиваемся с необходимостью искусства. Оно дает прохождение того, что не случилось, дает возможность вернуться назад. Это опыт того, что не случилось или может случиться².

В этом смысле портрет наиболее философский жанр живописного искусства. Он как бы специально приспособлен к тому, чтобы воплотить самую сущность человека. Портрет находится посередине между отражением и лицом, созданным и нерукотворным. В отличие от зеркального отражения, к портрету применимы два вопроса: кто отражен, и кто отражал. Какую мысль изображенный человек высказал своим лицом, и какую мысль художник выразил своим изображением. В своей основе портрет строится на сопоставлении того, что человек есть, и того, чем человек должен быть.

Это позволяет прочитывать портрет разнообразными способами: мы можем в нем увидеть черты людей определенной эпохи, психологические или этикетные отличия дамского и мужского поведения, социальные трагедии. Порт-

ретный жанр находится на пересечении различных возможностей раскрытия сущности человека средствами интерпретации его лица. В этом смысле портрет не только документ, запечатляющий нам внешность того или иного лица, но и отпечаток культурного языка эпохи.

Очевидно, что образ ребенка и образ женщины своеобразно соотносятся с культурой эпохи. С одной стороны, женщина с ее эмоциональностью, живо и непосредственно впитывает особенности своего времени, в значительной мере обгоняя его. В этом смысле характер женщины можно назвать одним из самых чутких барометров общественной жизни. С другой стороны, женский характер парадоксально реализует и прямо противоположные свойства. Женщина – жена и мать – в наибольшей степени связана с тем, что глубже и шире отпечатков эпохи. Высокая ценность семьи и матери проявлялась во всех сферах духовной жизни, в том числе в литературе, живописи, скульптуре. В «традиционной», или расширенной, семье главным предназначением женщины всегда подразумевалось материнство. Отсутствие детей являлось одной из причин расторжения брака даже в условиях, когда развод был практически невозможен. Таким образом, материнство – основная категория семейного поведения XIX столетия.

Отношение к ребенку и миру детства также определялось изменениями общего стиля культуры. Раньше в ребенке видели только маленького взрослого. Считалось, что у детей должен быть мир взрослых интересов. Тот, кто задерживается в этом периоде – недоросль, недоразвит и глуп. С этих позиций детство – времен-

ное несовершенство (слабость, немощ), от которого надо быстрее избавляться и пробежать как можно скорее.

Но Руссо сказал однажды, что мир погиб, если бы каждый человек раз в жизни не был ребенком. Постепенно в культуру входит представление о том, что ребенок – это и есть нормальный человек, а детство – лучшее состояние человеческой жизни, наиболее богатое и полное событиями. Причем событиями, чрезвычайно значимыми для всей последующей жизни. Интересно было сравнить особенности «имиджа» женщины и детства (образ ребенка) в прошлом и настоящем времени.

Определенные общественные ценности и нормы, в нашем случае, ценность детей и семьи, имеют свои знаковые социальные и культурологические выражения. Живопись, являясь составной частью культуры, также представлена набором значений и символов. Таким образом, портретная символика предстает в сочетании символов реальности, законов жанра и ценностной структуры художника.

Данная работа проведена в рамках теории институционального кризиса семьи. Сторонники этой теории (А.И. Антонов, В.А. Борисов, В.Н. Архангельский и др.) обращают основное внимание на снижение рождаемости. Интерпретируя понятие «ценность семьи», так как кризис семьи есть одновременно кризис ценности семьи³, автор предлагает обратить внимание также на такие категории, как длительность брака, отношение к разводу, преодоление конфликтов. В свое время А.Б. Синельников рассматривал трансформацию семьи как минимум в четырех направлениях: рождаемость (число рожденных детей), отношение к вступ-

лению в брак, отношение к расторжению брака, нуклеаризация семей и межпоколенные отношения. Подробно этапы исторической трансформации семьи, где она описывается по этим параметрам, представлены в табл. 1⁴.

Результаты исследования будут представлены в рамках трансформации параметров, характеризующих определенные стороны семейной жизни, на первом и третьем этапе исторического уменьшения потребности в детях.

Генеральная совокупность определена творчеством художников второй половины XIX и XX веков (В.В. Верещагин, М.В. Нестеров, П.А. Федотов, В.А. Тропинин, А.Г. Венецианов, В.Д. Поленов, Б.М. Кустодиев, К.А. Сомов, А. Дейнека, П. Корин, В. Ватенин, О. Вуколов, Э. Браговский и др.)

Мировоззрение художника – это результат действия существующих норм и ценностей, а его творчество – выражение мировоззренческой позиции автора, находящейся в тесной взаимосвязи с культурными идеалами и общественными установками указанных периодов. Поэтому нас интересовала не только картина, но и ее автор, его возраст и социально-семейный статус.

Временные рамки и тематика выбранного жанра определили выборочную совокупность. Исследовательский массив представлен 170 единицами.

Ценностный, фамилистический, анализ портретной живописи связан с трудностями в определении единиц анализа и счета. (В работе В.Е. Семенова «Применение метода контент-анализа» также исследуется портретная живопись XIX — XX вв., но с точки зрения изменения профессионально-возрастного статуса изображенных людей.) В нашем

Таблица 1
Этапы исторической трансформации семьи

Индивидуализм и фамилизм	Рождаемость (число рожденных детей)	Вступление в брак	Расторжение брака	Поколенная структура семей и отношения между поколениями
Первый этап				
Полное преобладание фамилизма над индивидуализмом	Многодетность (5 детей и более): без искусственного ограничения рождаемости в браке; с ограничением рождаемости	Брак по воле родителей и под давлением общественного мнения, осуждающего безбрачие (главные критерии выбора супруга – экономические и социально-престижные)	Недопустимость развода. (Это имело место лишь в католических странах. В других странах развод всегда допускался и трансформация отношения к нему начиналась сразу со второго этапа.)	«Преобладающая неделимость» семей: расширенная разветвленная семья; семейная община задружного типа (объединение родственников)
Второй этап				
Частичное преобладание фамилизма над индивидуализмом	Среднедетность (3 ребенка)	Брак под давлением общественного мнения, осуждающего безбрачие (заключается по личному выбору, но с согласия родителей)	Допустимость развода только по объективным причинам: разводкара (из-за вины мужа или жены); развод-исцеление (из-за болезни мужа или жены)	Частичная нуклеаризация семей. Расширенные одноответвевые семьи (главная ветвь) + нуклеарные семьи: - майорат - минорат
Третий этап				
Частичное преобладание индивидуализма над фамилизмом	Малодетность (1–2 ребенка)	Брак по личному выбору без обязательного согласия родителей, но под давлением общественного мнения	Развод-крушение – по субъективным, но проверяемым причинам (при длительном раздельном проживании супругов и т.д.)	Полная территориальная нуклеаризация с сохранением единой общесемейной деятельности
Четвертый этап				
Полное преобладание индивидуализма	Массовая добровольная бездетность, не осуждаемая общественным мнением	Свобода выбора между бра ком и безбрачием, уже не осуждаемым общественным мнением	Развод-подтверждение – по немотивированному требованию одного из супругов	Полная функциональная нуклеаризация с прекращением единой общесемейной деятельности

исследовании сделана попытка проанализировать именно женский и детский портреты на фоне трансформации общественных ценностей и установок.

Нас интересовала не столько количественная сторона анализа, механическая констатация частоты выявленных изменений в портрете, сколько качественная, характеризующая непосредственно сами изменения.

На протяжении веков живопись пользуется одними и теми же средствами – формой и цветом, поэтому было решено проводить сравнение следующих компонентов портрета: возраст, поза, эмоции, прическа, костюм, украшения, аксессуары, цветовая гамма самого образа и общего фона картины. При анализе портрета учитывалось соответствие пола и гендерных характеристик (прическа, костюм). Локальный цвет (цвет самого портрета) определялся в тонах: светлые теплые – а, светлые холодные – b, темные теплые – d, темные холодные – с.

Результаты представлены в соответствующей последовательности.

Такие характеристики, как социальное происхождение или семейное положение (женщин), не учитывались. Социальный статус изображенных был для нас не столь важен, а семейное состояние по его символу — обручальному кольцу — не всегда можно определить на художественных полотнах.

На начальных этапах работы мы сразу столкнулись с проблемой немногочисленности детских портретов указанного периода XIX века. Полотна чаще всего посвящали общественно-политической жизни России, нежели теме детства. Поэтому на портретах обычно изображались люди, сыгравшие

значительную роль в истории России. Можно назвать это время «временем портретов исторических личностей». Детский портрет занимал незначительное место в творчестве художников. Процентное соотношение общего числа картин к картинам интересующего нас жанра колеблется в пределах от 1% до 15%.

В XX веке количество детского портрета увеличилось, но процентное соотношение между общим творчеством и детским портретом установить было сложно, так как творческий путь художников представлен эпизодически. Нижняя граница составляет уже 5-8%.

Хронологические рамки детства, от 1 года до 14-ти лет, определили портреты, попавшие в выборку. На картинах, написанных в границах XIX и XX веков, чаще всего (90%) запечатлены девушки или молодые женщины в возрасте 20—30 лет. По-видимому, это портреты женщин добрачного или брачно-репродуктивного возраста.

Относительно позы можно сказать, что для указанных картин XIX века характерными являются отсутствие напряжения, естественность, мягкость. Если мысленно очертить женскую фигуру одной линией, то чаще всего результатом будут круг, овал или подобная им геометрическая форма. В рассмотренных картинах XX столетия, напротив, мягкая женственность и расслабленность сменяются напряжением и угловатостью. Встречаются картины (34%), где женщины изображены в типично мужских позах: руки убраны в карманы, широко расставлены ноги и т.п. Эмоциональные характеристики коррелируют с указанными выше. Лица на портретах прошлого столетия задумчивы, грустны или веселы, но все-

Таблица 2

название автор	Год созд.	генд. харак.	возр.	л.цвет поза	аксес.	фон	задний план	Фон	передн. план
В.А.Васнецов									
Н.А. Мамонтова	1883	длин. вол.	13	а, сидит		т		с	
Б.В. Васнецов	1889	кор. вол.	13	д, сидит		т		т	
В.М. Васнецов	1899	кор. вол.	12	д, сидит		т		с	
М.А.Врубель									
Портрет девочки	1882	кор. вол.	8	а, сидит		т		с	
Девочка на фоне ковра	1886	кор. вол.	12	д, сидит		т	ковер	т	
Н.Н.Баскаков									
Прохладно	1970	кор. вол.	8	б, стоит	в рук. одежда	с	море	с	камни
Девочка из Астрахани	1970	кор. вол.	13	а, стоит		с	стена	с	
Сирень	1985	кор. вол.	5, 12	а, стоят	сирень	с	стена	с	
Алеша Панаев	1987	кор. вол.	6	д, стоит		с	стена	с	
Спящий ребенок	1989	Кор. вол.	5	а, лежит	машинка	с	стена	с	

гда — спокойны. У многих на щеках румянец. Женское лицо на полотнах XX столетия во многих случаях (95%) выражает озабоченность или напряжение, улыбка вот-вот готова перейти в насмешку или пренебрежение.

Ребенок и XIX, и XX веков обычно изображен сидя. Работа над портретом занимает слишком много времени, и художнику необходимо было выбрать наиболее удобное положение для ребенка. Но если ребенок XIX века сидит в непринужденной, свободной позе, выражение глаз задумчиво, лицо улыбочиво, то для ребенка из малодетной семьи характерны напряженность и эмоциональный холод.

Как правило, девочка или юная женщина прошлого века изображались в традиционном женском одеянии — платье или длинной юбке с блузкой. Правда, это мог

быть национальный или театральный костюм, но и они не выходили за предусмотренные нормами социокультурного поведения границы. Детали костюма подчеркивают красоту женского тела.

В числе работ современных художников наряду с традиционной женской одеждой появляются портреты (38%), где женщины предстают в наряде мужского типа: брюки, свитер, куртка, профессиональная спецодежда и пр. На таких портретах запечатлен не образ женщины, а символ труженика женского пола. То же относится и к прическе. Аккуратная и элегантная прическа или собранные в косу волосы уступают место короткой стрижке, также нивелирующей половые различия. В 46% таких портретов голову полностью покрывает платок или дружкой головной убор (каким может

быть даже каска строителя). Функциональность короткой стрижки у девочек очевидна. Это результат минимизации времени, которое мать уделяет ребенку, значительное сокращение «репертуара прикосновений».

На фоне действующих репродуктивных норм многодетности существовал определенный имидж детства, связанный с гендерной социализацией. Особенно это можно проследить, анализируя портреты девочек. Это образ маленькой женщины, образ будущей матери. Ее основные характеристики: женская прическа, приветливое лицо, внутренняя свобода. Это этап, на котором маленькая девочка готовит себя к роли будущей женщины, уже с определенными ролевыми обязанностями жены и матери.

На портретах второго периода трудно определить пол ребенка, его возраст. Намечается тенденция к обезличиванию гендера (76%), особенно при изображении девочек. Даже название картины не всегда позволяло определить пол ребенка. Только по названию картины, не видя ее, сложно сказать, что будет представлен портрет ребенка. Наблюдается тематическое расхождение названия и содержания («Лето в лесу», «В саду», «Сосновый бор»). В прошлом столетии в названии картины (85%) указывались имя, фамилия и иногда отчество (6%) ребенка.

Портретный фон на исследованных нами картинах периода последней четверти прошлого столетия представлен обычно открытым пространством лесного или морского пейзажа. Море, небо, природа — все это символы свободы. На фоне неба чаще всего нарисованы именно дети. В то время как портретный образ женщины XX

в. находится в замкнутой пустоте (80%): пустая комната, женщина на фоне пустой стены. Руки этих женщин тоже обычно остаются пустыми, в отличие от живописных героинь XIX в., которые держат в руках книгу, платок, ветку дерева.

Работа над портретом занимает слишком много времени, необходимо было выбрать наиболее удобное положение для позирования. Этим объясняется то, что ребенок обычно изображен сидя. Поза женщины или ребенка на полотнах XIX века непринужденная, выражение лица задумчивое или улыбающееся. Дети XX века, изображенные чаще всего (75%) в замкнутом пространстве, зажаты и напряжены.

Пространственная перспектива портретов коррелирует с локальным цветом (краски самого портрета) и общим фоном картины. Ребенок XIX века в 95% случаев изображен на фоне открытой местности (природа, море, небо, открытое окно). Локальный цвет представлен следующим образом: а - 45%, b - 3%, c - 7%, d - 45%. На заднем плане преобладают темные тона - 80%, передний план - светлые краски - 95%. Как отмечалось выше, изображение на полотнах современников, находится в закрытом пространстве (комната, квартира, стена). Локальный цвет: а - 20%, b - 70%, c - 6%, d - 4%. На картинах XX века преобладает светлый фон заднего и переднего плана.

Цветовая гамма претерпела ряд изменений в сторону агрессивности и беспокойства. Различные оттенки голубого и синего цветов в одежде и аксессуарах сменяются красным — от темного до огненно-алого. Чаще, чем ранее (20%), используются коричневый и серый цвета.

Любопытно отсутствие различий в использовании украшений. Эти атрибуты женственности наличествуют в живописи XIX и сохраняются на портретах XX столетий.

Ранее было отмечено, что небольшое значение при сравнительном анализе имеет не только то, что изображено и как, но то, кто писал портрет: пол, возраст, брачно-семейный статус художника.

Особых неожиданностей при сопоставлении этих параметров не было. В обоих периодах явно доминирует мужской гендер, модальный возраст художников 30-49 лет (80%). 90% русских художников имели семью и детей, чьи портреты и были написаны. Однако любопытным оказалось то, что именно семейная жизнь художника XX века практически не представлена. Даже в биографических справочниках подобная информация практически отсутствует.

Отдельно следует обратить внимание на появление нового тематического направления в живописи – спортивное. Детский спорт, по всей видимости, совершенно самостоятельное исследовательское направление как для социологов, так и для психологов и педагогов. Однако общие тенденции, о которых речь шла выше, прослеживаются и в данном случае. Локальный цвет этих картин представлен ярко-красными броскими тонами. Хотя эта яркость обусловлена, скорее всего, тематикой.

Тема спорта наиболее характерно отражает обезличивание гендера ребенка. Трудно определить не только пол, но и возраст. Зачастую по внешнему виду сложно понять, кто изображен: ребенок или взрослый человек. Все чаще в картинах спортивной тематики встречается феномен массовости. На примере спортивной

тематики можно проследить характер изменения пространства, в который помещен детский портрет. Нет ни одной картины, где был бы представлен «семейный» спорт.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. На фоне действия репродуктивных норм многодетности существовал определенный, характерный для эпохи фашизма образ семьи, который включал в себя образ женщины, наделенной практически безальтернативной ролью матери и образ ребенка, семейная социализация которого также была определена.

Основное, что характеризует женщин XIX века – состояние покоя и уверенности. Мягкость, округлость форм, женственность – все это символы матери и супруги. Женский костюм диктует стиль и манеру поведения, а в дальнейшем и психологическую установку. Семейно-центристские ценности и брачно-репродуктивные нормы определяют поведение столь же жестко, как и начинающие преобладать внесемейные ориентации, меняющие это традиционное поведение.

Открытое пространство картин XIX века, это символ свободы, символ неизведанного. Частое изображение ребенка на фоне неба задает тон в определении значимости изображения для художника. Открытое пространство – море, открытый пейзаж – символ неизведанных далей и перспектив, символ свободы.

Локальный и фоновый цвета определяются использованием ярких и сочных красок. В локальном цвете доминируют светлые или темные теплые тона. Теплота красок портрета во взаимосвязи с пространственной свободой символизирует детство как неотъемлемую часть жизни: природы и человека, «живое в живом». Следовательно

но, определяя символику XIX века, следует указать ряд символов: свобода, открытость, яркость, функциональная (семейно-ролевая) направленность.

Совершенно иначе выглядят дети XX века, века мало- и однодетности. Государство создает условия, чтобы не только освободить родителей от семьи, но и усугубить процесс отчуждения детей от семьи, предопределяя их будущие внесемейные роли.

Цветовая гамма картин XX века представлена однообразием холодных серых тонов. Даже в том случае, когда имеется яркий локальный цвет, чаще всего красный, это связано с функциональной направленностью изображаемой тематики (спорт) живописи.

Следовательно, символы однодетного общества – это замкнутость, ограниченность, безликость (гендерная и эмоциональная), функциональная внесемейная направленность.

Если исходить из того, что семья и связанное с ней детство вырастает из любви в качестве нравственно-энергетического начала, то картины XIX и XX веков можно охарактеризовать как разнополярные: позитивная энергетика картин прошлого столетия и «негреющие», а иногда и «отрицательно заряженные» картины современности. Необходимо отметить еще один момент. На этапе функционирования социальных норм, осуждающих рождение детей вне брака, все портреты детей художников можно отнести к семейным портретам. Во-первых, авторы этих работ на момент написания картин имели свои репродуктивные семьи, а во-вторых, никто из них не позволил бы себе публичную демонстрацию факта наличия внебрачного ребенка.

Современное общественное мнение к подобным ситуациям отно-

сится значительно лояльнее, поэтому никакой «семейной», а иногда и «гендерной» информации детский портрет XX века не несет.

В противовес взглядам относительно женской закрепощенности бытом в прошлые времена нужно отметить, что ощущаются гораздо большая закрепощенность и скованность на портретах нынешнего столетия. Образ «свободной» женщины более свойствен XIX веку. При этом следует оговориться. Свобода этих женщин, конечно, ограничена ритуалами, обычаями и традициями, характерными для первого этапа трансформации потребности в детях. В доиндустриальную эпоху возможность быть матерью и роль матери предавали смысл всему происходящему в жизни женщины. Материнство, отцовство, родительство – синонимы, явления, которые были невозможны одно без другого⁵. Включенность личности в социокультурные традиции, с одной стороны, развивала, а с другой стороны, ограничивала женщину в выборе деятельности, но она могла полностью проявить свою индивидуальность, выполняя роль супруги и матери. Существующий и отраженный в портретной живописи XIX века женский образ состоит из определенных символов, в значительной степени функциональных относительно реализации женщиной репродуктивных установок.

Символы же, составляющие женский портрет XX столетия, в большей мере ориентированы на внесемейные нормы и ценности. Женщина настоящего «закрепощена» не бытом и домохозяйством, а все более увеличивающимся набором ролей, прежде ей несвойственных. Новые социальные нормы не отменяют старые нормы се-

мейности, а накладываются на них. Оценка изменений, которые произошли в портретной живописи в связи с определенными установками на роль женщины в обществе, в контексте семейных и внесемейных ориентаций, подтверждает наличие конфликта этих ориентаций. Свобода выбора, вместо того чтобы раскрепощать личность, становится настолько сложной, трудной и дорогостоящей, что превращается в свою противоположность. Выбор оборачивается избытком выбора. Вывод очевиден: «освобождение» женщины может быть связано не с освобождением от пресловутого быта, посредством отчуждения от семьи, а с предоставлением ей максимума возможностей в выборе в момент включения в различные типы семейного поведения.

В прошлом идеалом были прочность и долговечность. Чтобы ни создал человек, дело его рук, в том числе и семья, служило максимальный срок. На смену экономики прочности приходит экономика недолговечности. Заменить вещь дешевле, чем ее отремонтировать. Все большее сокращение срока отношений между вещью и человеком, между человеком и человеком. В сущности принцип «использовал-выбросил» распространяется и на человека, на его отношение ко всему, что определяет семью как таковую – родство, родительство, супружество.

Установка на малодетность во многом связана с неуверенностью

в прочности и долговечности брака. Таким образом, каждая новая, абсолютно свободным образом созданная семья, оказывается в жестких рамках, заданных такими параметрами, как высокая разводимость, распространение неполных семей, внебрачная рождаемость. Причем, дети, рожденные в браке, имеют очень мало шансов быть с родным отцом, который, в свою очередь, воспитывает чужих детей. Свобода оказывается отрицанием свободы.

Ссылки:

1 Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С.118.

2 Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 2000. С.511.

3 Проневская И.В. Методологические проблемы исследования социальной ценности семьи (сравнительный анализ содержания литературных текстов XIX и XX вв.) // Фамилистические исследования. Т. 1.: Социологический анализ литературных и фольклорных текстов. М., 2009. С. 220.

4 Синельников А.Б. Трансформация семьи и развитие общества. М., 2008. С.14.

5 Проневская И.В. Методологические проблемы исследования социальной ценности семьи (сравнительный анализ содержания литературных текстов XIX и XX вв.) // Фамилистические исследования. Т. 1.: Социологический анализ литературных и фольклорных текстов. М., 2009. С. 223.

Влияние демографического статуса и семейного положения на общественное мнение

Синельников А.Б.

Статья основана на анализе данных 4-й волны ESS – Европейского социального исследования 2008 г. Автор сравнивает оценки систем образования и здравоохранения в 28 странах – участницах проекта ESS, включая Россию, а также изучает влияние семейного положения респондентов на их оценки состояния этих систем.

Ключевые слова: образование, здравоохранение, оценка, демографический статус, семейное положение.

Sinelnikov A.B.

Influence of demographic and family status to public opinion
The article is based on the analysis of data of 4th wave of ESS - European Social Survey 2008. Author compares the evaluations of education and public health services in 28 countries-participants of ESS project (including Russia) and also study an influence of family status of Russian respondents to theirs evaluations of these services.

Keywords: education, public health service, evaluation, demographic status, family status.

Общественное мнение о системах здравоохранения и образования в России и 27 других странах

Общественное мнение о здравоохранении и образовании имеет не меньшее значение, чем официальные статистические данные. Для простых людей важно не то, сколько медицинского персонала и больничных коек приходится на 1000 человек, а то, насколько доступна и эффективна медицинская помощь. То же касается системы образования: людей интересует главным образом ее качество, которое не учитывается государственной статистикой.

Оценка качества систем здравоохранения и образования может быть получена по результатам социологических опросов. Один из самых представительных опросов такого рода – международное сравнительное «Европейское социальное исследование» (European Social Survey - ESS).

«Европейское социальное исследование» – это академический проект, целью которого является попытка объяснить взаимосвязь между изменениями, которые сейчас происходят в социальных ин-

ститутах Европы и установками, верованиями и ценностями, а также поведением различных групп населения Европы. Инфраструктура проекта финансируется Европейским научным фондом, а конкретная реализация - научными фондами и институтами в каждой из стран-участниц. Россия приняла участие в исследовании в 2006 г. (3 волна [стадия] проекта) и в 2008 г. (4 волна). [1, 2, 3] Общее число анкет в 28 странах - 54988, в том числе в России - 2512. База данных Европейского социального исследования на английском языке размещена в Интернете в открытом доступе для всех желающих с возможностью построения таблиц и анализа данных в режиме онлайн [4]. По результатам третьей волны Европейского социального исследования была издана научная монография [5], а также ряд других публикаций [6, 7, 8, 9].

В анкете ESS более 500 вопросов, включая и вопросы об оценке состояния систем здравоохранения и образования в баллах по шкале от 0 («очень плохо») до 10 («очень хорошо»). Интегральным показателем оценки считается средний балл.

Средний балл оценки системы образования в своей стране, рассчитанный по ответам российских респондентов, составляет 4,54 (рис. 1), что на 0,43 балла ниже среднеевропейского уровня (4,97). По этому показателю Россия на 21 месте из 28 стран.

Самый высокий показатель - 7,72 балла - в Финляндии, самый низкий - в Греции - 3,6. Лишь в пяти странах (Португалия, Болгария, Израиль, Украина и Греция) показатели статистически достоверно ниже, чем в России. Жители четырех стран (Латвия, Венгрия, Румыния и Германия) оценивают свои национальные си-

стемы образования примерно так же, как и россияне - различия находятся в пределах статистической погрешности.

Жители остальных 18 стран (Финляндия, Дания, Бельгия, Швейцария, Чешская Республика, Норвегия, Эстония, Нидерланды, Кипр, Великобритания, Швеция, Польша, Словения, Словакия, Испания, Турция, Хорватия, Франция) удовлетворены своим здравоохранением значительно больше, чем россияне. Различия статистически значимы.

Еще хуже оценивают наши сограждане свое здравоохранение (Рис. 2) - в среднем лишь на 3,56 балла. Это почти на балл меньше, чем оценка системы образования и на 1,19 балла ниже, чем оценка системы здравоохранения в целом по 28 странам (4,75).

По среднему баллу оценки системы здравоохранения наша страна заняла лишь 24-е место. Хуже, чем у нас ситуация лишь в Греции, Болгарии и Украине. В Латвии, этот показатель примерно такой же, как в России - различие статистически не значимо.

Жители 23 государств (Бельгия, Швейцария, Финляндия, Израиль, Нидерланды, Испания, Швеция, Франция, Норвегия, Великобритания, Дания, Кипр, Турция, Чешская Республика, Эстония, Словения, Германия, Хорватия, Словакия, Португалия, Румыния, Венгрия, Польша) дают своим системам здравоохранения заметно более высокие оценки, чем россияне. Выше всего оценивают здравоохранение бельгийцы (7,41 балла).

Влияние демографического статуса

Оценка систем здравоохранения и образования во многом зависит от демографического статуса (пол,

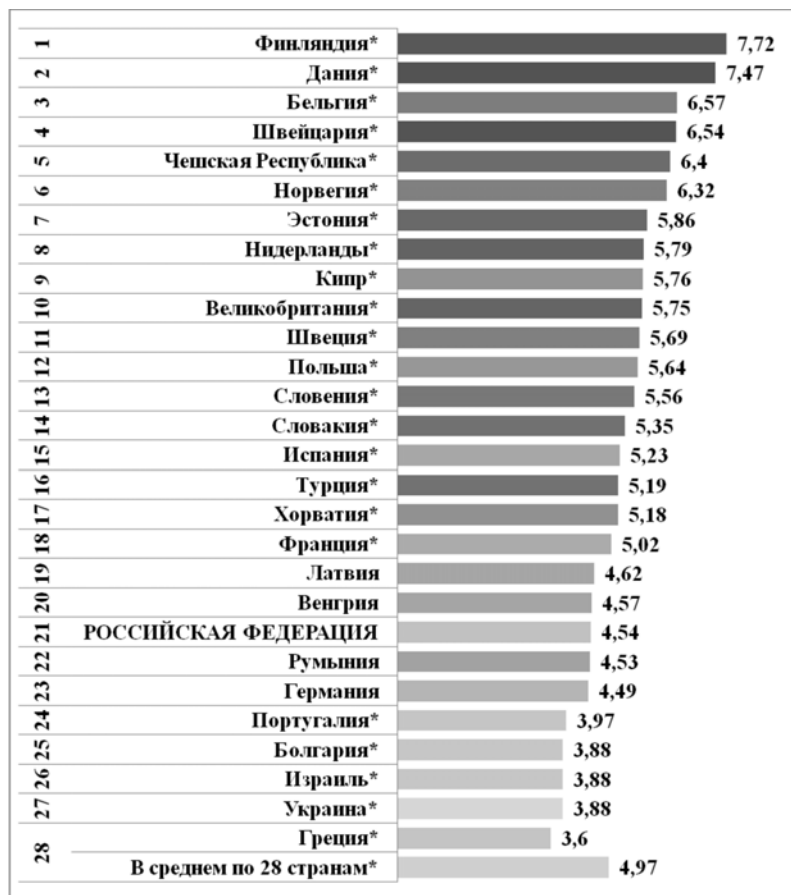

Рис. 1. Средний балл оценки (по шкале от 0 «очень плохое» до 10 «очень хорошее») системы образования¹.

1 Примечания к рис. 1 и 2: 1) Символ * означает, что различия между Россией и данной страной статистически значимы (t-критерий достоверности различий >2); 2) данные взвешены по «дизайн-весам» с учетом повышенных или пониженных шансов каждого из респондентов попасть в выборку (это примечание относится ко всем рисункам). Итоговый показатель в среднем по 28 странам рассчитан также с учетом популяционных весов (population weights), учитывающих долю взрослого населения каждой из стран в суммарной численности взрослого населения (от 15 лет и старше) всех стран-участниц Европейского социального исследования.

2* - различие между данной возрастной группой и следующей за ней (более старшей по возрасту) группой статистически значимо. Для самой старшей группы значимость не определяется, она видна по наличию или отсутствию символа * у предыдущей группы.

3* - различие между живущими и не живущими с супругами (гражданскими партнерами) статистически значимо.

4 Примечание:

(*) - различие между респондентами, живущими и не живущими с детьми (при прочих равных условиях) статистически значимо.

(**) - различие между мужчинами и женщинами (при прочих равных условиях) статистически значимо.

(***) - различие между респондентами, живущими и не живущими с супругами/гражданскими партнерами (при прочих равных условиях) статистически значимо.

5 Примечание:

(*) - различие между респондентами, живущими и не живущими с детьми (при прочих равных условиях) статистически значимо.

(**) - различие между мужчинами и женщинами (при прочих равных условиях) статистически значимо.

(***) - различие между респондентами, живущими и не живущими с супругами/гражданскими партнерами (при прочих равных условиях) статистически значимо.

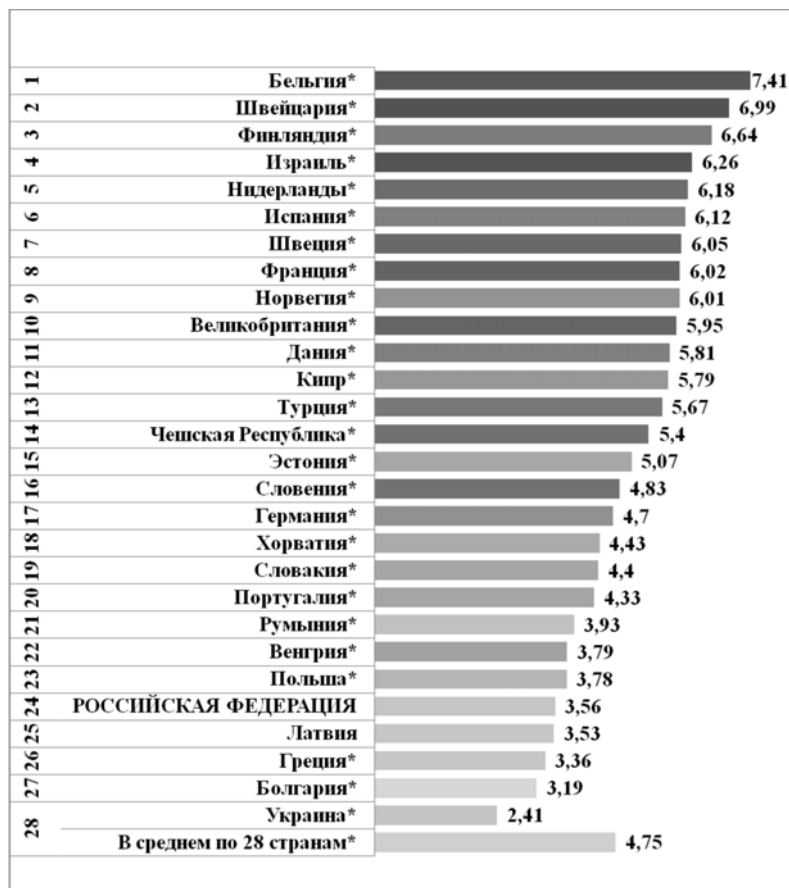

Рис. 2. Средний балл оценки системы образования в 28 странах.

возраст) и семейного положения (брачное состояние, наличие или отсутствие детей в семье) у тех людей, которые дают эту оценку.

Мужчины оценивают образовательную систему несколько ниже, чем женщины (4,41 балла против 4,64). Различие по полу невелико (0,23 балла), но значимо.

Систему здравоохранения российские мужчины оценивают ниже, чем женщины (3,36 балла против 3,70). Различие по полу (0,34 балла) несколько больше, чем в отношении системы здравоохранения.

Возраст респондентов больше влияет на их оценки, чем пол.

Выше всего оценивают нашу систему образования (в среднем на 5,23 балла) самые молодые респонденты от 15 до 29 лет. Однако даже их оценка составляет чуть более половины от максимально возможной величины (10 баллов). Следует отметить, что для них этот вопрос наиболее актуален: они либо учатся, либо сравнительно недавно учились.

Заметно ниже оценка со стороны следующей возрастной группы - 30-44 года. Она составляет 4,52 балла: на 0,71 балла меньше, чем у самых молодых респондентов. Различие между этими двумя возрастными группами статисти-

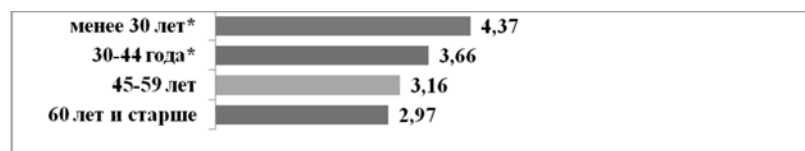

Рис. 3. Средний балл оценки системы образования у мужчин и женщин в РФ2.

чески значимо. Как правило, респонденты этой группы уже не учатся. Но у большинства есть дети, и чаще всего школьного возраста.

Еще ниже оценивают образовательную систему респонденты «старшего среднего возраста» (от 45 до 59 лет) – 4,12 балла, т.е. на 0,4 балла ниже, чем в предыдущей возрастной группе. Различие статистически достоверно. Школьные и даже студенческие годы для респондентов этого возраста далеко в прошлом. Но у многих из них есть дети – либо старшеклассники, либо студенты.

Пожилые респонденты (от 60 лет и старше) оценивают образовательную систему на 4,14 балла, т.е. так же, как представители предыдущей возрастной группы (45–59 лет). Для них проблемы образования не утратили актуальности, потому что у многих учатся внуки.

Возраст респондентов влияет и на оценки системы здравоохранения. (рис. 3).

Выше всего оценивают систему здравоохранения – в среднем на 4,37 балла – самые молодые россияне, которым еще нет и 30 лет. У них меньше проблем со здоровьем, чем в более старших возрастах. Но даже их оценка заметно ниже середины шкалы измерения.

Уже в возрасте 30–44 года оценка составляет лишь 3,66 баллов – на 0,61 балла ниже, чем в предыдущей группе, причем различие статистически значимо. У респон-

дентов данной возрастной группы больше проблем со здоровьем, чем у самых молодых. Кроме того, они обеспокоены проблемами со здоровьем своих детей.

Еще хуже состояние здоровья у лиц «среднего старшего возраста» (45–59 лет). Им значительно чаще, чем более молодым, приходится обращаться за медицинской помощью. Вероятно, поэтому они оценивают состояние нашей системы здравоохранения лишь на 3,16 балла. Различие в 0,5 балла с предыдущей группой (30–44 года) значимо.

Самую низкую оценку – 2,97 балла – дают представители самой старшей возрастной группы (60 лет и более). Однако эта оценка лишь на 0,19 балла ниже оценки группы 45–59 лет. Столь небольшое и статистически не значимое различие может объясняться «омоложением» сердечнососудистых и других хронических заболеваний. В прошлом от этих патологий страдали главным образом пожилые люди. Но уже в течение нескольких десятилетий мужчины и женщины от 45 до 59 лет все чаще болеют, становятся инвалидами и даже умирают от болезней, которые прежде считались «старческими».

Влияние семейного положения

Заметное влияние на оценку системы образования оказывает **брачное состояние** респондентов. При заполнении анкеты Европейского социального исследования, как и при переписи населения,

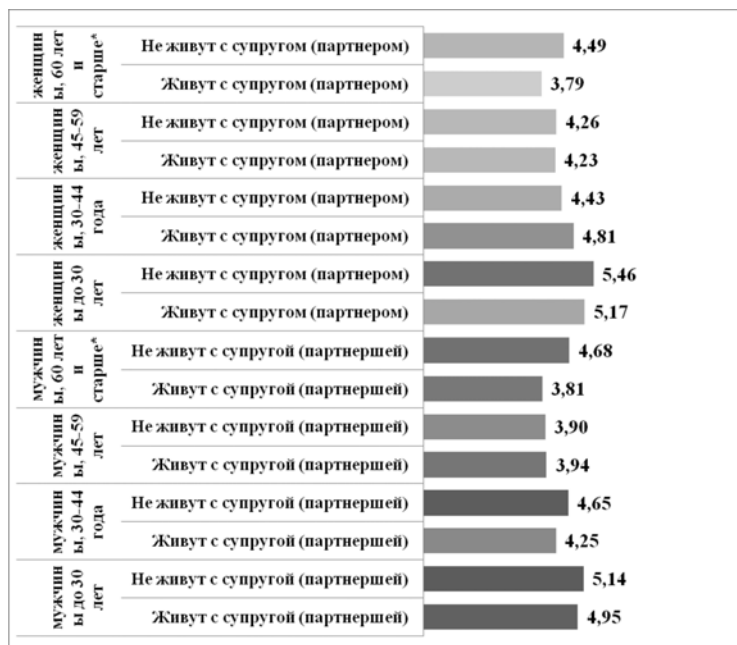

Рис. 4. Средний балл оценки системы образования у мужчин и женщин разных возрастов, живущих или НЕ живущих с супругами (или гражданскими партнерами)3 .

составлялся список членов семьи (домохозяйства), постоянно проживающих вместе с респондентом. Для каждого указывалось, кем он приходится самому респонденту. Состоящими в браке считались те, у кого в списке членов семьи был законный супруг (супруга) или гражданский партнер (партнерша). Критерий состояния в браке - совместное проживание, а не «штамп в паспорте». Неженатые мужчины оценивают образовательную систему выше, чем женатые (4,89 против 4,15). Различие (0,74 балла) статистически значимо.

Незамужние женщины также оценивают систему образования в среднем несколько выше, чем замужние (4,78 балла против 4,50). Различие (0,28 балла) статистически значимо, но оно заметно (в 2,5 раза) меньше, чем аналогичное различие между женатыми и неженатыми мужчинами.

Вероятно, дело в том, что неженатые мужчины либо не имеют детей, либо (в случае развода) живут отдельно от своих детей, и, как правило, не поддерживают с ними тесной связи. Поэтому проблема образования для них менее актуальна.

Что же касается незамужних женщин, то очень многие из них имеют детей. И проблема образования для этих женщин не менее важна, чем для замужних.

Брачное состояние влияет и на отношение к системе здравоохранения. Неженатые мужчины оценивают эту систему выше, чем женатые (3,83 балла против 3,11). Разница составляет 0,72 балла и статистически существенна.

Незамужние женщины тоже дают системе российского здравоохранения в среднем несколько более высокую оценку, чем замужние (3,81 балла против 3,60).

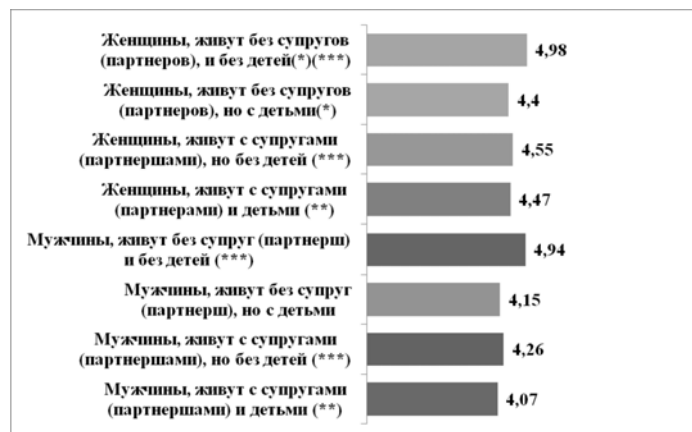

Рис. 5. Средний балл оценки системы образования у мужчин и женщин, в зависимости от наличия (или отсутствия) в составе их семей супругов (гражданских партнеров) и детей⁴.

Однако различие между этими показателями очень мало (0,21 балла) и не выдерживает проверку на статистическую значимость.

Действие фактора брачного состояния по-разному проявляется у мужчин и женщин в тех или иных возрастах (рис.4). Как у мужчин, так и у женщин в молодых и средних возрастах в рамках одной и той же укрупненной возрастной группы, нет статистически значимых различий между оценками системы образования между лицами, которые состоят или не состоят в фактическом браке, то есть, живут или не живут в одном домохозяйстве с законными или гражданскими супругами.

Такие различия существуют только после 60 лет. Мужчины этого возраста, состоящие в браке, оценивают систему образования более критически, чем не состоящие в браке (3,81 балла против 4,68). Разница в 0,87 балла значима.

Та же закономерность проявляется и у пожилых женщин. Замужние оценивают образовательную систему на 3,79 балла, незамужние – на 4,49 балла. Разница

составляет 0,7 балла и статистически вполне достоверна.

Сходная закономерность проявляется в отношении средних баллов оценки состояния системы общественного здравоохранения. В данном случае фактор брачного состояния оказывает статистически значимое влияние на эти оценки только в пожилых возрастах, но лишь у мужчин. Женатые мужчины старше 60 лет оценивают наше здравоохранение в среднем на 2,59 балла, не женатые – на 3,28 балла. Разница составляет 0,59 балла и является статистически существенной. У замужних женщин этого же возраста средний балл составляет 2,81, у незамужних – 3,25. Разница между этими показателями равна 0,44 балла, то есть, меньше, чем у мужчин, и, с учетом численности респондентов, принадлежащих к соответствующим демографическим группам, не выдерживает проверки на статистическую значимость.

Отношение к системе образования и здравоохранения зависит не только от пола и брачного статуса респондентов, но и от присутствия (либо отсутствия) детей в составе их семей (рис. 5).

Самую скептическую оценку системы образования (4,07 балла) дают мужчины, живущие в полных семьях, то есть вместе с женами (либо гражданскими партнерами) и детьми. У женщин с таким же семейным положением средняя оценка составляет 4,47 балла, то есть, на 0,4 балла выше, чем у мужчин. Различия статистически достоверно.

Однако гендерный фактор влияет на средние оценки системы образования только в полных семьях с детьми. Среди респондентов с другими семейными обстоятельствами (не имеющих либо супругов (партнеров), либо детей, либо ни тех, ни других) статистически достоверных различий между мужчинами и женщинами не наблюдается.

С теоретической точки зрения, главным фактором, влияющим на оценку состояния системы образования должно быть само по себе присутствие (либо отсутствие) детей в составе семьи респондента. Однако расчеты показывают, что действие этого фактора реально проявляется лишь при сравнении двух групп респондентов.

Первая из этих групп – матери в неполных семьях, т.е. женщины, у которых нет супругов (партнеров), но есть дети, проживающие вместе с ними. Средний балл оценки системы образования по этой группе равен 4,40.

Вторая группа – незамужние женщины, не имеющие детей или проживающие отдельно от детей. Средний балл для них составляет 4,98, то есть, на 0,58 балла выше, чем в первой группе. Различия между показателями достоверно.

Сходная картина наблюдается при сравнении двух соответствующих групп мужчин – отцов в неполных семьях с детьми (средний балл – 4,15) и неженатых мужчин без детей (средний балл –

4,98). В данном случае различия средних баллов достигает 0,79, что даже больше, чем у женщин. Но у мужчин это различие статистически незначимо, потому что первая группа (отцы в неполных семьях) очень невелика: в нее входит лишь 25 респондентов. Малочисленность этой группы в выборочной совокупности отражает тот факт, что и в генеральной совокупности одинокие отцы – большая редкость. В то же время в выборку попало 237 матерей в неполных семьях. Пропорция между «отцовскими» и «материнскими» неполными семьями близка к соответствующему соотношению по данным переписи 2002 г.

В то же время для людей, состоящих в браке, наличие или отсутствие детей в составе семьи почти не влияет на оценку системы образования.

Женатые мужчины, в чьих семьях есть дети, дают среднюю оценку 4,07 балла, а женатые мужчины, у которых нет детей или дети уже отделились от родительской семьи, оценивают состояние системы образования в среднем на 4,26 балла. Разница (0,19 балла) очень мала и статистически несущественна.

Еще меньше это различие между замужними женщинами с детьми (4,47 балла) и без детей (4,55 балла). В данном случае разница составляет лишь 0,08 балла, и о статистической достоверности речи не идет.

Сам по себе брачный статус, точнее говоря, наличие (или отсутствие) супруга (либо гражданского партнера) в составе семьи имеет значение лишь для респондентов, у которых нет детей или чьи дети живут отдельно.

Женатые мужчины без детей оценивают систему образования на 4,26 балла, а неженатые (тоже без

детей) – на 4,94 балла. Различие (0,68 балла) является значимым.

Замужние женщины, у которых нет детей, оценивают эту же систему на 4,55 балла, а незамужние (также без детей) – на 4,98 балла. Различие (0,43 балла) статистически существенно.

В целом наиболее высокие оценки системы образования дают те респонденты, для которых эта проблема наименее актуальна, т.е. мужчины и женщины, у кого в составе семьи нет ни супругов, ни детей. Правда, не все они одинокие. Многие живут с родителями, некоторые – сами учатся. Но к своему образованию люди относятся иначе, чем к образованию, которое получают их дети. У родителей нередко бывает больше претензий к школам, в которые ходят их дети, чем у самих детей.

Те же самые параметры семейного положения в некоторых случаях оказывают заметное влияние на оценку системы здравоохранения (рис. 6). Судя по ответам женщин-респондентов, наличие детей в составе семьи влияет на отношение к системе здравоохранения. Однако у мужчин этот фактор не действует. Замужние женщины-матери в полных семьях с детьми оценивают систему здравоохранения несколько выше (в среднем на 3,76 балла), чем замужние женщины в полных семьях без детей (3,38 балла). Разница (0,38 балла) не очень велика, но все же статистически значима.

С другой стороны, незамужние, то есть, одинокие матери в неполных семьях с детьми, напротив, дают более низкую оценку нашему здравоохранению (3,49 балла), чем незамужние женщины без детей (3,97 балла). Различие между этими двумя группами составляет 0,48 балла и статистически оно достоверно.

Интересно, что на мужчин ни та, ни другая закономерность не распространяется. Вероятно, они оценивают здравоохранение, как правило, на основании своих обращений в медицинские учреждения по поводу собственного здоровья. Женщины же рассматривают больницы и поликлиники не только как пациентки, но и как матери больных детей.

Иначе говоря, оценивая систему здравоохранения, мужчины имеют в виду главным образом больницы и поликлиники, предназначенные для взрослых, а женщины принимают в расчет также и детские больницы и поликлиники. К сожалению, в анкете Европейского социального исследования не было вопросов об отношении к различным типам медицинских учреждений, респондентам предлагалось оценить только всю систему здравоохранения в целом. Не исключено, что многие люди в нашей стране считают, что дети в России получают более квалифицированную медицинскую помощь, чем взрослые.

Гендерный фактор влияет на отношение к системе здравоохранения (так же, как и к системе образования) только в семьях одного типа, но этот тип является основным. Речь идет о полных семьях, то есть, о супружеских (или «гражданских», если брак не оформлен) парах с детьми.

Женатые мужчины – «отцы семейств», оценивают нашу систему здравоохранения в среднем всего на 3,1 балла, что является, как и в случае с образованием, самой низкой оценкой по сравнению со всеми другими группами респондентов (Рис. 14). Замужние женщины – «матери семейств» выставляют российским медицинским учреждениям более высокую среднюю оценку – 3,76 баллов. Разни-

Рис. 6. Средний балл оценки системы здравоохранения у мужчин и женщин, в зависимости от наличия (или отсутствия) в составе их семей супругов (гражданских партнеров) и детей⁵.

ца составляет 0,66 балла. По статистическим критериям достоверности различий она весьма значима.

С другой стороны, не было выявлено статистически значимых различий между ответами женатых мужчин и замужних женщин, не имеющих детей или проживающих отдельно от них, между ответами одиноких отцов и одиноких матерей, между ответами неженатых мужчин без детей и незамужних женщин также без детей.

Фактор брачного состояния так же, как и в отношении оценки системы образования, имеет значение только для респондентов, у которых нет детей или они есть, но живут отдельно от родителей.

Мужчины, которые живут с законными или «гражданскими» супругами, но без детей, оценивают деятельность системы здравоохранения в среднем на 3,13 баллов, а мужчины, у которых нет ни супруг, ни детей – на 3,87 баллов, то есть, на 0,74 балла выше. Это различие статистически существенно.

Женщины, которые проживают совместно с мужьями (независимо от регистрации брака), но не имеют детей, либо их дети уже выдели-

лись из семьи, выставляют системе здравоохранения среднюю оценку 3,38 балла, что на 0,59 балла ниже средней оценки, рассчитанной по ответам женщин, у которых в составе семьи нет ни супругов (партнеров), ни детей (3,97 балла).

Заключение

По данным четвертой волны (стадии) Европейского социального исследования, проведенного в 2008 г., в котором приняли участие 28 стран, в том числе и Российская Федерация, большинство респондентов в нашей стране весьма критически оценивают состояние отечественных систем образования и здравоохранения.

Средний балл оценки системы образования (по 10-балльной шкале) в своей стране, рассчитанный по ответам российских респондентов, составляет 4,54, что на 0,43 балла ниже среднеевропейского уровня (4,97). По этому показателю Россия заняла лишь 21-е место.

Еще критичнее наши соотечественники оценивают отечественную систему здравоохранения – в среднем лишь на 3,56 балла, то есть, почти на балл меньше, чем

оценка системы образования и на 1,19 балла ниже, чем оценка системы здравоохранения в целом по 28 странам (4,75). По оценке системы здравоохранения наша страна заняла лишь 24-е место.

В целом **наиболее высокие оценки** системы образования дают те респонденты, для которых эта проблема **наименее актуальна**, то есть, мужчины и женщины, у которых в составе семьи нет ни супругов, ни детей. Правда, не все они одинокие. Многие живут с родителями, некоторые – сами учатся. Но к своему образованию люди относятся иначе, чем к образованию, которое получают их дети. У родителей нередко бывает больше претензий к школам и институтам, в которые ходят их дети, чем у самих детей.

Наиболее высокие оценки системы здравоохранения дают самые молодые респонденты (в возрасте до 30 лет), т.е. те, у кого относительно редко возникают серьезные проблемы со здоровьем и для кого эта проблема **менее актуальна**, чем для респондентов более старших возрастов, которые оценивают систему здравоохранения значительно ниже. Чем старше респонденты, тем хуже у них состояние здоровья. Чем чаще им приходится обращаться за медицинской помощью, тем негативнее они оценивают качество этой помощи.

В некоторых случаях на оценку системы здравоохранения влияет также и семейное положение респондентов. Судя по ответам женщин, наличие детей в составе семьи оказывает влияние на их отношение к системе здравоохранения.

Замужние женщины-матери в полных семьях с детьми оценивают систему здравоохранения несколько выше (в среднем на 3,76 балла), чем незамужние женщины в полных семьях без детей (3,38 балла).

В то же время незамужние, то есть, одинокие матери в неполных семьях с детьми, напротив, дают более низкую оценку нашему здравоохранению (3,49 балла), чем незамужние женщины без детей (3,97 балла).

Однако на мужчин ни та, ни другая закономерность не распространяется. Вероятно, они оценивают систему здравоохранения главным образом на основании своих обращений в медицинские учреждения по поводу собственного здоровья. Женщины же рассматривают больницы и поликлиники не только как пациентки, но и как матери больных детей.

Иначе говоря, оценивая систему здравоохранения, мужчины имеют в виду главным образом медицинские учреждения, предназначенные для взрослых, а женщины принимают в расчет также и детские больницы и поликлиники. В анкете не было вопросов об отношении к различным типам медицинских учреждений. Респондентам предлагалось оценить только всю систему здравоохранения в целом. Не исключено, что многие люди в нашей стране считают, что дети в России получают более квалифицированную медицинскую помощь, чем взрослые.

Гендерный фактор влияет на отношение к здравоохранению (и к образованию) только в полных семьях, то есть, в супружеских (или «гражданских», если брак не оформлен) парах с детьми. Но этот тип семьи является основным и самым массовым.

Женатые мужчины – «отцы семейств», оценивают нашу систему здравоохранения на 3,1 балла, что является, как и в случае с образованием, самой низкой оценкой по сравнению со всеми другими группами респондентов. Замужние женщины – «матери

семейств» оценивают наше здравоохранение на 3,76 баллов. Гендерная разница значима, однако, и эта оценка очень низкая.

С другой стороны, нет статистически значимых различий между ответами женатых мужчин и замужних женщин, не имеющих детей или проживающих отдельно от них, между ответами одиноких отцов и одиноких матерей, между ответами неженатых мужчин без детей и незамужних женщин также без детей.

Фактор брачного состояния также, как и в отношении оценки системы образования, имеет значение только для респондентов, у которых нет детей или они есть, но живут отдельно от родителей.

Мужчины, которые живут с законными или «гражданскими» женами, но без детей, оценивают деятельность системы здравоохранения в среднем на 3,13 баллов, а мужчины, у которых нет ни супругов, ни детей – на 3,87 баллов. Различия статистически достоверно.

Женщины, которые проживают совместно с мужьями или партнерами, но не имеют детей, либо имеют детей, которые уже выделились из семьи, выставляют системе здравоохранения среднюю оценку 3,38 балла, что на 0,59 балла ниже средней оценки, рассчитанной по ответам женщин, у которых в составе семьи нет ни супругов (или партнеров), ни детей (3,97 балла).

Даже в тех группах, где средние оценки являются наиболее высокими (по сравнению с другими группами), эти оценки почти всегда составляют менее 5 баллов в отношении образования и менее 4 баллов в отношении здравоохранения, хотя максимально возможная оценка в анкете составляет 10 баллов. Это заставляет всерьез задуматься о качестве систем образования и здравоохранения в нашей стране.

Ссылки:

1 Подробнее об этом исследовании, включая анкету на русском языке см.: www.ess-ru.ru.

2 См. также: www.cessi.ru — сайт Института сравнительных социальных исследований, который проводил это исследование в России (координатор проекта от российской стороны А.В. Андреевкова).

3 О ESS на английском языке см.: www.europeansocialsurvey.org.

4 На сайте <http://nesstar.ess.nsd.uib.no/webview/>

5 Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» / под общей редакцией А.В. Андреевковой и Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2009. – 384 С.

6 Антонов А.И., Медков В.М., Синельников А.Б., Соколов А.А. Фамилистический анализ данных Европейского социального исследования // Европейское социальное исследование: изучение базовых социальных, политических и культурных изменений в сравнительном контексте. Россия и 25 стран Европы. Аналитический доклад. М.: Институт сравнительных социальных исследований, март 2008 г. – 89 С.

7 Антонов А.И., Лебедь О.Л., Соколов А.А. Семья, брак и удолетворенностью жизнью в России и в Европе // Фамилистические исследования. Том 2. Миллион мнений о семье и о себе: сборник / отв. ред. А.И. Антонов. М.: КДУ. 2009. С. 207-244.

8 Соколов А.А. Семья – установка, выбор действий, последствия в России и в Европе // Фамилистические исследования. Том 2. Миллион мнений о семье и о себе: сборник / отв. ред. А.И. Антонов. М.: КДУ. 2009. С. 244-292.

9 Синельников А.Б. Критерии социальной зрелости в России и европейских странах // Социология. № 1-2. 2009. С. 80-100.

Роль семьи в формировании политической толерантности

Устинова И.В.

В статье сформулированы концептуальные основы понятия политической толерантности; описываются особенности её проявления в субкультуре студентов; анализируется роль семьи и её параметров в формировании установок политической толерантности и интолерантности индивидов.

Ключевые слова: политическая толерантность, социальная установка, социальная идентификация, социальная категоризация, параметры семьи.

Ustinova I.V.

The family role in formation of political tolerance

In this article the conceptual bases of political tolerance concept are formulated; the features of its display in student body subculture are described; the family and its parameters role in political tolerance and intolerance attitudes formation of individuals are analyzed.

Keywords: political tolerance, social attitude, social identification, social categorization, family parameters.

О толерантности сегодня написано немало. Активно проводятся семинары и научно-практические конференции, на которых звучат призывы распространять ценности толерантности в обществе. Вместе с тем категория эта достаточно неопределенного содержания. Произведя анализ всевозможных дефиниций толерантности, мы остановились на варианте, где «толерантность» понимается как уважение культурных **отличий** – верований, образа жизни, системы ценностей «Другого», «Иного». Толерантность по отношению к группе «своих» не имеет смысла, потому как речь уже идет о согласии и идентификации себя с группой.

Толерантному или интолерантному отношению всегда предшествует процесс социальной идентификации и социальной категоризации, когда человек начинает дифференцировать «своих» и «чужих» («других»). Востребованность толерантности и толерантного поведения как социальных ценностей связывается с процессами глобализации, которые приводят к значительным изменениям соци-

ального порядка. Об этом пишут теоретики глобализации и модернизации, в частности С. Хантингтон, Р. Робертсон, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, М. Кастельс, А. Турен, А.Этциони, Д. Розенау. В результате происходит интенсивное взаимодействие разнообразных культур, образов и укладов жизни, а значит мировоззренческих, ценностных систем. Однако следует отметить, что толерантность имеет отношение не только к «другому» в культурологическом смысле (и в этом плане говорят о религиозной толерантности, толерантности к национальным и этническим меньшинствам), но и в социальном, когда толерантность актуализируется в условиях социальной стратификации. В этом смысле говорят о толерантности к уязвимым в социальном отношении социальным группам, таким как инвалиды, пожилые люди, материально необеспеченные люди. Специфическим полем или подпространством в рамках социального пространства выступает поле политики и здесь актуализируется толерантность к политическим оппонентам или политическая толерантность.

В самом широком смысле политическая толерантность означает признание прав политического оппонента на выражение своих интересов и позиции в политическом пространстве, его претензии на политическую власть и право вести борьбу в соответствии со своими интересами.

Важное замечание, которое необходимо здесь сделать, состоит в том, что политическая толерантность не означает согласия с точкой зрения политического оппонента, она допускает определенную конкуренцию и соперничество, потому как это неотъемлемые атрибуты политики. Однако

политическая толерантность реализуется через формы институционализированной политической конкуренции, т. е. борьбы по определенным правилам. Особое значение политическая толерантность приобретает в демократиях, когда реализуется принцип политического плюрализма. В таких условиях политическая толерантность выступает как способ снижения деструктивной политической конфликтности в обществе.

В 2008 г. было проведено исследование, предметом которого выступила политическая толерантность студентов. Цель исследования сводилась к выявлению объективных факторов, которые способствуют политической толерантности/интолерантности индивида. В результате анкетирования, которое осуществлялось в аудиториях во время академических занятий студентов, было опрошено 449 человек. Опрос проведен в Кольском филиале Петрозаводского государственного университета. КФ ПетрГУ – единственный из трёх самых крупных вузов Мурманской области, в равной степени занимающийся подготовкой специалистов как технического, так и общественно-гуманитарного профиля. Кроме того, имеющиеся эмпирические исследования¹ показывают, что контингент обучающихся в КФ ПетрГУ представлен жителями всех населенных пунктов Мурманской области. В качестве объекта исследования выступили студенты очной формы обучения. Общая численность студентов очного отделения КФ ПетрГУ на конец сентября 2008 г. составляла 2092 человек. Отбору подлежали студенты 1 и 5 курсов факультетов общественно-гуманитарных и естественно-технических дисциплин, что задано сравнительными задачами исследования². Ошибка

выборки рассчитана по формуле ошибки репрезентативности для стратифицированной выборки (пропорциональный отбор) (с квотами по факультетам и курсам) и варьируется в пределах $\pm 4\%$ при коэффициенте доверия равном 2 ($P(t)=0,954$).

В основу исследования положены идеи структурной парадигмы объяснения социальной реальности. Автором проверялась связь показателей политической толерантности/интолерантности с набором социально-демографических переменных. Один из блоков анкеты включал вопросы, которые направлены на выявление характеристик семьи респондента. В качестве одной из гипотез, которая выдвигалась на этапе планирования исследования, выступило предположение, что конфигурация семьи индивида, наряду с другими структурными факторами, играет определенную роль в формировании его ценностных ориентаций и социально-политических установок, в том числе обуславливает его политическую толерантность.

В исследовании изучалась установка студентов на политическую толерантность, которая рассматривалась через трехкомпонентную структуру, в частности реакция респондентов на политический объект на когнитивном, аффективном и конативном уровне. На основе показателей толерантности/интолерантности на каждом из трех уровней установки была выявлена общая тенденция политической толерантности. В исследовании, как один из вариантов, замерялись установки студентов на чуждую им политическую партию. В статье представлены результаты относительно толерантности к политическим партиям, поскольку именно партийные предпочтения у студентов оказались более выраженными

в сравнении с другими видами политических идентификаций.

Институт семьи играет в сравнении с другими социальными институтами решающую роль в рамках процессов социализации подрастающего поколения, потому как именно она выступает в качестве первичного института социализации индивида. Воздействие семьи, причем непосредственное, начинается с самых ранних этапов жизни человека, когда только еще начинают формироваться его мировоззрение и ценностные ориентации в самом раннем возрасте, фактически с нуля. Это означает его большую влияние в сравнении с остальными агентами социализации, по крайней мере, на начальном этапе.

Семья для большинства людей является той первичной непосредственной средой, где происходит взросление человека, его воспитание, формирование как личности. Прежде всего, воздействие родителей, которые ответственны за воспитание ребенка с первых дней его жизни, определяет то, насколько человек успешно усвоит и освоит окружающий его социальный мир с его нормами, правилами и системой запретов, системой должного и возможного. Родители, выступая авторитетами для ребенка, показывают, что представляет ценность в окружающем его мире, а что нет, тем самым задавая векторы и ориентиры для его дальнейшего поведения и действий, формируя систему его ценностных ориентаций. Кроме того, семья определяет стартовые возможности для человека, интегрируя его в систему самых разнообразных социальных отношений через предписанную или природженную статусно-ролевую систему.

Процессы политической социализации как части общей социа-

лизации личности, и, прежде всего, на её допартиципаторной стадии, также являются производной от того, какие политические настроения и политические предпочтения преобладают в семейной среде, какие модели политического поведения демонстрируют родители. Согласно исследованиям, семья является важнейшим источником политической информации для молодого поколения. Так, 83% подростков слышат политическую информацию от родителей и 41% участвуют в семейных разговорах на эту тему³. Под влиянием родителей, как агентов социализации, формируются политические установки и ориентации детей в отношении политических партий и их лидеров, лидеров государства, региона и города, их решений, политических событий и процессов. Модель политической социализации, свойственная тем или иным семьям, определяет фундаментальные основы политических ценностей и политического поведения ребенка в будущем, на партиципаторной стадии политической социализации, когда он получает свои политические и гражданские права и возможность политической активности. Гурко Т. А., изучая черты характера, которые хотели бы воспитать в своих детях их матери, выявила, что они в большей мере ориентированы на воспитание конформистских ценностей (46%)⁴. В целом, согласно исследованиям, качество политической социализации в конкретных семьях во многом обусловлено социальным положением родителей, включая их уровень образования, профессиональный статус (должностной и род занятий), партийную принадлежность, экономический капитал, культурный капитал.

В нашем исследовании обнаружилась статистически значимая

связь, в результате анализа CHAID, а так же с использованием статистики χ^2 , лишь с некоторым числом переменных, относящихся к характеристикам семьи и условиям социализации студентов. Проверялась связь установки на толерантность студента с такими характеристиками его семьи, как состав, экономическое положение, этническая конфигурация, образовательный капитал как составляющая культурного капитала, профессиональный статус родителей, их вовлеченность в деятельность общественно-политических объединений. В статье представлены только те результаты анализа, в рамках которых были выявлены статистически значимые связи.

Типология семей возможна по различным основаниям. В исследовании использовался критерий состава семьи. Статистический анализ показал, что абсолютное большинство студентов проживает в полных семьях (53%), четверть – в расширенных (23%), т. е. совместно не только с родителями, но и с другими родственниками (например, бабушками и дедушками), однако порядка четверти живет в неполных семьях (24%). Статистический анализ позволяет заключить, что студенты из неполных семей демонстрировали установки толерантного отношения чаще, в отличие от тех, кто проживает в расширенных или полных семьях (табл. 1).

Возможна типология семей в зависимости от её экономического капитала, т. е. дохода родителей. В нашем случае в качестве индикаторов этой характеристики использовалась субъективная оценка студентов экономического положения собственной семьи, в которой они проживают, на основе чего стало возможным дифференцировать семьи с высоким, средним и низким доходом.

Таблица 1

Тенденция толерантности студентов в зависимости от состава семьи, в которой воспитывался, (% по группе, N=161).

Варианты отношения к политической партии-оппоненту	Расширенная семья	Полная семья	Неполная семья
модель интолерантности	78,0	84,1	73,7
модель толерантности	22,0	15,9	26,3
Итого	100	100	100

Таблица 2

Тенденция толерантности студентов в зависимости от экономического капитала семьи, в которой воспитывался (% по группе, N=159).

Варианты отношения к политической партии-оппоненту	Экономический капитал семьи		
	Высокий	Средней	Ниже среднего
модель интолерантности	80	81,8	100
модель толерантности	20	18,2	0
Итого	100	100	100

Таблица 3

Тенденция толерантности студентов в зависимости от должностного статуса матери (% по группе, N=145).

Варианты отношения к политической партии-оппоненту	Руководящая должность	Не руководящая должность
модель интолерантности	72,7	84,4
модель толерантности	27,3	15,6
Итого	100	100

Экономический капитал семей, в которых воспитывались студенты, по выборке оказался достаточно высоким. Полученные показатели позволяют сделать вывод о достаточно высоких оценках студентами экономического уровня своей семьи. Так, порядка 80,2% студентов оказалось возможным отнести к людям, проживающим в семьях с высоким уровнем доходов, 15,4% - в семьях со средним уровнем дохода и лишь 1,1% - в семьях низким уровнем. Результаты статистического анализа позволили сделать вывод о том, что в семьях с хорошим уровнем материального положения воспитываются чаще толерантные дети, а в семьях с неудовлетворительным уровнем материального положения, напротив, нетолерантные (табл. 2).

Показатели интолерантности студентов, воспитывающихся в

семьях со средним или ниже среднего уровня доходов несколько выше, что в свою очередь было подтверждено также результатами анализа с помощью модуля SPSS «деревьев классификации» по методу CHAID.

В семьях, где родители занимают руководящие позиции, дети продемонстрировали установки несколько более толерантного отношения к политическим партиям и, наоборот, в семьях, где родители не являются руководителем, - нетолерантное отношение. Эта тенденция более заметна на примере семей, где мама является руководителем (табл. 3).

Дети, чьи родители заняты в промышленном производстве, являются военнослужащими или работниками правоохранительных органов, чаще проявляли интоле-

рантную реакцию на политические партии, нежели тех, чьи родители заняты в сельском (лесном) хозяйстве. Интересен момент: у детей, чьи родители являются пенсионерами или мать – домохозяйка, продемонстрировали несколько более высокие показатели толерантности в сравнении с другими группами.

Образовательный капитал семьи, т. е. количество лет, потраченных родителями на получение образования, можно рассматривать как один из показателей культурного капитала семьи. Образование формирует мыслящую личность, критически и рационально воспринимающую информационные потоки. В исследовании проверялась связь между установкой индивида на толерантность/интолерантность и образованием его родителей. Выявилась тенденция, согласно которой чем выше образовательный статус родителей, тем более высокие показатели политической толерантности детей, и наоборот.

Научный интерес представляет также влияние политической активности родителей на политическую толерантность их детей. В исследовании в частности как возможный показатель активности в политике выделялся критерий вовлеченности родителей в общественно-политические организации (ОПО). К сожалению, показатель вовлеченности по выборке оказался чрезвычайно не высоким: только у 3,9% из 449 опрошенных студентов родители так или иначе участвуют в ОПО, среди которых были указаны «Единая Россия» (44,4%); Яблоко (22,2); ЛДПР (11,1); Справедливая Россия (11,1%); профсоюз (11,1%). Этот показатель вполне коррелирует с данными по России в целом, когда большинство россиян не участвует в деятельности каких-либо ОПО.

Этот фактор представляется целесообразным изучать с помощью более глубоких методов, нежели массовое анкетирование людей, где в качестве индикаторов политической активности в том числе необходимо закладывать более обширный перечень, а не только лишь вовлеченность в деятельность ОПО, например, политические настроения и политические ориентации родителей, политическая активность родителей в контексте избирательного процесса, информационного политического потребления и пр.

Мы вправе заключить: статистический анализ подтвердил гипотезу о том, что параметры семей, в которых воспитывался индивид, действительно имеют значение, когда речь идет и о такой социальной ценности, как политическая толерантность, и выступают в качестве объективных факторов, определяющих установки индивида, а значит и направляющих его поведение.

Ссылки:

1 Прикладное социологическое исследование «Первокурсник КФ ПетрГУ 2007» (сентябрь 2007 г.). Исполнитель – лаборатория социологических исследований при кафедре философии и социологии КФ ПетрГУ.

2 предполагалось сравнительное исследование, в результате которого планировалось выявить, существуют ли различия, детерминируемые объемом образовательного капитала.

3 Коршунова О. С. Политическая социализация подростков и способы её педагогической коррекции. Автореф. канд. дисс. – Ярославль, 1996. С. 13.

4 Гурко Т. А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социс. 1997. №1. С. 77.

Роль отца и отцовство в современной России

Шевченко И.О.

Автор обращает внимание на роль отца в современной семье, особенно выделяя важность участия отца в процессе воспитания и социализации как мальчиков, так и девочек. С позиции социолога описаны основные проблемы, с которыми сталкиваются отцы при попытке выполнять функцию воспитания детей, будучи отлученными от них после развода родителей. Суждения автора основаны на сведениях о практике правоприменения и результатах собственного социологического исследования.

Ключевые слова: отцовство, социальная роль отца, институт отцовства, социальные практики отцовства.

Shevchenko I.O.

Role of father and fatherhood in modern Russia

The role of father and social practices of fatherhood in modern family are the central issues. The main difficulties of after-divorce father and child relationships are viewed in a sociologist perspective. The author focuses on father's role in social upbringing of either a boy or a girl. The juridical aspects are considered as well. The considerations are based on law enforcement practice and the results of the author's own research.

Keywords: fatherhood, social institute of fatherhood, father's social role, social practices of fatherhood.

Правовые аспекты отцовства

В Основном законе страны (Конституции Российской Федерации), статья 38, говорится: «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях – равное право и обязанность родителей»¹. Здесь об отцовстве как отдельно существующем явлении нет ни слова, зато институт отцовства отражается в Семейном кодексе Российской Федерации: «Семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства» (статья 1).² Согласно Семейному кодексу РФ, «родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Родители имеют преимущественное право на воспитание своих детей перед всеми другими лицами».³

Семейный кодекс утверждает также равенство прав отца и матери: «Родители имеют равные права и несут равные обязанности

в отношении своих детей (родительские права)» (статья 61)⁴. По законодательству РФ все вопросы, касающиеся воспитания и образования детей, решаются родителями по их взаимному согласию исходя из интересов детей и с учетом мнения детей. Но, несмотря на это, сложившаяся практика применения не просто асимметрична, она утверждает преимущество женщин-матерей во всех его аспектах. Самым ярким примером этого является то, что по разным данным, от 95 до 97% детей после развода автоматически передаются матери, в то время как на Западе этот процент составляет 85-90%, а 10-15% детей остается под совместной опекой, режим которой предполагает проживание ребенка поочередно у матери и отца.⁵

Послеразводное законодательство в развитых западных странах предусматривает различные варианты опеки, и практически все они предусматривают участие отца в жизни ребенка. Данные исследований подтверждают, что такие режимы оказывают положительное влияние на выплату алиментов⁶, проблемой невыплаты которых недавно наконец озаботились российские власти. Между тем проблему эту невозможно решить только силовыми методами, что практикуется у нас.

Роль отца в современной семье

В повседневной жизни семьи роли отцов и матерей неравнозначны. Вряд ли целесообразно ориентироваться на полную симметричность или взаимозаменяемость социальных ролей мужчин и женщин в современном обществе, но невозможно и не замечать однобокого отношения к отцам. «Функции воспитания детей по-прежнему переданы матерям, а мужчин

либо вообще нет в семье, либо они рассматриваются лишь как кормильцы. При разводе судьи в подавляющем большинстве случаев отдают детей под опеку матери, не задумываясь о конкретных ситуациях, пренебрегая родительскими чувствами и способностями отца как воспитателя ребенка, руководствуясь распространенной в массовом сознании идеей безусловного инстинкта материнской заботы. Редко кто говорит об инстинкте отцовства» - отмечает С. Айвазова, главный научный сотрудник Института социологии РАН⁷. Социальный стереотип роли отца соответствует индустриальной и доиндустриальной эпохам, в то время как жизнь значительной части населения, в первую очередь, работников умственного труда, давно уже претерпела существенные изменения.

У мужчин появилась возможность распределять свою физическую (и нервную) нагрузку так, чтобы не просто проводить больше времени дома, но и качественно по-другому участвовать в жизни собственной семьи. Женщины же давно получили право полноценно и разнообразно участвовать в жизни общества ? работать, строить карьеру и т.д. Однако если наше общество было готово к индустриализации и научилось позитивно оценивать социальную активность женщин вне семьи, то до принятия ценностей следующего этапа развития общество, видимо, ещё не дозрело.

Феминизация общества начинается в семье с размывания у детей представлений о роли отца и мужа и отсутствия соответствующих позитивных образцов поведения и навыков, которые традиционно считаются мужскими. С одной стороны, женщины вынуждены воспроизводить в своей жизни

мужские функции и неизбежно приобретает мужские черты характера, с другой стороны, обыденные традиции не отводят мужчине достойного места в семейном быту. Семья же, в которой функции жизнеобеспечения занимают лишь часть времени, но не всё совместное времяпровождение, может и должна вырабатывать свои ценности, свои нормы и правила оценки семейного поведения. Именно в этом и суть сложностей семейного процесса определения ролей. Новые (внутрисемейные) навыки отца оцениваются не через призму совместно выработанных оценок, а по традиционным женским критериям, по его достижениям в той деятельности, которой он раньше не занимался и к которой его не готовили. Не случайно, отец, много зарабатывающий вне дома и не участвующий в повседневной жизни семьи, по-прежнему может с большей вероятностью претендовать на роль успешного и авторитетного, т.е. на роль «главы семьи».

Традиционная семья? патриархальная, авторитарная, авторитет родителей не обсуждается, а весь жизненный уклад социума только его укрепляет; роли девочек и мальчиков воспроизводятся в ней неизменным образом. В традиционной семье роль отца можно представить в следующих ипостасях: персонафикация власти; прародитель, источник жизни; кормилец; дисциплинатор; пример для подражания; непосредственный наставник в общественно-трудовой деятельности⁸. В зависимости от особенностей того или иного общества, соотношение этих функций могло быть разным. Непосредственный уход за детьми в этом перечне отсутствует. Основа отцовства в традиционных семьях другая – инструментальная эф-

фективность, т.е. функции добытчика. Разводы в традиционной семье – событие исключительно редкое. Ни традиционного уклада, ни традиционной семьи в чистом виде уже нет. Современная семья требует авторитетности родителей, и обсуждения в ней допускаются и приветствуются. Проблема авторитета отца затрагивает непосредственно воспитание и жизнь как мальчиков (будущих мужчин), так и девочек (будущих женщин). Матери проще в современной семье сохранить авторитет у детей, поскольку все-таки проблема материального обеспечения семьи и сейчас решается в основном отцом (при его наличии, конечно), а мать чаще находится дома и принимает постоянное участие в жизни детей. Даже работающая мать не теряет традиционной роли женщины в семье, пускай и по необходимости. С отцовским авторитетом дело обстоит сложнее. Речь идет не о том, что мужчина «должен уметь сам забить гвоздь»? продемонстрировать свою маскулинность, а о том, что авторитет отца строится матерью ребенка. Конечно, необходимы желания и усилия самого отца, но без её активных усилий не будут дети ценить ни папу – «большого начальника», ни простого инженера, ни капитана дальнего плавания.

Исследования, проведенные в европейских странах, показали, что удовольствие, получаемое отцом от работы, коррелирует с тем, считает ли он положительным или отрицательным отношение коллег к его родительским обязанностям⁹. При этом мужчины из более высоких социальных слоев считают отношение коллег к своим отцовским обязанностям более положительным, они также считают допустимым в глазах коллег опоздать или уйти пораньше из-за про-

блем, связанных с ребенком, а также привести ребенка с собой на работу. «Новый отец» постиндустриальной эпохи не только зарабатывает деньги на содержание семьи, но и сам ухаживает за детьми и активно интересуется их проблемами. Такие отцы появились и у нас в стране. В России уже сейчас имеется немало сайтов и общественных организаций, поддерживающих и продвигающих идею «ответственного отцовства». Другое дело, что пока этот тип «ответственного отца» не получил поддержки в российском обществе в связи с распространенностью стереотипа, что «не мужское это дело – с детьми нянчиться». Да и работодатели не в восторге о том, чтобы предоставить работнику свободный или сокращенный график в связи с семейными обязанностями, и речи не идет. Любопытно, что при этом рождение ребенка у мужчины оценивается руководством положительно. «Отец – это мужчина с другим отношением к работе. Наличие более высокого уровня обязательств перед семьей трансформируется в повышенную ответственность перед компанией, – считает специалист департамента политического консультирования ЦКТ «ПРОПАГАНДА» Николай Сапронов. – Он в большей степени дорожит своей работой, более активно ориентируется на положительную оценку результатов собственной деятельности»¹⁰.

С распространённой точкой зрения, что отец нужен скорее мальчику, а девочка ближе к матери (соответственно, вполне может без общения с отцом обойтись), коренным образом не согласны психологи. Они считают, что отец играет важнейшую роль в жизни ребёнка независимо от его пола. Женский тип поведения

формируется во взаимодействии с мужским типом, т.е. для девочки – с отцом. Вероятно, в этом корень проблем многих женщин, не умеющих наладить отношения с мужчинами во вполне зрелом возрасте: разводятся и не создают новых семей достаточно много женщин, выросших в неполной семье.

Эрих Фромм так объяснял значение отцовской любви в жизни ребенка: «Любовь матери — основная: ребенок почти никогда не рискует получить отказ в очередной порции тепла и ласки. Любовь же отца условна. До встречи с требованиями человеческого сообщества ребенок сталкивается с требованиями отца, и в случае их неисполнения может лишиться осязаемой части заботы и внимания. Отец, в значительной мере, является фигурой, в раннем детстве ребенка замещающей общество. Ребенок усваивает моральные установки отца, выраженные в ультимативной форме (заслушанием неотвратимо следует наказание). Постепенно требования отца становятся требованиями ребенка к самому себе. А потом, когда отца рядом нет, отношения с обществом выстраиваются по образцу отношений с отцом»¹¹.

Отсутствие отца сопряжено с неизбежным нарушением процесса воспитания и социализации ребенка. И.С. Кон утверждает, что у детей, растущих без отца, часто понижен уровень притязаний; у них, особенно у мальчиков, выше уровень тревожности, чаще встречаются невротические симптомы; мальчики в неполных семьях с трудом общаются как со сверстниками, так и со старшими, отсутствие мужчины в семье отрицательно сказывается и на успеваемости, и на самоуважении детей, они хуже усваивают мужск-

кие и женские роли и соответствующий стиль поведения. Соответственно, «вопреки мнению о незначительности отцовской роли, психологические исследования показывают, что наличие отцовской заботы положительно сказывается на психических качествах детей. Отец играет в семье не одну, а множество разных ролей, и его успех зависит от меры его успешности в каждой из них»¹².

Снижение отцовского авторитета в семье вполне соотносится с государственной семейной политикой, где большинство пособий на детей получают женщины. Государство, помогая семье, в первую очередь, имеет в виду структуру «мать-ребёнок» («мать-дети»), а не на «семья-дети». Система налоговых льгот по зарплате отца учитывает наличие у него детей лишь относительно, таким образом, его традиционная роль основного кормильца снижена, и адекватной замены этому ещё не создано. Зато в современном обществе присутствует и распространяется тип женщины, умывленно выбирающей жизнь без мужа, но имеющей детей.

Знают ли социологи, сколько семей типа «мать-ребёнок» создано сознательно руками женщин, которые сочли данную структуру единственно приемлемой и сколько социальных и психологических проблем из-за этого возникло?

Институт отцовства и реализующие его практики – необходимые элементы гендерного порядка, соотношения мужских и женских ролей и деятельностей. Отцовство – одна из главных мужских идентичностей. Что значит отцовство для мужчины и как оно влияет на его субъективное благополучие, причем не вообще, а на разных стадиях жизненного пути? Это тоже одна из малоисследованных проблем.

Типы отцов в полной семье

На основе данных поискового исследования (проведено весной 2009 г., опрошено 40 семей в Москве) автор попытался выделить *типы отцов* (в соотношении с их вкладом в содержание детей и степенью участия в жизни ребенка). В полной семье с детьми, где есть мама и папа, можно обозначить следующие типы отцов:

«*Активный отец*» – участвует в воспитании ребенка наравне с матерью, всем интересуется. Принимает участие в повседневной жизни детей, по себе знает, что такое «устроить ребёнка в детсад», записаться и попасть на приём к врачу и т.п. Глядя на такого отца, удивляешься, как ему хватает времени на зарабатывание денег, чтобы обеспечивать семью.

«*Осведомлённый*»? в курсе того, как себя чувствуют и как учатся дети, принимает решения относительно жизни детей вместе или вместо матери, но не обременяет себя повседневными обязанностями. В эту группу часто попадают слишком занятые работой отцы? как трудящиеся в офисах, так и работающие дома в своём кабинете.

«*Присутствующий*» – живёт в семье, но не имеет авторитета у детей и, как правило, у жены тоже. С его мнением часто никто не считается, если он даже пожелает его высказать. Подобный тип складывается чаще всего из-за самоустранения отца от процесса выращивания и воспитания детей.

«*Уникальный отец*»? тип, встречающийся крайне редко: растящий детей вместо жены или без жены, обладающий такими знаниями и навыками, которые позволяют ему и с детьми справляться, и работать.

Отец и ребенок после развода родителей

В российском обществе сложилась устойчивая практика передачи детей (даже если их несколько) матери после развода и последующего вытеснения отца из их жизни. Как сложатся дальнейшие отношения родных людей, зависит, прежде всего, от матери и - в значительно меньшей степени - от желания отца видеть ребенка и участвовать в его воспитании. Надо отметить, что любящие своих детей отцы пытаются отстаивать своё право участвовать в жизни ребенка, некоторые подают в суд, но почти всегда проигрывают. Зато в Интернете множится количество сайтов, где отцы делятся опытом, как сделать так, чтобы ребенок не забыл, как выглядит его родной отец...

Все отцы в послеразводной ситуации неравномерно распределяются по следующим группам (по результатам глубинных интервью, проведенных с разведенными отцами в 2008-2009 гг.; информация собиралась методом «снежного кома»):

«Отвергнутый отец». Результат того, что обиженная бывшая жена пытается полностью устранить отца из жизни их общего ребенка. В эту категорию попадают и авторитетные отцы, ранее принимавшие активное участие в воспитании детей. Даже если активные и любящие детей отцы получают через суд «разрешение видеться с ребенком по соглашению с матерью» и мать обяжут «не препятствовать встречам отца с ребенком»¹³, выполнение этих решений никто не контролирует. Мать имеет полную возможность манипулировать ребенком. Органы опеки всегда принимают сторону матери, поскольку работают в них, в основном, женщины.

«Ограниченный в правах». Отцу «разрешено» видеться с ребенком в строго оговоренное время, чаще всего выбранное матерью, и он использует эту возможность, зачастую пренебрегая своими интересами (или интересами новой семьи), лишь бы не потерять контакта с ребёнком.

«Счастливым». Отец, который сохраняет хорошие конструктивные отношения с матерью ребенка и имеет возможность с ней договариваться о том, когда он будет видеться с ребёнком, на сколько дней он его возьмёт, не ущемляя при этом своих интересов в угоду интересам матери ребенка.

«Пропаавший»? Пропадает сам, прекращая всякие контакты с детьми. Если не рассматривать асоциальных личностей, то это чаще всего те отцы, чьи отношения с матерями детей не сложились в процессе брака или брак был вынужден, в том числе связан с рождением того самого ребенка.

Пагубные последствия, к которым приводит изоляция ребенка от отца, в большинстве случаев необратимы хотя бы в силу тотальной феминизации воспитательных практик. За пределами семьи детей воспитывают почти исключительно женщины? в детском саду, в школе, в других детских учреждениях, поэтому лишение ребенка всего того, что может дать ему его родной отец, нечем компенсировать. И хорошо ещё, если у ребенка есть «заменяющий взрослый» - дедушка, учитель, тренер. Но зачастую ребенок растёт в полном женском окружении.

Суть этой проблемы отцовства при разводе заключается не в том, что отцы оставляют семью и детей (и надо обязательно вернуть отцов в семье), а прежде всего в том, что очень многим из них, любящим своих детей, не дают

возможности быть отцами, что особенно несправедливо по отношению к отцам, если развод инициирует мать ребёнка¹⁴.

Любой судья скажет, что нет юридического основания для того, чтобы ограничить материнские права. Однако юридических оснований для ограничений прав отца также не существует, но этот факт не учитывается сложившейся практикой: презумпция недоверия к отцу, наряду с презумпцией доверия к матери, действует по умолчанию во всех случаях. Поэтому можно предположить, что популяция отцов, не желающих отвечать за ребенка, выращена руками женщин, сначала не усвоивших образцов женского семейного поведения, а впоследствии перенесших свои негативные эмоции в практическое русло социально приемлемым образом.

Мнение отцов о послеразводной ситуации (по материалам глубоких интервью автора)

В данной статье автор опирается на мнение разведённых отцов, готовых активно участвовать в судьбе ребенка, но лишённых этой возможности.

В той или иной степени все отцы отмечали:

- тенденциозность в поведении судьи в бракоразводном процессе и вытекающее из него неравенство возможностей матери и отца в воспитании ребёнка;

- невозможность (или минимум возможности) встреч с ребёнком в удобное время в комфортной для ребенка и отца обстановке;

- неожиданное поведение близких родственников, в том числе, со своей стороны в послеразводных отношениях с ребёнком.

Отцы, не сохранившие хороших отношений с матерью ребёнка, наблюдали у него:

- сохраняющуюся у ребёнка потребность в общении с отцом (на специфические «отцовские» темы, особым образом), дефицит которого никто не может восполнить;

- нарастающий со временем негативизм в восприятии отца (выражающийся как в стремлении высказывать мнение об отцовском поведении, так и выражающийся в дистанцировании от отца при общении);

- появление несвойственных ему ранее реакций, повлиять на которые отец уже не в силах.

Даже при наличии контакта с ребёнком отцы отмечали у себя:

- снижение остроты восприятия неприятностей бракоразводного процесса со временем;

- возрастающее ощущение того, что в воспитании ребёнка что-то упускается, безвозвратно теряется.

Именно на качественные аспекты депривации в первую очередь обращали внимание отцы. Количественные аспекты – сколько часов общения с ребёнком в неделю им отводилось, сколько денег с них требовали и т.д. ? оставались на периферии сознательного отношения к разводу и его последствиям. Таким образом, «активные» отцы оставались отцами и после искусственного разделения семьи, и невозможность выполнять свою отцовскую роль воспринимали достаточно остро.

Автор статьи не разделяет мнения о «кризисе отцовства», если иметь в виду социально-психологическое явление. Речь может идти о кризисе отцовства в России как социальном институте, потому что средства массовой коммуникации формируют негативное общественное мнение, а правовые практики закрепляют неравенство отца. Имеют место существенные пробелы в исследовании роли отца в совре-

менной семье: это и семейный авторитет отца, и роль отца в семьях разной структуры, и ценность отца в представлениях детей, а также семейные и внесемейные отцовские практики. Все эти проблемы ещё ждут своего исследователя.

Ссылки:

- 1 Конституция Российской Федерации. М., 2008. С. 15.
- 2 Семейный кодекс Российской Федерации от 08.12.1995 № 223-ФЗ. М., 1996. С. 3.
- 3 Там же, С 31-32.
- 4 Семейный кодекс Российской Федерации от 08.12.1995 № 223-ФЗ. М., 1996. С. 31.
- 5 Журавлев К. Отцовства не существует // <http://megaobzor.com>.
- 6 Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 238-239.
- 7 Айвазова С. Отцы и дети // www.izvestia.ru.
- 8 Кон И.С. Зачем нужны отцы? // <http://magazines.russ.ru>.
- 9 Арчакова Т.О. Современное отцовство: баланс между работой и семьей // <http://psyjournals.ru>.
- 10 Отцовство - двигатель карьеры. // www.ippnou.ru.
- 11 Фромм Э. Искусство любви. Мн., 2000. С. 46-48.
- 12 Кон И.С. Отцовство // <http://www.krugosvet.ru>.
- 13 Цитаты из реального документа: решения суда по делу «Об участии отца в воспитании ребенка». – *Архив автора*.
- 14 Согласно данным, приведенным в книге Е.П. Ильина «Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины», именно женщины инициируют до 80% расторгнутых супружеских союзов. Там же отмечено, что дети в подавляющем большинстве случаев остаются у женщин, и в 60-70% случаев матери, пользуясь своим привилегированным положением, всячески препятствуют контактам бывшего мужа с собственным чадом.

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Семейственность как социально–управленческая категория: исторический аспект

Барков С.А., Дорохина О.В.

Значение института семьи в социальном управлении – государственном управлении и управлении отдельными организациями – существенно трансформировалось на доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной стадии развития общества. В современных условиях семья восстанавливает свою управленческую роль в качестве фамилии политиков или менеджеров – фамилии, которая становится брендом и активно воздействует на поведение избирателей и подчиненных.

Ключевые слова: семья, семейственность, постиндустриальное общество, социальное управление, менеджмент, государственное управление, социальный институт, бренд

*Barkov S.A., Dorokhina O.V.
Nepotism as the social- administrative category: the historical aspect*

The significance of the family in the organizational management and state government has been transforming fundamentally on preindustrial, industrial and postindustrial stages of social development. In the modern society the institute of family restores its managerial function by way of personal names of politicians and managers – names which become brands determining electorate's and personnel's behavior.

Keywords: family, nepotism, postindustrial society, management, government, social institute, brand

Семья представляет собой особую общность людей. Создавая устойчивый базис социализации, она сопровождала человечество во все периоды его развития. Современные дискуссии о сиротах при живых родителях, домах ребенка, полуграмотных нянечках воспитывающих детей элиты общества однозначно свидетельствуют об осознании обществом ключевой роли семьи в процессе становления личности. Однако после того, как личность сформировалась, существуют две альтернативы ее взаимодействия с семьей: постепенный разрыв отношений для обретения самостоятельности и свободы или продолжение активного сотрудничества с родителями с целью более устойчивого и предсказуемого существования. Со времен формирования института майората¹ – наследования собственности исключительно старшим сыном – европейская цивилизация однозначно тяготеет к первой альтернативе. Ее квинтэссенция наблюдается в США, когда ребенок сразу после окончания средней (по-тамашнему «высшей») школы в большинстве случаев и территориально, и

социально полностью отдаляется от породившей его семьи. Восточные и тяготеющие к ним южно-европейские культуры (греческая, итальянская и др.) не видят препятствия в том, что ребенок, уже перестав быть таковым, долгие годы в своей трудовой деятельности и в сфере проведения досуга сопряжен со своей семьей. В культурах этого типа механизм социального управления на государственном и корпоративном уровнях непременно включает в себя институт семьи, а его развитие часто основывается на принципе семейственности. Однако западная цивилизация прежде всего в англосаксонской своей ипостаси долгое время была непреклонной в постепенном нивелировании влияния семьи на личность и, следовательно, на все механизмы управления ею. Непростым отношениям института семьи и субъектов социального управления и будет посвящена данная работа.

В рамках западного мировоззрения и соответствующих ему доктрин в политике и менеджменте семейственность воспринималась как ущербность механизма управления. Демократическая идеология развития общества однозначно осуждала практику передачи власти от одного родственника к другому. Такие прецеденты связывались со слаборазвитостью страны и «деспотическими» традициями. Но сегодня ситуация явно меняется. Во главе самой «демократической» и самой развитой в социально-экономическом отношении страны – США – в течение 12 лет (с перерывом) стояли представители семьи Бушей. Произошла фактически династическая передача власти от отца к сыну, и это почти никого не смутило. Можно было бы сказать, что это случайность. Но приход к власти Хилари

Клинтон в качестве государственного секретаря в администрации Обамы – лучшее подтверждение тому, что случайностью это не было. Жена бывшего президента не только сама была в «двух минутах» от того, чтобы занять Белый дом (и повторить тем самым династическую передачу власти), но и после своего проигрыша в первичных выборах в партии не перестала восприниматься в качестве лучшего кандидата на одну из первых должностей в стране. Такие отнюдь не ставшие редкими в последнее время ситуации обозначили новую тенденцию – усиление значимости родственного статуса и укрепление роли семьи в социальном управлении в рамках постиндустриального общества.

Если в середине XX века Ева Перрон была единственным, правда, «очень красивым» исключением из доминировавшей системы передачи власти, исключающей семейные связи, сегодня мы постоянно слышим о женах и детях губернаторов, премьер-министров, президентов в качестве кандидатов на занятие видных постов в политике и бизнесе. Почему такое стало возможным? Почему, казалось бы, архаичный, однозначно устаревший принцип семейственности оказывается весьма подходящим критерием формирования правящей элиты в эпоху постмодерна? Ответ на этот вопрос отсылает нас к краткому историческому экскурсу, иллюстрирующему изменения роли семьи как «инструмента» социального управления.

Доиндустриальное общество: семейный базис социального управления

На протяжении длившейся несколько тысячелетий доиндустриальной стадии развития цивилизации семья конституировала со-

бой важнейшую общность людей, определяющую наряду со всем прочим и специфику социального управления. Сословное строение общества, начиная с каст в Индии и заканчивая «феодалной лестницей» в Европе, базировалось на том, что место человека в системе общественных отношений однозначно определялось его принадлежностью к той или иной семье. Возможные при этом исключения никоим образом не разрушали стройную и стабильную систему иерархического соподчинения семей.

Семья обладала еще одной важной функцией в доиндустриальном мире – она представляла собой наиболее совершенный механизм передачи традиций. Доиндустриальную стадию развития цивилизации также часто называют *традиционной* по причине особого значения традиций в формировании различных форм общественной деятельности и общественного сознания. Традиция – это иррациональная передача опыта от поколения к поколению. Традиция не отвечает на вопросы «зачем?» или «почему?», она говорит, как следует выполнять те или иные действия, основываясь на прошлом опыте. Иначе говоря, крестьяне пахали, сеяли и убирали урожай, ориентируясь прежде всего на традицию: на то как это делали их отцы, деды, прадеды, а не на какие бы то ни было логические построения относительно будущего урожая. Передавать такого рода традиционные знания лучше всего в семье. Семья формирует, закрепляет и транслирует традиции. Для формирования иррационального традиционного сознания необходима иррациональная власть отца в семье. Именно эта непререкаемая власть главы рода позволяла сформировать устойчивые

стереотипы поведения и алгоритмы восприятия реальности. Попытки сыновей отойти от традиции строго пресекались властью отца, благодаря чему традиции четко закреплялись в сознании следующего поколения. Тем самым в доиндустриальном обществе, с его ориентацией на стабильность и повторяемость, семья становилась базисом тогдашних «управленческих технологий» как на макро-, так и на микроуровне.

Монархия представляла собой семейную форму государственного управления. Стабильность и преемственность являются несомненными преимуществами данной формы правления. Наследник воспринимается как продолжатель дела отцов и жесткий противник всякого рода революционных изменений. Некоторые всем известные исключения из общей монархической системы передачи власти в доиндустриальном обществе никак не могут поставить под сомнение первостепенную роль семьи как основы государственного управления в то время.

На уровне отдельных элементов социально-экономической системы (поместий, латифундий, ремесленных предприятий, общин) семья также формировала основу механизмов управления и передачи власти. До XIX века основными субъектами деятельности в «реальном секторе» были, как мы сегодня сказали бы, индивидуальные предприниматели и товарищества (партнерства). И та, и другая форма бизнеса являются по природе своей семейной, при которой предприятие переходит по наследству от отца к сыну. В большинстве случаев доиндустриальные организации, будь то в сельском хозяйстве, в ремесле или торговле, были семейными, и управление ими строилось во мно-

гом на основе неформальных связей, образовавшихся между родственниками, укреплявших семейные традиции, вообще status quo и препятствовавших существенным переменам в деятельности.

В то же время на микроуровне социального управления в доиндустриальную эпоху должны быть зафиксированы весьма значимые исключения из описанной выше «семейной идиллии». В отличие от исключений из монархической формы правления данные феномены являются достаточно значимыми для последующих метаморфоз, произошедших с институтом семьи и его социально-управленческими функциями.

Первое и наиболее важное исключение составляют государства-организации (а точнее страны-организации), существовавшие в доиндустриальную эпоху, но своим общественным строем принципиально выделявшиеся из традиционных форм организации жизни в то время². Они выделялись настолько, что до сих пор не утихают споры о их «внеземном происхождении». При незыблемости монархической формы правления, роль семьи в данных социальных системах была крайне снижена. Конкретные проявления такого понижения очень подробно систематизированы в книге И.Р.Шарфаревица «Социализм как явление мировой истории». Целью ослабления семьи во всех государствах-организациях была попытка обрести более высокую производительность и тем самым реализовать некоторые грандиозные проекты (строительство пирамид, ирригационных каналов, дорог). Семья же не давала возможности свободно «перетасовывать» работников, перемещать их с места на место, тотально их контролировать, чем явно тормозила внедрение рации-

нальной организации труда. Низкая производительность семейного хозяйства, его ориентация на внутреннее потребление и защиту своих членов от внешних воздействий (в том числе и от произвола чиновников) – все это приводило к тому, что на микроуровне управления экономическими процессами стали использоваться более крупные «несемейные» формы организации работников. Так, в Империи Инков «для работы крестьяне объединялись в группы по 10 семей, 5 таких групп в большую группу и т.д. вплоть до 10.000 семей. Во главе каждой группы стоял чиновник: десятский, пятидесятский³. В Месопотамии середины третьего тысячелетия до н.э. мужчины не рассматривались представителями семей ни в процессе работы, ни при распределении созданных ими продуктов. В целом отношения в этих сферах были персонифицированы. В клинописных табличках, отражающих расходы на рабочую силу, отдельно упоминаются женщины и дети; еще одну категорию составляют сироты. По-видимому, рабочие не имели частного хозяйства, основанного на семейных связях⁴.

С рациональной точки зрения такая организация весьма понятна, мужчин можно использовать на более тяжелых работах, женщин – на средних, а детей – на легких. В соответствии с этим целесообразно и снабжать их разным количеством пищи. Однако такая рационализация совсем нехарактерна для подавляющего большинства социально-экономических систем доиндустриальной эпохи, почему и служит оригинальным исключением. При этом ослабление семьи пагубно сказывалось на жизнеспособности государства. Испанский судья Ондегардо, служивший в Перу в XVI веке, «в

своих книгах неоднократно сетует на то, что полная регламентация жизни и устранение из нее личных стимулов привели к ослаблению, а часто и полному уничтожению семейных связей, так что, например, дети отказывались хоть как-то заботиться о своих родителях»⁵. В этом европейский автор видел, в частности, одну из основных причин слабости государства инков, не оказавшего никакого сопротивления завоевателям.

Второе исключение из доминирующей семейной организации доиндустриального бизнеса составляют корпорации, появившиеся во времена Великих открытий. Прецеденты объединения капиталов были и ранее, но именно в эпоху сверхдоходной и одновременно сверхрискованной морской торговли начинает на практике заявлять о себе корпоративная, принципиально «несемейная» форма организаций. В корпорацию могли объединяться самые разные люди. Чем больше таких людей, тем лучше – меньше риск потерь. Люди могут не только не находиться друг с другом в родственных отношениях, но и попросту не знать друг друга. Впервые такую форму опробовали голландцы, но подлинного расцвета ранние корпорации (Вест-Индская и Ост-Индская компании) достигли в Англии. Здесь впервые появилась форма бизнеса, владельцами которого являлись исключительно «миноритарные» акционеры. В отличие от этого на европейском континенте за корпорациями часто стояло государство или же у них был реальный владелец, направлявший деятельность компаний по тому или иному руслу. В этой своей ипостаси корпорация всегда несет в себе, хоть и в «снятом виде», черты семейственности, поскольку

контрольный пакет переходит по наследству. В англо-саксонской корпорации такого владельца нет, она окончательно порвала с какими бы то ни было семейными корнями. Так, в одном из самых «капиталистических» сегментов доиндустриальной экономики (внешней торговле) и в рамках наиболее индивидуалистической цивилизации на Земле⁶ начинают формироваться новые, «несемейные» принципы социального управления. Понятно, что дальнейший ход исторических событий многократно усилил значение этих принципов как на государственном, так и на корпоративном уровнях.

Индустриальное общество: «изживание» института семьи из управления

Индустриальная стадия развития общества оказалась принципиально важной в плане реструктурирования всех социальных процессов. Изменения затронули экономику, политику, культуру, личную жизнь людей, индустриальные трансформации радикально изменили весь облик общества, и это при том, что сама эта стадия длилась немногим более двух столетий – ничтожный по историческим меркам период. Поэтому в ряде случаев оказывается удобно сравнивать многотысячелетнюю доиндустриальную эпоху с практически «мгновенной» индустриальной эпохой (эпохой ли?!), хотя в историческом плане эти два временных отрезка никогда не станут соотносимыми друг с другом.

Индустриальная эпоха – это эпоха модерна, эпоха рационализации. Модернистских проектов было несколько от – либерального до коммунистического, и все они строились на четком и достаточно полном отрицании традиционного

общественного уклада. Семья стала восприниматься как весьма значимая помеха в рационализации общественной жизни, в осуществлении модернизации социальной системы, прежде всего в ускорении социально-экономического развития.

Первый и наиболее серьезный удар по семье как основе социального управления был нанесен в политической сфере. Монархическая форма правления была признана отжившей. Основоположники либерализма и деятели эпохи Просвещения однозначно определяли монархию как препятствие для общественного развития. Монархия – это узурпация одним человеком (а в принципе одной семьей) власти в обществе. Монарх по определению не может один принимать решения в пользу большинства населения. Действительно, многие века главным оправданием монархии в той или иной интерпретации была религия, постулирующая божественное происхождение монархической власти. В условиях активной критики религии и церкви монархия теряла свою легитимность. Возник резонный вопрос: неужели представители только одной семьи являются самым способными, честными и дальновидными для управления государством? Рациональное возражение может быть только одно – наследники династии с детства готовятся стать правителями. Но такое объяснение мало кого убеждало, да и вообще не выдерживало критики, поскольку вся подготовка инфантов в основном сводилась к поддержанию status quo. Реформаторы и революционеры эпохи перехода к индустриальному обществу по понятным причинам ставили совсем иные цели верховной власти, а для осуществления этих целей (радикальных

трансформаций всех сфер общественной жизни) монархия совсем не подходила.

Родилось меткое высказывание: «Монархия – это идеальная форма правления, если бы не случайность рождения!». С рациональных позиций обществом должны управлять наиболее способные и талантливые люди, а принимая во внимание соответствующую даже простому здравому смыслу «дисперсию» талантов в обществе, они никак не могут сосредоточиться в одной семье. Именно поэтому демократическая форма правления до последнего времени была явно «антисемейным» механизмом. Во-первых, выступая в качестве противопоставления монархии, демократия должна была всячески пресекать попытки династической передачи власти. Во-вторых, исходя из базовых принципов формирования правящей элиты в рамках эффективно действующей демократии, исключается использование семейного «административного ресурса», отсутствуют препятствия для талантливых людей попасть в высшие эшелоны власти, к какой бы семье они не принадлежали⁷. Истинный либерал может резонно задать вопрос: неужели во всей Америке не нашлось более умной и подготовленной женщины, чем Хилари Клинтон, на должность госсекретаря? И в этом риторическом вопросе раскрывается суть всей критики семейственности как принципа, определяющего развитие механизма социального управления. Ученые и политики либерального толка признают возможность сохранения семейной формы правления только в виде конституционной монархии, которая все равно воспринимается как «недореспублика», но которая никоим образом не нарушает демократические,

абсолютно не связанные с семьей и семейственностью принципы управления государством.

Разрушение семейного механизма управления на макроуровне, тесно связано с глобальным процессом институционального ослабления семьи. Лишенный семейных уз человек является более «управляемым», менее защищенным, часто лишенным возможности осознать свой интерес. Такая податливая человеческая субстанция была нужна и для капиталистической, и для коммунистической модернизации. Для обретения такой «операциональной» массы людей необходимо было ослабить не только семью, но и все остальные социальные образования, опосредующие отношения между человеком и «большим обществом»: религиозные и соседские общины (neighborhoods – англ.), профессиональные, имеющие еще цеховую основу организации и др. При этом роль семьи среди данных образований, бесспорно, была наиболее значимой.

На деструкцию «среднего» уровня общественных отношений еще в XVIII веке обратили внимание приверженцы консерватизма как социально-философской и политической доктрины. Давая определение основным течениям политической мысли, современный американский социолог консервативного направления Роберт Нисбет указывает, что если для либерализма свойственно признание примата личности и индивида, а для социализма – примат тотальной общественной реальности, то для консерватизма существенным моментом является выделение главенствующей роли малых, посредующих между индивидом и «большим» обществом социальных образований (семьи, общины, церковного прихода, профессиональных объединений и др.). Именно

эти группы, по мнению консерваторов, образуют основу общественных отношений. Именно они создают то священное единство, которое ни под каким предлогом не должно быть разрушено в ходе общественного развития. Консерваторы справедливо считали, что в этих группах создаются как социальные, так и «ментальные» условия сохранения традиций и защищенности людей от непродуманных преобразований.

Малые группы рожают неформальные связи, неформальные структуры, представляющие собой одни из самых устойчивых и даже инертных элементов любой социальной системы. Сопrotивление переменам считается в социальной психологии одной из отличительных черт неформальных структур в организациях. Естественно, что консерваторы с их изначальным стремлением отстоять существующую общественную реальность признали в ней самым ценным и существенным именно малые группы, оказывающие наибольшее сопротивление социальным трансформациям.

Согласно Эдмунду Берку – основоположнику английского, а в значительной степени и мирового консерватизма – мы формируем наши общественные пристрастия в семье, затем переносим их на наши отношения с соседями, друзьями и первичные связи в местном сообществе. Вне семьи, религиозных групп, отношений с соседями, профессиональных объединений общественные связи приобретают безличный характер, что ведет к атомизации общества и к самоизоляции его частей. Малые группы представляют по сути защитные механизмы против волонтаристских политических акций. Именно поэтому любая революционная реорганизация общества

(начиная с Великой французской революции и по сей день) стремится принизить их роль, уничтожить их влияние на человека. По мнению Роберта Нисбета, «творцам конституций начала XIX века нынешняя либеральная демократия показалась бы не имеющей ни малейшего права на существование в отрыве от общественного устройства, укорененного в семье, местных связях, добровольных объединениях и союзах...»⁸.

Со времен Просвещения идеологи индустриальной модернизации начинают покушаться на социальный институт семьи. Естественная прочность семейных связей, делающая включенных в них индивидов независимыми и устойчивыми в социальном пространстве, постоянно вызывала недовольство теоретиков и государственных деятелей. «Общее воззрение «философов» (идеологов просвещения - С.Б. и О.Д.) состояло в том, что традиционное семейное хозяйство является противоположным и противоречащим разуму. Естественно, многие политики-якобинцы придерживались такого же мнения» - пишет Р.Нисбет⁹. И хотя с тех пор значительные изменения затронули как семью, так и государство, враждебность между этими двумя институтами наличествует и сегодня. «Враждебность эта проистекает из глубоко укоренившегося убеждения, что сильная семья одним только фактом своего существования приводит к социальной дифференциации и экономическому неравенству. Одним словом, отношения между семьей и государством являются примером самого древнего и наиболее универсального институционального конфликта, который не потерял своей остроты в большинстве капиталистических стран и по сей день»¹⁰.

Консерваторам особенно важным представляется то, что семья в истории послужила основой другому важнейшему элементу западной культуры - собственности. Согласно Нисбету, консервативное понимание частной собственности носит ярко выраженный «романтический» характер, а в римском праве первоначально слово *familia* означало собственность. Семья и в современном обществе продолжает сохранять некие докапиталистические, доиндустриальные черты, значение которых не всегда возможно рационально объяснить; за это и ценят консерваторы семью как наиболее традиционную нишу человеческого существования.

Индустриальное общество уничтожило или до крайности ослабило в процессе своей эволюции все другие формы посредующих социальных образований - крестьянскую общину, профессиональные объединения цехового образца, церковные приходы. Семья в известном смысле стала камнем преткновения. Многочисленные реформы и «прогрессивные завоевания» не смогли сделать с этим общественным институтом то, что индустриальное развитие совершило со всеми другими посредующими образованиями. Эпоха «антифамелизма» не наступила, но «анти-семейный» характер индустриального общества до сих пор сказывается в самой структуре политических институтов и программ, регулирующих процессы социально-экономического развития. В 1986 г. видный американский неоконсерватор Дениел Мойнихен в своей книге «Семья и нация», проанализировал программы помощи семьям от Кеннеди до Рейгана. Основной его вывод состоял в том, что до конца 1970-х годов в США вообще не было продуманной семейной политики. Все программы

социальной помощи были нацелены на индивида, а не на семью. Престарелые, дети, матери-одиночки, пользующиеся этими программами, получали причитающиеся им блага и привилегии в строго индивидуальном порядке, без учета их семейного статуса. «Большинство программ, направленных на то, чтобы помочь детям, - писал другой консервативный автор Дж.Гилдер, - имели несчастливую тенденцию заменить и тем самым принизить институт семьи, который, несомненно, является центральным в данном вопросе. Таким образом, решая поверхностные проблемы, они лишь усугубляли проблему основную»¹¹. В этом проявился идеологический индивидуализм либералов, ставший духовной основой западной индустриальной цивилизации.

Американские неоконсерваторы, для которых семья всегда была одной из наиболее надежных основ стабильности в обществе, предлагали и предлагают переакцентировать программы помощи таким образом, чтобы в них учитывались принадлежность индивида к семье и выполнение им обязанностей по уходу за детьми. Они также призывают создать реальные средства защиты семей от пагубного влияния высоких налогов и вмешательства государства. В свое время Ричард и Гэндон Гиллы предлагали, например, принять билль о правах родителей, который увязал бы права родителей на то, чтобы сделать себе карьеру и участвовать в общественной жизни, с правом ребенка на полноценное воспитание в полноценной семье¹².

Структура либеральной социальной политики выстраивалась и выстраивается поныне таким образом, чтобы ослабить семью или даже не допустить ее создание. Тот

же Джордж Гилдер в книге «Видимый человек», которую назвал «нехудожественным романом», провел социологическое исследование негритянских семей. Во всех семьях, о которых он писал, не было отца. Причину такого положения вещей Гилдер видит в реализации программ борьбы с бедностью, появившихся в рамках доктрины «великого общества» Линдона Джонсона. Негритянки сознательно заводили детей без мужа, чтобы стать матерями-одиночками и получать пособия и немалые льготы. Они рожали не одного, а нескольких детей чрез равные промежутки времени, чтобы всегда быть одинокой мамой с маленьким ребенком. В США сложились уже целые поколения таких негритянских «семей». Гилдер особо подчеркивает неспособность женщин в таких семьях дать полноценное образование и воспитание своим детям, невозможность таких семей, несмотря на все программы помощи, избежать бедности как таковой. Борьба с нищетою порождает нищету - этот вывод последующей книги Гилдера «Богатство и бедность» был сделан во многом на основе данного исследования.

Альтернативный либеральному - коммунистический - проект эпохи модерна также изначально был основан на ослаблении института семьи и минимизации ее роли в социальном управлении. В работах классиков марксизма и лидеров Советского государства неоднократно подчеркивалось отрицательное отношение к перспективам институтов брака и семьи при социализме, обосновывался курс на деприватизацию семейной жизни, социализацию семейных функций. Красноречивым примером является одно из замечаний В.И. Ленина, относящееся к 1920 г.:

«Мы всерьез проводим требование нашей программы – переложить хозяйственные и воспитательные функции индивидуального домашнего хозяйства на общество»¹³.

Идея неизбежного разрушения и отмирания семьи широко пропагандировалась партийной и государственной элитой Советского Союза. Еще в 1918 г. А.М.Коллонтай лаконично констатировала: «Семья обречена на разрушение»¹⁴. В 1923 г. Н.И.Бухарин писал, что «в коммунистическом обществе вместе с окончательным исчезновением частной собственности и угнетения женщины исчезнут и проституция, и семья».¹⁵

В первые послереволюционные годы атаки на семью носили беспрецедентный характер и распространялись на все сферы ее жизнедеятельности. Большевики рассматривали семью в качестве реакционного института, оплота архаики и регресса. В силу этого стратегия общественных преобразований предусматривала ориентацию на тотальную дискредитацию семейных социокультурных ценностей и норм. Л.Д.Троцкий отмечал: «Революция сделала героическую попытку разрушить так называемый “семейный” очаг – то есть архаическое, затхлое и косное учреждение... Место семьи...должна была, по замыслу, занять законченная система общественного ухода и обслуживания... Доколе эта задача не решена, 40 миллионов советских семейств остаются гнездами средневековья»¹⁶. Семья не вписывалась в большевистскую парадигму общественного прогресса, не соответствовала «великим идеалам», а, следовательно, была обречена на радикальную перестройку. Даже некоторая либерализация, допущенная в годы нэпа, не означала отказа от основного курса и рассматривалась лишь как

вынужденный компромисс, как временное снижение темпов продвижения к поставленным целям.

Таким образом, впервые в истории установка на институциональную дезорганизацию семьи фактически являлась частью официальной идеологии правящей партии и воспринималась властью как руководство к действию. За теорией не замедлила последовать практика. Для российской семьи XX век стал периодом колоссальных испытаний, связанных со спецификой социально-политических экспериментов и общественных реформ, приведших в конечном итоге к ускоренному формированию ценностно-институционального кризиса семьи. Процесс фундаментальных трансформаций института семьи в ходе индустриального развития общества, имеющий объективно-историческую обусловленность, в российских условиях был отягощен последствиями государственного воздействия, способствовавшего ускоренному формированию институционального кризиса семьи.

Институт семьи вовлекался в процесс «перековки» массового сознания, мобилизовывался для решения стратегической задачи – формирования нового человека, освобожденного от прежних традиций и ценностей, чувства собственности, сословных и семейных «пережитков». Глобальность этих замыслов предопределялась самой природой господствующей идеологии. Советская власть стремилась иметь не пассивных, безучастных подданных, а убежденных, фанатично преданных граждан, действующих по четко определенной модели поведения, лишенных каких-либо собственных (частных и просемейных) интересов и способных без колебаний пожертвовать собой ради осуществления очеред-

ного идеологического проекта. Это предусматривало необходимость активной социальной адаптации взрослых и социализации подрастающих поколений в соответствии с новой идеологией и системой общественных отношений. В рамках такого подхода происходила деформация традиционных социокультурных семейных ценностей и норм, разрушались базовые принципы семейного воспитания и внутрисемейной сплоченности, нивелировалось автономное положение семьи в социальной системе.

Государство «компенсировало» сверхэксплуатацию семейных ресурсов системой социальной поддержки семьи, основанной на принципах патернализма. В контексте патерналистской парадигмы семья фактически признавалась слабым, нуждающимся в постоянной опеке институтом, не способным к самостоятельному полноценному функционированию и решению собственных проблем.

Именно в России абсолютно несемейная организация социально-экономических процессов нашла свое ярчайшее воплощение в ГУЛАГе. Здесь миллионы мужчин и женщин вне всяких семейных уз многие годы и даже десятилетия выполняли для государства сугубо экономическую функцию. Рационализация социально-экономической жизни достигла здесь своего апогея. И семья перестала быть каким бы то ни было препятствием для подобной рационализации. Если даже древний раб при всем его бесправном положении вполне мог жить, да в большинстве случаев и жил с женой и детьми, то узник советского лагеря сталинской поры был полностью выключен из семейных отношений, он становился индивидом в чистом виде, индивидом, наибо-

лее удобным с точки зрения социального управления.

Вообще же, если отвлечься от такого аномального проявления рационализации общественной жизни, как ГУЛАГ, в экономической сфере индустриальной эпохи семья, хотя и была всемерно ослаблена, все-таки продолжала играть достаточно заметную роль.

Семейные предприятия и семьи, олицетворяющие собой бизнес-элиту, не переставали существовать. Можно сказать, что в сфере политики институт семьи потерял все свои функции, в сфере социальных отношений он исключительно ослаб, при том что в экономике остались некоторые ниши для выживания семейных отношений как механизма управления единицами общественного хозяйства. Эти ниши в экономике Запада были и остаются незначительными, здесь повсеместно, хотя и с разными темпами и в разных масштабах, происходил процесс укрепления несемейных принципов управления предприятиями. Структуру данных принципов формировал уже упоминавшийся ранее феномен корпорации. Акционерные общества в XX веке стали наиболее значимой формой бизнеса, и в своей англо-саксонской форме они практически полностью исключали возможность воздействия семьи на формирование механизмов корпоративного управления. Вообще англосаксы со своим природным индивидуализмом возглавили поход по возможному уменьшению воздействия института семьи и на экономические отношения. Сравнивая итальянскую экономику с британской, английский гурӯ менеджмента Ч.Хэнди писал в этой связи: «Итальянская экономика берет свою силу из множества семейных бизнесов. Как же так, спрашиваю я

себя, итальянцы говорят о семейных бизнесах, а британцы называют их малыми и средними предприятиями? Потому ли это, что итальянцы хотят, чтобы их компании существовали для поколений, тогда как британцы стремятся продать их, когда придет время, другому большому бизнесу?»¹⁷.

Корпорация в европейских странах, на Востоке, на рынках развивающихся стран (в частности, в России) могут и чаще всего имеют мажоритарного акционера. Им может быть юридическое лицо, а может быть и физическое лицо – отдельный человек. В этом случае корпорация, не будучи по своей природе семейным бизнесом, в своем механизме управления начинает предусматривать возможность наследования контрольного пакета членами семьи, которые могут участвовать в решении наиболее важных вопросов. Получается так, что семья входит в корпорацию, что называется «с черного входа». Управленческие механизмы стали включать в себя ориентацию на семью, семейный совет, ближний круг. По понятным причинам, у приверженцев англосаксонского подхода такие корпорации не вызывают симпатии. В США до последнего времени предпринимаются попытки посредством самых различных механизмов, прежде всего, биржевого свойства, заставить большинство крупных компаний принять англосаксонскую форму с огромным количеством мелких акционеров.

Последняя такая попытка была предпринята в начале XXI века и связывалась с распространением по планете механизмов эффективного и устойчивого (sustainable) корпоративного управления¹⁸. Главным критерием такого управления стал считаться независимый

совет директоров. Члены совета директоров должны не зависеть от директора и всячески контролировать его деятельность с тем, чтобы он не воровал или понапрасну не расходовал деньги акционеров. При таком положении вещей первый критерий независимого директора – это отсутствие не только семейных, но и даже отдаленных родственных связей с руководством компании. Корпорация в соответствии с данными рекомендациями должна окончательно порвать с каким бы то ни было воздействием семьи на механизм управления.

Были созданы даже специфические теории, доказывающие неизбежность превращения всех быстро развивающихся (т.е. привлекательных для инвесторов) компаний в корпорации англосаксонского типа.¹⁹ На основе аксиомы о том, что для успешного развития компании ей требуется все больше денег, они доказывают, что в определенный момент, когда кончатся заемные деньги, а рост бизнеса очень желателен, компания превращается в корпорацию с размытой собственностью, т.е. с исключительно миноритарными акционерами. С экономической точки зрения, это якобы выгодно и основателю фирмы: продавая или уменьшая свой контрольный пакет, он имеет возможность диверсифицировать вложения и не зависеть в будущем от успехов или неудач своего детища²⁰. Неоднократно подчеркивая возможность не проходить весь жизненный цикл целиком, данные авторы все же подспудно связывают такую возможность только с торможением развития фирмы. Вывод оказывается очевидным – хорошо работающая компания рано или поздно превратится в корпорацию англосаксонского типа, т.е. организа-

цию, в управлении которой для семейных отношений не найдется места.

Сегодня в контексте экономического кризиса становится очевидным, что отсутствие семейственности в управлении корпорации никак не страхует ее от кризисов. Компании, имеющие активно работающих мажоритарных акционеров и использующие членов семей на руководящих должностях, отнюдь не худшим образом показали себя в кризисе. Стоит вспомнить все корейские фирмы, возглавляемые по большей части семейными кланами. Это оказывается справедливым и по отношению к другим восточным бизнесам, российские в этом плане также не являются исключением. Неужели «Дженерал моторс» лучше функционирует, чем «Самсунг»? Так или иначе, изгнать семью из социального управления на микроуровне не получилось. Отдельные организации были и будут оставаться семейными, в управлении которыми взаимодействие отцов и детей, мужей и жен оказывается принципиально значимым уже в силу высокого уровня доверия между ними и приверженности некоторым общим жизненным целям. Однако в целом индустриальная стадия развития человечества самым существенным образом ослабила как сам институт семьи, так и его воздействие на социальное управление.

Постиндустриальное общество: восстановление семьи в управленческих правах

Описанная выше картина, казалось бы, не предвещала возрождение семейных принципов управления. Семья как архаичный, консервативный и нерациональный инструмент управления совершенно не подходит к тому, чтобы быть

задействованным в век высоких технологий. Но, как часто бывает в истории человечества, новые обстоятельства жизни заставляют взглянуть по-новому на уже, казалось бы, оставшиеся в далеком прошлом феномены. Переход к постиндустриальному обществу, в качестве экономической основы которого выступает информация, знания, связан с тем, что базовой деятельностью становится оперирование с символами. Символы эти могут иметь самую различную природу – от логически выверенных математических формул до имиджей, основанных на легендах и мифах. Особую значимость среди данных символов обретают бренды, перекрывающие по своей стоимости подчас все материальное богатство компании. Постиндустриальное богатство потеряло свою материальную основу. Первыми это почувствовали бухгалтеры, которые не смогли найти адекватного места в балансе компании брендам, репутации, корпоративной культуре. Появилось понятие внебалансовых активов, которые в современной экономике стали намного превышать балансовые активы. По данным британского Института защиты товарных знаков, за период с 1980 по 2000 г. в Великобритании и США отношение балансовой стоимости компаний к их рыночной стоимости уменьшилось в пять раз. Например, в Англии сейчас только 30% рыночной стоимости компании отражается в балансе, все остальное приходится на нематериальные активы: ноу-хау, деловую репутацию, патенты, организационную культуру. В, казалось бы, весьма «индустриальной» нефтяной корпорации «Бритиш Петролиум» отношение материальных активов к нематериальным оценивается как 29:71. У «Кока-Колы» этот показатель по

понятным причинам значительно выше – 4:96, т.е. стоимость реальной собственности этой компании, которую можно «пощупать», просто ничтожна по сравнению со стоимостью основных брендов и корпоративной культуры²¹. Процесс возрастания роли и соответственно стоимости нематериальных активов шел очень быстро. «К началу 70-х годов отношение рыночной стоимости компании к балансовой в среднем составляло 0,8 ... С 1973 по 1993 год величина неуклонно ползла вверх и достигла 1,7. А к 1998 году среднее значение коэффициента “рыночная/балансовая стоимость” для компаний входящих в промышленный индекс Доу-Джонс, уже превысило 5»²².

Финансовая стоимость однозначно говорит об общей социально-экономической и культурной значимости брендов в современном обществе. Эта постоянно растущая значимость в свою очередь определяется феноменом свехрационализации, который символизирует кризис индустриального общества и эпохи модерны как таковой. За последние два века человек смог рационализировать почти все, что его окружает. В результате мир не стал проще, наоборот, он стал сложнее, в нем стало трудно ориентироваться. Для облегчения выживания в эру компьютеров, телекоммуникаций и глобального рынка мифы и легенды, неожиданно, как и многие тысячи лет назад, пришли на помощь человеку – только сегодня в виде брендов. Бренды стали путеводными знаками человечества в эпоху постмодерна. Оказалось, что если вместо брендов использовать чисто рациональные процедуры, движение по жизни окажется более сложным, запутанным и менее интересным.

В этом тоже можно увидеть

определенный парадокс рационализации. В целом за последние десятилетия человечество стало намного грамотнее. Значительная часть людей может без труда разобратся в технической документации к фотоаппарату, микроволновой печи, холодильнику. Однако люди этого не делают, они просто верят в то, что «Бош – это круто», а «Зануссии – это красиво». Человек выбирает легенду, а уже затем смотрит на то, на какой товар, выпущенный в рамках этой легенды, у него хватит денег. В свое время В.И. Ленин разоблачал эмпириокритиков за их лозунг: «Мы живем в мире ощущений». Но этот лозунг парадоксальным образом оправдался. Сегодня мы покупаем не фотоаппарат, а имидж фотоаппарата, мы голосуем не за президента, а за имидж президента. Миром, действительно, стали править ощущения. А почему семья не может стать таким символом, таким брендом? Оказывается, не только может, но и активно становится!

Русский язык позволяет построить такую фразу отражающую суть описываемой трансформации: *семья²³ возрождается как фамилия*. Понятно, что на большинстве европейских языков (прежде всего романских) такая фраза просто лишается смысла, потому что семья это и есть фамилия. Стоит вспомнить, что бренды ведут свою родословную от клейм на скоте с фамилиями владельцев, т.е. первые бренды были фамилиями. Да и в настоящее время огромный процент брендов, как за рубежом, так и в России – это фамилии владельцев фирм. То, что семья, не смотря на все противодействия индустриальной эпохи, осталась значимым фактором в управлении отдельными компаниями, обусло-

вило такое положение вещей.

Политическая сфера общества постепенно воспринимает ту же значимость брендов. Фамилия – это бренд, значит, ее нужно поддерживать, а поддержать ее могут прежде всего родственники, носящие ту же фамилию и пользующиеся преимуществами социального статуса семьи. Значимость этого бренда косвенно подтвердили российские региональные выборы, в ходе которых в ряде случаев регистрировались однофамильцы кандидатов-фаворитов. Вложения в фамилии политиков – это многомиллиардные инвестиции. В бренд «Путин» за последнее десятилетие вложено денег ничуть не меньше, чем в бренд «Газпром». Принадлежность к семье в современную эпоху – в ряде случаев это уже принадлежность к бренду, к легенде. Так, с фамилией «Путин» еще долго у многих жителей нашей страны будет связываться укрепление экономики, стабилизация общественного развития, нежелание следовать за западными странами в ряде вопросов мировой политики. Если в будущем такие идеи, такая легенда будут востребованными, с точки зрения политтехнологий, лучшей стратегией политической силы для того, чтобы заручиться поддержкой избирателей, будет выдвижение кандидата с фамилией Путин. Для Запада таким брендом является Горбачев. Еще до недавних пор именно поэтому он был довольно востребован и в рекламе, и в политической агитации. Для России ностальгической силой обладает бренд «Брежнев», и внук Генерального секретаря не преминул этим в свое время воспользоваться, хотя и не имел успеха.

Обращает на себя внимание практика «прародительницы» и,

можно сказать, в каком-то смысле «цитадели» европейской демократии – Греции. Здесь ПАСОК (Всегреческое социалистическое движение) и партия «Новая демократия» на протяжении десятилетий поочередно сменяют друг друга у власти. При этом их лидеры, Костас Караманлис и Йоргос Папандреу представляют две самые влиятельные политические династии страны. В 1974 г. дядя действующего премьера Костас Караманлис-старший основал «Новую демократию», а отец лидера социалистов Андреас Папандреу был одним из основателей ПАСОК и сыном греческого премьера Георгиоса Папандреу-старшего. Сторонники несемейного управления государством могут здесь заметить, что то тяжелое положение, в которое попала Греция во время экономического кризиса 2008-2009 гг., отчасти связано с такой «архаической» структурой власти. Но им всегда можно возразить тем, что вина семей политической элиты в кризисе – это тема отдельного исследования, а единственный пример неэффективности управления никак не отменяет общей тенденции.

Управленческие особенности использования семьи как бренда многообразны. В ряде случаев это может попросту сэкономить средства точно так же, как при выведении ряда товаров под одной маркой. Так, по всей видимости, расходы на продвижение братьев Качинских на выборах в Польше были меньше той суммы, которая бы потребовалась на проведение компаний двух «разнофамильных» политиков. После трагедии под Смоленском весной 2010 г. брат покойного президента Леха Качинского Ярослав шел на выборы прежде всего как кандидат, с фамилией-брендом которого связаны эмоции

всего польского народа.

Бренды-фамилии могут образовываться на региональном и отраслевом уровнях. Опять-таки в этом случае принадлежность к семье будет означать олицетворение некоторых мифов и идей, которые могут самым существенным образом помочь обладателю таких брендов в построение карьеры в местных органах власти или в отраслевой корпорации. Кроме того, активное включение в политическую и экономическую жизнь стран, где еще сильны доиндустриальные традиции семейного управления (это прежде всего относится к странам арабского Востока и другим мусульманским странам), также объективно снижает критический пафос классических западных управленческих теорий, нацеленный против семейственности как фактора формирования политической и экономической элиты общества.

Постиндустриальная стадия развития общества, как это ни странно, во многих своих аспектах повторяет доиндустриальную²⁴. Роль семьи как института принципиально значимого для доиндустриального управления начинает возрождаться. Некоторая спираль общественного развития действительно имеет место на практике. Если индустриальная стадия развития цивилизации однозначно была эпохой кризиса семьи, сегодня мы видим определенное движение в ином направлении. Как бы «с заднего хода», как бы стесняясь и стараясь быть незаметной, семья входит в систему государственной власти и управление корпорациями. Она входит в своей истинно постиндустриальной ипостаси – как бренд, как фамилия, как имидж, как символ и знак. Конечно, ее присутствие не отметит разом всех тех принципов вза-

имодействия управляющих субъектов, которые были выработаны за последние два-три столетия, но определенная «семейная» корректировка этих принципов уже произошла, и с дальнейшей «виртуализацией» нашей жизни она по описанной выше логике должна только усилиться.

Ссылки:

1 См.: Синельников А.Б. Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования).- М., 2009.

2 В целом их отличала сверхцентрализация, бюрократизация, государственная собственность на землю (подразумевавшая, что земля принадлежит верховному правителю) и предельное ослабление товарно-денежных отношений (Древний Египет, Месопотамия, Древний Китай, Империя Инков и др.).

3 Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории. М., 2003. С.199.

4 Там же. С.222.

5 Там же. С.206.

6 Индивидуализм англосаксонской цивилизации стал уже общим местом в рассуждениях о национальном характере отдельных народов. Чтобы не быть голословными в этом вопросе, можно сослаться на всеобъемлющий труд Г.Хофштеде, где он, выделяя англосаксонский кластер бизнес-культур на основе эмпирических данных указал на предельно высокую степень индивидуализма как ценности, воздействующей на поведение людей в данном кластере (Hofstede G. Culture's Consequences: International differences in Work-related Values. L., 1980).

7 Схожие соображения стояли и за тем обстоятельством, что при демократической форме правления

руководство не должно состоять из столичных жителей, выходцев из столичных семей. Присутствие провинциальных политиков во власти в любой стране рассматривается как свидетельство подлинной демократии в действии.

8 Nisbet R.A. *Twilight of Authority*. N.Y., 1975. P.283

9 Nisbet R.A. *Conservatism: Dream and Reality*. Mineapolis, 1986. P.9.

10 *The Family and the State*. 1986. P.XXVI.

11 Gilder G. *Wealth and Poverty*. N.Y., 1981. P.94.

12 Gill R. and Gill T.G. *A New Plan for the Family* // *Public Interest*. № 111, Spr. 1993, pp.86-9.

13 Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1957, т.2. с.490.

14 Коллонтай А.М. *Семья и коммунистическое государство*. М.-Пб., 1918, с.23.

15 Бухарин Н.И. *Теория исторического материализма*. М.-Пб., 1923, с.174.

16 Троцкий Л. *Преданная революция*. М., 1991, вып. 1, с.121.

17 Хэнди Ч. *Слон и блоха: Будущее крупных корпораций и мелкого бизнеса*. М., 2004. С.157.

18 Интересно, что предшествующие этой кампании корпоративные скандалы в основном происходили в США и Великобритании, а также в компаниях других стран с преобладанием миноритарных

акционеров. В Германии с чисто континентальной системой корпоративного управления таких скандалов почти не наблюдалось.

19 См., например, Ивашковская И.В., Константинов Г.Н., Филонович С.Р. Становление корпорации в контексте жизненного цикла организации // *Российский журнал менеджмента*. 2004. Т. 2. № 4. С. 19-34.

20 Видимо, в ряде случаев такая позиция действительно является привлекательной (см., в частности, Бакшт К.А. *Как загубить собственный бизнес. Вредные советы российским предпринимателям*. – СПб.: Питер, 2009). Но нельзя забывать о том, что для многих предпринимателей их бизнес становится их судьбой, и они не продадут его ни при каких – даже самых выгодных с точки зрения чистой логики *homo economicus* – условиях.

21 Лукьянова Е. *Неучтенные миллиарды* // *Эксперт*. №10, 2000.- С.34-37.

22 Чернышев С. *Фермопилы.ru* // *Эксперт*. – 2004, №47. – С.72.

23 от *семь* «домочадец», того же корня, что лит. *eima*, «семья, челядь», готск. *haimis* «селение», греч. *kftz* — тж. *Семья* исходно — «живущие в одном селении», затем — «домочадцы».

24 См.: Барков С.А. *Теория организации (институциональный подход)*. М., 2009.

Конфликт ценностных ориентаций бизнеса и общества

Куманенко С.И., Франчук В.И.

Проводится критический анализ ценностных приоритетов предпринимателей и других социальных групп, предлагается собственный вариант решения проблемы с позиции управления процессами общественного развития. Представлен проект устранения негативных социальных явлений за счёт популяризации исторически сложившихся ценностей российского общества.

Ключевые слова: социальные ценности, потребности, общественное развитие, социальное управление, социальные институты, социализация, социальные отношения.

Kumanenko S.I., Franchuk V.I.

The conflict of valuable orientations of business and society. The authors of the article carried out a critical analysis of value priorities of businessmen and other social groups and offered own variant how to solve the problem from the position of social management. In the article presented project of elimination of the negative social phenomena due to popularization of historically developed social values of the Russian society.

Keywords: Social values, needs, social development, social management, social institutes, socialization, social attitudes.

Изменения, произошедшие в период распада СССР во всех сферах общественной жизни, коренным образом реструктурировали систему социально-экономических отношений. Под воздействием идеологии экономически развитой западной культуры в стране сменился тип общественного устройства, а вместе с ним стали изменяться и социальные ценности.

Западная культура оказала на российское общество значительное влияние. Тому существует несколько объяснений:

- западная цивилизация является наиболее развитой по уровню качества жизни, наиболее материально обеспеченной;

- советская культура к концу 1980-х годов утратила целостность и устойчивость идеологической системы, ценностные основы разрушались в связи с материальными проблемами.

На основе иерархии потребностей Маслоу можно сделать вывод, что советское общество стремилось к удовлетворению потребностей более высоких уровней без полноценного удовлетворения потребностей базовых уровней, которые

для человека являются первичными и обязательными.

Неудовлетворённость потребностей более низких уровней стала препятствием для достижения высоких социальных целей. Труд нескольких поколений на благо общественного развития не принёс ощутимой пользы для личного благополучия граждан. Отсутствие конкретных результатов в работе по «строительству коммунизма» привело многих членов советского общества к мысли об утопичности данной идеи.

Кризис социалистического пути развития по заданной траектории создал благоприятную почву для развития либеральных идей в определённых кругах российского общества. Для предприимчивых граждан в процессе приватизации экономических ресурсов СССР открывались широкие возможности для самореализации.

Произошедшие изменения стали главной причиной коррекции ценностных ориентаций российского общества в сторону развития потребительской культуры, являющейся основой западной цивилизации. Своё развитие также получил принцип индивидуализма, в первую очередь в сфере предпринимательства.

Предприимчивость индивидуалистов, быстро освоившихся в новых для России условиях становления рыночной экономики, позволила им добиться значительных успехов на фоне экономически пассивной массы населения. Эту тенденцию поддержали представители органов власти, которые стали исполнять роль лоббистов интересов представителей бизнеса.

Высокие показатели эффективности индивидуализма для материального успеха стали причиной его укрепления в студенческой среде, стремящейся к максималь-

ным результатам и обладающей наибольшей социальной активностью. Это наглядно демонстрируют результаты исследования¹.

Большинство представителей бизнеса ориентируются только на прибыль, игнорируя интересы российского общества и применяя методы, зачастую далекие от господствующей в нашем обществе системы нравственных ценностей.

Одним из самых распространённых и безнаказанных явлений, в условиях несовершенной правовой системы, становится обман. Использовать этот метод проще всего, доказать его использование сложно, а наказание в большинстве случаев отсутствует.

Предприниматели с помощью собственных материальных ресурсов привлекают на свою сторону специалистов самого разного профиля, в том числе государственных служащих. Таким образом, профессионалы высокого класса встраиваются в чуждую им систему, так как заинтересованы в улучшении собственного положения. Они руководствуются ценностными ориентирами западной цивилизации.

Если найм профессионалов исполнительского профиля можно рассматривать как обычное дело, то перетягивание на свою сторону чиновников для лоббирования собственных интересов является крайне опасным социальным явлением. Государственный служащий в этом случае не только нарушает законы своей страны, но и становится исполнителем роли, не соответствующей его должностным обязанностям и приоритетам, становится опасным для общества.

Обобщая вышесказанное, концептуальный характер работы большинства предпринимателей имеет следующий вид. Первичная цель – прибыль, средства работы

– манипуляция материальными ресурсами. Единственная, но при этом точная, оценка предпринимательской деятельности – денежная.

К гражданам, недовольным методами работы предпринимателей, относятся:

– клиенты организаций, их вводят в заблуждение или не ставят в известность обо всех характеристиках приобретаемого товара или услуги, а после продажи товара или оказания услуги отсутствует надлежащее качественное сопровождение,

– сотрудники организаций, их вводят в заблуждение относительно условий труда и будущих перспектив развития внутри организации, а в процессе работы подвергают спекуляциям вокруг финансовой зависимости от работодателя для извлечения максимально возможной производительности труда, в том числе вне рамок трудового законодательства.

Такое отношение предпринимателей является социально безответственным. Обществу наносится серьёзный ущерб, поскольку характеристики данной модели вступают в конфликт с общественным пониманием социальных норм и ценностей. Это приводит к серьёзным конфликтам внутри общества.

Масштабность проблемы характеризуется тем, что наибольшая часть общества трудоустроена в коммерческом секторе. Так как работе люди посвящают большую часть жизни, то обозначенная модель крайне негативно влияет на процесс их социализации.

Кроме этого подавляющее большинство людей являются активными участниками экономических взаимоотношений в обществе. Каждый день они принимают участие во множестве сделок по обмену товарами и услугами. Тем

самым они непосредственно сталкиваются с характеристиками указанной проблемы.

Таким образом, практически каждый человек постоянно ощущает неприемлемое отношение представителей бизнеса по отношению к себе с точки зрения существующих базовых ценностей российского общества.

Рано или поздно люди приходят к пониманию основного принципа функционирования большинства коммерческих организаций «прибыль оправдывает всё». В итоге одни люди отказываются принимать данную модель, другие встраиваются в систему.

Первые становятся экономически пассивными, сталкиваются с серьёзными проблемами. Ощущение несправедливости наносит психологические травмы. Это приводит к значительным потерям в качестве работы и саморазвитии, а иногда – к летальным исходам.

Вторые изменяют собственные ценности и нормы, становятся пропагандистами данной модели в обществе, и тем самым опасными для самого общества. При этом фактор итоговой материальной успешности вторых заставляет задуматься окружающих о возможности пойти тем же путём.

Таким образом, у людей постепенно формируются отрицательные для общества индивидуалистические качества и ценностные ориентиры. В этой среде рождаются цинизм и лицемерие, а обман становится основным помощником на пути к личному благосостоянию.

Противоречие индивидуальных интересов общественным препятствует оптимальному общественному развитию. Одновременно ориентированность на общественно важные цели одних субъектов отношений создаёт проблемы субъектам, ориентированным на

приумножение личного благосостояния.

В рождающихся конфликтах преимущество получают участники с материальными приоритетами. Первичные потребности берут верх над потребностями более высоких уровней за счёт ограниченности ресурсов и эгоизма людей, заложенного законом природы о естественном отборе.

Таким образом, абсолютизации индивидуалистической культуры, развивающейся через предпринимательскую сферу, наносит ущерб иным противоречащим ей идеологическим установкам. Ущемляются права других субъектов, их профессиональная деятельность на благо общества не находит соразмерной компенсации в системе материальных ценностей.

Сложившаяся система товарно-денежных отношений причиняет наибольший ущерб тем членам общества, которые стремятся выполнять общественно значимую работу, поскольку их общественная деятельность мешает реализации интересов субъектов, ориентированных на личное обогащение.

Индивидуалисты решают личные проблемы за счёт вытеснения из сферы активных отношений общественно ориентированных субъектов. У них притупляется или исчезает социальная самоидентификация. Нивелирование объединяющих норм и ценностей наносит культуре российского общества серьёзный удар. Личные интересы весьма ограничены и явно не могут служить ориентиром общественного развития.

В настоящий момент у российского общества утрачен единый курс развития, нет общей идеи и объединяющей системы базовых ценностей. Нарушена историческая преемственность поколений в плане

передачи накопленного опыта и знаний, традиций и обычаев, социальных ориентиров и устремлений.

Общество, по сути, разделилось на обособленные друг от друга социальные группы со своими индивидуальными ценностями, целями, интересами, собственной культурой. Причём географический фактор не имеет первостепенной роли. Разделение общественной жизни происходит по принципу социальной стратификации.

Российскую элиту сформировали группы, наделённые наибольшей властью, определёнными сферами влияния. Это представители бизнеса и чиновники всех рангов, лоббирующие интересы первых.

Внутреннее дробление общественной структуры приводит к постепенному разрушению российского общества, заметно ослабляя его устойчивость. Такое положение дел может привести к любым последствиям, что неприемлемо для управленческой модели.

Сложившаяся модель общества, хотя и переживает перманентные кризисы, находит все новые ресурсы для поддержания своего жизнеобеспечения. Некоторые ученые находят её наиболее совершенной на данном этапе развития цивилизации. Вслед за О.Конттом они считают, что сохранение работоспособности данной модели поддерживается за счёт функционирования «социального механизма», корректирующего негативные последствия. В результате ущерб от радикальных действий одних социальных групп непременно компенсируется за счёт ресурсов других.

Качество разнонаправленного и стихийного движения охарактеризовать сложно, но очевидно одно: общество может функционировать намного эффективнее. Существующая модель использования обще-

ственных ресурсов несовершенна, т.к. большое их количество тратится на коррекцию негативных явлений, вызванных индивидуалистическими устремлениями некоторых социальных групп.

Сложность решения ситуации заключается в том, что сторона, нарушающая социальные нормы, как правило, наделена наибольшими административными и финансовыми ресурсами. Те, кто вынужден защищать свои права, оказываются в ущербном положении.

В результате часть индивидов отказывается тратить свои ресурсы, время и нервы ради восстановления справедливости при нарушении прав клиентов и работников организации. Более того, зачастую оказывается, что разбирательство обходится более накладно для пострадавшего, чем ущерб от нарушения.

Несовершенно и законодательство. Субъекты экономических отношений, наделённые большей властью и большим количеством ресурсов, должны нести прямо пропорционально и больше ответственности. Однако законодательная база разрабатывается самими же чиновниками. В ней напрямую отражаются ценностные ориентации института государственной власти. Власть приносит им материальные выгоды.

Нарушения социальных норм и законодательства, которые не влекут серьёзных последствий для нарушителей, стали носить системный характер. Такая модель взаимоотношений в обществе сохраняет известную устойчивость.

Западная цивилизация принесла в Россию ориентацию на материальную выгоду, укрепляя позиции индивидуализма. Материально обеспеченные граждане получают практически неограниченные возможности для собственного

развития, занимая высокий социальный статус. Развитие самого общества для них не приоритетно.

Несмотря на сложность, глубину и масштабность проблемы, ситуация отнюдь не безнадежна. Исходя из наблюдений за историческим развитием других обществ, можно сделать вывод, что проблема в перспективе решается. История показывает, что разумное начало постоянно совершенствуется и эволюция цивилизации идет в направлении укрепления позиций социальной ответственности.

Наглядное подтверждение можно получить, если рассматривать эволюцию с точки зрения теории органицизма. Наиболее здоровое и развитое общество возможно при наличии минимальных внутренних проблем и единого сбалансированного курса развития.

Известно, что в обществе человек получает намного больше возможностей для собственного развития, чем вне него, обретает новые возможности и ресурсы. В процессе развития собственного разума, человек осознаёт этот факт всё более отчётливо, поэтому общественные интересы становятся для него более весомыми. Человек и общество становятся максимально взаимозависимы.

Кроме того, несмотря на высокую мощь западной идеологии, принцип коллективного сознания в России утрачивает свои позиции крайне медленно. В своих исследованиях А.И. Наумов², Н.В. Латова и Ю.В. Латов³ делают вывод, что идея коллективизма даже после распада СССР близка большинству россиян. Таким образом, стремление к общественному единению может стать прочной основой для реформирования социально-экономических отношений в России через идентификацию, сохранение, защиту и пропаганду

базовых ценностей единого российского общества со своей уникальной историей и культурой.

Оптимальную модель общественного развития необходимо проектировать на основе разумного начала с точки зрения первостепенности общественных интересов. Определение общей цели развития и ценностных ориентаций, сбалансированное распределение ресурсов предоставляют возможность в разы увеличить темпы общественного развития.

Фундаментом новых отношений должен стать принцип социальной ответственности, основанный на уважении к партнёрам и признании их личных интересов. Стремление к минимизации ущерба другим лицам, поиску компромиссов и инновационных решений позволяет реализовывать частные интересы через более эффективную реализацию общих.

Необходимо восстановить преемственность поколений, так как это является гарантией сохранения общественной культуры и её развития. Деятельность членов общества становится направленной на изучение ранее неизвестных сфер жизнедеятельности, исключается повторение одних и тех же шагов.

Естественным катализатором улучшений могла бы стать ситуация, при которой бизнесу стало бы невыгодно нарушать общественные нормы в связи с прямыми убытками от нарушений. Об этом говорят многие экономисты, ссылаясь на принципы совершенной конкуренции, свободу информационного пространства.

Действительно, конкурентная борьба и совершенствование информационного пространства подталкивают представителей бизнеса к более внимательному отношению к людям. Если организация

допускает серьёзное нарушение, то информация об этом становится достоянием широкой общественности, а компания, если она не монополист, несёт серьёзные убытки. Представители бизнеса стремятся к формированию положительного имиджа, но больше в теории, чем на практике. Часто бизнесмены делают выбор в пользу выгоды, а не имиджа.

Если в итоге расчетов получается результат, при котором нарушать социальные нормы выгоднее, чем полностью обезопасить свой имидж, то выбор падает на первый вариант. Оценка с точки зрения социальной ответственности не несёт определяющего значения.

Делая заявления о кодексе чести и социальной ответственности, бизнесмены одновременно нанимают штат специалистов по работе с общественностью, которые корректируют поступающую во вне информацию. Организуются действия по искажению информационного поля в выгодном для себя направлении. Проводится планомерная работа по формированию положительного образа предпринимателя, в том числе оплаченная реклама, положительные отзывы, поток обещаний о всевозможной поддержке обществу. Проверить реальность намерений практически невозможно. И даже если какая-то негативная деталь в итоге будет раскрыта, отрицательный эффект для предпринимателя будет ниже, чем расходы на соблюдение социальных норм в условиях жёсткой конкурентной борьбы.

Активную поддержку предпринимателям оказывают специалисты от юриспруденции. Они внимательно изучают действующее законодательство, дают двоякую трактовку законам, защищают

исключительно интересы работодателя. В результате юридические положения превращаются в потенциальную ресурсную базу коммерческой деятельности.

Общество столкнулось с проблемой тотального обмана. Профессионалом бизнесмены считают такого сотрудника, который может использовать ложь в качестве средства достижения выгоды для организации.

В конкурентной борьбе невыгодно соблюдать кодекс чести. Это служит дополнительным ограничением для организации. В то же самое время честные, т.е. социально ответственные предприниматели переобременены обязательствами и дополнительными расходами, связанными с соблюдением социальных норм и законодательства.

Стремясь не выпасть из поля жесткой конкуренции, социально ориентированные бизнесмены начинают заниматься замаскированным мошенничеством. Даже общественные организации, в миссии которых прописаны благородные цели, занимаются нелегальной коммерцией. Корпорации пропагандируют принципы социальной ответственности, потому что это выгодно для бизнеса.

Возможно, бизнес не заинтересован в серьезных переменах. Предприниматели заинтересованы скорее в минимизации для себя риска от возможных изменений. Обладание собственной сферой влияния в обществе позволяет им эффективно использовать возникающие социальные проблемы в личных целях.

Предположение о том, что решение социальных проблем кроется в экономической сфере, не соответствует реальному положению дел. А заявления бизнесменов о необходимости всесторонней поддержки бизнесу озвучиваются

с целью улучшения внешних условий контролируемых организаций ради увеличения прибыли. К такому же выводу приходит Дж. Сорос, заключая, что рыночные механизмы не в состоянии защищать общие интересы, а охранять общественные ценности способны только общественные и политические институты⁴.

Только государство обладает необходимым уровнем организации и властными полномочиями для решения социальных проблем. Другие институты серьезно отстают, не оказывая существенного влияния на общественную политику. Они могут выполнять только вспомогательную функцию в реализации социальных программ.

В связи с этим инициативу необходимо брать на себя государству. Именно государство ориентировано на стратегические цели развития общества, которые первичны по отношению к личным интересам отдельных социальных групп.

Централизация усилий обоснована несколькими причинами. Единоначалие поддается более эффективному контролю, соблюдению единой стратегической линии протекающих процессов и позволяет определить конкретное лицо, ответственное за исполнение намеченного плана.

Многие чиновники являются непосредственными участниками и причиной коррупционной деятельности, их привлечение к решению проблемы бесперспективно. Основной движущей силой должен стать Президент РФ и его ближайшее окружение. С помощью властных ресурсов собственным волевым решением ему необходимо запустить первичные социальные процессы, направленные на реструктуризацию ценностных основ российского общества.

Политику реформирования необходимо проводить через социальные институты, которые Г. Спенсер рассматривал также в качестве основных средств удовлетворения общественных потребностей.

Все сферы общественной жизни тесно взаимосвязаны, поэтому устранение конфликта бизнеса и общества возможно только через реализацию единой стратегии действий, представляющих собой комплекс взаимосвязанных последовательных решений во всех сферах.

Первичной задачей разрабатываемого проекта является уменьшение влияния экономической сферы на базовые ценности российского общества. Оптимальное общественное развитие возможно только при наличии устойчивых конструктивных отношений между членами общества, благоприятной социальной атмосферы. Для этого необходимо формирование условий доминирования институтов социальной сферы, что позволит значительно уменьшить конфликт ценностных ориентаций бизнеса и общества.

Необходимо определить основные методы проведения государственной политики. Проводить искусственные жёсткие преобразования в экономической сфере нецелесообразно и опасно. Условия стремления к свободному рынку показывают наиболее высокие экономические результаты, которые стимулируют развитие и других сфер общественной жизни.

Предполагается, что государство как субъект управления сможет организовать и привести в действие работу в заданном направлении, а также эффективно контролировать запущенные процессы. Для реализации поставлен-

ной цели необходимо создание административного органа (подразделения), подотчётного Администрации Президента. Он включает в себя следующие отделы: информационно-аналитический, планово-экономический, юридический, по связям с общественностью, а также координационный центр.

Эффективная работа административного органа предполагает достижение целей по устранению социальных конфликтов в сфере ценностных ориентаций между различными социальными группами внутри российского общества и формирование устойчивой системы базовых ценностей.

Реализация проекта позволит значительно увеличить потенциал российской культуры, определить единые ценности, нормы и стратегию социального развития, улучшить социальную атмосферу, эффективно использовать общественные ресурсы, стать одним из важнейших шагов на пути поиска решений для множества других острых социальных проблем.

Ссылки:

1 Латова Н.В., Латов Ю.В. Особенности «вестернизации» ментальности студенчества модернизирующихся стран // Социс, 2007, №11. С.90-98.

2 Наумов А.И. Хофстидово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент, 1996, №3. С.71-95.

3 Латова Н.В., Латов Ю.В. Российская экономическая ментальность на мировом фоне // Общественные науки и современность, 2001, №4. С.31-43.

4 См.: Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М., 2001.

Компромисс как форма экономического поведения

Макин И.О.

В статье доказывается, что компромисс является одной из форм экономического поведения, направленной на регулирование экономических конфликтов и противоречий, и способная проявляться как составляющая любой другой формы экономического поведения.

Ключевые слова: компромисс, модели экономического поведения, рыночное поведение, потребительское поведение, обменное поведение, компромиссные соглашения.

Makin I.O.

Compromise as form of economic behaviour

The theme of article is related with theory of compromise. In article proving, that compromise is one of the form of economical behaviour directed on regulation economical conflicts and contradictions, and can be displayed as a part of any other form of economical behaviour.

Compromise, as a model of economic behaviour, market behaviour, consumes behaviour, sharing behaviour, compromise agreement.

Компромисс, как правило, находит себя в экономическом поведении – это утверждение гипотетично, однако оно не лишено основания. Чтобы это доказать, следует начать с определения самого понятия «экономическое поведение».

Экономическое поведение – поведение, связанное с перебором экономических альтернатив с целью рационального выбора, то есть выбора, в котором минимизируются издержки и максимизируется чистая выгода. Предпосылками экономического поведения выступают экономическое сознание, экономическое мышление, экономические интересы, социальные стереотипы. При этом каждый феномен по-своему формирует тот или иной тип экономического поведения. Так, например, техника экономического мышления – это некая предпосылка, которой человек руководствуется в своем поведении. Исходя из баланса рациональности и эмоциональности своего мышления индивиды предпринимают лишь те действия, которые принесут им наибольшую чистую пользу. В общении между собой, особенно по поводу распределения и потребле-

ния ограниченных экономических ресурсов, субъекты преследуют свои экономические интересы, удовлетворяют свои насущные потребности. Это вторая предпосылка их экономического поведения, позволяющая во многом его предсказывать. Действуя в собственных интересах, люди создают возможность выбора для других, и общественная координация формируется как процесс непрерывного приспособления к изменениям в чистой выгоде, возникающим в ходе их взаимодействия. Существует несколько моделей экономического поведения индивидов, содержащих механизмы общественной координации.

Первая модель, основанная на методологии английского экономиста и философа А. Смита, строится на признании компенсаторной роли заработной платы в качестве основы экономического поведения субъекта. Функционирование модели детерминируется пятью главными условиями, которые компенсируют малый денежный заработок в одних занятиях и уравнивают большой заработок в других: 1) приятность или неприятность самих занятий; 2) легкость и дешевизна или трудность и дороговизна обучения им; 3) постоянство или непостоянство занятий; 4) большее или меньшее доверие, оказываемое тем лицам, которые занимаются ими; 5) вероятность или невероятность успеха в них. Эти условия определяют баланс действительных или воображаемых выгод и издержек, на которых основывается рациональный выбор индивида. Альтернативные варианты, выбираемые в каждом из пяти условий зарабатывания денег исходя из склонностей и предпочтений людей, определяют их экономическое поведение.

Анализ экономического поведения индивида, в контексте ме-

тодологии А. Смита, показывает, что в отечественной экономике в процессе становления рыночных отношений явно доминируют два базовых типа экономического поведения субъектов: дорыночный и рыночный. Дорыночный тип поведения характеризуется формулой «гарантированный доход ценой минимума трудовых затрат», или «минимум дохода при минимуме трудовых затрат». В целом для носителей дорыночного типа поведения характерно неприятие рынка или настороженное отношение к нему, низкая оценка собственных представлений о рыночной экономике, высокий уровень социальной и психологической напряженности личности, находящейся под сильным влиянием социальных стереотипов, выработанных в годы советской экономики.

Рыночный тип поведения характеризуется формулой «максимум дохода ценой максимума трудовых затрат». Он предполагает высокую степень экономической активности со стороны субъекта, понимание им того, что рынок предоставляет возможности для повышения благосостояния соответственно вложенным усилиям, знаниям, умениям. Собственно рыночный тип поведения еще только начинает формироваться и в сильной мере зависит от хода экономических реформ и их соответствия социальным ожиданиям экономически активных индивидов.

Неизбежные издержки формирования рынка труда привели к возникновению еще одного типа экономического поведения - псевдорыночного. Псевдорыночный тип экономического поведения характеризуется формулой «максимум дохода ценой минимума трудовых затрат». Наличие псевдорыночного типа поведения в той или иной социальной системе свидетельству-

ет о низком уровне ее развития, отсутствии четко выраженной концепции этого развития, что характерно в той или иной мере для развивающихся стран.

Вторая модель, основанная на методологии американского экономиста П. Хейне, исходит из того, что экономический образ мышления имеет четыре взаимосвязанные особенности: люди выбирают; только индивиды выбирают; индивиды выбирают рационально; все общественные отношения можно трактовать как рыночные отношения. Названные условия создают определенный баланс действительных или воображаемых выгод и издержек, на которых основывается рациональный выбор индивида. Делая этот выбор, индивид предпринимает действие, которое принесет ему в соответствии с его ожиданиями наибольшую чистую пользу. При этом чем серьезнее экономические обоснования выбора, тем больше вероятность того, что он будет рациональным.

Необходимыми свойствами-ограничениями экономической теории П. Хейне являются, во-первых, признание безусловной рациональности человека; во-вторых, абсолютизация рационального выбора; в-третьих, акцентирование внимания на возможности осуществления выбора единичным индивидом. Осуществляя рациональные выборы, основанные на ожидании чистой выгоды, индивиды предпринимают определенные действия, прогнозируемые другими людьми. Когда пропорция между ожидаемой выгодой и ожидаемыми затратами на какое-либо действие увеличивается, то люди совершают его чаще, если уменьшается - реже. Тот факт, что почти каждый предпочитает большее количество денег меньшему, неизменно облегчает весь процесс; деньги здесь

подобны смазочному материалу, крайне важному для механизма общественного сотрудничества. Умеренные изменения денежных затрат и денежных выгод в тех или иных случаях могут побудить большое число людей изменить свое поведение таким образом, что оно окажется лучше согласованным с действиями других людей, осуществляемыми в то же самое время. В этом и заключается главный механизм сотрудничества между членами общества, позволяющий им обеспечивать удовлетворение своих потребностей, используя доступные для этого средства.

Ограниченность объяснительных возможностей экономической теории П. Хейне преодолевается в ходе создания социологизированной модели экономического поведения. Последняя включает в себя: во-первых, действия, детерминированные коллективным выбором; во-вторых, иррациональные выборы индивидов, которые часто имеют место в жизни и связаны с присутствием в структуре человеческой психики компонентов бессознательного; в-третьих, действия, детерминированные экономическими интересами и социальными стереотипами. Согласно этой модели, выбор индивидов в реальной ситуации определяется: состоянием баланса рационального и эмоционального в экономическом мышлении; подвижностью равновесия нормативного и индивидуального в социальном стереотипе; и наконец, более глубинными причинами (часто не зависящими от них) - их экономическими интересами. Преследуя свои экономические интересы, люди приспосабливаются к поведению друг друга, соблюдая принятые правила игры, адаптируются к меняющейся ситуации, стремясь получить максимальную чистую выгоду (за

вычетом издержек) в результате своих выборов.

Действие каждой модели экономического поведения подчинено определенному социальному механизму регулирования экономических отношений, что открывает возможности научного управления ими¹.

Также можно выделить следующие классические виды экономического поведения², реализуемые в различных фазах воспроизводственного цикла; дистрибутивное (распределительное), производственное, обменное и потребительское. Дистрибутивное (распределительное) поведение. Этот вид экономического поведения вытекает из понимания рынка как процесса перераспределения огромной массы экономических ресурсов. Фактически дистрибутивные модели экономического поведения — поведенческие элементы многоликого института собственности, которые демонстрируют множество вариантов доступа к экономическим ресурсам, права контроля над ними. Дистрибутивное (распределительное) поведение отражает в своих основных компонентах функционально-нормативные предписания института собственности и, конституционно закрепленных правовых режимов, которые задают принципы и рамки его реализации. Дистрибутивное поведение обеспечивает соединение различных субъектов с экономическими ресурсами, определяет норму и меру присвоения полезных свойств этих ресурсов, а также механизмы и способы их перераспределения от одного пользователя к другому.

Производственное поведение связано прежде всего с накоплением, концентрацией материальных, технологических, интеллектуальных, организационных и других ресурсов, их соединением и комбинированием с целью получения благ с фиксированными потре-

бительскими свойствами и прибыли (дохода) от их обращения на рынке. Весьма усложняется процесс рассмотрения производственного поведения и «заложенных» в нем (рационально и грандиозно) принципов максимизации при выделении двух важнейших аспектов его реализации. Первый аспект касается объединения человеческих ресурсов. Он проявляется в функционировании институциональных механизмов их интеграции. Эта проблематика рассматривается социологией организаций. Второй аспект касается специфики профессиональных действий множества людей, включенных по различным причинам в производственный процесс и реализующих множество программ и моделей трудового поведения. Трудовое поведение — это специализированная профессиональная активность, связанная преимущественно с использованием и применением исходных ресурсов (факторов производства), преобразующихся, трансформирующихся в конечные или промежуточные продукты. Однако, реализуя эти функции, значительное большинство занятых имеют весьма смутное, а часто вообще не имеют никакого представления о том, кто, каким образом, какими средствами и в какой степени обеспечивает целостность и конечную эффективность (прибыльность) производственного процесса. Следовательно, их ареал экономических интересов в основном концентрируется вокруг функций, заданных тем рабочим местом, которые они занимают.

Обменное поведение обеспечивает движение различных экономических благ (товаров, услуг, информации) на рынке на основе учета и сравнения их ценности. Мера дефицитности обращающихся товаров проявляется в ценах. Она управляет действиями множества

субъектов, являющихся по отношению друг к другу продавцами и покупателями. Экономический обмен — это массовый, вероятностный процесс, в котором действуют множество продавцов и покупателей, что способствует выравниванию шансов сторон в процессе реализации ими своих преимуществ. Ценовые условия одних продавцов могут заменяться ценовыми условиями других, более выгодных покупателю. Можно выделить множество цепочек и схем социального обмена, а также разнообразные измерители социального обмена. Одни из них (например, деньги) универсальны и применимы в оценке множества ситуаций и действий, другие действуют только в определенных социокультурных и личностных контекстах. Некоторые формулы социального обмена мало понятны наблюдателям со стороны, не понимающим ценностно-смысловых программ, определяющих конкретные принципы обмена. Речь идет о тех действиях, при которых обмен задается определенной системой ценностей, приемлемых только для одних людей и неприемлемых для других.

Потребительское поведение обеспечивает извлечение экономических благ из товарного оборота и присвоение их полезных свойств с целью удовлетворения многочисленных потребностей человека. Фаза потребления характерна для большинства субъектов экономического поведения, использующих те или иные ресурсы для собственных нужд. Функционально непосредственный процесс потребления обусловлен сложившейся на определенном этапе общественного развития структурой человеческих потребностей и стандартов потребления, которая синхронна системам благ, предоставляемых обществом. Непосредственный процесс

потребления — сторона потребительского поведения. Он является результирующим элементом всех других экономических и неэкономических действий, которые делают возможным сам процесс воспроизводства и жизнеобеспечения домашних хозяйств. Естественно, что структура и качество жизнеобеспечения могут быть весьма различны. Они имеют два пограничных уровня: первый находится на границе физиологического минимума, за которым начинается деградация, второй — в зоне престижного (демонстративного) потребления, превышая разумные рациональные нормы и стандарты. Исходный баланс потребления определяется тремя составляющими: уровнем дохода, стандартом потребления и степенью компетентности субъектов калькулировать свои действия, не выходя за пределы тех ресурсов, которыми они обладают. Естественно, что структура потребительского поведения неотделима от конкретных социокультурных матриц, которые определяют доминанты и приоритеты потребительского поведения, их функциональные и ритуально-символические характеристики. Этот аспект приобретает и усваивается традиционно-опытным путем. Таким образом, конкретные стандарты и соответствующие им структуры потребления являются в большей степени фактом социальных привычек, традиций и стереотипов, чем чисто рациональных действий. Процесс потребления включает в себя некий каркас, который делает возможным и целесообразным весь процесс потребления, в том числе и те рациональные схемы поведения, которые реализуются внутри его. Это связано с тем, что сам по себе процесс потребления не существует как автономный феномен, но всегда детерминируется набором инструментальных и терминальных

ценностей, которые доминируют. В конкретной социальной среде и в конечном счете служат ориентиром потребительского выбора. Естественно, что эти стандарты и ориентиры могут быть различными, что указывает на многообразие культурных форм потребления.

Рациональность моделей потребительского поведения определяется и тем, что они должны обеспечить защиту и воспроизводство определенной системы ценностей, на основе которых функционируют конкретные потребительские ячейки. Речь идет о системе традиций и образцов поведения, которые репрезентируют социальную матрицу домашних хозяйств, делая ее конкретной и относительно самостоятельной культурной единицей. Последняя, базируясь на определенных ценностях и предпочтениях, сохраняет и транслирует конкретные модели потребительского выбора, передаваемые другим поколениям.

При изучении компромиссного экономического поведения, следует обратиться к определению термина «компромисс» в экономике. Экономические компромиссы — категория, применяемая в процессе принятия решения по комплексу вопросов предпринимательской деятельности. Она выражается в расчетах, отражающих интересы как различных подразделений фирм, так и всех фирм — участников экономического процесса.

Экономические отношения в любом обществе ярко и убедительно демонстрируют диалектическое единство противоположностей интересов, связанным с общественным характером процессов производства, распределения, обмена и потребления благ. В этих процессах неизбежно возникают, проявляются и развиваются противоречия интересов: конфликты интересов работников и работодателей;

конкуренция между производителями благ по поводу максимизации своей прибыли; конкуренция между покупателями по поводу цены, количества и качества приобретаемых товаров; конфронтация интересов продавцов и покупателей по поводу уровней цен и объема купли-продажи в процессе согласования условий рыночных сделок. В естественных экономических процессах разрешение противоречий интересов достигается путем взаимоприемлемых частичных уступок своих интересов каждым из противостоящих друг другу субъектов, то есть путем согласований и компромиссных соглашений. При этом субъекты экономических отношений должны располагать определенными экономическими силами, вынуждающими уступки противной стороны. Кроме экономических сил, на компромиссные соглашения могут влиять также внеэкономические силы: давление монополий, государственное регулирование, интересы профсоюзов и криминала, дефицитность ресурсов³.

Из выше сказанного видно, что компромисс является одной из форм экономического поведения, направленной на регулирование экономических конфликтов и противоречий, и способная проявляться как составляющая любой другой формы экономического поведения.

Ссылки:

1 Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, М - «Книжный дом» 2003 .

2 Верховин В.И. Экономическое поведение как предмет социологического анализа // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 120-125.

3 Кардаш В.А. Системная диалектика экономических отношений. Экономический вестник РГУ, 2004, том 2, № 3, стр 35.

От рискующего субъекта к обществу риска

Ромченко Е.Д.

Автор анализирует категорию риска на уровне действующего субъекта, затем рассматривает управление рисками как категорию менеджмента, также обращается к современным социологическим теориям, описывающим сущность рисков, возникающих на макросоциальном уровне.

Ключевые слова: риск, управление рисками, принятие решений в условиях неопределенности, общество риска, катастрофическое сознание, культура риска.

Romchenko E.D.

From the risking subject to the society of risk

The category "risk" is used by the author in the contexts of individual behavior, organizational management and social development. Speaking about "the risk society" the author refers to the texts of the contemporary sociologists.

Keywords: risk, risk-management, uncertainty and decision making, "the risk society", catastrophic consciousness, risk-taking culture.

В XVIII в. понятие «риск» появляется в экономических теориях предпринимательства; затем во второй половине XIX – начала XX вв., в связи с накоплением знаний о вероятностном характере ряда общественных и природных процессов, риск попадает в поле зрения других наук, прежде всего математической статистики. Первоначально знания о рисках были использованы для выработки юридических норм и правил, регулирующих практику страхования, биржевых сделок. В 1921 г. вышла книга Ф.Найта «Риск, неопределенность и прибыль», в которой были изложены основы экономического понимания риска. На протяжении XX в. понятие риска становилось все более актуальным в связи с научно-техническим прогрессом и использовалось для разных видов количественно-статистического исчисления. Но позже стало ясно, что такого одномерного понимания риска недостаточно, оно не соответствует многомерности критериев реального человеческого выбора и социального поведения, поэтому анализ проблем риска был введен во мно-

гие социальные науки, в том числе в психологию и социологию. Единого понимания риска в перечисленных областях знания не существует.

Риск на уровне действующего субъекта

Нередко индивиду приходится делать свой выбор, принимать решение, действовать в условиях *неопределенности*. Но сама неопределенность еще не означает условий риска¹. «Принятие риска» субъектом происходит только в том случае, если субъект соглашается делать выборы в заданных условиях неопределенности или оценивает опасность в шкалах значимости потерь. Таким образом, риск возникает тогда, когда возникает действие (бездействие) субъекта. Понимание риска может осуществляться как в негативном контексте, то есть как «риск потерь», так и в позитивном - как «риск приобретений». «Риск потерь» характеризуется недостижением цели, которое является следствием выбора в условиях неопределенности. «Риск приобретений» описывается через достижение цели непосредственным путем, в обход сбора информации, или следование гипотезам при недостаточной информации относительно их обоснованности. Риск в мышлении является условием риска в действии.

Люди в разной степени чувствительны к восприятию риска в ситуации принятия решения. Отсюда вытекают такие свойства личности, как «склонность/несклонность к риску» (гедонистический аспект) и «готовность/неготовность к риску» (праксеологический аспект, готовность решать задачи в ситуациях неопределенности). Различия в восприятии рисков обусловлены: 1) социальным

статусом респондентов; 2) принадлежностью к числу экспертов²/неэкспертов; 3) социально-демографическими характеристиками и др.

С одной стороны, рациональность при принятии решения может оцениваться с точки зрения критерия логичности/нелогичности, выгоды, определенного выбора целей и средств их достижения и др. С другой стороны, «рациональным» решение может называться уже в силу того, что оно обеспечивается мышлением субъекта, то есть происходит совмещение понятий рациональности и интеллектуальности. Такая рациональность понимается как умение субъекта осуществлять выбор при дефиците информации, умение планировать, оставляя в предполагаемом сценарии место для неопределенности. Рациональным может выступать именно принятие определенной степени риска, но не стремление избежать его. Знание о риске не исключает риска решений и действий.

Рисковое поведение возникает в ситуации неопределенности, которая включает в себя следующие элементы: 1) наличие потребностей и интересов; 2) наличие различных средств, способов и путей их удовлетворения; 3) неопределенность альтернатив, как по содержанию, так и по возможным последствиям их осуществления. Исходя из ситуации, действующий субъект делает оценки, осуществляет действие, закрепляет в опыте полученный результат (успех/неуспех)³.

Согласно оценочному подходу к определению сущности риска, индивид может действовать на основе оценки вероятности того, что его оценка вероятности определенного события верна («оценка оценки»). Такое определение риска

подразумевает *субъективность риска*, так как различные лица могут по-разному относиться к возможности возникновения неблагоприятных исходов. Понимание риска для субъекта, принимающего решения, формируется относительно его целей и ценностей, его понимания источников угроз и представления о выгодах. *Субъективное понимание риска* должно предполагать наличие нашего отношения или нашей оценки имеющейся неопределенности. Иными словами, источник неопределенности лежит не в самой ситуации, а в субъективном отношении к ней. Отсюда следует, что риск, понимаемый субъективно, связан с поведением и мышлением лица, принимающего решения, т.е. является характеристикой этого лица, а не окружающей среды. Таким образом, сами по себе параметры ситуации нейтральны. Оценки им придают люди, руководствуясь своими целями и прогнозами, относительно их достижения. Из этого следует, что одни и те же параметры ситуации для одних субъектов могут быть отнесены в категорию рисков, в то время, как для других – в категорию возможностей.

Понятие риска фигурирует в теории трудовой мотивации Д. Аткинсона⁴. Его теория относится к классу процессуальных теорий, которые характеризуются тем, что при изучении мотивации выходят за рамки внутреннего мира отдельного индивида, структуры его мотивов и потребностей, изучают влияние на мотивацию различных факторов среды, то есть уделяют внимание социальному контексту, роли ситуации в побуждении работников к эффективному труду. Основные параметры модели выбора риска (модель рискованного выбора) – это ожидание, ценность и

мотив. Поведение работника в теории Д. Аткинсона рассматривается как взаимодействие индивидуальных качеств личности и восприятия ситуации.

Поведение человека направлено на избегание провала столь же, сколь и на достижение цели. Предполагается, что в процессе обучения и работы у человека формируются два устойчивых мотива: мотив стремления к успеху (M_s - success) и мотив избегания неуспеха (M_f - failure), причем оба они рассматриваются в контексте вероятности успеха. В этих мотивах проявляются личные качества человека и стремление к определенному уровню удовлетворения потребностей. Помимо внутриличностных переменных в модели Д. Аткинсона выделяют также две ситуативные переменные: ожидание успеха, или субъективная вероятность успеха (P_s - probability of success), с которой работник ожидает завершения своей деятельности, и побуждение, или привлекательность успеха (ценность стимула) для индивида (I_s - insentive). При этом привлекательность успеха и вероятность успеха связаны следующим образом: $I_s = 1 - P_s$. Это означает, что в пределах единицы чем выше привлекательность успеха, тем ниже его вероятность, и, наоборот, чем выше вероятность успеха, тем ниже его привлекательность. Так, если успех в выполнении задания трудовым коллективом предопределен и сотрудник не видит зависимости успеха от своих собственных усилий, то для него привлекательность выполнения задания, привлекательность достижения будет минимальной.

Стремление к успеху, согласно модели Д. Аткинсона, выражается следующим произведением: ($M_s \times P_s \times I_s$), а стремление из-

бежать неуспеха: $(Mf \times Pf \times If)$, где Pf – субъективная вероятность неудачи, а If – побуждение избегания неудачи. При этом $Ps + Pf = 1$, то есть при вероятности успеха, стремящейся к 1, вероятность неуспеха будет стремиться к 0. Модель связывает все эти переменные формулой результирующей тенденции: $Tr = (Ms \times Ps \times Is) - (Mf \times Pf \times If)$ ⁵. Исходя из данной модели, нетрудно сделать вывод о том, что произведение ожидания успеха (Ps) и побуждения от успеха ($Is = 1 - Ps$) является максимальным при средней вероятности успеха $Ps = 0,5$. Отсюда следует предсказание модели, что задачи средней субъективной трудности ($Ps = 0,5$) будут предпочитаться при том условии, что мотив успеха (достижения) сильнее, чем мотив неуспеха (избегания неудачи) ($Ms > Mf$). У неуспешно мотивированных личностей (мотив избегания неудачи сильнее мотива достижения: $Mf > Ms$) максимум избегательной тенденции получается в задачах средней трудности.

Выводы модели Д. Аткинсона можно сформулировать следующим образом: модель вводится не для предсказания выбора цели, но для предсказания выбора альтернативы действия при заданной цели. Тип альтернатив действия ограничен выбором между различными степенями трудности некоторой задачи. Речь идет о том, при какой степени трудности испытуемый считает, что он может достичь заданной цели. Если цель определяется положительно (мотив достижения сильнее мотива избегания неудачи, $Ms > Mf$), то есть личность стремится проявить возможно более высокую способность и ориентируется на успех, то модель предсказывает выбор средних трудностей в качестве комп-

ромисса между более привлекательными, но едва ли решаемыми трудными задачами и решаемыми, но не привлекательными легкими задачами (в данном случае ниже степень риска, хотя и меньше привлекательность успеха). Работники, которые приемлют неудачу ради высокой привлекательности возможной достижения цели, предпочитают экстремальные задачи и относятся к «рисковому» типу личности.

При отрицательно определяемой достиженческой цели (мотив избегания неудачи сильнее мотива достижения успеха, $Mf > Ms$), то есть когда личность стремится прежде всего к тому, чтобы не скомпрометировать себя неуспехом, результирующая тенденция избегания является наименьшей при легких задачах, когда личность едва ли рассчитывает на неуспех (низкая Pf) или когда из-за высокой трудности задачи неуспех не компрометирует личность (низкое отрицательное побуждение неуспеха: If).

При эмпирической проверке, несмотря на то что были выделены некоторые противоречия, модель работала адекватно. Позже исследователи обращали внимание на дополнительные факторы, которые влияют на результаты, получаемые с помощью данной модели, например, степень жесткости стандартов самооценки или ориентация на будущее при формулировании цели, связываемая с ожидаемым прогрессом в научении, и др. Существует много модификаций данной модели, расширяющих ее.

Кроме мотива достижения, существуют и другие мотивы рискованного поведения: любовь к риску, желание отличиться (получить награду), повышенное чувство долга (ответственности), стремле-

ние доказать себе способность на героический поступок, потребность заслужить уважение у других (аффилиация), осознание особой важности такого поведения для людей. Также, принимая риск, субъект может руководствоваться потребностями в деньгах, в физическом комфорте, в социальном престиже, в соответствии этическим нормам и др.

Знание о риске на индивидуальном уровне может быть использовано в управлении персоналом организации⁶. Задача управления персоналом в данном аспекте сводится к выяснению соотношения квалификации и личными качествами людей со степенью рискованности их деятельности, а также к обеспечению соответствия между этими параметрами и формированию определенной культуры поведения с учетом фактора риска. Предполагается, что формирование культуры такого поведения осуществляется через предотвращение неоправданного риска, с одной стороны, и стимулирование оправданного, понимаемого в соответствии с целями деятельности и миссией конкретной организации, а также с существующими нормами морали и права. Работник со склонностью к обязательному достижению успеха получает задание, которое обязательно надо выполнить в отведенные сроки, а работник, готовый рисковать, ради получения самой высокой награды в случае успеха, используется при поиске нетипичных идей в решении инновационных задач.

Управление рисками как категория менеджмента организации

В деятельности организаций выделяется одна особенность, а именно необходимость производ-

ства большого количества решений. Готовность к риску лиц, принимающих решения, связана с оценкой ими своей компетентности, надеждой на технологии безопасности и профессиональной культурой. В наибольшей степени рисковым нагрузкам противопоставит бюрократическое поведение (как модель формальной рациональности, одним из главных характеристик которой является предсказуемость). Эффективность управления организацией определяется не объемом рисков, которых удалось избежать, а соотношением предусмотренных и непредусмотренных рисков. Функционирование организации в ситуациях риска означает не только то, что связывает с риском обыденное сознание, например, работа службы спасения, отрядов специального назначения и т.д., где риск сопоставляется, прежде всего, с прямой угрозой жизни человека.

Риски существуют относительно целей и задач организации, с одной стороны, как постоянное присутствие возможности недостижения поставленных целей, и, с другой стороны, как возможность получения прибыли. «Настоящая прибыль, - писал классик экономической теории Фрэнк Найт, - связана с элементом неопределенности. Его действие проявляется в фактах неожиданного обогащения и получении спекулятивных доходов»⁷. Если бы будущее было заранее известно, рынок мог бы предвосхитить появление любого дефицита, так что прибыль стала бы невозможной. Высокие доходы от рискованных предприятий - это просто премия за неподдающийся измерению риск, за неопределенность.

Приведем общую классификацию рисков по среде их возникновения относительно организации.

Внешние риски – риски, источниками которых являются переменные внешней среды организации, и выступают для организации как внешние обстоятельства. В качестве примеров можно назвать появление у конкурентов более эффективной технологии, изменение законодательства, ухудшение экологической обстановки и др. Можно выделить следующие основные типы внешних рисков: 1) рыночные; 2) финансово-экономические; 3) природно-техногенные; 4) социально-политические; 5) правовые и криминальные.

Оценка рисков общества входит в анализ внешней среды организации и используется при составлении прогнозов относительно возможностей адаптации организации к изменениям в значимых сферах. Она может использоваться, например, при выборе оптимального варианта вложения капитала, при оценке возможностей расширения сферы деятельности организации. Менеджеры должны ежедневно принимать решения о продажах, покупках, организации работы производственных и иных подразделений фирмы. При этом они сталкиваются с изменениями внешней среды организации: конъюнктуры на рынках, действиями конкурентов, сменой предпочтений потребителей, экологическими ограничениями, особенностями законодательства и другими факторами.

Внутренние риски организации – риски, источниками возникновения которых являются внутренние переменные организационной системы. Это такие риски, на которые может повлиять менеджмент организации. Примером служит несоответствие структуры фактическим функциям и нарушение коммуникации в организации,

неадекватное делегирование полномочий, поломка оборудования, отсутствие лояльности персонала и др. Внутренняя среда организации – это сложный организм, часть общей среды, которая всецело зависит от искусства управленческого персонала.

До недавнего времени в управлении рисками, даже на самых преуспевающих предприятиях, проявлялось стремление к обособлению сферы управления рисками: риск-менеджмент рассматривался в качестве фрагментированного, узкоспециализированного подхода к управлению рисками. Управление страховым, технологическим, финансовым, экологическим рисками, рисками человеческого фактора и т.д. носило независимый характер и сосредотачивалось в различных подразделениях. Следствием такого подхода к управлению рисками стала проблема координации в сфере риск-менеджмента, а также выявление новых рисков организации с большим запаздыванием.

Управление рисками перестает быть заботой отдельных специалистов и подразделений организации (производственников, финансистов, маркетологов и др.; управления рисками службы безопасности, управления качества и стандартизации, службы внутреннего контроля, правового управления и др.), а выходит на новый, стратегический уровень понимания риск-менеджмента как деятельности команды, когда каждый управляет рисками из своей точки организации и несет ответственность за принятые решения. Риск, подобно качеству, является предметом всеобщей ответственности⁸. Таким образом, можно говорить о возникновении комплексного, или тотального, подхода к управлению рисками (Total Risk Management),

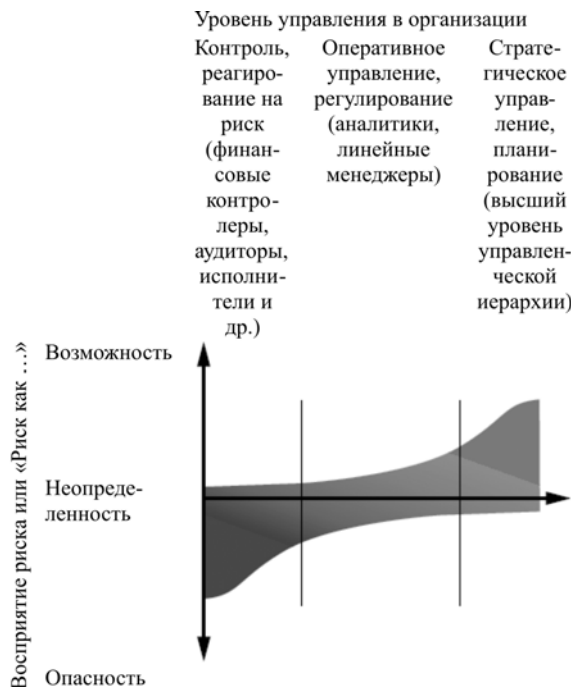

Рис. 1. Распределение функций управления риском по уровням управления организацией

а также о формировании особой культуры риска в организации как установки на определенный тип восприятия рисков и реагирования на них.

В рамках *управления рисками организации* приведенные выше различия в понимании сущности риска не являются противоречащими друг другу. Концепции не являются изолированными, а представляют собой *непрерывное пространство или континуум восприятия риска внутри организации*⁹. На примере понимания риска как опасности, возможности и неопределенности среды принятия решений продемонстрируем функциональную взаимосвязь данных парадигм восприятия риска внутри организации.

Риск как опасность подразумевает следующие поведенческие установки: приверженность тради-

циям (согласованность с корпоративными процедурами и правилами); оборонительность; целью деятельности является такое распределение ресурсов, при котором будет снижена вероятность или масштаб влияния на организацию нежелательного события (уклонение от риска и страхование); контрольные функции. Осуществляется кризисный менеджмент, то есть управление в условиях «чрезвычайная ситуация имеет место». Цель данного уровня управления риском может быть сформулирована следующим образом: *создать систему минимизации ущерба от возникновения неблагоприятных событий и их последствий*.

Риск как неопределенность и распределение вероятностей исходов. Регулирование основано на распределении последствий событий; нацеленность на результат и

стремление к страхованию рисков; целью деятельности является уменьшить расхождение между ожидаемыми и реальными исходами; аналитическая деятельность (получение и анализ статистических данных, прогноз вероятностей, анализ сценариев). Данный уровень управления рисками характеризуется существованием риск-менеджмента (в отличие от кризисного управления). На данном уровне руководитель имеет оптимальное сочетание полномочий и доступа к информации для принятия решений о реализации стратегий, принятых на высшем уровне руководства и по воздействию на внутреннее функционирование организации и ее взаимодействие с внешней средой. Инкорпорируется технология формулирования вопросов и моделирования ситуаций риска: «Что может происходить не так, как это необходимо? Каковы последствия?». Используется активный подход при оценке возможных альтернатив для управления рисками. Эта, своего рода ранняя система предупреждения, позволяет предвидеть проблемы и уклоняться от них с помощью корректирующих действий.

Риск как возможность. Акцент делается на инвестировании; наступательная позиция; суть деятельности – высокий уровень активности с целью извлечения максимальной выгоды; стремление поддерживать стратегию роста, основанную на прямой связи между риском и прибылью. Внимание руководителя направлено на поиск новых возможностей во внешней среде и формирование миссии организации как социального аспекта функционирования организации во внешней среде. Данный уровень управления рисками характеризуется рассмотрением по-

ложительных аспектов риска, что помогает развиваться и целенаправленно формировать будущее.

Необходимо дополнить, что чем выше качество стратегии и оперативного управления, тем меньше «латания дыр» на уровне контроля.

Функционально каждая из концепций характерна для своего круга менеджеров, то есть на каждом уровне иерархии компании стоят свои задачи управления риском в зависимости от набора заданий уровня, а также объема полномочий руководителя.

В качестве наиболее эффективного предполагается такая система управления рисками организации, в рамках которой мы не столько пытаемся уклониться от рисков и наступивших нежелательных последствий, сколько занимаемся *идентификацией риска, определением источника и устранением причин возникновения рисков*. Выявление значимых рисков является предметом организационной диагностики и управленческого консультирования. Идентификация риска – это одна из начальных стадий цикла управления рисками организации, на которой могут быть применимы и полезны социологические модели и методы исследования. Предотвращение – поворотный пункт развития концепции риск-менеджмента – от реактивной технологии к активной. Таким образом, эффективность управления организацией определяется не объемом рисков, которых удалось избежать, а соотношением предусмотренных и непредусмотренных рисков. Выявление риска на ранней стадии его появления в организации позволяет избежать возникновения многих проблем, а также предотвратить затраты ресурсов организации (временные, матери-

альные и человеческие и др.), которые требуются на устранение последствий этих проблем. Таким образом, качество идентификации риска определяет весь процесс управления рисками организации, так как эффективность процесса управления в целом и успешность его реализации во многом зависят от грамотного определения объекта управления.

Риск в макросоциальном контексте (носитель риска – общество как система)

Рассуждая о рисках в масштабах общества, нельзя просто обобщить знания об индивидуальных рисках, так как общество – это особая целостность, которая не сводится к сумме своих элементов, но включает в себя эффект взаимодействия между ними.

Согласно теории систем Н. Лумана, система всегда менее сложна, чем ее внешняя среда¹⁰. Поскольку системы не могут сравниться по сложности со своей средой, которая включает внешнюю и естественную среду, они вырабатывают связанные между собой функциональные подсистемы (процесс системной дифференциации) для эффективного взаимодействия со средой. Таким образом, только усложнение системы может увеличить способность системы к взаимодействию с ее внешней средой. С другой стороны, сложность повышает риск разрушения системы, если функция не выполняется должным образом (например, завод не может производить автомобили по причине забастовки работников). Повышенная уязвимость – это необходимая цена, которую надо платить за увеличение количества возможных отношений между различными подсистемами. Исходя из данного понимания про-

блемы усложнения системы, можно говорить о том, что: 1) в XX в. человечество добилось огромных успехов в стабилизации жизнедеятельности (качество жизни резко повысилось, в большинстве европейских стран продолжительность жизни практически удвоилась и т.д.); 2) эффективность системы (в данном случае стабилизация) создается путем усложнения этой системы; 3) усложнение системы вводит в ситуацию новые переменные и, соответственно, факторы неопределенности; 4) таким образом, риски не только уменьшаются, но возрастают по частоте и по тяжести последствий, а их природа стала более сложной.

Существует особое понимание современного общества, выделяющее риск как ключевую категорию, и это «общество риска», которому немецкий социолог Ульрих Бек посвятил свою работу «Общество риска. На пути к другому модерну»¹¹. Идеалом классической современности служило равенство (справедливое распределение богатства), тогда как в эпоху развитой современности – безопасность (управление риском). Эти идеалы являются основой консолидации общества.

Риски не исчерпываются уже наступившими следствиями и нанесенным ущербом. В них находят выражение существенная компонента будущего. Риск, по У. Беку, это неотъемлемая принадлежность прогресса, как волна, поднимаемая носом отправившегося в дальнее плавание корабля. «В противоположность понятной очевидности богатств рискам присуще нечто ирреальное». В каком-то очень важном смысле они реальны (реальны загрязнения, болезни и др.) и одновременно нереальны (социально направленная тяжесть ар-

гументов риска приходится на угрозы, ожидаемые в будущем). «Риски, которые возникнут потом, приведут к разрушениям такого масштаба, при котором практически все действия впоследствии будут бессмысленны». «Невидимые риски не могут выиграть состязание с воспринимаемым органами чувств богатством. Видимое не может соревноваться с невидимым. Парадокс в том, что именно поэтому невидимые риски берут верх»¹².

В обществе риска риски распределены неравномерно и не знают государственных границ, на основе риска возникает новый тип общности – общность страха. У. Бек говорит о том, что «все страдания, все беды и насилия, которые люди причиняли друг другу, обрушивались до сих пор на «других» – евреев, черных, женщин, политических иммигрантов, диссидентов, коммунистов и т. д. С одной стороны, существовали заграждения, лагеря, городские кварталы, военные блоки, с другой – собственные четыре стены – реальные или символические границы, за которыми могли укрыться те, кого, казалось бы, не коснулась беда. Все это есть по-прежнему – и всего этого после Чернобыля уже нет. Чернобыль – это конец «других», конец всех наших строго культивировавшихся возможностей дистанцирования друг от друга, ставший очевидным после радиоактивного заражения. От бедности можно защититься границами, от опасностей атомного века – нельзя. В этом их своеобразная культурная и политическая сила. Эта сила – в угрозе опасности, которая не признает охранных зон и дифференциаций современного мира». Особым в современных условиях становится понимание «катастрофы» и «ката-

строфизма», как духа общественного сознания. У. Бек говорит о том, что причина катастрофы не в ошибке людей, а в системах, которые превращают вполне объяснимую и непреднамеренную, неагрессивную человеческую ошибку в «непостижимую разрушительную силу». «В оценке опасности все оказываются заложниками измерительных приборов, теорий и прежде всего незнания – включая незнание экспертов, которые совсем недавно провозгласили, в соответствии с теорией вероятности, безопасность реакторов на протяжении десяти тысяч лет, а сегодня с захватывающей дух новой уверенностью твердят об отсутствии серьезной опасности».

У. Бек говорит о том, что в современном обществе до сих пор преобладает инструментальный (технический) подход к проблеме риска и отсутствует понимание того, что главным источником рисков являются сами процессы модернизации и процессы принятия решений в обществе. Вместе с ростом опасности утрачивается представление о ее масштабах. Таковы инерция индустриализации и интересы собственности и прибыли. Проблему риска в обществе следует решать, по У. Беку, систематично и комплексно.

В то время как понятие классического индустриального общества базируется на противопоставлении природы и общества, понятие индустриального общества риска исходит из природы, интегрированной в цивилизацию, «обобществленной». «Обобществленным» является также и процесс разрушения природы. Природа и общество больше не автономны. Экологические проблемы – это не проблемы окружающей среды, а в своем генезисе и последствиях

целиком общественная проблема. Индустриально преобразенную «внутреннюю природу» цивилизованного мира, согласно У.Беку, следует воспринимать не как окружающую среду, а как внутреннюю среду, когда возможность дистанцирования от нее становится несостоятельной¹³.

Энтони Гидденс в своих работах описывает современный мир, зародившийся в Европе XVII в., как «сокрушительную силу»: «...пока существуют институты современности, мы никогда не сможем полностью контролировать направление либо темп этого движения. В свою очередь, мы никогда не будем чувствовать себя в полной безопасности, поскольку местность, по которой проходит этот путь, чревата весьма существенными рисками»¹⁴. Подчеркивается крайняя динамичность современности как сокрушительной силы, это «неудержимый мир», превосходящий прежние системы по темпам, масштабу и глубине изменений. Э. Гидденс указывает на господство системных тенденций над нашей способностью изменять мир¹⁵.

Согласно теории Э. Гидденса, динамизм современности следует из существования следующих аспектов: 1) *дистанцирование*, или разделение времени и пространства. Время уже не соединено с пространством, как в обществах досовременной эпохи, эта связь нарушена, а время стандартизировано. Таким образом, время и пространство лишились своей содержательной наполненности и превратились в «чистые формы». Пространство также отделяется от физического присутствия в каком-либо месте. Все более вероятными становятся отношения с теми, кто физически отсутствует и находится на все более отдаленном рас-

стоянии. Поэтому значительную роль в современных обществах играет фактор доверия. Э. Гидденс говорит о том, что «мы не имеем потребности доверять кому-то, кто постоянно находится в поле нашего зрения и чьи действия можно непосредственно отслеживать».

Доверие становится необходимым, когда мы, вследствие дистанцирования, более не обладаем всей полнотой информации о социальных явлениях, и определяется как «уверенность в надежности человека или систем относительно данного набора результатов или событий, где эта уверенность выражает веру в честность и любовь другого или в правильность абстрактных принципов (технического знания)», экспертных систем. Например, для того, чтобы действовали такие символические системы, как деньги и право, люди должны им доверять. Такой «отрыв» социальных отношений от локальных и временных контекстов взаимодействия Э. Гидденс назвал 2) *высвобождением*. Не ограничены местом и временем и риски. Ядерная катастрофа не учитывает границ государства, а во времени она может получить распространение, воздействовать на генетическом уровне.

Также современности свойственна 3) *рефлексивность*, которая связана с тем, что «социальные практики постоянно исследуются и преобразуются в свете поступающей информации об этих практиках, таким образом существенно изменяя свой характер», происходит столкновение общества с результатами своего развития. Все в современном мире открыто рефлексии, в том числе и сама рефлексия, что оставляет у нас всеобъемлющее ощущение *неопределенности*, что, в свою очередь говорит о постоянном процессе

накопления рисков в обществе, так как неопределенность является одним из существенных условий существования риска.

Социолог говорит также о том, что связанные с современностью опасные риски грозят привести к всеобъемлющей онтологической ненадежности, так как они подрывают то доверие, о котором говорилось выше и которое воспитывается в процессе первичной социализации. Если подрыв механизмов первичной социализации превратится в реальность, то произойдет фактическое разрушение основ современного общества.

Современность, по Э. Гидденсу, становится «культурой риска», но не из-за возрастания опасности социальной жизни, а по способности организации социального мира. Новые системы, которые создаются внутри общества, как например экспертные системы (юристы, врачи, создатели машин и домов), обеспечивают людям безопасность в какой-либо сфере жизни, дают гарантии действия через время и пространство. Но эти системы также порождают и новые риски. На уровне отдельного индивида действительно создается безопасность, происходит переход в надежность, так как выполнение определенной функции доверено компетентной системе, но, поскольку эта функция концентрируется в отдельном институте, рождается риск нового профиля. Создаются институциональные рискованные среды, например, глобальный рынок инвестиций. Если происходит какой-либо сбой в работе экспертной системы, то вероятность краха всей системы возрастает. Таким образом, вероятность ошибки за счет экспертной системы снижается, но при возникновении ошибки масштаб катастрофы стремится к максималь-

ному. Риск приобретает глобальный характер, затрагивая множество людей во всем мире. Рефлексивность современности заставляет людей подвергнуть сомнению модернизацию и связанные с ней риски. Сами жертвы рисков начинают собирать данные о рисках и становятся экспертами, не полагаясь в этом больше на ученых и политиков. У. Бек пишет о том, что «наука стала покровительницей глобального заражения людей и природы... и растратила свою известную рациональность». Следовательно, происходит размывание экспертных систем и «освобождение политики», когда политика становится сферой деятельности различных рефлексизирующих подгрупп. Таким образом, наряду с формированием нового «профиля риска», формируются и новые системы их преодоления.

Согласно У. Беку, риск и класс являются взаимосвязанными: «история распространения риска показывает, что риски, как и богатство, связаны с классовой системой, только обратным образом: богатство накапливается наверху, а риски внизу. В этой степени риски, как представляется, укрепляют, а не уничтожают классовое общество»¹⁶. И это касается не только классов, но и бедных и богатых государств. При этом богатые государства сами не застрахованы от рисков. «В развитых странах современного мира общественное производство богатств постоянно сопровождается общественным производством рисков»¹⁷. Срабатывает «эффект бумеранга», когда «агенты модернизации сами основательно и очень конкретно попадают в водоворот опасностей, которые они же породили и из которых извлекали выгоду».

Интересными представляются рассуждения Дж. Ритцера о *фор-*

мальной рациональности, макдонализации и опасности в современном мире¹⁸. Он говорит о том, что «когда мы говорим о макдонализации, основным для нас оказывается тот факт, что ресторан быстрого питания представляет собой современную парадигму формальной рациональности», как во времена М. Вебера моделью системы формальной рациональности была бюрократия. Формальная рациональность становится ключевым элементом современного мира и имеет четыре измерения: эффективность (в ресторане быстрого питания окошко для обслуживания клиентов за рулем), предсказуемость (мир без неожиданностей: Биг Мак в любое время и в любом месте абсолютно такой же, как и в другое время в другом месте), упор на количество (а не на качество), осуществление контроля посредством замены человеческих технологий унификацией операций (поточный принцип, шеф-повар не нужен). Однако иррациональность всей этой формально рациональной системы заключается в том, что в итоге происходит демистификация и дегуманизация процесса приема пищи.

Рассмотрим одну из характеристик «макдонализованных обществ», а именно предсказуемость. Предсказуемый мир – это мир без неожиданностей, в том числе без неожиданностей, возникающих из-за рискованных предприятий. Здесь Дж. Ритцер рассуждает о том, что, говоря о рисках, можно делать акцент не только из ряда вон выходящие события, катастрофы, связанные с атомными станциями и атомным оружием (рискованными предприятиями как таковыми), как это делают Э. Гидденс и У. Бек. Гамбургеры и кредитные карты также подлежат такому рассмотре-

нию. Однако, «иррациональные проявления, связанные с рискованными предприятиями, гораздо важнее тех, которые связаны с ресторанами быстрого питания. Ядерная катастрофа намного серьезнее, чем подгорелый гамбургер или забракованная кредитная карточка»¹⁹. Большинство рискованных сфер в значительной степени рационализированы (макдонализованы), однако иррациональные моменты всегда возможны: атомная станция функционирует эффективно, работает предсказуемо, опирается на количественные критерии и применяет унифицированные технологии, но также порождает иррациональные проявления рациональности, например редкие, но разрушительные аварии.

Риск порождает чувство неуверенности, тревоги по поводу неизвестного и страха перед будущим у людей. Когда такое чувство становится одной из констант массового сознания, оно переходит в новое качество. *Катастрофизм общественного мышления и сознания* – здоровая реакция людей на угрозы и потрясения в обществе. Распространение страхов и господство социального пессимизма в обществе могут стимулироваться такими обстоятельствами, как экономический кризис, криминализация общества, социальная и политическая нестабильность, а также встревоженность граждан неспособностью оценить технологические и социальные изменения в обществе и др. Такие процессы в обществе отражаются в сознании людей, влияют на их настроения и представления о будущем. Существенную роль в продуцировании страхов играют средства массовой информации, склонные интерпретировать практически любые новости в алармистском клю-

че. Многие политики предпочитают общение в апокалиптической тональности: говоря о будущем сегодняшней стабильности, они обосновывают неизбежность социальной деградации.

Страх и его часто встречающаяся форма – ожидание катастрофы, несомненно, являются одним из самых значительных элементов общественной жизни. Обычно страх достигает высокого уровня среди тех наций, которые проходят через трудные периоды своей истории²⁰.

Катастрофизм сознания может быть основан на субъективном восприятии уже произошедшей катастрофы, а также на образах будущих катастроф. Катастрофизм тесно связан с ценностями людей: одно и то же разрушительное событие одними людьми воспринимается как катастрофа, а другими – как положительное явление (отношение к войне, гибели государства, революции и др.).

Катастрофизм заложен в социальной памяти (стихийные бедствия, геноцид; страхи в постсталинской, посткоммунистической России; страх ядерной войны; экологической катастрофы; страх последствий многокультурализма в США), в религии (апокалиптическое видение будущего в христианстве, день Страшного суда), в литературе (русская литература «серебряного века»), в философии («беспокойство» играет значительную роль в работах немецкого философа XXв. М. Хайдеггера; беспокойство ведет к личной конфронтации с «ничем», с невозможностью найти конечное оправдание для принятия решений).

Катастрофизм оказывается чрезвычайно функциональным для общества, так как содействует психологической и социальной адаптации индивида, а также кон-

солидации общества²¹. Противоположностью катастрофизма является эскапизм, то есть игнорирование, недооценка реальных катастроф. Для управления риском его нужно, прежде всего, осознавать. Оценка ситуаций риска и принятие решений в условиях неопределенности, понимание того, что абсолютной безопасностью и надежности достичь в принципе невозможно, позволяет выработать особое отношение к риску и сформировать культуру поведения в ситуациях риска.

Производство рисков в обществе связано с усложнением общественной системы и развитием технологий, поэтому риски – это мощный фактор изменения социальной структуры общества. Целью управления риском является не снижение риска до нуля (что является невозможным), но выбор оптимальной степени риска, которая обеспечит реализацию фундаментальных потребностей социальной системы в самосохранении, воспроизводстве и развитии. Риск, по У. Беку, это неотъемлемая принадлежность прогресса, как волна, поднимаемая носом отправившегося в дальнее плавание корабля.

Ссылки:

- 1 Корнилова Т. В. Психология риска и принятия решений: Учебное пособие для вузов. М., 2003. С. 127.
- 2 Владение адекватной информацией о серьезности риска.
- 3 Там же. С.65.
- 4 Васильев И.А. Магомед-Эминов М.Ш. Мотивация и контроль за действием. М., 1991. С 26-36, Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: Т.2, глава 9 (Мотивация достижения: модель выбора риска и ее модификации) – М., 1986. С. 5–59.

5 Так как $P_f = (1 - P_s)$, $I_s = (1 - P_s)$ и $I_f = (1 - P_f) = P_s$, то $Tr = (M_s - M_f) \times P_s \times (1 - P_s)$.

6 Пугачев В.П. Руководство персоналом организации: Учебник. М., 2000. С. 198 – 199.

7 Knight F. Risk, Uncertainty, and Profit. Boston: Houghton Mifflin Co., 1921.

⁸ Бартон Т., Шенкир У., Уокер П. Комплексный подход к риск-менеджменту: стоит ли этим заниматься. М., 2003. С.14.

9 Enhancing Shareholder Wealth by Better Managing Business Risk, IFAC, N.Y., 1999.

10 Luhmann N. Die Kunst der Gesellschaft. Frankfurt am Main, 1995.

11 Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

12 Там же. С. 54.

13 Там же. С. 98-102.

14 Giddens A. The Consequencess of Modernity.

Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1990, p. 139.

15 Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 487.

16 Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С.40.

17 Там же. С. 21.

18 Ritzer G. The McDonaldization of Society. Thousand Oaks, Calif., 1993, Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 497.

19 Там же. С. 505.

20 Шубкин В.Н., Шляпентох В., Ядов В.А. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований). М., 1999.

21 Кертман Г.Л. Катастрофизм в контексте российской политической культуры // Полис, 2000, №4.

Профессиональная культура и образование в туристической сфере

Тесленко И.В.

В статье рассматривается специфика современного этапа развития сферы услуг. Особое внимание уделяется туристической сфере. Представлены материалы социологического исследования сферы услуг. Выявлены особенности требований, предъявляемых руководителями фирм к персоналу на современном этапе развития, к качеству профессионального образования. Составлен портрет работника туристической сферы. Ключевые слова: сфера услуг, туризм, анкетирование, интервью, профессиональное образование и культура.

Teslenko I.V.

Professional culture and education in the tourist sphere. In article specificity of the present stage of development of sphere of services is considered. The special attention is given to tourist sphere. Materials of sociological research of sphere of services are presented. Features of the requirements shown by heads of firms to the personnel at the present stage of development, to quality of vocational training are revealed. The portrait of the worker of tourist sphere is made.

Keywords: the sphere of services, tourism, questioning, interview, vocational education and the culture.

Все более стремительное развитие приобретает ныне туристическая отрасль. Доля туризма в мировой экономике составляет 10%, здесь занято почти 250 млн. человек. В глобальном масштабе доходы от туризма достигают \$4 трлн.

Возросший уровень качества жизни позволил многим жителям нашей планеты удовлетворить потребность в путешествиях не только по своей стране, но и за рубеж. Человек XXI века активно интересуется культурой других народов, хочет не только в виртуальном варианте, а вживую увидеть мировые памятники архитектуры, познакомиться с коллекциями, хранящимися в известнейших музеях мира, посетить удивительные природные заповедники. Причем, высокая скорость жизни вынуждает совершать туристические поездки быстро, укладываясь в ограниченные временные рамки отпускных дней, при этом требования к уровню сервиса в последнее время стали еще более высокими. В целом, туризм в современных условиях является неотъемлемой частью жизни человека и одним

из эффективных средств реализации социокультурных ценностей в сфере досуга.

Перечисленные моменты позволяют утверждать, что существенное изменение ранее существовавших требований в сфере туризма, формирование принципиально новых технологий, вынуждает более пристально исследовать как саму отрасль экономики, так и профессиональное образование в сфере сервиса и услуг, специфику бизнес-культуры в отрасли и предъявляемые требования к персоналу.

Социальный феномен туризма стал объектом научного изучения только во второй половине XX века - в условиях перехода от индустриального к информационному обществу. Социологический подход представлен работами С. Козна, Д. Маккенела, Д. Хэррисона, Д. Бурстина, Д. Урри, С. Роджека, У. Ханнерза, Дж. Фроу, Н. Граберна.

Профессиональная культура – это осуществление деятельности на высоком уровне (оптимальными способами) с целью достижения ее максимального результата; это нормативная система, регулирующая или контролирующая деятельность профессиональной группы, включающая исторически сложившиеся и проверенные временем стандарты, способы выполнения профессиональных задач. В содержание профессиональной культуры включены требования к физическим, психологическим, нравственным качествам человека. В профессиональной культуре диалектически сочетаются репродуктивное и творческое начала, в равной степени необходимые в любой работе.

Смежным понятием является «профессионализация», понимаемая как процесс овладения необходимыми профессиональными

знаниями, умениями и навыками, адаптацию к профессиональной среде. Неразрывно связан с ней «профессионализм» - показатель успешности осуществления профессионализации, качественная характеристика специалиста. Руководители компаний, раскрывая смысл профессионализма, называют такие качества персонала, как умение «гореть» на работе ради общего дела; уверенность, как гарантию будущего успеха; отсутствие страха; доброжелательность; хорошее воспитание; обладание способностью принимать смелые решения и готовностью отвечать за них; креативность мышления и способность двигаться вперед; ответственность и серьезность; вежливость; самодисциплину или даже работу со студентами, которые лет через десять вырастут в ценных и незаменимых сотрудников, обладающими профессионализмом и порядочностью.

Исследование, проведенное весной 2009 г., охватившее сотрудников туристской сферы Екатеринбург и городов Свердловской области, показывает востребованность на рынке труда данных специалистов, несмотря на прошедшие сокращения в ситуации экономического кризиса, уточняет данные контент-анализа и расширяет представление о работниках турбизнеса в целом. В качестве метода использован анкетный опрос и интервьюирование. В перечень изучаемых организаций вошли предприятия сферы услуг – туристические фирмы, гостиницы, рестораны и кафе, а также предприятия других отраслей, численностью не более 200 человек. В рамках интервьюирования опрошено около 70 руководителей или руководителей отделов по работе с персоналом, в анкетном оп-

росе приняли участие более 500 человек. Штат сотрудников сервисных компаний включает обычно не более 10 человек, для крупных гостиниц – порядка 200 человек, штат туристических фирм – в основном 3-5 человек; штат ресторанов (кафе) – до 100 человек. Вопросы были нацелены на составление портрета идеального сотрудника предприятия сферы услуг (турфирмы, отеля и ресторана) и его сопоставления с портретом сотрудника предприятий других сфер деятельности, а также на определение отношения к наличию и качеству профессионального образования, выявлению особенностей работы с персоналом в условиях экономического кризиса.

Результаты показали, что у сферы услуг «женское лицо»: более 82% работников – женщины; сотрудников в возрасте до 30 лет – более 50%. Результаты подтверждают половозрастную специфику этой сферы индустрии.

В качестве наиболее значимых личностных характеристик сотрудников туристской сферы и специалисты, и руководители называют ответственность (25% респондентов от числа опрошенных), целеустремленность (16%), исполнительность (12%), преданность общему делу (10%), порядочность (8%), амбициозность (7%), доброту (5%). Наименьшее значение получили такие качества, как преданность руководству, довольство всем, нелюбопытность.

Сравнение полученных результатов в отношении сотрудников отелей, ресторанов, туристских фирм, а также предприятий других отраслей демонстрирует общность взглядов на то, что работник в первую очередь должен быть ответственным и целеустремленным. Отличие прослеживается в

отношении наличия качеств хорошего исполнителя (данное качество стало наиболее значимым в туристской сфере и на предприятиях, не относящихся к сфере услуг) и порядочности как значимой характеристики работников ресторанов и отелей.

В качестве составляющих современного профессионализма названы такие качества, как умение работать в команде (23% респондентов), стремление к постоянному развитию (21%), высокий уровень профессиональных знаний (21%) и опыт работы по специальности (16%). Менее значимыми оказались такие характеристики, как общекультурный уровень (10%) и умение брать ответственность на себя (9%).

Результаты интервью с руководителями компаний внесли уточнение: общекультурный уровень персонала более чем важен, но оценивается он на стадии отбора кандидатов. Именно к нему предъявляется наибольшее количество претензий, которые адресуются как к среднему полному, так и к профессиональному образованию. В процессе выполнения должностных обязанностей при оценке персонала на первый план выходят другие критерии.

Анализ полученных результатов, с учетом специфики деятельности предприятия, демонстрируют различия в предъявляемых требованиях к персоналу и первые три позиции в рейтинге заняли:

- в туристической сфере:
  - высокий уровень профессиональных знаний,
  - стремление к постоянному развитию,
  - умение работать в команде, в отелях:
  - умение работать в команде,
  - стремление к постоянному развитию,

- уровень профессиональных знаний,
- в ресторанах:
  - умение работать в команде,
  - наличие опыта работы по специальности,
  - высокий уровень профессиональных знаний и стремление к постоянному развитию;
- на предприятиях других сфер:
  - умение работать в команде,
  - стремление к постоянному развитию,
  - высокий уровень профессиональных знаний.

Стоит отметить, что коллективный характер оказания услуги в ответах респондентов нашел непосредственное отражение. Так, именно работники ресторанов и отелей понимают, что потребитель доволен услугой только тогда, когда все сотрудники на всех уровнях демонстрируют высокое качество работы, умеют работать в команде.

Интересна ситуация в отношении требования к наличию профессионального образования: 60% респондентов считают необязательным наличие профессиональной подготовки, соответственно только 40% респондентов ратуют за нее. Сегодня весомый практический опыт работы в сфере не только заменяет наличие диплома о высшем профессиональном образовании, но и выше ценится на рынке труда. Руководители комментируют ситуацию следующим образом:

во-первых, сегодня высшее профессиональное образование дает определенный набор теоретических знаний, тогда как практические навыки у выпускников отсутствуют;

во-вторых, наличие диплома о высшем образовании, к сожалению, не гарантирует наличия теоретических знаний, так как си-

туация поддельного диплома до сих пор распространена на российском рынке;

в-третьих, требования бизнес-предприятий зачастую существенно отличаются от стандартного учебного плана, которым руководствуется вуз, в первую очередь это касается уровня подготовки для работы с использованием современных информационных систем, знания иностранного языка.

Исходя из этого, можно говорить о том, что в России получение диплома о профессиональном образовании стало некоей формальностью. Возможно, наличие диплома говорит о некоем уровне развития, является своеобразным пропуском для возможности претендовать на определенные должности, но не гарантирует высокого профессионального мастерства.

В ходе проведенных интервью с руководителями предприятий туризма выяснены наиболее уязвимые направления подготовки специалистов в высших профессиональных учреждениях. К таким знаниям, умениям и навыкам руководители отнесли практические навыки ведения профессиональной деятельности с применением информационных технологий, навыки «продажника» и коммуникативную компетентность. Данные требования к персоналу руководители компаний вынуждены предъявлять, учитывая специфику социокультурной жизни, влияющей на развитие туристической отрасли.

В современной России сложилась ситуация, когда практический опыт работы по конкретной специальности ценится выше, чем наличие изначально высшего (или среднего) профессионального образования: 64% респондентов придерживаются данной точки зрения. Это, в свою очередь, объясняет стремление современ-

ных студентов как можно раньше трудоустроиться по специальности и совмещать профессиональное обучение с профессиональной деятельностью.

В ходе исследования выяснилось, что большинство фирм сферы услуг не уделяют должного внимания формированию и развитию организационной культуры компании. Специфика правил и норм ведения дел в компании, требования к поведению чаще передаются в устной форме и не зафиксированы во внутриорганизационных документах. Более пристальное внимание уделяется внешнему виду сотрудников. Небольшое количество фирм сформулировали миссию, цель и задачи своей работы, а также имеют памятки по работе с клиентами и другие документы, имеющие отношение к передаче специфики организационной культуры компании. Противоположная ситуация наблюдается в отелях Екатеринбурга, где соответствие традициям компании имеет первоочередное значение.

Следует отметить, что туристическая сфера, как и любая другая отрасль сферы услуг, с одной стороны, предназначена для удовлетворения потребностей клиентов, а с другой – является перспективным направлением бизнеса. В связи с этим возникает противоречие между необходимостью удовлетворить потребности клиента и стремлением к получению максимальной прибыли; между основами морали и ситуацией «не обманешь – не проживешь»; между намечающейся тенденцией к ведению социально-ответственного бизнеса и стремлением к личному обогащению. Туристические фирмы сегодня осознают, что максимальной прибыли может достичь только организация, предо-

ставляющая высококачественную услугу всем клиентам, которые смело и активно интересуются системой скидок.

Мы считаем, что модель профессионала в туристической сфере должна включать следующие моменты:

- Общие знания: знание родного языка, географии, истории и литературы;

- Общепрофессиональные знания: знание нескольких иностранных языков, экономической географии, менеджмента туризма и др.;

- Узкопрофессиональные знания: знание различных направлений деятельности туристских фирм;

- Специфические психологические характеристики личности: в первую очередь, это умение выявлять потребности клиента и удовлетворять их. Есть мнение, что в данной сфере могут работать исключительно те люди, которые испытывают потребность в оказании услуг другим и от этого получают удовлетворение, иными словами – альтруисты;

- Сформированная инфокоммуникационная культура: знание профессиональных программных продуктов, таких как: глобальные компьютерные системы резервирования, интегрированные коммуникационные сети, системы мультимедиа, Smart Cards, информационные системы менеджмента и др., которые позволяют качественно выполнять должностные обязанности на рабочем месте.

Насколько современное профессиональное образование отвечает разработанной модели? Ответ можно найти в результатах исследования студентов средних и высших профессиональных учреждений г. Екатеринбурга, проведенных автором в период с 2003 по 2009 г.

С точки зрения студентов, молодежь не умеет правильно и четко говорить, вести себя в обществе, преподнести себя окружающим и заинтересовать, не обладает лидерскими качествами. Тогда как даже в процессе обучения, не говоря уже о трудоустройстве и работе, умение четко и логично излагать свои мысли, умение держаться себя и в отдельных ситуациях «выгодно себя продать» жизненно необходимо.

На студенческой скамье слабо развиваются коммуникативные, навыки ораторского искусства; недостаточно практических занятий в условиях конкретных предприятий; практически отсутствует профессиональное общение со студентами других учебных заведений, обучающихся по аналогичным специальностям; не хватает разнообразных точек зрения по одному вопросу. Во многом это отталкивает современного студента и от ведения научной деятельности.

Более половины респондентов в ходе проведенных исследований указывает на нехватку занятий по психологии общения, каждый второй желает развить лидерские качества, каждый третий хочет приобрести навыки публичных выступлений и овладеть ораторским мастерством, каждый седьмой – мечтает познакомиться с культу-

рой других стран, 80% хотят расширить свой круг общения, при этом более всего заявляют о желании общаться с профессионалами в своей области знаний и о стремлении наладить международные контакты. Оставляет желать лучшего и подготовка в области информационных технологий.

Сегодня в качестве значимых характеристик высшего профессионального образования следует называть не только фундаментальность, но и практическую ориентированность. Современный специалист должен не только открывать новые знания, но и уметь применять их на практике. Вполне возможно, что именно образование, ориентированное на практическое применение, послужит стимулом для более активной профориентационной работы, для более внимательного выбора будущей специальности абитуриентами и в конечном результате повысит количество выпускников профессиональных учреждений, работающих по специальности.

В связи с полученными результатами современное профессиональное образование нам видится как опережающее практико-ориентированное, причем конкретная профессиональная подготовка специалистов включает сегодня в себя и владение информационной профессиональной культурой.

ИНТЕРНЕТ ОБРАЗОВАНИЕ

Непрерывное образование и образовательные социальные сети в Рунете

Евдошенко О.А.

В статье рассматривается понятие «социальная сеть» применительно к интернету как инструмент эффективного непрерывного образования. Синергетический подход к образованию заключается в объединении потребностей студентов и выпускников, возможностей преподавателей и сообществ Рунета.

Ключевые слова: социальные сети, непрерывное образование, непрерывное обучение, социосинергетика, нелинейность.

Evdoshenko O.A.

The article discusses the well-known in sociology, the concept of «social network» in relation to the Internet as a tool for effective lifelong learning. Synergetic approach to education is to bring together the needs of students and graduates opportunities for teachers and existing communities in Runet.

Keywords: social networks, lifelong education, lifelong learning, non-linearity, social synergetics.

Термин «непрерывное образование» появился в 1968 г. в материалах ЮНЕСКО, а после опубликования доклада комиссии под руководством Э. Форэ (1972) было принято решение ЮНЕСКО, признавшее непрерывное образование основным принципом, «руководящей конструкцией» для реформы образования во всех странах мира.

Технологическая революция превращает обретенные знания и усвоенные навыки из блага в обузу, их применимость и полезность утрачивается быстрее, чем время, затраченное на их усвоение и подтверждение университетским дипломом. Так, по гипотезе А. Шапиро период полураспада знаний определяется как время после завершения обучения, в течение которого профессионалы теряют половину первоначальной компетентности¹. Период полураспада знаний в сфере науки и проектирования составляет около 5 лет. Кроме стремительного ускорения темпов развития производства и общества, обостряется проблема занятости, появляются новые профессии, видоизменяются и отмирают старые. По некоторым прогнозам, в обще-

стве, основанном на знаниях, доля занятых в экономике и имеющих высшее образование, должна достигать 60%, в постиндустриальном обществе - 20%. Западные экономисты считают, что после 2010 г. в развитых странах 78% национального богатства придется на человеческий капитал.

Непрерывным должно стать не только профессиональное образование. Непрерывное образование ориентируется на целостное развитие человека как личности на протяжении всей его жизни, на повышение возможностей его как трудовой, так социальной и культурной адаптации в быстро меняющемся мире. Непрерывное образование не отменяет фундаментального образования в обычных учебных заведениях.

Объем технической информации удваивается каждые два года, для студента, который начинает обучение, это означает, что половина из того, что он изучал в первый год, устареет к третьему году.

Непрерывное образование (НО) распадается на ряд форм: обучение в течение жизни (life long learning), образование взрослых (adult education), непрерывное общее образование (life long and life wide general education), непрерывное профессиональное образование (life long and life wide vocational training). Для них характерны разные стратегии, модели, инфраструктура и технологии обучения. На современном этапе происходит достраивание концепции общества знания (The Knowledge Society) новыми системообразующими социокультурными качествами непрерывного образования (Lifelong Education) и непрерывного обучения (Lifelong Learning).

Есть ли понимание в необходимости непрерывного образования в

России. Как показал опрос, проведенный исследовательским центром портала SuperJob.ru, лишь 8% экономически активных россиян не испытывают потребности в так называемом «апгрейде знаний» (синоним понятия обновление знаний). Среди них высока доля тех, кто уже окончил какие-либо курсы и в данный момент находится на стадии осмысления полученной информации. По мнению исследователей, апгрейд знаний следует понимать как погружение в некую интеллектуальную среду, сообщество единомышленников, где можно не просто учиться, но и обмениваться опытом. Целевая аудитория портала, как правило, постоянно самообразовывается, много читает, однако испытывает дефицит диалога со специалистами своего уровня.

Сегодня, когда говорят об информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ), акцент смещается с компьютера на коммуникации. Образовательная деятельность, сфокусированная на работе с информацией и знаниями, ориентируется на конструирование сетей обмена между людьми знаниями и информацией. Особенно активизировалась социальная жизнь в пространстве интернета с приходом «нулевых» технологий Веб 2.0, с возросшей популярностью социальных сетей, блогов и других атрибутов ИКТ нового поколения.

Исследовательское подразделение «Экономист Интеллидженс Юнит», регулярно опрашивая 650 аналитиков по всему миру, выявило тенденцию: место России в мировом рейтинге снижается. Так, в 2001 г. из 60 обследованных стран России - по степени готовности к информационному обществу - была 42, а 2009 г. стала 59, но уже из 70 стран.

Правда, есть рейтинг, где наша страна впереди планеты всей. Как выявило проведенное недавно исследование компании ComScore, российские пользователи интернета больше других увлечены общением в социальных сетях. Каждый пользователь Рунета проводит в социальных сетях в среднем по 6,6 часов в месяц и просматривает по 1307 страниц, а замечены в социальных сетях 59% российских пользователей. Второе место досталось Бразилии, ее граждане проводят в сетях по 6,3 часа в месяц. Далее следуют Канада (5,6 часа), Пуэрто-Рико (5,3 часа) и Испания (5,3 часа).

По данным Ромира, собранным в 2009 г., показатели еще выше: участниками социальных сетей являются 71,1% опрошенных пользователей интернета. Каждый второй из зарегистрированных в социальных сетях пользуется такой возможностью каждый день (54%). Наиболее частые гости в социальных сетях – молодежь в возрасте от 18 до 24 лет, 68% пользователей этой возрастной категории посещает такие интернет-проекты ежедневно.

Напрашивается вывод: из всевозможных форм и методов непрерывного образования в России наибольшее внимание следует уделять использованию современных информационно-коммуникационных технологий на основе ВЕБ 2.0, и особенно социальных сетей.

Известно, что Web 2.0 (веб 2.0) – это сетевые сервисы, которые используются для организации совместной комфортной сетевой деятельности в обучении. Они позволяют работать с веб-документами совместно, обмениваться информацией, а также в учебном процессе применимы блоги, вики, ютуб и другие подобные сервисы. В России уже наступил этап,

когда новые информационные технологии постепенно интегрируют с образовательными технологиями.

На этом этапе использование информационных технологий в сфере образования характеризуется появлением широкого спектра дистанционных образовательных технологий, различных форм электронного обучения, а также внедрением информационных систем в процесс управления образовательными учреждениями в целом. В дистанционном образовании пока практически нет систем использующих преимущества социальной сети. Форма дистанционного образования носит линейный характер, электронные пособия построены по аналогии с бумажным учебником. Эту форму следует дорабатывать посредством социальных компьютерных сетей, чтоб поможет постоянно обновлять, совершенствовать и развивать электронные курсы, переходя на «потокное создание знаний».

Само понятие «социальная сеть», известное в социологии с середины XX века, означало социальную структуру, состоящую из группы узлов, которыми являются социальные объекты. В бытовом значении слова социальная сеть есть сообщество людей, знакомых между собой и связанных общими интересами, общим делом или чем-то другим. Надо заметить, что под термином «социальная сеть» в социологии подразумевается модель, с помощью которой социологи моделируют групповую структуру, предсказывают динамику развития малых групп и даже социальных институтов. Популярным понятие стало в последние годы именно применительно к интернету: название social network прочно вошло в английский язык, и в последние пять лет понятие «социальная сеть» закре-

пилось и в русском языке, особенно в русском Рунете.

В интернете социальная сеть — это сервис, площадка для взаимодействия людей в группе. Социальные сети в их современном виде имеют целый ряд дополнительных возможностей по сравнению с существовавшими ранее инструментами общения пользователей.

Для создания и функционирования подобной социальной сети надо проанализировать существующие образовательные социальные сети, а для этого найти раздел социологии, адекватную методологию и методы, способные помочь в исследовании интернет-сообществ.

В интернете социальная сеть — это сервис, площадка для взаимодействия людей в группе. Подобное общение происходило и раньше, были распространены форумы на сайтах. Однако именно в XXI веке происходит *социализация сети*, т.е. использование разработок, которые позволяют создавать сетевые сообщества. В понятие «социализация сайта» можно включить возможность индивидуальных настроек сайта и создание личной зоны (личные файлы, изображения, видео, блоги) для пользователя. Социальные сети в их современном виде имеют целый ряд дополнительных возможностей по сравнению с существовавшими ранее инструментами.

Главная особенность сервисов нового поколения — они служат инструментами поиска нужных контактов и общения людей. С их помощью пользователь может создать свой виртуальный портрет — сформировать профиль (профайл), где указываются подробные данные о себе, опыт работы, увлечения, интересы и цели. Наличие профайла позволяет исполь-

зовать механизмы поиска единомышленников, единоверцев, коллег, людей, общение с которыми необходимо по работе, по увлечениям и склонностям. Социальная сеть предлагает набор стандартных сервисов: хранение личной карточки с контактными данными, онлайн-адресная книга, онлайн-органайзер, который доступен с любого компьютера, хранилище мультимедийных данных пользователя, возможность ограничивать общение с нежелательными персонами. Человек получает как бы свое собственное пространство, сферу обитания в интернете, не похожее на персональные сайты, распространенные в 1990-е годы, в эпоху Веб 1.0, или дотакомов (.com).

Особую роль должно сыграть создание социальной сети, объединяющий профессорско-преподавательский состав (ППС), студентов и выпускников факультета или учебного заведения в целом. Цель такой сети — создание возможности непрерывного образования и стимулирования потребности в образовании, мотивация к его получению, а также правильные ориентиры в бесконечном море информации.

Анализ социальные сети в социологии является хорошо разработанным направлением, особенно на Западе. В последние 10-15 лет у нас выходят книги и учебные пособия, создаются учебные курсы. Социометрия Я.Морено для малых групп, сетевой анализ позволяет моделировать структурные взаимодействия между социальными единицами, визуализировать сети на основе теории графов, используя возможности ряда пакетов (например, Nronic, InFlow, JUNG, Pajek, UCINET).

Но перечисленные выше методы не подходят для анализа соци-

альных взаимоотношений, изучения распространения информации в сетях, создания сетевых моделей в динамике, прогноза поведения и развития во времени сетевой структуры социальных сетей. Рассмотрение социальных сетей в интернете, а конкретнее становление образовательных социальных сетей, является задачей для социологического эмпирического исследования информационных социальных процессов, актуальном именно на кафедре информатики социальных процессов социологического факультета МГУ, а современная наука предлагает методологию и методы, которые позволяют проводить подобное исследование. Речь идет о востребованной междисциплинарной научной парадигме «Синергетика» и особенно о набирающем популярность направлении «Социосинергетика».

Синергетикой принято называть новую междисциплинарную область исследований, в центре внимания которой находятся проблемы изучения систем с нелинейной динамикой, неустойчивым поведением, эффектами самоорганизации, наличием хаотических режимов, бифуркациями.

Понятие «синергетика» (дословно «теория совместного действия») в научный обиход введено немецким физиком-теоретиком Г. Хакенем. Сходные идеи бельгийский химик русского происхождения И. Пригожин называл теорией диссипативных структур, которую он развивал в процессе исследования нелинейной неравновесной термодинамики, и проблем времени и необратимости во времени. В США то же направление именуется теорией динамического хаоса (М. Фейгенбаум) или теорией хаоса, как принято в англоязычной литературе, применению синергетических понятий в социологии по-

священа книга «Теория хаоса в социальных науках: основы и применения» (под ред. Л.Д. Киля и Э. Эллиотта).

Синергетика – это теория самоорганизации в системах различной природы. Она имеет дело с явлениями и процессами, в результате которых у системы – у целого – могут появиться свойства, которыми не обладает ни одна из ее частей. Поскольку речь идет о выявлении и использовании общих закономерностей в различных областях, то это предполагает междисциплинарный подход.

Большинство понятий, принципов и образов синергетического знания задолго до его институционального оформления в естествознании XX века, уже существовало в разрозненном виде и использовалось в социально-гуманитарном знании. Синергетике предшествовала череда возникавших новых междисциплинарных направлений (общая теория систем, кибернетика, системная философия, системогенетика, информатология, теория катастроф, теория циклов, теория конфликтов, теория универсального эволюционизма и др.), но синергетика, в силу своей многофункциональности и фундаментальности разработанного инструментария, заняла особое место. Лежащие в основе синергетики понятия, принципы, образы и смыслы относятся ко всем историческим и актуальным формам научного знания, всем его составным частям (естественнонаучной, социально-гуманитарной, технической). Таковы понятия самоорганизации, организации, системы, элемента, функции, целого, части, структуры, связи, отношения, развития, саморазвития, необходимого, случайного, антропности, управления, обратимости, необра-

тимости, гистолиза (самоподпитывающейся реакции), энтропии, гомеостазиса, фрактальности и др.

Методы исследования в синергетике определены четко – построение и исследование математических моделей, описывающих эволюцию (динамику) объектов и процессов. К таковым относятся процессы возникновения и распространения информации, изменение ее ценности, инновационные процессы. В основе лежат современная теория динамических систем, представления о воспроизводимости открытых систем и об их развитии, описываемом в терминах динамического хаоса.

Изучение социальных сетей и интернет-сообществ должно вести к применению новых методов или трансформации уже существующих методов исследования, поэтому одной из основных задач современной социологии является выработка методологического аппарата для анализа сложных социальных процессов и взаимоотношений. Но сам характер социальных сетей, их динамики и нелинейная природа, их основные свойства делают их объектом для исследования с помощью уже существующей методологии такого популярного и в естественных, и в гуманитарных науках направления как синергетика.

Общим свойством систем, изучаемых синергетикой, является способность к самоорганизации при их эволюции. Самоорганизация выражается в усложнении структуры изучаемой системы, которое возникает, когда внешнее воздействие на систему превосходит некоторые критические значения.

Основные свойства самоорганизующихся систем — открытость, нелинейность, диссипативность. Теория самоорганизации имеет

дело с открытыми, нелинейными, диссипативными системами, далекими от равновесия, но именно эти свойства и отличают социальные сети. Рассмотрим эти понятия более подробно.

Открытость. Открытые системы — это такие системы, которые поддерживаются в определенном состоянии за счет непрерывного притока извне вещества, энергии или информации. Постоянный приток вещества, энергии или информации является необходимым условием существования неравновесных состояний в противоположность замкнутым системам, неизбежно стремящимся (в соответствии со вторым началом термодинамики) к однородному равновесному состоянию. Открытые системы — необратимые системы; в них важным оказывается фактор времени. В открытых системах ключевую роль, наряду с закономерным и необходимым, могут играть случайные факторы.

Нелинейность. Неравновесные системы имеют способность воспринимать различия во внешней среде и “учитывать” их в своем функционировании. Так, некоторые более слабые воздействия могут больше влиять на эволюцию системы, чем воздействия, хотя и более сильные, но не адекватные собственным тенденциям системы. Иначе говоря, на нелинейные системы не распространяется принцип суперпозиции: здесь возможны ситуации, когда совместные действия причин *A* и *B* вызывают эффекты, которые не имеют ничего общего с результатами воздействия *A* и *B* по отдельности.

Процессы, происходящие в нелинейных системах, часто носят пороговый характер — при плавном изменении внешних условий поведение системы изменяется

скачкообразно. Нелинейные системы, являясь неравновесными и открытыми, сами создают и поддерживают неоднородности в среде. В таких условиях между системой и средой могут иногда возникать отношения обратной положительной связи, т.е. система влияет на свою среду таким образом, что в среде вырабатываются определенные условия, которые в свою очередь обуславливают изменения в самой этой системе. Последствия такого рода взаимодействия открытой системы и ее среды могут быть самыми неожиданными и необычными.

В нелинейном мире нарушается обычный принцип суперпозиции: сумма частных решений не является решением уравнения. Целое уже не равно сумме составляющих его частей. Оно не больше и не меньше составляющих его частей. Оно качественно иное по сравнению с вошедшими в него частями. Кроме того, возникающее целое видоизменяет части.

Диссипативность. Открытые неравновесные системы, активно взаимодействующие с внешней средой, могут приобретать особое динамическое состояние — диссипативность. Неравновесное протекание множества микропроцессов приобретает некоторую интегративную результирующую на макроуровне, которая качественно отличается от того, что происходит с каждым отдельным ее элементом. Благодаря диссипативности в неравновесных системах могут спонтанно возникать новые типы структур, совершаться переходы от хаоса и беспорядка к порядку и организации, возникать новые динамические состояния материи.

Понятие диссипативности тесно связано с понятием параметров порядка. Самоорганизующиеся си-

стемы — это обычно очень сложные открытые системы, которые характеризуются огромным числом степеней свободы.

Главная идея синергетики — это идея о принципиальной возможности спонтанного возникновения порядка и организации из беспорядка и хаоса в результате процесса самоорганизации. Решающим фактором самоорганизации является образование петли положительной обратной связи системы и среды. При этом система начинает самоорганизовываться и противостоит тенденции ее разрушения средой.

Становление самоорганизации во многом определяется характером взаимодействия случайных и необходимых факторов системы и ее среды. Самоорганизация переживает и переломные моменты — точки бифуркации. Вблизи точек бифуркации в системах наблюдаются значительные флуктуации, роль случайных факторов резко возрастает.

В переломный момент самоорганизации принципиально неизвестно, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдет на новый, более высокий уровень упорядоченности и организации (фазовые переходы и диссипативные структуры).

С синергетической точки зрения процедура обучения, способ связи обучающего и обучаемого это создание условий, при которых становятся возможными процессы порождения знаний самим обучающимся, его активное и продуктивное творчество. Это — нелинейная ситуация открытого диалога, прямой и обратной связи, благодаря совместной активности в такого рода ситуации учитель и ученик начинают функциониро-

вать с одной скоростью, они становятся кооперирующими друг с другом сотрудниками. А само обучение становится интерактивным, как об этом пишут Х. Матурана и Ф. Варела.

Синергетический подход к образованию заключается в стимулирующем, или пробуждающем, образовании, образовании как открытии себя или сотрудничестве с самим собой и с другими людьми. В результате процесса обучения глубоко перестраивается личность обучающегося.

Невозможно представить вуз без собственного официального сайта. И если в 1990-е годы веб-ресурс выполнял функцию презентации образовательного учреждения в немногочисленном сетевом сообществе, то в нулевые годы он стал актуальным инструментом образовательной, научной и экономической деятельности в высшей школе. В процессе информатизации общества и его институтов становится очевидной необходимость активного использования вузами современных информационно-коммуникационных технологий для решения насущных задач.

Развитие социальных сетей и сервисов веб 2.0 определяет новые тенденции в развитии сайтов. Основной структуры сайта вполне может быть кафедра: сотрудники кафедр могут постоянно генерировать новую информацию, организовывать страницы кафедры оптимальным образом; затем страницы кафедр интегрируются в разделы факультетов и далее – наверх, к порталу вуза.

Сайт университета должен социализироваться в интернет-сообществе: проявить себя в крупнейших социальных отечественных и

иностраных сетях, использовать современные методы привлечения целевой аудитории (поисковая оптимизация, маркетинг в социальных сетях, контекстная реклама).

В заключении можно сказать, что развитие социальных сетей и сервисов веб 2.0 определяет новые тенденции в развитии сайтов. Эти тенденции быстро улавливаются и реализуются на сайтах коммерческих организаций, в том числе и образовательных. Система высшего государственного образования в силу своей сложной организационной структуры, дефицита финансовых ресурсов и консерватизма адаптируется к новым условиям недостаточно быстро. Несмотря на активные попытки использовать в развитии сайтов технологии веб 2.0, вузы пока отстают от коммерческого сегмента интернет и не решаются внедрять в своих официальных веб-представительствах такие инновации, как фолксономия, вики, блоги, вебинары, ютьюб, а главное – сетевые сообщества. И хотя в настоящее время исследуются педагогические возможности применения сервисов веб 2.0 в учебном процессе, все же недостает исследований в синергетической парадигме, где потребности студентов и выпускников, возможности преподавателей, а также глубокое изучение уже существующих российских сообществ на базе сайтов Высшего учебного заведения, мировой опыт были бы увязаны в единое целое.

Ссылки:

1 Мазур И., Шапиро А. Реструктуризация предприятий и компаний: Справочное пособие. М., 2000.

Обучающие технологии в интерактивном режиме

Сушко А.И.

В статье рассматривается роль современных информационных технологий в практике преподавания социологии, раскрываются технические и коммуникационные возможности он-лайн методологии.

Ключевые слова: мультимедийные средства, сеть, дистант-обучение, интернет, интерактивные учебники, учебное исследование.

Sushko A.I.

Training technologies in the interactive regime

In the article the role of contemporary information technologies in the practice of the teaching of sociology is examined, the technical and communication line possibilities of on-line methodology are revealed.

Keywords: multimedia means, network, distant-instruction, the Internet, interactive textbooks, a training study.

Процесс обучения в современном его понимании – это преподавание учебных дисциплин и организация опыта умственных действий учащихся в конкретной предметной сфере, включая освоение познавательных (знаково-коммуникативных, логических, нормативно- оценочных и пр.) и опытно-поведенческих (эмоционально-реактивных, предметно-операциональных, адаптивных, конструктивных и пр.) действий. В процессе обучения учащийся вступает в педагогический режим общения, содержание которого составляет преподавание учебного предмета и личностное воздействие учителя, а также восприятие и оценка знаний ученика. Результат обучения отслеживается в форме наблюдений, но, главным образом, в форме различных испытаний учащихся: контрольных работ, тестов, экзаменов, смотров и пр., в ходе которых учащиеся демонстрируют свои умения и эрудицию, владение способами выражения своих намерений и доказательности, способностью применять свои знания в общении, в практике, обобщать, генерировать

знание из опыта, оценивать события, свои действия, действия других людей и т.п. К числу апробированных и хорошо зарекомендовавших себя на практике образовательных технологий относятся, в частности, лекции, уроки, семинары и практикумы, круглые столы и коллоквиумы, деловые и обучающие игры, факультативные курсы, написание курсовых и дипломных работ, зачетно-экзаменационный способ контроля знаний.

Однако в последние годы особый размах получило применение в образовании информационных технологий и связанных с ними новых форм обучения. К настоящему моменту существует более десятка основных форм организации учебного процесса с использованием информационных технологий: лекции (аудио, видео, слайд-лекция, текстовая); консультации (индивидуальные, групповые, электронная почта, аудио и др.); семинары (аудиоконференция, видеоконференция, эпистоноконференция); проекты, курсовые работы (групповые, индивидуальные исследовательские, творческие, информационные); лабораторно-практические занятия; индивидуальные (домашние) задания (эссе, рефераты, задачи и др.); тестирование; экзамены, зачеты; игры; ситуационные задачи (кейстади); учебные научно-исследовательские работы (НИР); практика; экскурсии. Компьютерная сеть есть не что иное, как специфический учебно-методический комплекс, обеспечивающий техническую, методическую и организационную поддержку единого учебного процесса, проходящего в нескольких географически разнесенных учебных группах.

Указанные выше информационные технологии и мультимедийные средства повышают качество на-

учно-образовательного процесса в вузе. Можно сказать больше: переводят его на совершенно новый уровень. В связи с этим дадим концептуальное определение:

Научно-образовательные ресурсы - современная система коммуникативных и поисковых технологий и образовательных стандартов, которые ориентированы не только на получение знаний, но и на формирование способности их эффективно применять в среде студенческой молодежи.

По мере развития современных средств компьютерной техники, информационных технологий, мировых компьютерных сетей конкурентом традиционным источникам информации на бумаге становится электронная среда. Перед социологом-эмпириком и социологом-преподавателем открывается огромные информационные пласты, выполненные в электронном формате. Владение информационными технологиями, умение работать с электронными ресурсами и навыки ориентации в универсальном академическом гиперпространстве становятся обязательными при подготовке специалистов высшей квалификации. Общение с интернет-источниками становится все более насущным и необходимым делом для каждого, кто сталкивается с этой наукой или работает в ней постоянно.

Интернет предоставляет практически бесплатный доступ к огромным объемам информации и к консультациям специалистов по различным вопросам - от инженерии и разведения растений до контроля за рождаемостью и здравоохранения. Многие люди могут одновременно пользоваться одной линией интернет, что предоставляет многим школам доступ к лучшим мировым библиотекам, в то время как раньше у них не было

даже книг. Дистанционное обучение дает студентам возможность учиться у лучших преподавателей. Африканский виртуальный университет, который частично финансируется Всемирным банком, использует спутниковую связь для передачи телевизионных курсов для студентов из 15 африканских стран, которые связываются с преподавателями по электронной почте, по факсу и по телефону.

Традиционное преподавание – это взаимодействие педагога и учащихся в стационарной аудитории. Но сегодняшние студенты принадлежат к «цифровому поколению» и привыкли находиться в активном общении с компьютером, предполагающем избирательное и свободное восприятие информации, а также доступ к ее разнонаправленным потокам. Именно *сеть*, а не традиционная аудитория, все более становится сферой диалога и обмена знаниями, по сути, сферой возрастающей свободы. Студенты требуют обучения в духе “plug-and-play” (тяги и играй), у них нет ни привычки, ни желания учиться, следуя учебникам, они больше склонны к обучению в форме участия и экспериментирования¹.

Студент, заключивший договор с вузом на дистант-обучение, получает комплект учебных материалов — так называемый “кейс”. В него входят пособия — лекции, задания, контрольные вопросы, ссылки на дополнительную литературу и т.д. Это могут быть бумажные (книги, учебники, методички) и электронные (диски, дискеты, программы, аудио- и видеокассеты) носители информации. Каждый дистант-студент прикрепляется к своему преподавателю-тьютору, который и будет вести его до конца учебы. Тьютор подскажет, какими пособиями и в какой последовательности следует пользоваться, даст консультацию по самым сложным

вопросам, окажет помощь в подготовке к контрольным, зачетам и экзаменам. Ему же студент пришлет для проверки выполненные контрольные и тесты. Общение между тьютором и его подопечным происходит через интернет.

С появлением сети интернет создалась принципиально новая ситуация и в системе образования. Основные услуги интернета можно разбить на три большие группы: вещательные, интерактивные, поисковые. К *вещательным* услугам относятся реклама, анкетирование пользователей, а также электронные газеты и журналы. Электронные библиотеки – современные сложные информационные системы, которые рассматриваются как распределенные хранилища знаний. Они предоставляют особый вид вещательных услуг. *Интерактивность*, однако, не является характерной чертой вещательных услуг. Диалоговый характер общения наиболее интересен для образования.

В настоящее время интернет предоставляет разнообразные способы организации такого диалога, распадающиеся на два класса: электронная почта и электронные конференции. *Поисковые услуги* можно подразделить на три группы: каталоги; поисковые системы; метапоисковые системы. В каталогах информация разбита на классы, подобно их аналогам в обычной библиотеке. Поисковые системы ежедневно «прочесывают» интернет и каталогизируют текстовую информацию, чтобы сделать проще жизнь в интернете многим миллионам абонентов. Метапоисковые системы позволяют с помощью одного запроса обратиться сразу к нескольким средствам поиска и получить список WWW-документов сразу из нескольких источников.

Работа обучающихся в интернете охватывает различные виды

деятельности:

- самостоятельную работу с информацией по той или иной изучаемой теме, проблеме;

- самостоятельную учебную деятельность (в режиме самообразования) для углубления знаний в определенной области, ликвидации пробелов, подготовки к экзаменам и пр.;

- учебную деятельность под руководством удаленного учителя в курсе дистанционного обучения;

- общение в сети (устное или текстовое) с разными целями и в разных группах коммуникантов, как принадлежащих одной культуре и одной языковой группе, так и разным культурам и разным языковым группам.

Основными видами компьютерного обучения, которые сегодня реализуются с использованием интернет-технологий, являются обучающие информационные материалы (электронные учебники и лекции в виде Web -сайтов), причем они могут достаточно эффективно сочетаться с системами контроля знаний. Использование Web-технологий позволяет создавать образовательный ресурс, каждый раздел которого завершается тестированием по пройденному материалу. Следует отметить, такое простейшее тестирование может быть организовано без разработки специальных программ или модулей. Разработчик может предусмотреть переход к следующему разделу в случае правильного ответа на вопрос, или к повторному изучению в случае неверного ответа.

С развитием глобальных компьютерных сетей преподаватели социологии приобрели эффективный инструмент для выполнения образовательных программ как внутри традиционного института — кафедры, отделения, факультета, так и вовне — в открытом пространстве дистанционного (или

удаленного) режима обучения. Многие структурные подразделения университетов и отдельные преподаватели выставляют в интернете свои web-страницы, на которых опубликованы он-лайновые учебные планы, конспекты курсов, тексты отдельных лекций и другие учебные материалы, в том числе и системы дистанционного образования.

Средством создания информационных технологий выступают компьютер и интернет. Компьютерная сеть есть не что иное, как специфический учебно-методический комплекс, обеспечивающий техническую, методическую и организационную поддержку единого учебного процесса, проходящего в нескольких географически разнесенных учебных группах.

Особую роль в учебном процессе играют *компьютерные конференции*, которые позволяют всем участникам дискуссии обмениваться письменными сообщениями как в синхронном, так и в асинхронном режиме, что имеет большую дидактическую ценность. Компьютерно-опосредованные коммуникации позволяют активнее использовать такие методы обучения, как дебаты, моделирование, ролевые игры, дискуссионные группы, мозговые атаки, методы Дельфи, методы номинальной группы, форумы, проектные группы и другие.

Во многих странах созданы интерактивные (электронные) учебники для средних школ и вузов. *Интерактивные учебники* — дидактические средства на бумажных носителях учебной информации, обеспечивающие учащимся возможность самостоятельного обучения в режиме моментального самоконтроля и своевременной коррекции качества текущих знаний при помощи микропроцессорных контролирующих устройств.

В некоторых медицинских колледжах США студентам первого

курса, обучающимся на зубных врачей, теперь будут предлагать электронные учебники в DVD-формате. Каждый учебник, созданный компанией Vital Source Technologies, Inc. (VSTi), может быть прочитан лишь на компьютерах фирмы Apple. По истечении учебного года электронный учебник автоматически стирается из памяти компьютера, чтобы им не смогли воспользоваться повторно. Книжки снабжены специальными паролями, защищающими их от несанкционированного просмотра. Студентам предлагается полный комплект литературы на весь учебный год. Электронный комплект стоит дешевле бумажного - 600 долларов против 1500. Если электронные учебники не понравятся своему владельцу, то в течение 90 дней он может вернуть их колледжу и получить полную компенсацию. В соответствии с законом США студент, который решится дать почитать товарищу электронную, а не бумажную книжку, может получить за это 5 лет лишения свободы или штраф до 500 тысяч долларов (www.netoscope.ru).

Интерактивные учебники отличаются от обычных учебников: принципом подачи учебного материала; методикой обучения в режиме оперативного выявления и своевременного устранения пробелов в знаниях; большим количеством заданий и тестов для надежного закрепления учебных тем; наличием кодов к заданиям и тестам, позволяющим оперативно выявлять правильность их выполнения посредством микропроцессорных контролирующих устройств; наличием полностью совместимой электронной версии. Организация электронного текста существенно отличается от традиционного печатного прежде всего наличием *гиперссылок*.

Технологии гипермедиа позволяют организовать, структурировать и связать между собой различные элементы содержания образования, которые могут быть не только в форме текста, но и в форме неподвижных и движущихся изображений, речи, звука, видеороликов и т.д. Содержание образования можно рассматривать как совокупность курсов, а курс - как систему уроков (или тем).

CD ROM был провозглашен как «новый папирус». Электронные книги, энциклопедии разрабатываются на основе гипер- и мультимедиа технологий и главным образом обучение с их помощью базируется на методе информационного ресурса. Однако с педагогической точки зрения важно, чтобы электронные книги включали задачи и вопросы, которые позволили бы читателю проверить его понимание сути дела. То есть важным является сочетание метода информационного ресурса с методами компьютерных вопросов-ответов.

Все чаще в качестве источников информации при самообучении используются *интерактивные журналы*, которые представляют собой периодические издания, распространяющиеся среди подписчиков через компьютерные сети. Студенты часто подписываются на интерактивные журналы с целью использования их как неотъемлемой части курса или как дополнения к работе.

Компьютерные обучающие программы представляют собой программное обеспечение, которое играет особую роль в современном образовании, поскольку может использоваться для самообучения на удаленном компьютере через компьютерную сеть.

Помимо интернет-сайтов в работе социологу - как преподавателю, так и студенту - незаменимую помощь могут оказать *науч-*

ные видеофильмы, в основу которых легли известные учебники социологии, философии, политологии. Современные технологии, как известно, позволяют успешно использовать в мультимедийном уроке фрагменты видеофильмов. Использование видеоинформации и анимации может значительно усилить обучающий эффект. Именно фильм, а точнее небольшой учебный фрагмент, в наибольшей степени способствует визуализации учебного процесса, представлению анимационных результатов, имитационному моделированию различных процессов в реальном времени обучения. Там, где в обучении не помогает неподвижная иллюстрация, таблица, может помочь многомерная подвижная фигура, анимация, кадроплан, видеосюжет и многое другое.

Для организации некоторых форм обучения, где необходим непосредственный обмен информацией между участниками образовательного процесса — преподавателем и аудиторией, внутри студенческой аудитории, между преподавателями и различными аудиториями в случае междисциплинарных занятий, — интересные возможности предоставляют электронные дискуссии на основе листов рассылки и телефорумов, расширяющие образовательное пространство — от отдельной классной комнаты до университетской аудитории или даже нескольких университетов, расположенных в различных географических точках пространства.

На Украине успешно реализуется интересный проект. В специально оборудованной аудитории научно-методического центра дистанционного образования Академии педагогических наук при Днепрпетровском национальном университете каждые вторник и четверг собираются лучшие студенты фа-

культета социологии и психологии. Совершенное знание английского языка, владение компьютером и интернет-технологиями позволяют им принимать участие в уникальной серии видеоконференций. Десятичасовая разница временных поясов не мешает регулярному общению со студентами и преподавателями американского Эль Каминна Коммьюнити Колледж в округе Лос-Анджелес. Каждый следующий семинар начинается вступительной лекцией профессора одного из вузов, принимающих участие в проекте «Академия международного понимания». После пятнадцатиминутной лекции следует студенческое обсуждение в режимах On-line и Chat².

В Караганде выпущено новое учебное пособие «Социология интернета», предназначенное для подготовки специалистов в области социологии³. Автор книги А. А. Инджиголян излагает теорию и историю институционализации интернета и новых информационных технологий в контексте особенностей развития современного общества, использует нетехнический подход к описанию структуры, функции и ресурсов интернета, дает социологический анализ масштабам и характеру изменений общества, его структур, социальных процессов и самого человека под влиянием интернета. Кроме того, приводится обзор интернет-ресурсов, сайтов политических партий, консалтинговых и маркетинговых фирм, других исследовательских организаций.

Самой значительной проблемой при использовании электронных материалов интернета остается так называемая текучесть или подвижность публикаций: постоянное обновление и редактирование текстов документов, нестабильная локализация ресурсов по определенному

сетевому URL-адресу (универсальному определителю ресурса). URL-адрес дает фактическую привязку компьютерного файла с опубликованным текстом к определенному месту (каталогу, директории) на рабочей поверхности носителя информации в машиночитаемой форме (чаще всего это жесткий магнитный диск web-сервера), что по сути является аналогом шифра полочной расстановки или места хранения печатного издания в библиотечном деле. Если в практике работы с бумажными материалами в библиотеках этот атрибут является неотъемлемым элементом для определения их местонахождения, то относительно электронных публикаций никто не гарантирует, что, обнаружив сегодня интересный документ по одному сетевому адресу и сохранив на него ссылку в каталоге «Избранное» или «Ссылки» своего браузера, пользователь и завтра найдет по этому пути тот же документ с неизменным текстом.

Развитие новых образовательных технологий в России, ориентированных на исследовательские учебные программы, требует широкого внедрения активных методов обучения, к числу которых, несомненно, относится учебное социологическое исследование. Согласно государственному образовательному стандарту для высшего профессионального образования, студент-социолог должен не только владеть методологией, методикой и техникой проведения исследования, но и уметь разрабатывать и использовать социологический инструментарий для диагностики различных видов практической деятельности⁴. *Учебное исследование* — это групповой (3–5 студентов) проект, направленный на теоретическую, методическую (разработка программы исследования), полевую стадии разра-

ботки избранной темы, а также написание отчета о проведенном исследовании. Непосредственное участие студентов в научно-исследовательских проектах является неотъемлемой частью учебного процесса.

Привлечение студентов к самостоятельным исследованиям стало определенной традицией не только на социологических факультетах и гуманитарных отделениях университетов, но и в технических вузах, где ведется курс социологии. Преподаватели отмечают, что будущие инженеры должны уметь выполнить небольшое социологическое исследование, которое может стать весомым дополнением к дипломной работе, особенно, если это связано с предстоящей работой в заводском коллективе⁵. Да и студенты, по наблюдениям преподавателей, с большим интересом относятся к эмпирической практике, нежели к лекциям и семинарам: одно дело штудировать чужие идеи, совсем другое — воплощать на практике свои собственные. Творчество всегда имело приоритет над рутинной работой — так свидетельствует мировая история.

На факультете социологии, экономики и права МПГУ в интерактивном режиме, с применением тренинговых технологий и деловых игр проводятся занятия по целому ряду социологических дисциплин, а также по дисциплинам специализаций. В интерактивный режим переведены на факультете семинары по дисциплине «Социология рекламы». Студенты составляют план рекламной кампании избранного ими товара. Для этого они создают команду из 4–5 человек и в соответствии с алгоритмом рекламной деятельности разрабатывают рекламный план. Работа заканчивается представлением и защитой на занятиях исследова-

тельской части рекламного проекта, бюджетного проекта и образцов рекламной продукции (сценария ролика, плаката и т.п.). Результаты социологических исследований, проводимых в рамках проектов, дают хороший эмпирический материал для подтверждения гипотез курсовых и дипломных работ. Для активизации студенческих научных исследований различных социологических проблем на факультете социологии, экономики и права МПГУ организуются студенческие научные конференции в рамках недели студенческой науки, проходящей ежегодно в апреле. Так, на 1, 2, 3 курсах проходят конкурсы студенческих курсовых работ, заканчивающиеся в апреле итоговыми курсовыми конференциями. На конференциях заслушиваются доклады по курсовым работам. Победителям вручаются грамоты. Тем самым уже с первого курса выделяются студенты, склонные к научно-исследовательской деятельности. С 4-го курса студенты начинают участвовать в конкурсах научных работ факультета, университета. 3 года кафедра теории и истории социологии возглавляет российский тур конкурса студенческих работ по социологии, в котором активно участвуют наши старшекурсники и магистранты⁶.

Учебное исследование как форма практических занятий по курсу экономической социологии используется на факультете социологии экономики и права МПГУ с 1996 г. Ежегодно в них участвуют примерно 2/3 списочного состава студентов 4 курса. Учебное исследование, по мнению А.Л.Темницкого⁷, это инициативный студенческий проект, направленный на теоретическую, методическую и полевою стадии разработки одной из выбранных тем. Основная задача такого исследования - отра-

ботка элементарного исследовательского цикла: постановка проблемы, определение объекта и предмета исследования, формулировка цели и задач исследования, выдвижение гипотез и проверка следствий из гипотезы на массиве самостоятельно собранных данных.

Самым важным пунктом в учебном практикуме, как справедливо отмечает Ю.Н. Толстова, является отработка методических требований к составлению программы исследования и реализация каждого его этапа⁸. Менее сложным является полевой этап. В своих рабочих планах студенты отводят ему не более 10 дней. Относительная легкость объясняется использованием анкетного метода, отсутствием жестких требований к выборке.

По мнению А.Л.Темницкого, учебное исследование должно включать не менее 2-3 вопросов, входящих в состав экзаменационных. Половина времени семинарского занятия посвящается отработке лекционного материала, половина - практикуму. Проекты, выполненные на низком уровне, лишаются права досрочной защиты и служат дополнением к сдаче экзамена⁹.

План исследования, подготавливаемый студентами исследовательской группы совместно или в рабочих группах, подвергается экспертизе. Его адекватность является условием участия в полевом исследовании. В фазе полевого исследования от студентов требуют комбинирования как можно большего количества методов (например, анкета, стандартизированное и направляемое интервью, глубинное интервью): студенты должны узнать свои сильные и слабые стороны в качестве исследователей и познакомиться с процедурой исследования в деталях. Скажем, далеко не все студенты

успешно овладевают методом интервью, поскольку они малообщительны или стеснительны. Собранные студентами информация анализируется, теоретически интерпретируется, и перерабатывается в отчет об исследования. Для студентов представляет большую сложность перевод собранных данных в форме исследовательских дневников, аудио-пленок, видеофильмов, анкет и т.д. в отчет. Им не удастся отделить главное от второстепенного, социальное от экономического и т.п. Подготовка исследовательского отчета является важным уроком для написания дипломной работы. В Билефельде студентам создается мотивация, использовать собранные в ходе учебного исследования данные в написании дипломной работы¹⁰.

По мнению зарубежных специалистов, будущее в современном образовании — за дистантом. Многие зарубежные вузы уже сегодня предлагают студентам дистантного знания, сравнимые по объему и качеству с традиционным обучением. К примеру, емкость рынка дистанционного обучения в Индии к концу 2004 г. выросла до \$23 трлн., а к 2009 г. увеличилась до \$182 трлн.

Российская система дистанционного обучения СДТ REDCLASS, соответствующая международному стандарту SCORM 1.2., в 2005 г. получила международную сертификацию. Эта сертификация подтвердила, что СДТ REDCLASS отвечает высочайшим международным требованиям, а Учебный Центр REDCENTER является квалифицированным и надежным поставщиком решений для дистанционного обучения. На на-

стоящий момент в мире 61 система дистанционного обучения, сертифицирована на соответствие стандарту SCORM 1.2.

Ссылки:

1 McClintock R. Toward a Place for Study in a World of Instruction. Institute for Learning Technologies Teachers College – Columbia University. December 2000 [www.ilt.columbia.edu].

2 Интернет-технологии в изучении социологии (<http://gorod.dp.ua/news/news.php?id=1530>)

3 Инджиголян А. А. Социология Интернета: учебное пособие. Караганда, 2006.

4 Государственный образовательный стандарт Высшего профессионального образования. М., 2000. С.2.

5 Социологическое образование в России: проблемы и перспективы // Социс, 1993. №11. с.48.

6 Буданова М.А. Проблема способов модернизации высшего социологического образования // Социология, 2004. № 3-4. с.101-105.

7 Темницкий А.Л. Учебное исследование как форма практических занятий по экономической социологии // Социс, 2001. № 3.

8 Толстова Ю.Н. Социологический практикум // Социс, 1999. №4. С.124.

9 Темницкий А.Л. Учебное исследование как форма практических занятий по экономической социологии // Социс, 2001. № 3.

10 Шрадер Х. Учебные исследования в социологии как пример образования, ориентированного на практические нужды. Опыт Билефельда и Санкт-Петербурга (www.soc.pu.ru).

МОЛОДЕЖНАЯ

СУБКУЛЬТУРА

Инвариантная характеристика байкерской субкультуры

Гаук А.В.

Байкерские клубы и союзы устанавливают своеобразную форму общности и института. Любовь к свободе переплетается с открыто-закрытой социальной иерархией. Единственным рациональным объектом в жизненном мире байкера остается мотоцикл.

Ключевые слова: субкультура, социальный институт, социальный символизм, стиль жизни, жизненный мир, социальная иерархия.

Gauk AV.

Invariant characteristics of bikers' subculture
Bikers' clubs and unions constitute a specific form of community, as well as institution. Love for freedom intertwines with open-closed social hierarchy. The only rational object in bikers' living-world remains the motorbike.
Keywords: subculture, social institution, social symbolism, lifestyle, living world, social hierarchy.

В настоящее время много внимания уделяется описанию и изучению различных субкультур, но в основном акцентируется их молодежная стилистика (эмо, готы, панки), связь с первичной социализацией. Но есть субкультуры, которые не укладываются в рамки молодежной культуры, в частности, байкерская субкультура. У байкеров есть своя история и свой социальный стиль, который устойчив к идеологическим и социальным воздействиям.

Сегодня, в связи с кризисными явлениями в экономической жизни, многие люди испытывают различные формы социального давления, связанные с решением проблем существования. Происходят решительные сдвиги в повседневной жизни, что не может не бросать вызова воспроизводству различных субкультур. Рассмотрим, как эта ситуация отразилась на представителях байкерской субкультуры. Наше исследование проводилось в 2007 – 2009 годах на территории России и стран СНГ, в нем были использованы методы включенного наблюдения, контент-анализа, анкетирования, интервью.

Для исследования и описания байкерской субкультуры необходимо учитывать ряд ее родовидовых особенностей.

Байкерская субкультура — это эскапистская, урбанистическая культура, созданная людьми для себя; это — «элитарная» (т.е. не для всех) культура; это — культурная подсистема внутри системы официальной, материнской, базовой культуры общества, определяющей стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет (т.е. мировосприятие, умонастроение) ее носителей.

Байкерская субкультура — феномен, характерный для индустриально развитых обществ, начавших переход к постиндустриализму и, возможно, постиндустриальным обществ. Часть людей объединяются в социальные общности — неформальные объединения или байкерские клубы (байкерские тусовки), — каждый представитель которых сам причисляет себя к ним, то есть идентифицирует себя с ними. Эти неформальные байкерские объединения и производят байкерскую субкультуру, по ценностям, нормам, стилю, мировосприятию и т.п., отличающуюся от базовой, материнской культуры собственного культурно-исторического типа.

Байкерские объединения являются социальными общностями закрыто-открытого типа в том смысле, что они закрыты для людей, не владеющих мототехникой, и открыты для мотоциклистов. Эти объединения настолько закрыты для посторонних людей, что те, если и допускаются, то лишь к их внешней стороне. Однако открытыми для мотоциклистов они являются не полностью, так как в конкретные байкерские объединения допускаются лишь те люди, которые полностью принимают и

разделяют ценности, нормы, мировосприятие, стиль жизни байкерской субкультуры, а также внешние атрибуты принадлежности к ней (прическа, одежда, жаргон, манеры и т.п.). Значимые для байкерской субкультуры идеи и ценности получают внешнее выражение в обязательной для ее членов символике и атрибутике группы, посредством которой байкеры узнают «своих». Символика отличает байкеров и выделяет среди «чужих», работает на объединение и сплочение группы, позволяет продемонстрировать и отстаивать свою позицию в социальной среде.

Байкеры (от англ. *bike*) — мотоциклисты, но все ли мотоциклисты — байкеры? Необходимо разделить эти два понятия. Мотоциклист — водитель мотоцикла, человек, передвигающийся на мотоцикле от одной точки до другой. Байкер — человек, для которого мотоцикл является неотъемлемой частью его жизни, он живет мотоциклом и это его образ жизни, он думает в соответствии с гласными и негласными законами байкерства, окружает себя его атрибутами. Как правило, байкер состоит в каком-либо клубе, либо в добровольном движении. При этом, «Байкеры — по определению свободные настолько, что они — ничьи люди, тихо насмехающиеся над всем» (Lizard SBMC, Nord Shept.).

Каждое неформальное объединение на начальной стадии существования вырабатывает для себя ценности, призванные в дальнейшем дать идентификационную почву представителям данного сообщества. Эти ценности в той или иной мере отличаются от господствующих ценностей базовой культуры общества. Соотношение ценностей двух культур — материнс-

кой, базовой и дочерней, байкерской субкультуры – можно рассматривать как проявление общего и особенного. Это соотношение сохраняется на протяжении всего периода существования любого неформального байкерского объединения, однако сами ценности с течением времени претерпевают изменения, поскольку постоянно взаимодействуют как с ценностями базовой культуры общества и иных его субкультур, так и с внешними по отношению к ним ценностями других культурно-исторических типов.

Любая типология субкультур разнородна, носит комплексный, незавершенный характер. Природа субкультурной разнородности обусловлена различными сочетаниями факторов, актуальных для определенного типа субкультур.

На основе разработки предлагаемой концептуальной схемы исследования и описания субкультуры как явления Н.Н.Слюсаревским можно провести исследования применительно к байкерской субкультуре [1]. Составляющими субкультуры по Н.Н. Слюсаревскому и одновременно признаками ее оказываются: знание (картина мира в узком смысле); ценности; стиль и образ жизни; социальные институты как системы норм; процедурное знание (навыки, умения, способы осуществления, методы); потребности и склонности.

Критерием наличия и сформированности байкерской субкультуры является совокупность указанных выше параметров. Творцом и носителем данной субкультуры здесь оказывается социальная группа людей, имеющая определенные культурные признаки, которые отличают ее от других общностей. Социальную группу тут следует понимать прежде всего в широком смысле. То есть как об-

щность людей, главным признаком которой является прежде всего культурная вариация, а не место в системе общественных отношений.

Байкеры – носители особого знания о мире, обладают своей картиной мира в узком смысле этого словосочетания. На основе созданного байкерского образа происходит ориентация достаточно многих групп людей в жизненном пространстве. Работа с социальной информацией идет по принципу «человек-человек», с привлечением журналов, Интернет-сайтов, СМИ. Происходит достаточно эффективная и вполне спонтанная пропаганда стиля жизни, мировоззрения, уставных и неуставных взаимоотношений, одежды, манеры поведения.

Ценности мы будем понимать как компонент социальной системы, наделенный особым значением в индивидуальном или общественном сознании. В байкерской системе ценностей можно выделить:

1) то, чему отдают предпочтение в наибольшей мере: мотоцикл, свобода передвижения, незакомплексованность, маргинальность, форма одежды, атрибуты (нашивки на жилете, отмечающие имена, псевдонимы, принадлежность к какому-либо клубу или как их называют «цвета», значки, ювелирные украшения). Байкерская идентичность носит по преимуществу стилевой характер. Из проведенного нами исследования можно сделать вывод, что байкер живет мотоциклом, это центр его жизни. Вокруг мотоцикла возникают гласные и негласные законы байкерства. Носитель байкерской субкультуры окружает себя различными смысловыми производными мотоцикла, включая клубную атрибутику или символы принад-

лежности к добровольному движению. Главным ценностным контекстом и явным смыслом жизненных стремлений для байкера оказывается свобода передвижения, преодоление территориальных и жизненных границ и препятствий. В повседневной стилистике доминирует удобство одежды, ее малое количество и универсальность. Ответственность за жизнь пассажира предстает как аналог достоинства и чести, фактического свободного поведения в вероятно стесненных обстоятельствах.

2) то, что считается нормальным, правильным: нарушать правила дорожного движения, управлять мотоциклом не имея прав, номера на мотоцикле; если человек принадлежит к байкерскому клубу, то нормой с допущением девиаций считается придерживаться устава клуба, оказывать взаимопомощь своим. В байкерской субкультуре сильно выражены именно взаимопомощь и взаимовыручка. Это помогает существовать популяцией в трудную жизненную ситуацию байкерам. От «своих» приходят помощь в ремонте мотоцикла, оплате лечения в больнице, помощь в нахождении работы и ремонте квартиры, моральная и материальная поддержка, спонсирование групповых мотопробегов.

Байкер, попавший в трудную ситуацию, легче ее переживает, поскольку ставит себя заведомо выше обывательских страхов перед опасностями и рисками. Байкер уже выбрал риск, он абстрагируется от реального мира и уходит в свой, байкерский мир, где преобладают дорога, мотоцикл, путешествия, попутчики, проблемы, встречающиеся в пути, и их преодоление. Именно это помогает не угаснуть байкерской субкультуре перед лицом «рутинных» эко-

номических и социальных вызовов.

3) то, что байкеры не одобряют, осуждают и считают аморальным, преступным: бросить на дороге байкера, попавшего в трудную ситуацию; грубое нарушение устава клуба.

К ценностям, которые будут характеризовать и будут выделять байкерскую субкультуру, мы относим именно те ценности, которые выражаются в определенных действиях социальной группы (клуба, объединения) или конкретного индивида (байкера). Стиль жизни байкера – это социально-психологическая категория, выражающая определенный тип поведения людей. В повседневной жизни поведение носителей байкерской субкультуры практически ничем не отличается от общепринятого, за исключением ряда моментов, не предсказуемых для окружающих. Остается доступным пониманию обывателя лишь главный рациональный мотив: заработать, чтобы купить, починить, заправить, мотоцикл, поехать, приобрести экипировку и т.д.

Образ жизни байкеров – это совокупность типичных видов жизнедеятельности индивида, социальной группы, общества в целом, принимаемого в совокупности с условиями жизни, которые ее определяют. Байкеры работают достаточно часто в сфере связанной с авто и мото техникой, дома, как правило, присутствуют элементы этой предметной среды. Это могут быть календари с байкерским годом (с мая по апрель), детали мотоцикла, одежда, коллекции моделей мотоциклов, вещи, стилизованные под части мотоцикла, подшивки журналов, связанных с байкерской культурой («Мото», «Мото ревю», «МотоМания»). В байкерскую субкультуру объединяются люди с разным

уровнем образования и культуры, уровнем и качеством жизни, но все они не могут представить свою жизнь без мотоцикла, дороги – это неотъемлемая часть их жизни и существования.

Нами был проведен социологический опрос в 2007-2008 года на байк-шоу, которое проводил один из байкерских клубов города Екатеринбурга «Черные ножи». Задача исследования – изучение стилевых особенностей байкерской субкультуры. В частности, опрос показал, что свободный стиль жизни предпочитают – 69% респондентов, романтический – 21%, ответственный – 19%, бунтарский – 13%, деловой – 10%, безмятежный – 7%. Выраженность внешних признаков распределилась следующим образом: в одежде предпочитают удобство – 79%, стиль – 36%, качество – 32%, все равно какая одежда – 2%. Тем не менее, есть устойчивые элементы одежды: байкерские – 52%, спортивные – 38%, классические – 23%, деловые – 7%, не имеют значения элементы в одежде – 3%. Немаловажным является отношение к татуировкам в байкерской субкультуре. Охарактеризовали татуировку как выражение своего я – 43%, украшение – 23%, символ – 21%, безразличное отношение к татуировкам выразили 19% опрошенных, отрицательное отношение у 9%. На вопрос «какой стиль музыки вы предпочитаете» были следующие ответы: рок – 32%; разное – 26%, металл – 15%, рок-н-ролл – 8%.

Люди в байкерской субкультуре имеют достаточно устойчивые мнения, вкусы, тем самым поддерживают собственный стиль. Это свободный стиль жизни, удобство в одежде, при устойчивых элементах байкерской символики, в татуировках выражают свое я,

в музыке преобладают различные виды рок – музыки, а рок, как известно, символ бунтарства и свободы. Выше всего ценится свобода мысли, действия, стиля. Все это их объединяет в одну сплоченную группу людей. Даже если они не знакомы между собой, при встрече сразу могут понять, что принадлежит одной субкультуре. Это является залогом взаимопомощи и взаимовыручки в трудной ситуации, например на дороге, в незнакомой местности и т.д.

Байк-клубы организуют байк-шоу в разных городах России, СНГ, Европы и других странах мира. Каждое байк-шоу планируется заранее, имеет прописанную программу. Помещается информация в интернете на сайтах клубов-организаторов, в журналах, радио и телевидении. Благодаря доступности информации, ее читают в разных городах и странах.

Переезд из одной страны в другую не составляет трудности, байкеры, узнав о мероприятии, могут практически беспрепятственно приехать на любое байк-шоу в любой город России, СНГ, Европы. Подобные мероприятия благоприятны для новых знакомств, обмена опытом, налаживаются дружественные межнациональные отношения.

В Свердловской области регулярно проводится крупное байк-шоу – это байк-шоу «Черных ножей» (г. Арамилы в 2007 - 2009 годах). Там собиралось около 2000 – 3000 человек. Так же регулярно известно шоу в Ирбите. Есть и более крупные шоу, проводимые в России, например, шоу клуба «Night Wolfes MG», благодаря тому, что чепты (филиалы) клуба расположены по всей России, СНГ, Западной Европе; они могут проводить за один год по несколько мероприятий. Самая западная

точка проведения байк шоу в России – Калининград, под началом «Night Wolves MG», самая южная – Севастополь, самая восточная – Владивосток «Лицом к океану». Все это свидетельствует о расширении социальных границ байкерского движения [2].

Социальные роли и статусы в байкерском сообществе вполне соответствуют стилю и образу жизни. Образ жизни индивида в культуре и субкультуре предполагает набор ролей, выполняемых индивидом в разных обстоятельствах. В субкультурах можно наблюдать различные социальные группы и коллективы, границы между которыми подвижны, но чутко воспринимаются участниками этих социальных групп. В байкерской субкультуре неофициальным делением можно считать ситуацию, когда члены одного мото-клуба чаще общаются друг с другом по виду мотоцикла, условно разделяя на спортивные мотоциклы и чопперы (чэпперы, чепперы)), и в меньшей степени общаются со всеми остальными членами клуба. Официальное деление наиболее четко можно проследить по видам мотоклубов (MG (MotoGang), MC (Motorcycles Club), MCC (MotorCycles Club), MFC (Moto Fanats Club), RC (Riders Club), CMC (Club of MotorCyclists), OG (Owners Group), или по принципам их устройства. Вид «прописывается» в названии группы или коллектива, побуждает членов группы следовать установленными ею законам, подтверждая прописанный статус, всячески символизируя тип группы.

Несмотря на экономические колебания в стране в лучшую или в худшую сторону, количество байкерских клубов продолжает демонстрировать собственную, основанную на внутренних ценно-

стных и смысловых ресурсах, динамику роста. Обратимся к показателям организационной регистрации, где постоянно растущее количество клубов можно проследить в течение последних девяти лет. В банке данных журнала «Мото» в 2001 году было зарегистрировано 104 объединения из 38 регионов России; в 2004 г. – 108, в 2005 г. – 192 в 58 округах, в 2006 г. – 247 клубов по России, 2007 г. – 268 объединений в 66 округах, в 2008 г. – 303 мото-объединения. В 2009 году на сайте *moto.ru* зарегистрировано 318 мотоклубов.

В отличие от экономически благоприятных периодов, в 2009 году увеличение количества мотоклубов незначительное, но оно все-таки происходит. Благодаря людям, живущим в данной субкультуре, их нормам, принципам, ценностям, даже в экономически трудное время, байкерское движение не угасает, а развивается и имеет положительную динамику роста. Очевидно, этому способствуют специфические ценностные параметры свободы, связанные с преодолением формальных возрастных границ духа свободной молодости. А мотоцикл выступает объективированным гарантом этих ценностей, их фундаментальным артефактом.

Социальные статусы четко просматриваются и внутри байкерского клуба. Если претендент на место в клубе производит положительное впечатление на членов клуба, то ему присваивается статус «support», при наличии у «суппорта» поручителя, вопрос может быть решен положительно и ему присваивается ранг «hang around». В некоторых клубах данный ранг пропускают и человек из «support» переходит в ранг «prospect». Третья ступень – «member». Четвертая, наивысшая ступень – «офи-

церы»: президент, вице-президент, казначей, «sergeant of arms», выполняющий функции начальника безопасности и разрешение споров между членами клуба, и дорожный капитан, который выполняет обязанности по проведению «выездов», организации маршрутов, мест для отдыха, определению необходимых затрат и т.д. Проведенный нами опрос показал, что для 50% респондентов членство в байкерском клубе имеет значение, для 35% членство в байкерском клубе не имеет значения (все они не являются членами клубов), 15% затруднились ответить.

Таким образом, социальные символы и социальные практики, используемые в процессах демаркации социальных групп в рамках байкерских субкультур, демонстрируют рост значимости стилевых различий как способа реконструирования социальной действительности и связанных с ним ожиданий. Это не отменяет структурных параметров социального неравенства, основанных на институциональных предписаниях, но в значительной степени показывает их безотносительность к актуальным смысловым установкам и мотивам повседневной социальной жизни в современных обществах.

К стилю и образу жизни, который характеризует и отличает байкерскую субкультуру как таковую, мы отнесли именно тот стиль и образ жизни (стиль жизни, условия жизни, роли и статусы), который присущ данной социальной группе в целом и конкретному индивиду (байкеру) в частности. Таким образом, байкерской субкультуре оказываются присущи и институциональные признаки, или относительно устойчивые типы и формы социальных практик, с помощью ко-

торых организуется жизнь сообщества, обеспечивается устойчивость связей и отношений в пределах его социальной организации. Деятельность социального института байкерской субкультуры определяется:

1) набором специфических социальных норм и предписаний, регулирующих соответствующие типы поведения, прописанные в уставе клуба;

2) его интеграцией в социально-политическую, идеологическую и ценностную структуры общества, что позволяет узаконить формально-правовую основу деятельности того или иного социального института, осуществлять социальный контроль над институциональными типами действий.

Практически все клубы официально зарегистрированы в соответствии с законами страны, в которой они находятся. В России они обычно зарегистрированы как некоммерческое партнерство или общественная организация, имеют свой устав с прописанными целями и задачами, внутренней структурой клуба, правилами поведения, правами, обязанностями членов клуба;

3) наличием материальных средств и условий, обеспечивающих успешное выполнение нормативных предписаний и осуществление социального контроля. Клубы существуют за счет добровольных членских взносов, коммерческой деятельности (клубы, бары, тату-салоны, авто и мотто мастерские и др.)

В связи с этим социальный институт байкерства может быть охарактеризован с точки зрения как внешней, формальной (материальной) структуры, так и внутренней, то есть с позиции содержательного анализа их деятельности. Нас будет интересовать имен-

но внутренний (содержательный) аспект байкерской жизнедеятельности.

Различные субкультуры имеют свои способы упорядочения, технологии институализации жизнедеятельности. В пределах субкультур могут возникать определенные специфические для них институты. Эти институты обнаруживают присущую им специфическую иерархию. Отношения в байкерском клубе строятся по принципу жесткой иерархии. «Хэнгэраунд» подчиняется «проспектам» и «мемберам», «проспект» – «мемберам» и все три категории – требованиям устава, офицерам и президенту. Система поощрений и наказаний также адаптирована под эту структуру. Власть в мотоклубах осуществляется в соответствии с иерархической структурой. Перечисленные статусные позиции и их иерархическое положение — общепринятые каноны, но в каждом из клубов они претерпевают некоторые изменения.

Институт предполагает определенную систему норм, усваивающихся в процессе социализации. Одни из них осознаются (независимо от того, писанные они или нет), а другие не осознаются. Особо значимо процедурное знание: умение, навыки, способы осуществления, методы. Сюда входит именно то знание, которое необходимо для выполнения набора ролей, предусмотренного для индивида определенной субкультурой. В байкерской субкультуре главные и основные умения, навыки и способы осуществления – вождение мотоцикла, устранение поломок, знания правил дорожного движения.

Люди приходят в байкерскую субкультуру из потребности общения с единомышленниками, самоутверждения, самовыражения, из

желания принадлежать к данной субкультуре, ездить на мотоцикле, получать острые ощущения. Что же движет этими людьми, почему им нравятся эти опасные виды спорта? Что управляет поведением человека, да и любого другого существа?

Ответ прост – модальность потребности, то, в чем человек нуждается именно сейчас. Самыми труднодостижимыми, значимыми для личности являются потребности в признании, самовыражении, творчестве, саморазвитии. Поведение человека определяется потребностями, но вот что интересно: одно и то же поведение может быть основано на разных потребностях, бывает и наоборот – одна и та же потребность вызывает совершенно различное поведение. Результаты исследования показали, что для представителей байкерских групп высокий уровень потребности в острых ощущениях означает наличие влечения, возможно, бесконтрольного, к новым «щекочущим нервы» впечатлениям. Это часто может провоцировать человека на участие в рискованных авантюрах и мероприятиях (16%). Средний уровень потребности в острых ощущениях свидетельствует об умении контролировать вышеобозначенные потребности, об умеренности в их удовлетворении, т.е. с одной стороны, об открытости новому опыту, с другой стороны, о сдержанности и рассудительности в необходимых моментах жизни (75%). Низкий уровень потребности в острых ощущениях означает присутствие предусмотрительности и осторожности в ущерб получению новых впечатлений от жизни. Человек с таким показателем предпочитает стабильность и упорядоченность неизвестному и неожиданному в жизни (8%). Эти потребности иг-

рают немаловажную роль и в присоединении молодых людей к определенной субкультуре.

Очевидно, отношение к риску обусловлено возрастом респондентов. Так, средний возраст байкеров составил 30–35 лет. В основном, это люди, работающие на предприятиях (48%) или имеющие свой бизнес (32%). Это субкультура среднего возраста, у них есть семьи, которые нужно содержать. Сегодня у многих байкеров пострадал их бизнес или они подверглись «сокращению». Тем не менее, культурная идентичность российского байкерства в этих суровых условиях существенно не пострадала. Не уменьшилось и количество байкеров.

Причиной прихода молодежи в байкерскую культуру является: стремление к защищенности; обособленность; подражание, группирование; свобода; эмоциональная насыщенность общения; стремление компенсировать недостатки традиционных институтов семьи и школы т.е. одиночество – 27%; непонимание родителей – 24 %. Черты характера, которые нравятся подросткам в байкерах: умение постоять за себя (54%), смелость (40%), независимость (35%). Наблюдение показало, что молодые люди объединяются в подгруппы, которые ездят на мотоциклах разных видов, спортивных – в основном у них уровень потребности в острых ощущениях высок, чопперов – средняя и низкая потребность в острых ощущениях.

Проведено также исследование девушек, которые ездят на мотоциклах в качестве пассажиров. Выяснилось, что на первом месте по частичной неудовлетворенности потребности стоит потребность в самовыражении (27 баллов), на

втором – потребность в признании (24 балла); на третьем – потребность в безопасности (19 баллов); четвертое место занимают материальные потребности (18 баллов); и пятое место – социальные (межличностные) потребности (17 баллов) из возможных 42 баллов. Параллельно оценивалась потребность в достижениях и потребность в общении. Баллы достаточно высокие в первом обследовании от 13 до 16 баллов из 23 возможных, а во втором от 18 до 25 и 31 балл из 33 возможных.

У девушек доминируют потребности в самовыражении, достижениях и общении, т.е. удовлетворение более высоких потребностей, среди людей, которые их могут понять и с которыми им интересно. Проведенные параллели обследования юношей ведущих мотоцикл и девушек, едущих в качестве пассажиров показывает, что потребности у них в целом идентичны.

В данных подгруппах люди чувствуют себя комфортно и реализуют свои жизненные потребности, многие связывают с этой культурой всю свою жизнь. Байкерская субкультура распространена во всем мире, и основные характеристики предстают как универсальные.

Литература

1. Слюсаревский Н. Н. Субкультура как объект исследования // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2002. – № 3. – С.117 – 127.

2. Gauk A. Demarcation process of subcultural social groups: bikers // European society or european societies: a view from Russia. Moscow — Lisbon 2009. С. 324-326.

Модификации поведения в субкультурной динамике¹

Маркова Н.Е.

Распространение девиантных молодежных субкультур рассматривается с точки зрения модификации поведения. Приводятся результаты исследований в Москве и во Владивостоке.

Ключевые слова: Субкультура, девиантность, социальные технологии, воздействие СМИ, молодежная политика, модификация поведения.

Markova N.E.

Modifications of behavior in the subcultural dynamics Distribution of deviant subcultures of youths is examined from point of behaviour modification. Results of researches in Moscow and in Vladivostok.

Keywords: Sub-cultural, deviance, social engineering, media representations, youth politics, modification behaviour.

Экономические потоки глобализации принесли в культурную жизнь России новые системы социального управления, генезис которых пришелся на 1950-е годы, а сугубая рациональность отвечала насущным потребностям западных обществ с избыточной плотностью населения и недостатком ресурсов.

В соответствии с реалиями сексуальной революции, описанными П.А. Сорокиным с середины XX века, в социально-культурной динамике ряда западных стран происходили значительные изменения, начиная с изменений в государственном законодательстве и оканчивая сексуализацией культуры в целом: массовой печати, литературы, музыки, театра, кино, телевидения, радио, рекламы, этики, политических и научных идей, и т.д.

Система транслируемых средствами искусства и СМИ половых стимулов формировала набор положительных и отрицательных поведенческих реакций, осуществляющих изменение прежних норм поведения. Модификации поведения достигались посредством фор-

мирования у субъектов мотивации, принесением в предлагаемую модель положительных подкреплений.

Начало западной поведенческой революции, когда применение социальных технологий декларировалось, исключительно, по отношению к преступникам отображено в фильме «Заводной апельсин» Стенли Кубрика. Его герой — молодой преступник, отбывающий длительный срок наказания в тюрьме и согласившийся на участие в эксперименте, с целью оказаться на свободе. Специалисты в фильме Кубрика применяют аверсивный² метод поведенческой терапии. Преступника сажают перед экраном, привязывают к креслу и фиксируют веки, чтобы он смотрел не отрываясь. Герою показывают любимые им фильмы со сценами секса и насилия. Перед просмотром он получает рвотное, действующее в момент демонстрации.

По окончании цикла терапевтических сеансов собравшимся специалистам демонстрируют результаты эксперимента. Из-за кулис к герою приближается обнаженная проститутка. Он пытается схватить ее, но приступ рвоты сгибает его пополам. Зал аплодирует. На сцене появляется молодчик и изо всех сил наступает герою на ногу. Разъяренный преступник хочет дать сдачи, однако его опять выворачивает наизнанку. Поведение индивида модифицировали, обусловив нежелательные его виды отрицательным подкреплением (рвотным рефлексом).

Положительно подкрепленные половым стимулом модификации поведения, описанные П.А. Сорокиным в книге «Американская сексуальная революция» привели к сокращению рождаемости в странах Запада, вплоть до нулевого прироста населения. Россий-

ская сексуальная революция 1990-х годов повторила сценарий, подробно описанный ученым 50 лет назад и привела к тем же последствиям. Вслед за сексуальной революцией последовала поведенческая.

В последние десятилетия среди подростков и молодежи получили массовое распространение субкультурные движения и практики. Их воздействие оказалось далеко не безобидным. Современная западная и отечественная наука предлагают разные объяснения феномена молодежных субкультур, - от известной британской и американской моделей («способ сопротивления правящему классу»; «переходный период от детства к взрослости»), - до этнографического способа исследования субкультуры в отечественной науке. Однако эти объяснения не дают понимания конкретных причин и скорости распространения субкультурных идеологий и практик на постсоветском пространстве.

Между тем проблема девиантных молодежных субкультур, к сожалению, не замыкается в узкой сфере социологической теории. В последние два десятилетия именно за счет деструктивных субкультурных образований (сатанисты, готы, эмо, скинхэды, футбольные фанаты, фашисты) возросла актуальность данной темы в области психиатрии и связанных с ней негативных явлений в общественной жизни и правоохранительной практике.

За период с 1991 по 2006 г. среди детей и подростков произошел резкий рост отравлений, психических патологий, травм и инвалидности (в 1991 г. 6780,4 на 100 тыс. детского населения, а в 2006 г. - 10239,1); широко распространилось потребление психоактивных

веществ. По данным общероссийского мониторинга, проведенного Центром социологических исследований Минобразования и науки России в 2002-2006 г.г. численность детей и молодежи в возрасте 11-24 лет, с различной частотой потребляющих психоактивные вещества, достигла 3,5 – 4 млн человек. Россия упорно держит первое место в мире по числу самоубийств среди детей и подростков (около 3000 в год)³. Многие из этих деструктивных процессов связаны именно с распространением девиантных субкультур.

В науке давно существуют способы исследования и методики, на наш взгляд, наиболее подходящие для изучения этого явления. Речь идет о бихевиористских модификациях поведения, где каждый последующий шаг прописан и диктуется целями модификации. Рассматривая девиантные субкультуры как модификации мы получим четкую схему моделирования соответствующего типа поведения⁴.

Известно, что модификация поведения производится «с помощью специально разработанной системы стимулов, формирующих...набор положительных поведенческих реакций, осуществляющих изменение поведения в нужную сторону, - последовательно описаны шаги, в результате исполнения которых происходит модификация, - 1) Определение специфического типа поведения, которого необходимо достичь; 2) определение класса реакций субъекта, подлежащих модификации; 3) обеспечение системы благоприятных стимулов, позволяющих сформировать желательный тип поведения; 4) формирование у субъекта мотивации путем установления позитивных подкреплений; 5) определение специфических реакций, имеющих подкреп-

ление и приближающих поведение к требуемому типу; 6) использование...в процессе реализации модификации подкрепления через увеличивающиеся интервалы при одновременном стремлении достичь естественности подкреплений»⁵.

Условно воспринимая девиантное поведение как осуществленную цель модификации, мы можем восстановить весь процесс, особенно фиксируя внимание на позитивных подкреплениях. Именно с ними придется иметь дело психотерапевту, взявшему на себя труд по изменению деструктивного поведения, социальной и психологической реабилитации пациента.

При этом в процессе формирования деструктивной модификации поведения под влиянием информации, постепенно происходит изменение личности, *интериоризация*⁶, т.е. «формирование стабильных структурно-функциональных единиц сознания через усвоение внешних действий с предметами и овладение внешними знаковыми средствами».

В 2008-2009 г.г. в социально-реабилитационных центрах Москвы на средства гранта РГНФ были проведены исследования подростков, нуждавшихся в реабилитации вследствие пребывания в деструктивных субкультурных модификациях (панки, скинхэды, футбольные фанаты, сатанисты, язычники, эмо, готы и пр.).

Известно, что большая часть молодежи, обладающая ясным мировоззрением и конструктивными установками восприняла субкультурную моду, не слишком вдаваясь в идеологию, а затем быстро забыла об увлечении, занятая делом (учебой, работой). Одновременно с этим другая часть подростков - социально неустраиваемых, из неполных и проблем-

ных семей - достаточно глубоко погрузилась в субкультурные практики и стала пополнять реабилитационные центры, нуждаясь в помощи психолога. Наконец, уже из этой части молодежи, наиболее уязвимой, полностью поверившей в реальность идеологического вымысла, стали формироваться клиенты психиатрических клиник.

Уход из дому, бродяжничество предвещало усвоение какой-либо субкультурной идеологии или практики, появление субкультурных знаков, украшений. Подросток становился членом субкультурной группы, его социализация прекращалась. Далее следовали периоды бродяжничества, потребление спиртных напитков (наркотиков), раннее начало половой жизни.

Следует сказать, что подростки прекрасно знакомы со многими субкультурными идеологиями и практиками, что показала фокус-группа на тему «Субкультуры».

Несколько примеров: С. — 14 лет. Несколько раз уходил из дому, бродяжничал с двумя другими ребятами, считающими себя панками, руководил старший из них. С. тоже прошел «обряд» вступления в панки. Для этого он должен был помочиться на дверь отделения милиции, что и сделал многократно, (рассказывал об этом с удовольствием, в восторге от собственной смелости и с презрением по отношению к сотрудникам милиции). Ребята пропускали уроки, встречались на ВДНХ, гуляли и распивали спиртные напитки до полного отвращения. Когда пить было уже невозможно, вызывали у себя рвоту и пили опять. В дальнейшем С. перешел в субкультуру Эмо. Во время беседы рисовал розово-черные шахматные квадратики, (утверждаясь в мыс-

ли о принадлежности к Эмо) полагая, что именно так должен вести себя подлинный эмо (не позер). С. не пользовался интернетом, не читал книжек и журналов, по телевизору смотрел преимущественно эротические и полупорнографические передачи («Секс с Анфисой Чеховой»), о субкультурах знал из рассказов ребят.

Другой пример — М., сатанистка 15 лет. Интерес к вампирам у М. появился в дошкольном возрасте, когда ей купили мармелад в виде челюстей с вампирскими клыками. По телевидению запустили длинный мультсериал о добрых вампирах, потом появились книжки и фильмы, где замечательной красоты вампиры в исполнении голливудских звезд показывали чудеса храбрости и благородства.

Группа начинающих сатанистов, где оказалась М., ловила и убивала кошек, пила их кровь. Когда в возрасте 13 лет у девочки умерла мама, она пригласила товарищей и совершила вокруг гроба сатанинский обряд (ходили со свечкой, читали молитвы наоборот). Девочка пропадала из дому, посещала кладбища, одевалась в черную одежду, красила глаза и губы одинаковой черной краской, бредила героями-вампирами. В школе дела шли из рук вон плохо. М. стала изгоем, над ней смеялись ребята и шарахались соседи, боясь зайти в лифт вместе с ней. В конечном счете она оказалась в психиатрической клинике, где лечение инъекциями, приводящими в бесчувственное состояние, не дало никакого эффекта. Девочка вышла из клиники, еще больше утвердившись в реальности мира вампиров.

Исследования литературы и фильмов о вампирах показали, что

описываемые и демонстрируемые в них действия, связанные с вампиризмом обусловлены сильной половой стимуляцией. Например, в книге «Прогулка с вампиром» сцена инициации вампира описывается как половой акт, завершающийся вампирским укусом, а в фильме «Королева проклятых» два вампира, попавших в публичный дом, в эротической сцене с проститутками вместо полового акта совершают акт вампиризма и т. д. Половая стимуляция – главная склейка соединяющая элементы любой субкультуры.

А., 15 лет. Относит себя к субкультуре гопников. Была «щипачом» (воровкой-карманницей). С удовольствием рассказывает об эффекте от потребления наркотиков (всем подросткам из фокус-группы было хорошо известно, где можно купить и сколько стоят наркотики). Когда А. проглотила 5 психотропных таблеток «асфальт стал фиолетовый, а дома синие. На домофоне появилось 100 кнопок. Зашла домой, а там незнакомая тетя, оказалось – это мать. Включила телевизор – рассказывают о погоде. Вдруг над телевизором появилась тучка, из нее стала бить молния. Взяла чайник стала тушить телевизор...». Рассказывает с удовольствием, весело. Наркотики для нее – средство развлечения

К. - 14 лет. Занималась в художественной школе. Была примерной ученицей. В прошлом году начались конфликты с девочками в классе по непонятным для нее причинам. Ее стали ненавидеть и дразнить «кролик» из-за чуть выдающихся передних зубов. Знакомство с мальчиком-панком из старшего класса дало ей ощущение защищенности. Девочка стала подражать поведению ребят из окружения нового знакомого. Аг-

рессивное нарушение норм, грубость явились реакцией защиты. К. находилась в начальной стадии погружения в субкультурную практику; навязчивой идеей, на тот момент, у нее было обривание головы наголо. Встревоженная мать, которая привела ее в кабинет психиатра рассказала, что К. стала неуправляемой, обнаружили ее СМС-ки с ненормативной лексикой, стала надевать в школу красный ошейник и браслет с железными шипами, что сразу вызвало конфликт с завучем. В беседе проявлялась отчаянная готовность к разрушениям: «пусть выгоняют, пусть теперь попробуют смеяться...». Противостояние учителям, сверстникам, родителям стало следствием ложной самоактуализации, навязанной субкультурной идеологией и происходившей на почве разрушения табу.

А. – студентка, 22 года. Она – бывший панк. В возрасте 14 лет познакомилась с юношей, «зацикленным» на книгах Лимонова и тоже стала читать их. Увлечлась анархизмом. Появились соответствующие друзья. Вместе слушали записи Янки Дягилевой. Решила поехать на могилу певицы, о которой рассказывал знакомый из Новосибирска. Пела в подземных переходах, собрала деньги на поездку и уехала в Сибирь. После возвращения в Москву перестала посещать школу. Приводила приятелей, выпивала с ними вместе. Стала носить панковский «прикид»: рваные джинсы, линялые курточки и майки. Не пускала мать домой, вела себя неадекватно. Ее поместили в психиатрическую клинику. При помощи близких, с огромным трудом А. удалось выйти из модификации, после чего она сожгла всю панковскую одежду и фотографии этого периода.

Следование субкультурным практикам несет эффект психологической травмы или психиатрического заболевания. Психофармакологическое лечение в таких случаях лишь подавляет психомоторное возбуждение и временно ослабляет внешние проявления депрессии (агрессии). Для понимания настоящих причин заболевания, необходимо выявить ценностные установки и мотивы, регулирующие поведение индивида, подвергнувшегося девиантной модификации.

В наших исследованиях мы использовали методики «Матрица модификаций» и «Трафарет модификаций»⁷ (ИСЭПН, 2006), позволяющие определить степень поражения индивида и выявить способствующую развитию модификации информацию: потребность, на которую рассчитано сообщение; способ стимулирования данной потребности; присутствие образа модели, транслирующей: а) нарушение кодов одежды; б) нарушение поведенческих табу; в) положительно подкрепляемые деструктивные модели поведения; г) отрицательно подкрепляемые конструктивные модели поведения; д) ненаказуемые деструктивные и преступные модели поведения; трансляцию характерной мифологии.

Идеологическая конструкция субкультуры обладает свойством «сцепки» - психологическими параметрами сходными с другой, близкой по наполнению субкультурой, что позволяет легко переходить из более «мягкой» в более «жесткую» и наоборот, в соответствии с характерным для данного индивида психическим складом. Например, из субкультуры футбольных фанатов - в субкультуру скинхэдов и сатанистов ведут однородные психологические коридоры, выстроенные жестокой,

асоциальной, агрессивной моделью поведения выработанной субкультурными практиками.

Анализ культурной продукции, содержащей матрицы субкультурных модификаций (СМИ, кино, телевидение, книги и пр.) показывает, что происходит трансляция ценностей и норм, ведущих к разрушению культурных табу, усвоению девиантных моделей поведения, примитивному или асоциальному удовлетворению потребностей в рамках субкультурной мифологии.

По типам культивируемого поведения субкультурные модификации можно классифицировать как: депрессивные (эмо, готы, панки); агрессивные (футбольные фанаты, скинхэды, язычники, сатанисты); гедонистические (ведьмы и стервы, РНБ, растаманы) экстремальные (стритрейсеры, скейтбордисты, сноубордисты) и т. д.

Пилотное исследование распространенности субкультуры среди студентов ДВГТУ в городе Владивостоке (ИСЭПН РАН - МГУ, 2009)⁸ показывает, что 50% молодых людей в возрасте от 17 до 22 лет прямо или косвенно участвовали в субкультурных движениях или общались со сверстниками, принимавшими непосредственное в них участие. Так, прямо и непосредственно участвовали в субкультурных практиках 11% респондентов, полностью воспринявших субкультурную идеологию. На косвенное участие (следование субкультурной моде, общение со сверстниками, участвующими в субкультурных практиках) — указали 12% респондентов. Поверхностно следовали субкультурной моде, не вникая в идеологию субкультуры — 16% респондентов; общались с друзьями и знакомыми, подверженными субкультурной моде —

9% респондентов. Только половина опрошенных (50% респондентов) не имели отношения к субкультурным движениям и не общались со сверстниками, имеющими к ним прямое или косвенное отношение. Характерно, что на вопрос «Согласны ли вы с утверждением, что в целом молодежная субкультура в качестве органичной составляющей массовой культуры лишена глубокого духовного содержания и рассчитана на примитивные вкусы, потребительский спрос «усредненного» индивида» утвердительно ответили 73% и лишь 10,7% не были согласны с этим утверждением.

Считают, что «молодежные субкультуры в России лишены национальных корней и являются продуктом внешнего заимствования, простой калькой западных молодежных субкультур» - 80% опрошенных (не согласны с этим утверждением 12% респондентов). В том, что «в решающей степени способствуют развитию молодежных субкультур современные средства массовой информации» уверены - 48% опрошенных.

Вопреки мнению одного из молодых респондентов о том, что «некоторые субкультуры – это и есть государственная политика, просто не афишируемая» отношение к ним представителей государственных органов по оценкам самих респондентов делится между «терпимостью и снисходительностью» (30%) и «недоверием и подозрительностью» (32%). Скорее можно предположить, что мы имеем дело с ее полным отсутствием. На «дефицит тщательно выверенной целенаправленной молодежной политики» указывает и 23% молодых респондентов.

Результаты исследований и экспертные оценки показывают, что до 30% подростков и молодых лю-

дей в возрасте 14-22 лет увлечены субкультурной мифологией и практиками, чему способствовала широкая трансляция этой информации СМИ на целевые группы. До 5% лиц, участвовавших в субкультурных практиках нуждаются в социальной реабилитации при помощи поведенческой терапии.

Информация, содержащая деструктивные модификации поведения, способствует росту алкоголизации, наркотизации, инвалидизации, самоубийств и психических заболеваний среди подростков. Таким образом, деструктивные модификации поведения, привнесенные в социальную и культурную динамику России становятся разрушительным фактором, изменяющим безопасные культурные нормы, деструктивно влияющим на социум.

В этой связи необходимо принятие следующих мер:

а) внесение изменений в законодательство РФ с целью обеспечения норм гарантированной информационной безопасности для детей и подростков;

б) введение в программу социально-реабилитационных центров специальной системы реабилитации для подростков, оказавшихся под влиянием деструктивных модификаций поведения;

в) выработка государственной молодежной политики, обеспечивающей распространение здорового образа жизни, конструктивных ценностей, способствующих обеспечению безопасности государства и общества.

Ссылки:

1 Исследования выполнены на средства гранта РГНФ № 08-06-0079а

2 Аверсивные раздражители, вызывающие рвоту (эметин, апоморфин), используются для лече-

ния аутодеструктивного поведения, см.: Мейер В., Чесер Э. Методы поведенческой терапии. СПб., 2001. С.94

3 Кислицина О.А. Основные тенденции в состоянии здоровья российских детей и подростков / Экономика мегаполисов и регионов №4 (29) 2009. С. 36.

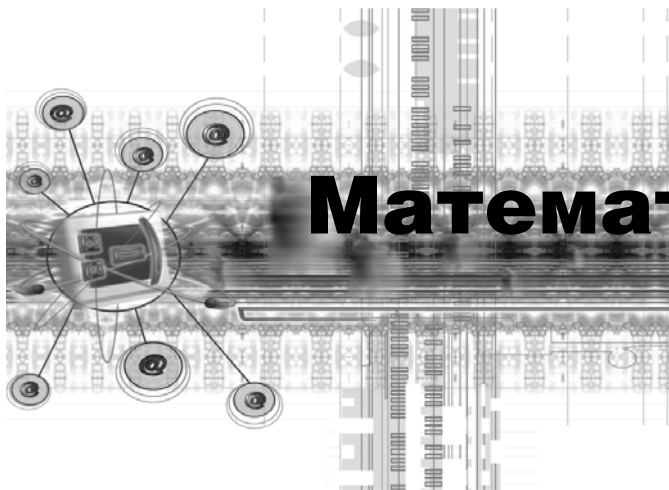
4 Материалы исследований: Материалы Фокус-группы в Московском социально-реабилитационном центре «Отрадное» (Москва, 2008); Интервью с подростками социально-реабилитационных центров Москвы «Отрадное» и «Возрождение» (Москва, 2008); Пилотное исследование «Распространенность субкультур среди молодежи». (ДВГТУ. Владивосток, 2009).

5 Модификация поведения / Западная социология. Словарь. М., 1992. С. 197.

6 Психологический словарь. М., 1992.

7 Маркова Н.Е. Новые социальные технологии в России // Народонаселение. №3 2006.

8 При содействии руководства ДВГТУ исследование осуществлено руководителем инновационной образовательной лаборатории социальных и гуманитарных технологий Г.Г. Курносенко и старшим преподавателем ДВГТУ В. В. Кавецкой (г. Владивосток, 2009 г.). Инструмент исследований разработан Н.Е. Марковой (ИСЭПН РАН), Н.Л. Смакотиной (МГУ) в рамках гранта РГНФ № 08-06-0079а.

Математические методы

Поведенческие гипотезы в математическом моделировании социальных процессов¹

Михайлов А.П., Петров А.П.

Рассматриваются особенности математического моделирования в социальных науках, особое внимание уделяется роли гипотез о поведении индивидов. На ряде примеров показана важная роль поведенческих гипотез в построении адекватных математических моделей.

Ключевые слова: математическое моделирование в социальных науках, поведенческие гипотезы, модель «власть-общество», подражательное поведение.

Mikhaylov AP, Petrov AP

Behavioral hypotheses in the mathematical simulation of the social processes

The specific features of mathematical modeling in social sciences are considered, attention is paid to hypotheses concerning the individual behavior. Examples of such hypotheses are given

Keywords: Mathematical modeling in social sciences, behavioral hypotheses, "power-society" model, imitative behavior.

На первом этапе реализации триады моделирования «модель-алгоритм-программа» (А.А. Самарский, см. напр., [1-3]) разрабатывается модель – эквивалент объекта, отражающий в математической форме его основные свойства.

При построении математических моделей в естественных и технических науках используются фундаментальные законы природы, вариационные принципы, различного рода аналогии. Нередко бывает полезным также применение иерархических и феноменологических подходов. Применительно к гуманитарным наукам использование этого богатого исследовательского арсенала сопряжено с принципиальными трудностями. Существенное присутствие «человеческого фактора», сознательное участие в социальных процессах как отдельных людей, так и целых социальных общностей порождает ряд фундаментальных проблем, препятствующих созданию отвечающих реальности математических моделей в этой сфере. К ним относятся следующие.

1. Отсутствие в социологии так называемых фундаментальных за-

конов, т.е. универсальных связей между основными социальными величинами, допускающими точное количественное выражение.

2. Плохая «измеримость» социальных показателей. Даже если понятно – что необходимо измерять, то требуются немалые интеллектуальные ухищрения для приближения к истине с приемлемой точностью.

3. Сильная разномасштабность (от малых социальных групп до этносов), разнородность и нелинейность изучаемых социальных объектов.

4. Постоянное усложнение социальных объектов, их «рефлексивность», означающая, в частности то, что новые знания рано или поздно становятся частью объектов, изменяют их свойства и характеристики. Отсюда – постоянное развитие математических моделей, их усложнение в «погоне» за изучаемым объектом.

К этим и другим трудностям добавляется специфическая для гуманитарных наук зависимость от власти [4], от политической конъюнктуры, от тех или иных ожиданий общества. В результате в науке между «двумя культурами» (выражение Ч.П.Сноу) создается труднопреодолимый барьер, мешающий их взаимному проникновению. Проблема взаимоотношений между математическим моделированием в существенно различных областях науки [2-6] многоаспектна и требует отдельного обсуждения. В то же время, применительно к методологии математического моделирования, можно указать несколько «мостиков» между «двумя культурами», построение которых может служить первым шагом в преодолении взаимного отчуждения, в их взаимообогащении. Один из таких каналов плодотворного взаимовлияния – совместная

разработка социологами и математиками моделей поведения социальных общностей в различных ситуациях, формулировка и обоснование соответствующих поведенческих гипотез и постулатов. Только при их внедрении в математические модели можно говорить об адекватности последних изучаемой реальности. Более того, модель не может быть адекватной в большей степени, чем те поведенческие гипотезы, на которых она построена. В частности, не могут быть плодотворными попытки построения социальных теорий на основе широко используемой в экономической науке модели человека типа Homo Economicus – рационального субъекта, принимающего решения на основе принципа максимизации целевой функции.

В настоящей работе рассматриваются несколько примеров применения поведенческих гипотез к построению некоторых моделей социально-экономических и общественно-политических процессов.

В качестве вводного примера применения поведенческой гипотезы для построения математической модели приведем задачу о прогнозировании спроса, возникающую при разработке алгоритмов теста гипотетического монополиста (ТГМ) [18,19]. В самых общих чертах идея ТГМ выглядит следующим образом.

Рынок – это рассматриваемая в некоторой географической области относительно обособленная группа схожих товаров, такая, что при повышении цены на часть товаров этой группы покупатели переключают свое потребление в основном на другие товары той же группы. Таким образом, при повышении цены на часть товаров рынка будет наблюдаться значительное падение спроса на эти то-

вары, в то время как при повышении цены на все товары, относящиеся к рынку, падение спроса будет небольшим. Антимонопольный орган должен определить границы рынка, не дожидаясь его реального захвата какой-либо фирмой и установления монопольных цен. В данном случае математическое моделирование выступает как необходимый инструмент для принятия управленческих решений.

Реализация ТГМ в обязательном порядке предусматривает построение прогноза падения спроса на релевантные товары при повышении цен на них. При этом одной из главных проблем построения прогноза является то, что при проведении практических исследований мы не можем рассчитывать на наличие «сколь угодно полной» информации о намерениях потребителей. Так, при наличии всего лишь пяти релевантных товаров необходимо спрогнозировать изменение спроса на случай $2^5 - 1 = 31$ варианта (повышение цены на каждый из товаров по отдельности, на каждую пару товаров, на каждую тройку и т.д.), каждый из которых представляет товарную группу – кандидата в рынки. Вообще, при определении рыночных границ при наличии k релевантных товаров и n географических областей, общее количество вариантов составляет $(2^k - 1)(2^n - 1)$. Получить от покупателей надежные данные об их предполагаемом поведении для каждого из столь многочисленных случаев вряд ли возможно. В данном случае невозможны ни эксперимент, ни наблюдение, ни имитация либо рассуждение по аналогии. Поэтому математическое моделирование выступает как необходимый инструмент для принятия управленческих решений, имеющих практи-

ческие последствия. Приказом ФАС №108 от 25 марта 2006 г. предусмотрено, фактически, обязательное применение моделирования в целях определения границ рынков

Для того чтобы составить обоснованный прогноз падения спроса на выбранный товар при повышении цены на включающую его группу товаров, была выдвинута соответствующая поведенческая гипотеза, использование которой позволило построить математическую модель, и соответствующий алгоритм ТГМ. Суть Гипотезы заключается в том, что:

Изменение спроса рассматривается как функция свободы выбора покупателя; чем меньше подгруппа товаров, на которые повышается цена, тем большие возможности имеют покупатели для переключения на товары, не испытывавшие подорожания, и тем больше будет падение спроса на подорожавший товар.

Таким образом, максимальное снижение спроса на данный товар будет наблюдаться при повышении цены лишь на сам этот товар, а минимальное – при повышении цены на все релевантные товары. Для этих двух крайних случаев изменение спроса должно быть определено социологическими (маркетинговыми) методами, с помощью опроса покупателей. Таким образом, получаются две реперные точки, позволяющие найти величину спроса для всех остальных, промежуточных случаев. Используемые при этом математические процедуры являются прозрачными и простыми даже для неспециалистов по математике, не требуют привлечения сложных программных продуктов. Таким образом, разработанная методика готова к внедрению в работу антимонопольных органов².

Второй пример – гипотеза о поведении инстанций иерархии в модели «Власть-Общество» [3,7,8], описывающей распределение власти в иерархии, находящейся во взаимодействии с гражданским обществом. В рамках модели предполагается, что каждой из инстанций иерархии соответствует некоторая функция времени, имеющая смысл количества власти, реализуемого данной инстанцией. С течением времени это количество власти изменяется как из-за перераспределения власти между инстанциями, так и под влиянием гражданского общества. Поведенческая гипотеза в модели «власть-общество», предлагаемая для описания перераспределения власти между инстанциями иерархии, формулируется следующим образом:

В иерархии власть может передаваться только от инстанций с большей текущей властью к инстанциям с меньшей текущей властью (причем скорость передачи тем больше, чем больше разница между значениями текущей власти в инстанциях).

Использование данной поведенческой гипотезы позволило разработать математическую модель «власть-общество» [7], представляющую собой весьма сложное нестационарное нелинейное интегродифференциальное уравнение в частных производных в совокупности с соответствующими входными данными. Исследование системы «власть-общество» на основе построенной модели является одним из значимых направлений математического моделирования политических процессов [9-14].

В частности, в рамках исследований по этому направлению, предложены содержательные интерпретации хода некоторых политических процессов, дающие

возможность их более строго обоснованного (по сравнению с традиционными подходами) анализа и прогноза. Данные интерпретации представляют собой типовые образцы взаимодействий в системе «власть-общество» и их аттракторов, т.е. конечных результатов – таких, как процесс «построения властной вертикали»; образования распределений власти, характерных для децентрализованной конфедерации, эволюция устойчивых и неустойчивых режимов функционирования системы при колебаниях реакции гражданского общества, и т.д.

Также, на основе модели «власть-общество» построена математическая модель коррумпированных властных иерархий. Математически формализованы такие понятия, как коррупция, степень коррумпированности, ущерб от коррупции, стоимость и эффективность ее подавления. Проведены вычислительные эксперименты с моделью, с их помощью, в частности, показано, что в рамках фиксированного антикоррупционного ресурса существуют более и менее эффективные макростратегии подавления коррупции.

Среди других направлений развития математической модели системы «власть-общество» отметим исследование вопросов реформирования властной иерархии и разработку моделей, объединяющих модель «власть-общество» и модели экономического роста.

Математическая модель политического соперничества [8,15-17] посвящена описанию происходящей во властной элите борьбы конкурирующих (но не обязательно антагонистических) политических сил, например, ветвей власти. Предполагается, что каждая из сторон имеет представления о «количестве» власти, которое эта сто-

рона хотела бы иметь сама, и о количестве власти, которое она хотела бы иметь для партнера. В соответствии с принятой в этой модели поведенческой Гипотезой:

Каждый из партнеров ведет себя таким образом, чтобы реализовать свои представления об уровне власти как для себя, так и для конкурента. При этом интенсивность действий каждого из них определяется пропорционально разности между желаемым и текущим количеством власти, самим этим текущим количеством власти, и так называемому компетентному властолюбию (т.е. желанию, подкрепленному соответствующими ресурсами, опытом, интеллектом и пр.).

Эта поведенческая гипотеза позволила предложить модель, имеющую вид нелинейной системы двух обыкновенных дифференциальных уравнений. Ее анализ привел к ряду математических результатов, допускающих ясную политологическую интерпретацию. Некоторые из них оказались весьма содержательными – в частности, исследование математической модели позволило обосновать принцип «не желай слишком высокой власти для себя, и слишком низкой для партнера» – было показано, что нарушение этого принципа негативно сказывается на устойчивости системы.

Следующий пример – социально-психологическая гипотеза, лежащая в основе модели выбора позиции социальной общностью [8,20-22]. Изучается динамический, т.е. развивающийся во времени процесс выбора этнической, конфессиональной или иной общностью позиции при дихотомической альтернативе по отношению к значимому для нее вопросу – политическому, экономическому, этическому, религиозному и т.д. Основ-

ными величинами в модели являются изменяющиеся во времени численности сторонников каждого из вариантов, а также «нейтралов». Вводится ключевое для данной модели понятие социально-политического потенциала (СПП) члена общности, т.е. его готовность совершать поступки в пользу выбранной позиции. Эти поступки являются стимулами для формирования позиции других членов электората, причем процесс, по предположению модели, происходит в соответствии со следующей социально-психологической Гипотезой.

1. Член социальной общности осуществляет свой выбор путем подражания, считывая позитивные и негативные стимулы в ходе общения со своими соседями по общности. 2. Стимулами, определяющими выбор, служат как величина абсолютной разницы между сторонниками и противниками данной позиции, так и величина скорости изменения со временем (производной) этой разницы.

Эта гипотеза позволила разработать математическую модель выбора позиции, имеющую вид системы двух обыкновенных дифференциальных уравнений. Модель нашла практическое применение в исследовании этнополитической ситуации на Северном Кавказе (конкретно: в Дагестане в 1998-1999 г.) в масштабе нескольких десятков месяцев³. Дихотомическая альтернатива в данном случае определялась выбором между сепаратизмом и борьбой с ним. Было показано, что численность сторонников сепаратизма носит циклический характер. После калибровки модели на реальных данных был сделан краткосрочный прогноз относительно периодов, в которые следовало ожидать усиления социально-политической

напряженности. Развитие событий показало, что данные прогнозы оказались весьма точными.

Модель выбора позиции была обобщена на случай взаимодействия двух социальных общностей [23-25]. Показано, в частности, что в процессе выбора одна из общностей является «ведущей», другая – «ведомой», формирующей свою позицию вслед за первой (причем при соответствующем изменении свойств общностей «ведущая» и «ведомая» могут меняться местами). В данном случае ключевую роль в построении модели сыграла гипотеза, обобщающая изложенную выше.

Возможны и другие гипотезы выбора, более адекватные для тех или иных специфических ситуаций. Например, П.С.Краснощечков в работе [26] выдвинул одну из таких гипотез, анализируя результаты голосования 3-его Внеочередного Съезда народных депутатов СССР. Суть ее заключается в том, что депутат из «болота» при голосовании по принципиальным вопросам присоединялся к «пропрезидентской» или «оппозиционной» группе с вероятностями, пропорциональными численностям этих групп. Данная гипотеза позволила автору сформулировать математическую модель конформистского поведения. Сопоставление результатов исследования модели с реальными данными результатов голосования депутатов показало, что гипотеза является вполне адекватной для описываемой ситуации.

Заметим, что поведенческие гипотезы часто базируются на представлениях, заимствованных из наук, «смежных» с социальными. Например, американский биофизик Н.Рашевский выдвинул гипотезу о подражательном поведении на основе аналогии с динами-

кой нервного возбуждения, и построил соответствующую математическую модель [27,28]. Подобно тому, как нерв испытывает стимулы в виде конкурирующих импульсов возбуждения или торможения, так и для индивида сигналы со стороны других индивидов являются стимулами к возбуждению или торможению. Теория обмена Дж.Хоманса [29,30] основана на аналогии между социальным поведением и экономическим: взаимодействие в группах предполагается основанным на «социальном обмене», подобном обмену материальными ценностями. По Хомансу, человек склонен демонстрировать такое поведение, которое является для окружающих стимулом к поведению, ценному для него самого. Гипотеза о «взаимовыгодном» обмене стимулами, закрепляющими поведение контрагента, в совокупности с экспериментальными исследованиями Л. Фестингера [31], позволила сформулировать теорию социального обмена, на основе которой Г.Саймоном была построена математическая модель взаимодействия в малых группах [32].

Эти и другие (к сожалению, немногочисленные) примеры свидетельствуют о том, что применение поведенческих гипотез может быть весьма эффективным инструментом при построении математических моделей социальных процессов, исследовании и прогнозировании социальной действительности с помощью этих моделей. Разработка таких гипотез должна быть основана на современных достижениях в области социологии, поэтому лишь интенсивное развитие совместных исследований социологов и специалистов по математическому моделированию может привести к серьезным прорывам в данной области.

Литература

1. Самарский А.А. Математическое моделирование и вычислительный эксперимент // Вестник АН СССР. 1979. №5. С.38-49.
2. Самарский А.А. Проблема использования вычислительной техники и развитие информатики // Вестник АН СССР 1985, N 3.
3. Самарский А.А., Михайлов А.П. Математическое моделирование: Идеи. Методы. Примеры. М.: Наука, 2001 - 320с.
4. Садовничий В.А. Гуманитарное образование в России: мысли вслух. Выступление на всероссийском совещании – конференции «Традиции и инновации в образовании: гуманитарное измерение», 12 февраля 2007 г., Москва, МГУ
5. Самарский А.А., Михайлов А.П. Методологические основы моделирования социальных процессов: пределы возможного // Математическое моделирование социальных процессов. Под ред. В.И.-Добренькова, А.А.Самарского. 2000.
6. Самарский А.А., Михайлов А.П. Математическое моделирование в информационную эпоху
7. Михайлов А.П. Математическое моделирование власти в иерархических структурах // Матем. моделирование, 1994. Т.6, №6, стр. 108-138.
8. Михайлов А.П. Моделирование системы «власть-общество». М.: Физматлит, 2006 - 144 с.
9. Михайлов А.П. Модель коррумпированных властных иерархий // Матем. моделирование, 1999. Т.11, №1, стр. 3-19.
10. Михайлов А.П., Ланкин Д.Ф. О конструциях властных иерархий // Математическое моделирование, 2009, т.21. №8
11. Михайлов А.П., Ланкин Д.Ф. Моделирование оптимальных стратегий ограничения коррупции // Математическое моделирование, 2006, т.18, № 12, с. 115-124.
12. М. Г. Дмитриев, Г. С. Жукова, А. П. Петров. Асимптотический анализ модели «власть-общество» для случая двух устойчивых распределений власти // Математическое моделирование. 2004. Т.16, №5. С.23-34.
13. Дмитриев М.Г., Павлов А.А., Петров А.П. Оптимальный объем властных полномочий в социально-экономической иерархии по критерию удельного потребления. Информационные технологии и вычислительные системы. № 4, М.: Изд-во ЛКИ, 2007, с. 4-11.
14. Дмитриев М.Г., Павлов А.А., Петров А.П. Учет действия коррупции в стационарной модели «власть-общество-экономика». Социальная политика и социология. № 5. Часть 1, М: Изд-во РГСУ, 2009, с. 378-387.
15. Михайлов А.П., Маслов А.И., Юхно Л.Ф. Динамическая модель конкуренции между политическими силами // ДАН. 2000. Т.37, №4. С.469-473
16. Михайлов А.П., Юхно Л.Ф. Простейшая модель установления равновесия между двумя ветвями власти // Математическое моделирование. 2001. Т.13, №1. С.65-75.
17. Михайлов А.П., Юхно Л.Ф., Маслов А.И., Попова А.В. Политическое соперничество: модели и здравый смысл // Математическое моделирование социальных процессов. Сб., Вып.3 - М.: МГУ, 2001. С.153-171.
18. Михайлов А.П., Петров А.П., Алешин Д.А. Математические модели и алгоритмы определения границ рынка с помощью теста гипотетического монополиста // Анализ товарных рынков в антимонопольном регулировании. Технологии и алгоритмы. Под ред. Д.А.Алешина. М.: ФАС России, Маркет ДС Корпорейшн, 2007. с.20-54.
19. Михайлов А.П., Петров А.П., Алешин Д.А. Антимонопольная

деятельность и математическое моделирование // Информационные технологии и вычислительные системы, 2007, №4, с.12-21.

20. Шведовский В.А. Динамическая модель электорального поведения // Математическое моделирование. 2000. Т.12, №8. С.46-56.

21. Михайлов А.П., Шведовский В.А., Маслов А.И., Ковалев В.Ф. Обобщенная модель электорального поведения и ее применение к изучению этнополитических конфликтов // Математическое моделирование. 2003. Т.15, №8. С.39-56.

22. Михайлов А.П., Шведовский В.А. Математическое моделирование региональных конфликтов в контексте глобализации (на примере Северного Кавказа) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2005. №1. С.186-197.

23. Шведовский В.А., Михайлова П.А. Построение модели взаимодействия электоратов // Математическое моделирование. 2008. Т.20, №7. С.107-118.

24. Шведовский В.А., Михайлова П.А. Ведущий и ведомый электорат в процессе выбора позиции // Математическое моделирование социальных процессов. Вып. 10. Под ред. А.П.Михайлова. 2008. М.: КДУ. С.451-457

25. Шведовский В.А., Михайлова П.А. Динамика взаимодействующих электоратов в окрестности положения равновесия // Математическое моделирование, 2009, т.21, №7, с.43-54

26. Краснощеков П. С. Простейшая математическая модель пове-

дения. Психология конформизма / / Математическое моделирование. Т.10, №7 (1998), С. 76-92

27. Rashevsky N. Mathematical biology of social behavior. Chicago, 1951

28. Рашевский Н. Две модели: подражательное поведение и распределение статуса. – В кн. Математические методы в современной буржуазной социологии. М., 1966.

29. Homans G. Social behavior as exchange. — In: W. G. Bennis, E. H. Schein et. al. (eds.) Interpersonal Dynamics. Illinois, 1964.

30. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 82-91.

31. Festinger, L.; Schachter, S. Back, K. Social Pressures in Informal Groups; a Study of Human Factors in Housing. Palo Alto, California: Stanford University Press, 1950

32. H.A.Simon. Models of Man: Social and Rational. 1957. NY, John Wiley and Sons

Ссылки:

1 Работа выполнена при поддержке РФФИ (проекты 08-06-00302-а и 10-01-00332-а)

2 Данные исследования проводились в рамках государственного контракта с Федеральной антитимонопольной службой РФ

3 Данные исследования выполнялись в сотрудничестве с Главным управлением информационных систем ФАПСИ

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

Субъектообразующие признаки социальной активности в местном самоуправлении

Бондаренко Ю.П., Гурьева Л.С.

По результатам прикладного исследования проведен анализ предпосылок формирования социальной активности, ожиданий и характер ценностей, влияющих на участие в местном самоуправлении. Выделены особенности социальной активности различных социальных групп. Введены индикаторы вербальной и семантической идентификаций, воздействующие на осознанность процессов социальной активности.
Ключевые слова: Социальная активность, местное самоуправление, ценности, субъектообразующий признак, поле социального воздействия, идентификация.

Bondarenko U.P., Guryeva L.S.

Subject formation signs of social activity in the local self-guidance

According to the results of applied research analyzed of prerequisites for the formation of social activity, expectations and the nature of values that affect the participation in local government. Features of social activity of various social groups are allocated. There are entered the indicators of verbal and semantic identifications influencing sensibleness of processes of social activity.
Keywords: Social activity, local government, value, sing forms the subject, field of social influence, identification.

Спецификой становления местного самоуправления как института стала инициатива государства, а не жителей муниципальных образований. Это является исторической особенностью. По мнению Г.Е. Зборовского, характерная черта трансформации институтов в России заключается «в возникшем их отрыве от деятельности конкретных социальных субъектов» [5, с. 26]. Иными словами, идеи и сущность реформ институтов не осознаются, не интернализируются на микросоциальном уровне теми субъектами, которые должны их выполнять. Здесь возникает несоответствие между ценностным содержанием преобразования социальных институтов и традиционным социальным поведением субъектов.

П. Штомпка, используя концепцию британского социолога М. Арчер о двойном морфогенезе, предполагающем формирование структуры и деятельности как результата их взаимодействия [12, с. 253], и принцип историзма, вводит в анализ изменения социальных структур принцип «направления диалектического структурного

Области жизнедеятельности	Характеристики, влияющие на формирование социальной активности в МСУ	
	Объективные	Субъективные
Культурная	Ценности, разделяемые большинством населения страны	Ценностные ориентации личности
Историческая	Исторические особенности взаимоотношений государства и общества	Жизненный путь
Психологическая	Архетипы Социально-культурные матрицы	Потребность в социальной активности Фрустрационная реакция Особенности самосознания Мотивы деятельности Я-концепция личности
Политическая	Политическая культура участия/неучастия Степень реализации органами МСУ интересов населения Государственная политика и законодательство в сфере МСУ	Идентификация с социальной группой Отношение к политике Оценка деятельности органов власти
Социальная	Социальная стратификация общества Социальные нормы общества	Социальный статус Социализация личности Групповая идентификация Социальные стереотипы

Рис. 1. Факторы, влияющие на формирование социальной активности в МСУ

объяснения» [11, с. 13]. Сущность этого принципа состоит в том, что не только социальные структуры влияют на поведение людей, но и люди своими действиями создают новые структуры. Иными словами, более поздние структуры могут получить объяснение через более ранние действия, совершенные акторами.

Применив данный принцип к анализу развития института местного самоуправления в России, можно прогнозировать дальнейшие сложности становления местного самоуправления (МСУ), соответствующего его сущности (инициатива, вовлечение жителей в решение вопросов местного значения) из-за низкого уровня социальной активности.

Необходимо провести изучение субъектообразующих факторов,

влияющих на деятельность граждан в сфере местного самоуправления, позволяющих им занять активную преобразовательную позицию. Факторы, влияющие на активность субъектов можно разделить по двум критериям: области жизнедеятельности и характеристик, влияющих на социальную деятельность (см. рис. 1).

В рамках предлагаемого исследования в качестве главного субъектообразующего фактора подробно рассматриваются ценностные ориентации личности.

Разнообразие подходов к определению понятия «социальная ценность» позволяет в соответствии с целями исследования выделить два уровня ценностей: уровень идеальных ценностей и уровень реальных ценностей (см. рис.2). Уровень идеальных ценностей - теорети-

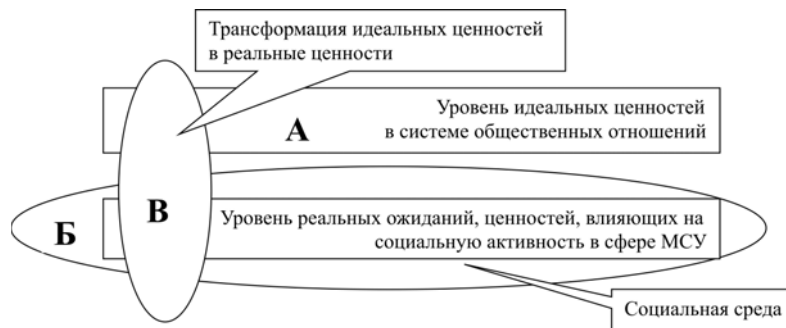

Рис. 2. Схема соотношения уровней идеальных и реальных ценностей

ческие представления о том, какими должны быть ценности в данной социальной системе. Это теоретическая конструкция, сформулированная на основе представлений о должном, а не о существующем в настоящее время в данной социальной среде. Реальные ценности – те ценности, которые реализуются в конкретных действиях субъектов в данной социальной среде, определяя их социальную активность или пассивность.

Необходимость установления отношений уровней идеальных и реальных ценностей, влияющих на социальную активность, обусловлена тем, что собственно идеальные ценности («А») не воспринимаются априори в качестве реальных ценностей («Б»). Иными словами, уровень реальных ожиданий и ценностей, констатирует состояние, при котором социальная среда может и побуждать к активности, и принуждать к пассивности, оставляя человеку роль объекта воздействия. Проанализировав уровни «А» и «Б», можно разработать меры социального проектирования, которые могут влиять на формирование ценностей, связанных с деятельностью субъектов, то есть трансформировать идеальные ценности в реальные («В»).

Можно выделить две функции ценностей – мотивационную и ограничительную – особенно важных для регулирования социальной активности. Рассмотрение мотивационной функции строится на типологии социальных действий, предложенной М. Вебером, а ограничительной – на теории социального действия Т. Парсонса.

М. Вебер выделяет ценности в качестве мотива ценностно-рационального действия, то есть действия, «основанного на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет» [3, с. 628]. Однако автор обращает внимание на то, что выделенные им типы социальных действий являются чистыми типами, к которым в большей или меньшей степени приближается реальное поведение людей. Поэтому можно сказать, что ценности не только мотивируют ценностно-ориентированные действия, но и одновременно служат фундаментальными нормами любых видов действий.

Ограничительная функция наиболее полно описана Т. Парсонсом в теории социального действия. Он рассматривает ценности как критерий уменьшения количества

желаемых объектов и альтернативных способов достижения цели действия. В концепции Т. Парсонса ценности являются как компонентами психологических процессов, так и компонентами культурных моделей и традиций (культурная система рассматривается им как нормативная). Связь между ценностями и поведением, по Т. Парсонсу, осуществляется при помощи ценностных ориентаций, которые представляют собой приверженность культурным эталонам как определенным нормам. Они будут руководить актором в выборе из различных объектов-средств и целевых объектов [8, с. 469].

В структуре ориентаций выделяются три аспекта: первый – познавательный (когнитивный) аспект, при помощи которого действующий индивид познает действие объекта в его отнесении к потребностям и интересам. Второй аспект ориентирования – «катектический» (определяющий желательность), т.е. тенденцию реагировать на объект как источник удовлетворения или неудовлетворения. Третий аспект – оценочный, т.е. обуславливающий порядок выбора из имеющихся альтернатив на основе определения значимости объектов: «все ценности включают то, что может быть названо социальным значением» [9, с. 459].

Теоретическое разделение действий, совершаемые человеком, на рутинные и ценностно-проблемные (действия в ситуациях выбора, конфликта) важно для изучения процесса формирования социальной активности жителей в местном самоуправлении. При этом видно, что даже в рутинных действиях в латентном виде присутствуют ценности. Актуализация ценностного мышления происходит при совершении действий в момент

выбора или конфликта, когда актору необходимо принять жизненно важное решение. Произведя выбор в такой ситуации, человек как бы программирует свои будущие рутинные действия, определяет основные линии, образцы поведения. Таким образом, через совершение ценностно-проблемных действий ценности управляют рутинными действиями.

Порядок выбора целей, средств, альтернативных вариантов поведения индивидом, действующим в определенных ситуациях, всегда связан с уже существующими нормами, которые руководят им в процессе его выбора. Актор только использует готовые культурные эталоны и ценности, которые он интериоризовал в процессе социализации, и не участвует в создании новых. Т. Парсонс не раскрывает процессуальный аспект формирования ценностей, который становится актуальным в обществах, переживающих культурный кризис. Для совершения рациональных действий в изменяющейся социально-экономической и политической ситуации требуются новые культурные эталоны, что предполагает активное творческое начало субъекта в процессе социальных изменений.

Из сказанного становится очевидным, что для дальнейшего раскрытия субъектообразующих факторов социальной активности необходимо проанализировать состояние ценностей населения современной России. Существующие прикладные исследования по данной проблематике можно разделить на четыре основных направления по различиям в методологии: изучение ценностей отдельных социальных групп; метод структурно-логической типизации ценностей; выделение черт ценностей, разделяемых большинством

населения страны; исследования изменений ценностей жителей страны в период реформ.

Одно из направлений исследований в качестве причины, объясняющей современное поведение населения России, использует ценностный комплекс, называемый «русский менталитет». Несмотря на то, что это понятие вызывает дискуссии, его изучение имеет длительную историю. Среди современных исследований можно назвать работы К.А. Абульхановой, Р.Р. Енакаевой [1], А.М. Гудзенко [4] и др.

На уровне «русского менталитета» авторами вычленяются ряд специфических черт: утрата границ между личностью и массой, то есть представление о «я» неразрывно связано с представлением об обществе; иждивенческое отношение к государству; отчужденное отношение к правовым нормам; политический и правовой пессимизм [2].

Все ценностные особенности, характерные для «русского менталитета», существуют и в настоящее время, о чем свидетельствуют всероссийские прикладные исследования динамики ценностей населения России в период реформ. Наиболее систематичными из них являются работы, проведенные под руководством Н.И. Лапина и М.К. Горшкова.

Существенной характеристикой значительной части современного российского общества является раздвоение сознания, парадоксы сознания, которые выделил Ж.Т. Тощенко [10] в разных сферах жизнедеятельности. Особенно важными являются нравственные парадоксы, один из которых - дистанцирование образования и воспитания друг от друга. Этот процесс приводит к тому, что наличие образования не говорит о нравственности, ценностях человека.

Из-за того, что мир становится более сложным, плюралистичным, меняется характер процессов социализации за счет простого увеличения числа относительно автономных, не складывающихся в единую иерархическую систему институтов социализации [6, с. 16]. Это приводит к противоречивому влиянию агентов социализации и интернализации противоположных ценностей в процессе формирования личности, а, следовательно, к внутриличностным конфликтам ценностей, связанных с их ограничительной и мотивационной функциями. Такие конфликты влекут за собой снижение уровня предсказуемости общества и усиление социальной пассивности как реакции на этот процесс.

Таким образом, развитие социальной активности населения зависит не только от качества усваиваемых ценностей, но и от процесса социализации. Важно отметить, какие ценности оказали доминирующее воздействие на поведение, расположенность личности к участию в местном самоуправлении. В.Н. Лазарев отмечает, что «личностное начало в местном самоуправлении выступает как интегральная совокупность трех проявлений личности – человека, гражданина и жителя» [7, с. 314]. Учитывая данные параметры, можно выделить три ценностных комплекса, важных для развития социальной активности в МСУ: нравственные ценности, демократические ценности и территориальная идентичность. Их формирование должно происходить согласовано в процессе воспитания и социализации.

Используя схему соотношения уровней идеальных и реальных ценностей (рис. 2), можно построить модель поля социального воздействия (рис. 3), отражающую

Рис. 3. Модель поля социального воздействия

место социализации и воспитания как целенаправленных процессов формирования социальной активности в местном самоуправлении.

Модель поля социального воздействия предусматривает взаимобусловленность элементов, так как состояние его функционирования зависит от их взаимосвязи. Среда обитания, отрыв муниципальных органов власти от жителей, неразвитость форм участия в МСУ граждан, их индивидуальные потребности и невозможность многие из них удовлетворить создают конфликтные ситуации. Доминирующие на уровне индивидуального сознания такие ценности как выживание, забота о благе семьи, составляют уровень реальных ценностей, представляющий их как мотивы, интересы, потребности. Существовая вне поля социального воздействия, уровень реальных ценностей не способствует целевому формированию у граждан необходимости коллек-

тивных действий. Жители, даже если стихийно используют формы местного самоуправления, не идентифицируют свои действия с участием в МСУ.

Общественная теория местного самоуправления предусматривает ценности, способствующие развитию МСУ и активному участию в нем граждан, такие как справедливость, равенство, свобода, законность. Уровень идеальных ценностей воплощен в правовых нормах местного самоуправления, предусматривает такие формы участия населения в МСУ, когда индивидуальные интересы каждого удовлетворяются через коллективное участие в реализации общественных интересов. На современном этапе развития местного самоуправления в России наблюдается разрыв идеальных и реальных ценностей, влияющих на социальную активность.

Обострение конфликтных ситуаций на уровне реальных ценнос-

тей и сформированные отечественной социальной наукой представления об уровне идеальных ценностей местного самоуправления обуславливают необходимость изучения поля социального воздействия.

Существуют группы субъектов, которые могут оказывать воздействие на пассивную часть жителей, побуждая их к социальной активности. В таком случае социальное воздействие субъектов социальной активности можно рассматривать как использование ими своих организаторских возможностей, коммуникативных способностей, личностных качеств для привлечения к участию граждан, формирования на их основе местного сообщества. А под объектом социального воздействия следует понимать сознание граждан, их ценности, социальные интересы, способные побудить к участию в деятельности местного самоуправления.

Таким образом, поле социального воздействия по своему предназначению способствует формированию организационно-адаптационного уровня восприятия ценностей. Его формирование происходит под воздействием идеальных ценностей. Субъектами социальной активности разрабатываются социальные программы, адаптирующие идеальные ценности. Перевод их на уровень реальных ценностей формируется в процессе воспитания и социализации. В процессе перехода уровня идеальных ценностей на организационно-адаптационный уровень происходит формирование представлений о социальных отношениях, соответствующих местному самоуправлению. Восприятие ценностей на уровне социальных отношений, соответствующих общественной теории МСУ – в этом состоит цель соци-

ального воздействия субъектов социальной активности на конкретную социальную среду.

На основании степени целенаправленности деятельности субъектов социальной активности их можно разделить на две группы: специальные и неспециальные субъекты социальной активности в сфере местного самоуправления. Деятельность специальных субъектов имеет своей целью повышение уровня участия жителей в решении вопросов местного значения. Неспециальные субъекты имеют другие цели своей работы, но она латентно может способствовать развитию социальной активности в местном самоуправлении.

К специальным субъектам социальной активности в сфере МСУ относятся депутаты соответствующих уровней и их помощники; государство; руководители и активисты общественных организаций, политических партий; представители инициативных групп и социальных групп интересов; добровольцы из числа граждан; члены домовых комитетов, старшие домов, подъездов; печатные органы юридических и физических лиц.

К неспециальным субъектам социальной активности в сфере местного самоуправления можно отнести: должностных лиц исполнительных органов власти местного самоуправления, государственных органов власти и их помощников; творческие союзы, благотворительные, религиозные организации, трудовые, художественные коллективы, иные юридические лица, деятельность, статус и возможности которых могут быть обращены в интересах вопросов местного значения; сторонники из числа граждан, разделяющие взгляды и интересы субъектов социальной активности.

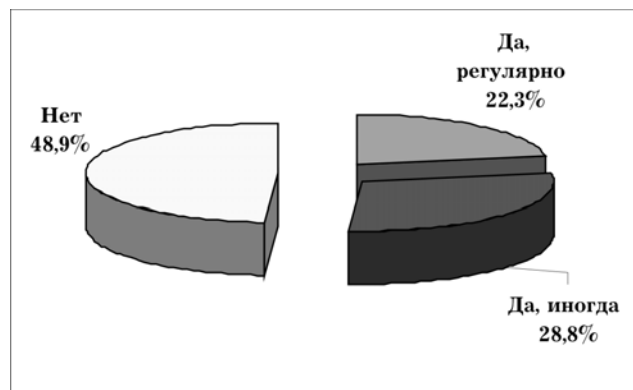

Рис. 4. Распределение опрошенных на группы в зависимости от уровня участия в решении местных вопросов

Поскольку в современных условиях уровень социальной активности в местном самоуправлении невысокий и источники ее развития ограничены, одним из путей ее формирования может стать целенаправленное воздействие со стороны существующих субъектов социальной активности в МСУ. Они могут формировать поле социального воздействия, в котором граждане ориентированы на объединение в социальные группы для реализации индивидуальных интересов через решение коллективных проблем.

На основе модели поля социального воздействия, предложенной ранее, интерпретируются результаты прикладного исследования, предлагается анализ ценностей, связанных с деятельностью граждан в сфере местного самоуправления. Эмпирическими показателями социальной активности являются представления о местном самоуправлении, оценка необходимости социальной активности жителей, участие и типы действий граждан в сфере МСУ, положительные и негативные предпосылки, влияющие на участие в МСУ.

Для изучения субъектов образующих факторов социальной активности был использован метод ан-

кетного опроса. Объем выборки составил 530 человек. Тип выборки: маршрутно-квотная, репрезентативность обоснована по характеристикам пола, возраста и маршрута. Исследование проводилось в г.Щелково Московской области в 2007-2009 гг.

Анализ результатов анкетного опроса проводился по различным социальным группам: возрастным группам и группам участия.

Исходя из определения социальной активности для выделения групп участия использован критерий *осознанности* поведения, результатом которого является преобразование объективных социальных условий. На основе объективного участия в решении местных проблем вычленены две группы. В группу «участвующих» вошли респонденты, ответившие, что регулярно или иногда помогают в решении местных вопросов, в группу «не участвующих» – те, кто не помогают.

Распределение групп по степени их участия представлены на рис. 4.

Вторым критерием анализа полученных результатов является возраст респондентов. Основанием для выделения возрастных групп являлись ценностные отличия,

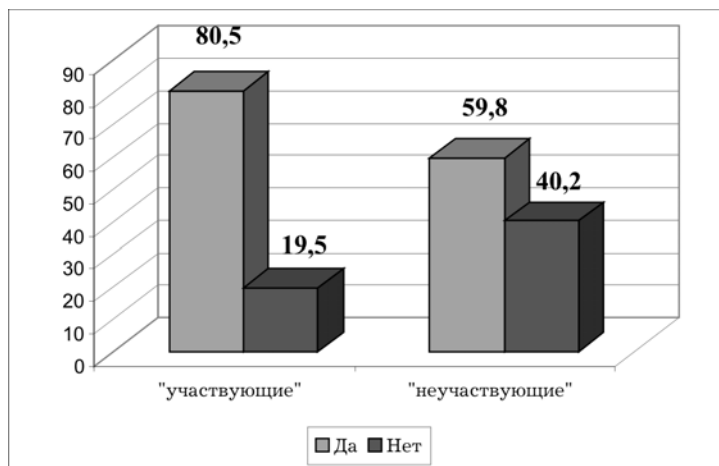

Рис. 5. Вербальная идентификация «местного самоуправления» в зависимости от уровня участия в местном самоуправлении, %

обусловленные особенностями социализации в различные годы. Выделено три группы. Первая группа включает в себя респондентов в возрасте от 26 до 37 лет. На социализацию респондентов этого возраста оказала большое влияние перестройка и распад СССР. Резко изменившиеся политические и социально-экономические условия обусловили ситуацию социальной аномии, трансформацию образцов поведения.

Во вторую группу вошли жители г.Щелково 38-57 лет. Особенностью условий социализации этой группы были социально-экономические условия, сложившиеся в 70-х годах XX века. Для этого периода времени было характерно личностное отчуждение граждан от господствовавшей идеологии, относительно невысокий уровень жизни, который обеспечивал минимальное удовлетворение потребностей и создавал иллюзию относительно спокойного существования. Отсутствие действенной системы стимулирования труда, практика «приписывания» роста производительности приводили к социальной пассивности.

На социализацию третьей возрастной группы (58 лет и старше) оказали влияние обстоятельства, связанные с послевоенным восстановлением страны после Великой Отечественной войны, периодом «оттепели». В данных условиях высокую ценность имели чувство патриотизма, альтруизм, коллективные ценности, совесть, бескорыстие, вера в науку и прогресс.

Что касается непосредственного анализа поля социального воздействия на социальную активность в местном самоуправлении для изучения характера представлений о местном самоуправлении были введены два признака: вербальная идентификация и семантическая идентификация. Вербальная идентификация характеризует степень узнаваемости «местного самоуправления» как словесного конструкта, и имеет следующие индикаторы: узнавание и информированность о самом словосочетании «местное самоуправление». Семантическая идентификация показывает, какое смысловое значение имеет для респондента «местное самоуправление». Ее индикаторами являются знание о

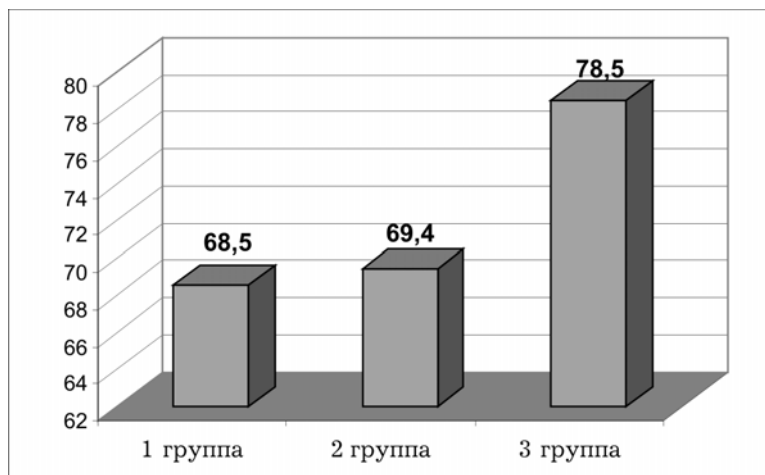

Рис. 6. Уровень вербальной идентификации у респондентов разных возрастных групп, %

содержанию и о структуре деятельности местного самоуправления. Таким образом, отличие введенных понятий вербальной и семантической идентификаций заключаются в различных аспектах понимания субъектообразующих признаков, влияющих на формирование социальной активности.

Остановимся на анализе вербальной идентификации, поскольку она дает общее представление об информированности респондентов о местном самоуправлении. Вербальная идентификация респондентами «местного самоуправления» в целом по выборке высокая – 70,6%, однако различна в группах участия (см. рис. 5).

Как видно, разница между уровнями вербальной идентификации групп участия составляет 20,7%, то есть респонденты группы «не участвующих» значительно реже сталкивались в повседневной деятельности со словесным конструктом «местное самоуправление», менее информированы о МСУ, чем респонденты группы «участвующих».

В тоже время в возрастных группах у респондентов от 26 до

37 лет и от 38 до 58 лет нет значимых отличий в уровне вербальной идентификации. Но в группе старше 58 лет ее уровень выше на 9,5% (см. рис. 6). Это связано с отличиями условий социализации возрастных групп. В частности у старшего поколения больший опыт участия в различных формах МСУ, особенно востребованный и послевоенный период.

Таким образом, знание о МСУ связано с опытом информационного воздействия в различные периоды.

Семантическая идентификация, в отличие от вербальной, представляет собой смысловое значение, которые вкладывают респонденты в понятие «местное самоуправление». При её изучении большое значение имеет доля тех опрошенных, кто не имеет представлений о содержании местного самоуправления.

В целом выборке 25,1% респондентов затруднились ответить на вопрос о том, какой смысл они вкладывают в понятие «местное самоуправление», в том числе 20,2% среди группы «участвующих». Это говорит о том, что,

Таблица 1
Семантическая идентификация «местного самоуправления» в зависимости от возраста респондентов, %

№	Вариант ответа	1 группа (26-37 лет)	2 группа, (38-58 лет)	3 группа, (58 лет и старше)
1	Государственная власть в районе	23,75	26,1	22,1
2	Самоорганизация жителей для решения своих вопросов	31,5	28,9	21,5
3	Органы районной, поселковой, сельской власти	23,75	19,4	28,2
4	Затрудняюсь ответить	21,0	25,6	28,2

фактически принимая участие в решении местных проблем, многие опрошенные не соотносят своё участие с местным самоуправлением. Это можно отнести к недостаткам общего информирования о МСУ, отсутствием разъяснительной работы при проведении конкретных мероприятий.

Уровень семантической идентификации также связан с возрастными особенностями (см.табл. 1).

Конструктивный анализ данного вопроса начинается при сравнении вербальной и семантической идентификаций. Это дает возможность оценить факторы, влияющие на осознанность процесса социальной активности, и выделить особенности, обусловленные культурными условиями социализации, в соответствии с которыми были выделены данные группы. Первая возрастная группа имеет относительно низкий уровень вербальной идентификации «местного самоуправления», но лучше понимает его смысл по сравнению с другими возрастными группами: затруднилась дать ответ только пятая часть респондентов.

Из всех предложенных вариантов семантической идентификации в первой группе наиболее осознанным вариантом является самоорганизация жителей (31,5%). Но такая позиция связана не с высокой активностью в сфере местного самоуправления, а с уровнем образования и политической грамотности.

Третья возрастная группа имеет высокий уровень вербальной идентификации, а семантическая идентификация в ней самая низкая. На что указывает значительная доля тех, кто затруднился дать ответ на этот вопрос (28,2%). Большая часть опрошенных в данной группе считают, что местное самоуправление – это органы районной, поселковой, сельской власти (28,2%). Это связано с большей зависимостью третьей возрастной группы от деятельности служб жилищно-коммунального хозяйства, транспорта, здравоохранения. Надо отметить, что наименее осознанным значение семантической идентификации для респондентов 58 лет и старше является самоорганизация жителей для решения своих вопросов (21,5%). Такая позиция данной группы обусловлена патерналистскими ориентациями по отношению к власти.

Семантическая идентификация МСУ второй возрастной группой (38-58 лет) сочетает низкую оценку деятельности районных, поселковых органов власти и более высокий уровень доверия федеральным органам, что нашло свое отражение в уровне идентификации местного самоуправления с государственной властью.

Таким образом, уровень и вербальной, и семантической идентификации «местного самоуправления» находятся в зависимости от

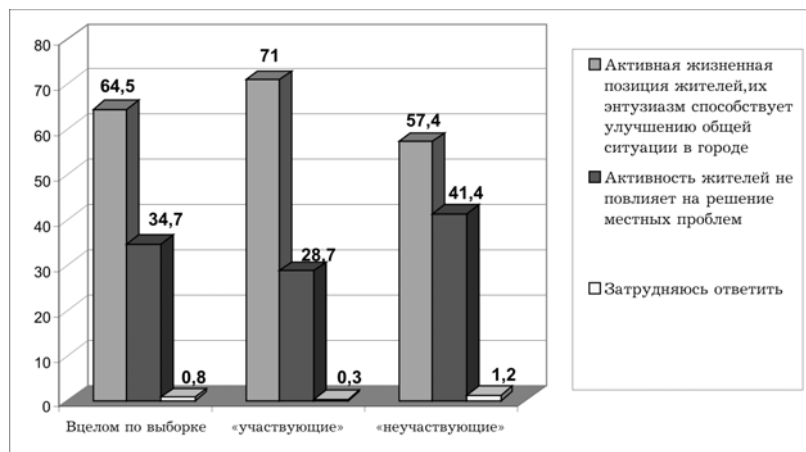

Рис. 7. Оценка респондентами возможностей решения местных проблем в зависимости от личного участия в местном самоуправлении, %

возраста респондентов. Старшая возрастная группа имеет самый высокий уровень вербальной идентификации и самый низкий уровень семантической идентификации. В группе молодежи наблюдается обратная ситуация: при низком уровне вербальной идентификации наблюдается самый высокий уровень семантической идентификации. Семантическая идентификация отличается разнообразием смыслового содержания «местного самоуправления». Только треть опрошенных (в основном представители первой и второй возрастной группы) считают, что местное самоуправление – это самоорганизация граждан для решения общих вопросов.

Несмотря на то, что в качестве источника власти большинство граждан себя осознают достаточно слабо, есть понимание, что их активность способна влиять на деятельность органов власти на местном уровне. Так, большинство жителей (69,5%), независимо от принадлежности к выделенным ранее группам, считают, что необходимо проявлять самостоятельность, инициативу, меньше рас-

считывать на помощь органов власти. Только 24,2% граждан уверены, что в дальнейшем необходимо полагаться на органы власти.

Результаты исследования демонстрируют, что существует разрыв между реальным уровнем активности и провозглашаемой активной позицией. Об этом свидетельствует анализ ответов на вопросы об участии жителей г.Щелково в местном самоуправлении (см. рис. 7).

Респонденты, считающие, что активная жизненная позиция жителей, их энтузиазм способствует улучшению общей ситуации в городе, составили значительную часть выборки – 64,5% (см. рис.7). Это позволяет говорить, что респонденты, вошедшие в группу «участвующих», не удовлетворены тем, как местными органами власти выполняются их функции. Даже более половины (57,4%) группы «не участвующих» выражают уверенность в положительном влиянии социальной активности жителей на улучшение ситуации в городе. Это создает предпосылки для повышения социального статуса общественной деятельности в сфере местного самоуправления.

Таблица 2

Оценка респондентами результативности различных форм местного самоуправления в зависимости от группы участия *, %

*Сумма больше 100%, так как можно было выбрать несколько вариантов ответа.

№	Вариант ответа	В целом по выборке	«участвующие»	«не участвующие»
1	Избрание представителей в органы власти	32,8	35,3	30,1
2	Совместная деятельность (напр., субботник)	29,6	34,9	23,7
3	Создание домового или уличного комитета (ТОС)	28,8	33,5	23,7
4	Подача коллективных обращений	20,7	20,6	20,9
5	Написание статей в местную газету	8,1	7,0	9,2
6	Акции протеста	11,3	10,3	12,4
7	Другое	2,7	2,9	2,4
8	Затрудняюсь ответить	10,4	8,8	12,0

Предполагалось, что оценка эффективности различных форм участия в местном самоуправлении позволит выявить те из них, в которые легче вовлечь жителей. Однако результаты показали, что ни одна из форм участия не обеспечивает достаточной результативности, чтобы стать основой для объединения. Несмотря на то, что респондентам можно было выбрать несколько вариантов ответов, ни одна из форм не получила даже половины положительных оценок (см. табл. 2).

Из таблицы видно, что самыми эффективными формами участия в решении местных вопросов жители г.Щелково считают избрание представителей в органы местной власти (32,8%), совместную деятельность (29,6%) и территориальное общественное самоуправление (28,8%). Однако в распределениях по группам участия можно увидеть особенности, связанные с затратами времени и усилий для достижения положительного результата совместной деятельности. Так, создание территориального общественного самоуправления (34,9% участвующих и 23,7% тех, кто не участвует в МСУ) и совместная деятельность (33,5% и 23,7% соответственно) получили

более высокую оценку у группы «участвующих» респондентов. Эти формы позволяют решать задачи в пределах территории проживания, не требуют большого финансирования, юридического обеспечения. Более того, жители сразу видят результат участия в них.

Эффективность таких форм, как подача коллективных обращений, акции протеста и написание статей в местные газеты, не имеет значимых различий в ответах респондентов обеих групп. По-видимому, это объясняется теми стереотипами борьбы за свои права, которые сложились в России в конце XX века и существуют до сих пор. Исторический опыт безответных действий, когда граждане не знали, каков результат их обращений, способствовал росту социальной апатии.

Одним из индикаторов социальной активности является характер оценки деятельности местных органов власти. Общей оценкой, характеризующей деятельность муниципальных органов, являются ответы на вопрос «Чьи интересы, на ваш взгляд, выражают местные органы власти в первую очередь?». Большинство опрошенных независимо от группы участия назвали «свои собственные» (54,3%).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос об условиях, которые могут повысить социальную активность в местном самоуправлении*, %

*Сумма больше 100%, поскольку можно было выбрать несколько вариантов ответа.

№	Вариант ответа	В целом по выборке	«участвующие»	«не участвующие»
1	Гарантии того, что эта деятельность принесет результаты	32,1	34,2	29,7
2	Возможность решить волнующую Вас лично проблему	18,4	22,8	13,7
3	Осознание, что это полезное и одобряемое большинством горожан дело	17,5	20,6	14,1
4	Возможность заработать	15,0	15,8	14,1
5	Возможность повлиять на политику городских властей	10,7	8,1	13,7
6	Затрудняюсь ответить	15,9	11,0	21,3

С большим отставанием идут варианты ответов «государственные интересы» (11,9%) и «интересы жителей» (10,9%).

Исследование положительных предпосылок развития социальной активности в МСУ производилось по всей выборке в целом (см. табл. 3).

Как видно из табл. 3, главная предпосылка развития социальной активности жителей в сфере местного самоуправления, независимо от группы участия, - это гарантия положительного результата деятельности (32,1%), то есть преодоление фрустрационной реакции. Для группы «участвующих» более важными стимулами, чем для группы «не участвующих», являются возможность решения личной проблемы коллективными усилиями (22,8% и 13,7% соответственно) и осознание того, что участие в различных формах местного самоуправления одобряется большинством горожан (20,6% и 14,1% соответственно). Это свидетельствует о необходимости социального регулирования процесса включения жителей в сферу местного самоуправления.

Высокий процент затруднившихся дать ответ на этот вопрос, особенно в группе «не участвующих» (21,3%), свидетельствует о том, что за последние 10-15 лет опыт населения по удовлетворению индивидуальных потребностей, связанных с бытовой сферой, накоплен вне форм участия в местном самоуправлении.

Анализ положительных предпосылок социальной активности выявил значимость возрастного фактора. Для первой и второй возрастной группы (26-37 лет и 38-58 лет соответственно) на первом месте стоит преодоление фрустрационной реакции, на втором - возможность благоустройства. В третьей группе (старше 58 лет) наоборот: возможности благоустройства важнее гарантированного результата. Решение личной проблемы более важно для первой и второй возрастных групп, для третьей - более значимой является одобрение большинства горожан. Эти особенности обусловлены теми ценностями, которые являются общими для возрастных групп, успешностью адаптации к меняющимся социально-экономическим условиям, той культурной средой, в которой прошла их первичная социализация.

Однако основной предпосылкой развития социальной активности

Таблица 4

Иерархия ценностей-целей у респондентов по группам участия (в%)*

* Сумма больше 100%, так как можно было выбрать несколько вариантов ответа.

№	Вариант ответа	В целом по выборке	«участвующие»	«не участвующие»
1	Семейное благополучие	48,8	49,3	48,2
2	Достижение успехов в профессиональной карьере	24,4	18,4	30,9
3	Самореализация	20,2	22,8	17,3
4	Реализация своих законных прав и свобод	19,8	23,9	15,3
5	Душевное спокойствие не смотря ни на что	16,1	15,1	17,3
6	Оптимистичный взгляд на жизнь	15,7	15,4	16,1
7	Достижение справедливости	14,0	17,3	10,4
8	Независимость в своих решениях	13,1	9,9	16,5
9	Обретение богатства	11,3	10,7	12,0
10	Ни во что не вмешиваться	11,1	12,1	10,0
11	Обладание властью	5,6	5,5	5,6

граждан в сфере местного самоуправления остаются ценности и интересы жителей (табл.4).

Доминирующую позицию в обеих группах участия занимают семейные ценности. Ценность карьерного роста, а так же ценность «независимости в своих решениях» имеет больший вес для группы «не участвующих». Для группы «не участвующих» ценности карьеры имеют высокую значимость для 30,9% опрошенных, для группы «участвующих» – 18,4%, а ценность «независимости в своих решениях» – 16,5% и 9,9% соответственно. Это позволяет предположить, что для группы «не участвующих» построение карьеры занимает приоритетные позиции, а участие в МСУ не рассматривается как возможность решения проблемных вопросов бытовой сферы. Для группы «участвующих» более важными являются ценности реализации собственных талантов – 22,8%, («не участвующие» – 17,3%), своих законных прав и свобод (23,9% и 15,3% соответственно), достижения справедливости (17,3% и 10,4% соответственно).

Если рассматривать ценности-цели с точки зрения возрастной структуры контингента опрашиваемых, то можно отметить, что с увеличением возраста снижается важность самореализации, достижения успехов в профессиональной карьере, построения семейного счастья, оптимистичного взгляда на жизнь. И увеличивается значимость ценностей реализации своих законных прав и свобод, достижения справедливости и душевного спокойствия, что объяснимо с точки зрения сложности оформления различных документов, дающих право на пенсионное обеспечение, меры социальной поддержки, а также возникающих коммунально-бытовых проблем.

Респонденты группы «участвующих» имеют ряд предпосылок для активного включения в различные формы реализации местного самоуправления. В эту группу в основном входят женщины, чью основную ориентацию составляет семья и обеспечение семейного благополучия, в том числе хозяйственного. Социальная активность этой части респондентов во многом зависит от качества выпол-

нения местными органами власти функций, связанных с работой коммунальных служб, здравоохранения, системы образования. Ориентация на семейные ценности согласуется с осознанием необходимости реализации своих законных прав и свобод, а также собственных талантов. Если эти качества не получают полного воплощения на работе или в семье, то они могут стать базой для активного включения в социально значимую деятельность на уровне двора, дома, подъезда, в пределах которых формируется жизненная среда.

Возможность благоустроить окружающую территорию и ожидания гарантий, что эта деятельность даст положительные результаты, позволяет гражданам надеяться на возможность решить волнующие их проблемы. Поэтому представителям группы «участвующих» наиболее эффективным кажутся такие формы МСУ, как избрание представителей в органы власти (35,3%) совместная деятельность на придомовой территории (34,9%), и, наконец, домовые комитеты (33,5%).

Необходимо отметить, что респонденты данной группы видят источник власти не столько в самоорганизации граждан, сколько в должностных лицах органов власти. Поэтому активные действия по решению проблемных вопросов могут в представлениях связываться с конфликтами с должностными лицами. Практика показывает, что представители органов власти мало сотрудничают и прислушиваются к мнению жителей. Отсюда и неуверенность у граждан в своих возможностях организовать и довести до конца инициативы в сфере местного самоуправления, в том числе по созданию домовых комитетов или других территори-

альных объединений. Этой группе жителей необходима поддержка со стороны субъектов социального воздействия, включая местные органы власти.

Среди группы «не участвующих» по признаку пола большинство составляют мужчины в возрасте до 58 лет. Отличительным признаком на общем фоне пассивного отношения к участию в местном самоуправлении в целом является то, что у данной группы граждан не сформирован интерес даже к информации о МСУ. В целом отсутствие интереса к деятельности муниципальных органов, избранию депутатов, коллективным формам участия в МСУ, во многом объясняются тем, что за последние 10-15 лет, как это уже отмечалось выше, опыт по решению индивидуальных потребностей, связанных с коммунально-бытовой сферой, накоплен вне форм участия в местном самоуправлении.

Группа «не участвующих» не проявляет интерес к местному самоуправлению, поскольку не осознают, что через участие в МСУ они могут обеспечить заботу о родных и близких. В крайнем случае признанием участия у этой группы может служить сдача денег на общественные дела, участие в сборе подписей, то есть в пассивных формах, где не требуется личных усилий и затрат времени. Однако в данной группе есть граждане, пассивность которых обусловлена иными причинами: такими как, недоверие к органам местной власти, недостаточная информированность об их деятельности, фрустрационная реакция, эмоциональная пассивность по отношению к участию МСУ.

Изучение предпосылок повышения социальной активности в местном самоуправлении свидетель-

ствуется о том, что основой может быть развитие ценности справедливости и ценности реализации законных прав и свобод. Важными обстоятельствами являются преодоление фрустрационной реакции, то есть гарантия результативности деятельности, и положительная поддержка общественной деятельности со стороны других жителей дома, города.

Литература

1. Абульханова К.А., Енакаева Р.Р. Российский менталитет – или игра без правил? (российско-французские кросскультурные исследования и диалоги) // Российский менталитет. Психология личности, сознания, социальных представлений / Под ред. К.А. Абульхановой-Славской. – М.: ИПРАН, 1996. – С.4-27.
2. Андриянов В.М. Гражданское общество: от европейской модели к русским ментальным традициям // Социокультурные проблемы политической власти в России. Часть 3. – Екатеринбург, 1993. – с.102-107.
3. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
4. Гудзенко А.И. Русский менталитет. – М.: АиФ-Принт, 2003.
5. Зборовский Г.Е. Россия в зеркале институциональных трансформаций. Взгляд социолога // Между прошлым и будущим: социальные отношения, ценности и институты в изменяющейся России: Тез. Докл. VIII научно-практической конференции. В 2-х т. Т.1. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2005. – С. 24-29.
6. Кон И.С. Социокультурное обновление и идеология традиционализма // Между прошлым и будущим: социальные отношения, ценности и институты в изменяющейся России: Тез. Докл. VIII научно-практической конференции. В 2-х т. Т.1. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2005. – С. 16-23.
7. Лазарев В.Н. Специфика социологического подхода в теории местного самоуправления // Социально-гуманитарное знание. – 2005, №2. – С. 308-315.
8. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Акад. проект, 2000.
9. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем. // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 448-464.
10. Тоценко Ж.Т. Парадоксальный человек. – М.: Гардарики, 2001.
11. Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. – 2001. №9 – С. 3-13.
12. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996.

Социальный портрет современного казачества

Изюмов А. И.

Представленная работа освещает социальные проблемы и общественный потенциал казачьего движения. В течении последних 18 лет, сотни казачьих организаций появились в 75 регионах РФ, около 50% находятся в не традиционных казачьих регионах. В статье приведен анализ социальной активности данного движения. Ключевые слова: казачество, субэтнос, общественное движение, казачьи организации

Izumov A. I.

The social portrait of modern Cossacks

The report is dedicated to contemporary problems and possibilities of the Cossack movement. During last eighteen years hundreds public Cossack organisations appeared in 75 regions of Russia nearly 50% of them are in non-traditional for Cossacks places of living. The short analysis of their activities is given.

Keywords: cossacks, sub-ethnos, public motion, the Cossack organizations

Движение за возрождения казачества – сложное, не достаточно изученное социальное и общественно-культурное явление, зародившиеся в период перестройки и распада СССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Во многом оно явилось следствием идентификационного кризиса русскоязычного населения в период демонтажа советской и становления новой социально-экономической и политической системы. Процессы маргинализации, эскалации межнациональных конфликтов вызвали к жизни многообразное сообщество казачьих организаций, возникших даже в тех регионах, которые никак не связаны с дореволюционными казачьими областями¹. Движение ставило перед собой задачи политической реабилитации казаков как репрессированного народа, культурного возрождения казачества, восстановления исторических казачьих войск, возврата принадлежащего им имущества, прав, привилегий и воссоздания казачьей службы².

Современное казачество, если рассматривать его с позиций этнографии, безусловно, субэтнос (народ в народе)³. Становление современного казачества по своей природе является социальным феноменом. Его содержание составляет сотрудничество, приспособление, преобразование, соперничество, реорганизация и другие процессы⁴.

Юридически под «российским казачеством» понимается общность

граждан Российской Федерации, относящих себя к казакам или вступивших в организации русского казачества на добровольной основе в целях самостоятельного решения вопросов участия в несении государственной и иной службы, самоуправления, хозяйствования, владения, пользования и распоряжения землей, культуры и сохранения самобытности»⁵. Из определения вытекает, что российское казачество это не объединение этнически рафинированных казаков, оно включает в себя, как их потомков, так и лиц считающих себя казаками в силу менталитета или частичному казачьему происхождению. Такой подход оставляет открытыми двери в казачество для граждан любой национальности, разделяющего идеи, цели казачьего движения⁶.

Анализ деятельности казачьих организаций позволяет выявить особенности процесса возрождения казачества. Главным моментом является добровольный характер объединения граждан в казачьи организации. Их дополнили представители самых разных социальных групп и слоев: ученые и учителя, работники культуры и здравоохранения, крестьяне, рабочие, предприниматели. Казачьи организации объединяют людей разных возрастов, образования, профессий и национальностей, но преимущественно мужчин.

В «Декларации казачества России», принятой 30 ноября 1991 г. первым советом атаманов «Союза казаков России», в качестве важнейших мер по возрождению казачества были признаны следующие: создание государственных комитетов по возрождению казачества, разработка целевой государственной программы возрождения, восстановления казачьего самоуправления, экономической самостоятельности казачьих терри-

торий, установление режима землепользования на основе исторических традиций казачьего землевладения, восстановление казачьих военных формирований в вооруженных силах и пограничных войсках⁷. Летом 1992 г. появились первые законодательные акты, казаки получили право объединяться в хуторские и станичные общества, возрождать свои культурные традиции, свой уклад, восстанавливать территориальное общественное самоуправление. Указом Президента РФ в марте 1993 г. гарантирована государственная поддержка казачества в целях укрепления правопорядка, повышение престижности военной службы.

Основное направление государственной политики - воссоздание системы реестровых казачьих войск, которые в отличие от общественных, подчинены главе государства. Однако такое разделение не способствует консолидации казаков по осуществлению традиционной службы правительству и ведет к естественной дифференциации общественных позиций казаков⁸.

На территории РФ зарегистрировано 438 общественных организаций казаков, действующих почти во всех субъектах федерации⁹. Среди них наиболее значительные: Союз казачьих войск России и Зарубежья, Всевеликое Войско Донское, фонд «Казачья Школа», Сибирское казачье войско, Союз уральских казаков, Великое братство казачьих войск, Центральные казачье войско и самая значительная - «Союз казаков России». Нередко казачьи структуры охватывают несколько субъектов РФ, сеть других совмещены с территориальным местонахождением¹⁰.

Прежде каждое казачье войско представляло единую земельную общину. Классовое расслоение среди казаков было слабее, чем в це-

лом по России. Большинство казачества состояло из мелких собственников, которые крепко держались за свои привилегии гарантированные государством. Ощущение локальности и кастовости превалировало в умах казаков, являлось частью их самосознания. Верхи казачества не были оторваны от низов, среди казачьей интеллигенции были сильны «казакоманские», «почвеннические» настроения¹¹.

Несмотря на громадные людские потери в годы первой и второй мировых войн, гражданской войны и сталинских репрессий, определенная часть казачьих семей сохранилась донныне. Вынужденные подчиняться новым социальным нормам, они вместе с тем не утратили традиции казачьей культуры.

Интересный результат дают исследования по распределению казаков среди основных социально-профессиональных групп населения Ростовской области. Наибольший удельный вес потомки казаков имеют в таких социальных группах, как гуманитарная интеллигенция – 58%, сельское население – 57%. Меньше всего потомков казаков обнаружено среди работников торговли, общественного питания и бытового обслуживания – 29%¹². К категории потомственных относят себя 48% казаков, непотомственных – 32%, затрудняются четко ответить – 20%. Как видно вопросов существующих в этой социальной сфере много¹³.

Современные исследования выявили значительные миграционные изменения в их расселении. Чуть более 35% казаков проживают на казачьих территориях, 39% живут на смешанных и прилегающих к казачьим областям регионам, 23% проживают в местах не традиционного проживания казаков. Остальные «родились и выросли там, где вообще нет казаков». Среди населения России распростра-

ненно мнение, что казаки выступают за сохранения анахронизма общинной формы собственности на землю. Однако мониторинг выявил, что 89% казаков ратуют за частную собственность на землю¹⁴. Несению конкретно военной службы отдают предпочтение примерно 12% казаков.

Процесс возрождения казачества приобрел необратимый характер. Главное желание основывается на идее «общественного признания и самоутверждения казачества в стабильной форме на уровне государственных гарантий¹⁵. Возрос опыт сотрудничества казаков с законодательной и исполнительной властью.

Специалисты полагают, что особая стабилизирующая роль может принадлежать казачеству в пограничных многонациональных районах – потенциально конфликтных. Коррупция, поразившая таможенную службу, слабость пограничной охраны в отдельных районах Сибири и Дальнего Востока заставляют прибегнуть к опыту линий казачьих населений¹⁶.

В тоже время в деятельности казачества наблюдались явные перекосы. Ссылаясь на исторические традиции, отдельные казачьи организации устраивали публичные наказания на основе внесудебного разбирательства, производили самостоятельные рейды в торговую сеть, на транспорт, в общежития, считая подобные действия своим «историческим правом». Такого рода практика встречала активное сопротивление самих казаков¹⁷.

В публицистике, освещавшей казачий вопрос, фигурируют два главных направления: казакофобское и казакофильское. Связанные с меняющейся политической конъюнктурой, они, к сожалению, либо критиковали казаков, либо превозносили «казачий патриотизм» и тре-

бовали реализации всех требований казачьих организаций¹⁸.

Продолжающийся процесс становления государственной службы казачества проходит в непростой социально-экономической ситуации. Во-первых, явно обозначилось деление казаков на «реестровых» и «общественников». Руководящими центрами двух социальных групп стали соответственно главное управление казачьих войск при Президенте РФ и «Союз казаков России», образованный в 1990 г.

Во-вторых, сейчас быть казаком необязательно пахать и сеять, носить казачью форму. По выражению А.Г. Мартынова, атамана Союза казаков (до 2008 г.), «казак – способ существования, суть жизни, казак – он во всем казак. Но есть одна черта, которая отличает его от всех прочих. Казачество – это народ – государственный. Державность, патриотизм, готовность ради величия и мощи своей страны идти на какие угодно жертвы»¹⁹.

Сегодня казачьи лидеры постепенно осваивают идеологию гражданственности, дополняя ее национал-патриотизмом. Идет хотя с большим трудом отработка цивилизованного механизма решения казачьих проблем.

В культурном плане у общества усилился интерес к истории казачества, книжные полки магазинов пестрят от книг по казачьей истории, что связано с процессом возрождения этого уникального этносоциального образования.

Казачье движение нередко рассматривалось социологами, как сила оппозиционная властным структурам краевого и районного уровней, как некая альтернатива «старой» власти²⁰. К сожалению, значимость казачьего движения за пределами «казачьих земель» заметно снижается, и может вызывать негативную реакцию²¹.

На современном этапе казачьи организации правомерно обозначить как добровольные объединения граждан, имплицитно ставящие своей целью совершенствование государственных институтов. В этом заключено основное их отличие от всего спектра прочих общественных организаций и движений. Казачество до сих пор сполна не востребовано государством и является его резервной социальной силой²².

В 2008 г. принята «Концепция государственной политики РФ в отношении казачества», где говорится, что «опыт российского казачества по организации военно-патриотического воспитания молодежи, возрождению его духовных и культурных традиций востребован органами государственной власти».

Всероссийской переписью населения 2002 г. казачьи организации обозначены как культурологические, которые выступают в новом тысячелетии за создание «русской инфраструктуры в сфере образования, культуры, религии в защиту этнических прав русского народа». На Северном Кавказе казачьи атаманы говорят о неблагоприятной демографической ситуации: идет мощный приток мигрантов из числа кавказских этносов, в том числе мусульманских народов. Возникновение «на исконных казачьих землях» мусульманских анклавов может привести к Косовскому сценарию развития. Казачество требует жестко регулировать миграционные процессы, не допускать изменения национального состава населения казачьих областей, признать казачество отдельным народом, насчитывающим по оценке 6–8 млн. человек. Численность реестровых казаков, т.е. тех, кто готов к государственной службе, достигает 600 тысяч человек.

В государственный реестр внесено десять (Волжское, Всеволокое войско, Донское, Кубанское,

Терское, Оренбургское, Сибирское, Енисейское, Иркутское, Забайкальское, Уссурийское) и семь окружных (Балтийское, Северо-Западное, Прикамское, Верхнекамское, Астраханское, Сахалинское, Амурское) казачьих обществ. Их уставы утверждены указами Президента. Свыше четверти миллиона казаков «взяли на себя обязательство по несению государственной и иной службы».²³

В декабре 2005 г. был принят федеральный закон «О государственной службе российского казачества». Однако он не стал реальным шагом вперед, а лишь закрепил ряд норм и указов президента, изданных в 1995 – 1999 гг. Новоиспеченный закон не явился актом прямого действия, он не регулирует службу казаков и механизм его взаимодействия с государством, хотя и оставляет надежды, что в перспективе возможно создание системы казачьей государственной службы и ее финансовое обеспечение²⁴.

Ссылки:

- 1 Антропов О.О. Движение возрождения казачества в Астраханской области в 1990-е гг. // Новый исторический вестник. М., 2003, с.46.
- 2 Там же с.44.
- 3 Актуальные проблемы казачьего движения (круглый стол) // Социс.1992. №9 с.29.
- 4 Казачий Дон. Очерки истории. Ростов н/Д, 1995 г. 2, с.128.
- 5 Шаров А. И казаки будут «в законе» // Человек и закон. 1996 №11, с.74.
- 6 Там же с.74.
- 7 История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995, т.3, с.195.
- 8 Дорофеев В.А. Отношение казачества к государственной службе // Социс. 1998, №7, с. 67.
- 9 Таболина Т.В. Казачество на

рубеже ЧЧ века: проблемы и возможности. М., 1997, с.10.

10 Таболина Т.В. Объединения казаков и их правовое обеспечение 1990-1996 гг. // Информационный бюллетень. М., 1996, №1, с.5.

11 Венков А.В. Антибольшевистское движение на юге России на начальном этапе гражданской войны. Ростов н/Д, 1995, с.13.

12 Градницын А.А. Общественное мнение о возрождении донского казачества // Социс. 1991, №12, с.79.

13 Дорофеев В.А. Социальное воспроизводство казачества: основные закономерности и тенденции. Барнаул, 2001, с.163.

14 Бойко Л.И., Брежнев В.С., Колесников Ю.С. Казачество России и студенчество // Социс. 1995, №18, с.117, 118.

15 Дорофеев В.А. Теоретические и эмпирические аспекты социологических исследований проблем казачества. Барнаул, 1992, с.94.

16 Казачество как фактор исторического развития России. СПб., 1999, с.39.

17 История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995, т.3, с.206.

18 Казачий Дон. Очерки истории. Ростов н/Д, 1995, ч.1, с.5.

19 Казаки в России и на Орловщине. Орел, 1996, с.31.

20 Крицкий Е.В. Казачество и межэтнические отношения // Социс. 1995, №6, с.62.

21 Туценко Н.Ф. Казачье движение Кубани: на пути к гражданскому обществу // Социс. 2001, №2, с.44.

22 Тамболина Т.В. Государство и казаки: опыт взаимодействия. Ростов н/Д, 2001, с.28;

23 Трошев Г. «Служить верой и правдой. И не как иначе» // Родина. 2004, №5, с.25.

24 Аверьянов Ю. Да только воз и ныне там // Столица. Общеказачья газета-журнал. 2006, №1, с.4.

Особенности социокультурной адаптации мигрантов

Макаров А.Я., Уразалиева Г.К.

В статье миграционная ситуация в России рассматривается как компонент общей демографической ситуации, которая за последние 15 лет подверглась сильным изменениям. Выявляются и анализируются предпосылки и причины кризиса в миграционной сфере. Особое внимание авторы уделяют анализу стратегий адаптации мигрантов в кризисных условиях и поиску путей оптимальной интеграции мигрантов в российское общество в сложный экономический период. Ключевые слова: миграция, экономический кризис, социокультурная адаптация, стратегии интеграции

Makarov AY., Urazalieva G.K.

Specifics of social and cultural adaptation of migrants
This article covers migrational situation in Russia as a part of a general demographic situation, which has changed considerably over the last 15 years. The authors reveal and analyze the backgrounds and causes of the crisis in the sphere of migration. Particular attention is paid to the analysis of migrants' adaptation strategies in the situation of crisis and to the search of means for their effective and appropriate integration into Russian society in a hard period.

Key words: migration, economic crisis, social and cultural adaptation, integration strategies

После распада СССР существовавшие между союзными республиками внутренние миграционные потоки превратились в международные. Прежний миграционный обмен рухнул, а новая и устойчивая, легитимная система пока не сложилась. Адаптация миграционных потоков проходит очень болезненно, что дало основание еще в начале 2000-х годов говорить о надвигающемся миграционном кризисе в России и в странах СНГ. Уже тогда ряд специалистов (Ж.А. Зайончковская, В.А. Мукомель, В.Тишков) указывали, что современные миграционные процессы на постсоветском пространстве не соответствуют ни реальным государственным экономическим и демографическим интересам, ни потребностям многих миллионов людей, прямо или косвенно вовлеченных в миграционный обмен¹. Критическая ситуация в сфере миграции предвосхитила переживаемый нами сегодня финансовый и экономический кризис, и заметно обострила негативные тенденции, которые наметились еще 5–10 лет назад.

Таких тенденций можно выделить несколько. Во-первых, в 1990-е годы заметно сузилась направленность миграционных потоков. Нетто-миграция стала отрицательной во всех бывших советских республиках, кроме России. Как страна приема мигрантов, благодаря относительно лучшему экономическому положению и растущему спросу на рабочую силу, она приобрела исключительную притягательность. Напротив, приток иммигрантов в другие страны между 1989 и 2000 гг. сильно сократился: в Белоруссию - в 4 раза, в Казахстан - более чем в 5, в остальные страны - еще больше².

Во-вторых, сильно изменилось соотношение различных видов миграции. До конца 1980-х годов в СССР в миграционном обмене преобладали экономические, учебные и миграции по личным мотивам (вступление в брак, воссоединение семей и т.п.). 1990-е годы ознаменовались появлением значительных потоков вынужденных мигрантов различных категорий (беженцы, лица, ищущие убежища, представители ранее депортированных народов, экологические мигранты). К концу 1990-х - началу 2000-х годов резко ослабел «репатриационный» компонент миграционных потоков: среди прибывающего населения в несколько раз сократилась доля этнических русских, что свидетельствует об изменении характера миграций и на первый план вышли экономические мотивы³. Принимавшиеся в последние годы попытки по «привлечению соотечественников» оказались неудачными: доля русских в общем потоке мигрантов фактически не увеличилась. Нынешний кризис может вовсе свести их количество к минимуму. Ведь если даже на фоне недавнего относительного благополучия быв-

шие соотечественники не спешили в Россию, то сейчас они вряд ли поедут.

Явная репатриация уступает место экономической миграции, характерной для многих современных стран. Когда миграционные процессы оказываются тесным образом связанными с экономическими, любые кризисные явления в экономике эхом начинают отзываться в сфере миграции и межэтнического взаимодействия.

Репатриационные и экономические мотивы миграций очевидны, но не следует недооценивать и чисто демографический фактор, порождающий объективную заинтересованность в притоке мигрантов в страны с убывающим населением. Поскольку демографические прогнозы для России предсказывают угрожающее падение численности населения, прием иммигрантов становится одним из реальных средств противодействия такому сценарию.

Существуют неоспоримые основания для того, чтобы рассматривать миграционный обмен как совершенно естественное явление, отвечающее объективным интересам всех стран - миграционных партнеров, независимо от того, выступают ли они в качестве миграционных доноров или реципиентов. Однако реальные условия, в которых протекают миграции в нашей стране, совершенно не соответствуют этим интересам. Фактические потоки миграции стихийно прокладывают себе пути на тех направлениях, где действительно оправданы и нужны. Но все больше дает о себе знать политическая и правовая неурегулированность миграционных процессов, они чаще становятся источником социальных и политических напряжений, и в кризисный период это становится еще очевиднее.

Сегодня наблюдается быстрое сокращение регистрируемой миграции, а с другой стороны продолжает увеличиваться количество мигрантов с неурегулированным правовым статусом. Большая часть нерегистрируемой миграции является незаконной, которая осуществляется с нарушением правил пересечения границы или пребывания в стране. Незаконная миграция привлекает к себе все большее внимание со второй половины 1990-х годов, а в последние годы её объемы стали поистине угрожающими⁴. Причины многообразны: от недостаточно разработанной нормативной базы, регулирующей миграцию, неразвитости контролирующих ее институтов и несовершенства системы учета, до прямой или косвенной заинтересованности в нарушении закона среди самих мигрантов или контролирующих миграцию легальных и нелегальных структур. В большинстве случаев речь идет о выгодах, связанных с обходом трудового или налогового законодательства. Такое положение дел опасно еще и тем, что становится невозможным подсчитать точное число мигрантов, находящихся в стране, а, следовательно, невозможно принятие адекватных мер по их адаптации и социальной поддержке. В ситуации, когда значительная, преобладающая часть мигрантов не имеет урегулированного правового статуса, невозможно начать реализацию намеченных мер по профессиональной переподготовке мигрантов, обучению их русскому языку, перераспределению миграционных потоков внутри страны. А между тем подобные меры могли бы позволить не только противостоять маргинализации мигрантов в период кризиса, но и в дальнейшем использовать эти ресурсы для восстановления экономики.

Такая возможность видится вполне реальной, поскольку роль мигрантов в современной мировой экономике весьма значительна. Так, в 2007 г., по данным ООН, только через банки мигранты перечислили своим родственникам в развивающиеся страны \$240 млрд. По оценкам экспертов, эту цифру можно смело увеличить в 1,5-1,7 раза за счет неформальных каналов передачи денег, таких как «хавала» или через знакомых и родственников. Если говорить о постсоветском пространстве, то в том же 2007 г. граждане Таджикистана, работающие в России, по данным Центробанка РФ, отправили на родину \$1,6 млрд., граждане Молдавии — \$806 млн., Узбекистана — \$1,7 млрд. Это соответственно 36%, 17% и 8,5% от ВВП этих стран. В кризисном 2009 г. эти цифры, по оценкам экспертов, заметно ниже.

Но всё же рост безработицы среди мигрантов, который еще год назад прогнозировался экспертами, оказался не таким значительным, и сегодня большинство специалистов сходятся во мнении, что резкого скачка безработицы всё же удалось избежать. «Главная опасность для трудовых мигрантов — это сокращение объемов строительства, чреватое увольнениями и сокращением зарплат. Однако большинству безработица не грозит, — соглашаются эксперты Центра миграционных исследований. — Мигранты предпочтут получать меньшую, серую или черную зарплату, чем вернуться домой. Другие перетекут в иные сферы экономики, которые вряд ли затронет кризис: жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт, медицину или, пищевую промышленность»⁵. Добавим также, что следует принять во внимание особенности патриархального обще-

ственного устройства многих стран происхождения мигрантов – прочные родственные и семейные связи, наличие у многих земельных участков и иных источников доходов позволят им пережить кризисный период. Опасность для нашей страны может состоять в том, что кризисом могут воспользоваться не слишком добросовестные работодатели, которые попытаются сократить издержки за счет вывода зарплат в тень, массового найма нелегальных мигрантов и их прямого обмана.

Оказались несколько преувеличенными опасения, высказывавшиеся в самом начале кризиса, о грядущей криминализации в среде мигрантов, которая могла стать прямым следствием безработицы. Тем не менее, доля преступлений, совершенных мигрантами, составляет, как и до кризиса, не более 3%. Не видят причин резкой криминализации в среде мигрантов и многие учёные. По мнению директора Центра миграционных исследований Е.Тюрюкановой, на заработки приезжают люди, изначально выбравшие рабочую стратегию, и они не будут менять ее на криминал. Большинство из них найдут способ, в худшем случае, вернуться в свои страны. Однако тяга к поиску внешнего врага, на которого можно переложить ответственность за нерешенные проблемы, побуждает отдельные СМИ и некоторых граждан России заниматься обобщениями и демонизировать образ мигранта. Более того, появляются сообщения о якобы готовящихся мигрантами массовых акциях протеста против условий их жизни в России. Многолетний мировой опыт показывает, что экономический кризис в ряде случаев действительно может перерасти в социальный. Чтобы этого не произошло, необходимо принимать

соответствующие меры. Возможно, именно кризис даст импульс к их осуществлению.

Для России кризис может стать возможностью для пересмотра сложившейся миграционной политики в целях существенного повышения ее влияния на пути социально-экономического развития страны. Так, например, за счет планирования и перераспределения миграционных потоков можно было бы решить проблему значительного перекаса на рынке труда, когда одни регионы и отрасли экономики остро нуждаются в притоке рабочей силы, а другие наоборот страдают от безработицы.

Кризис показал, что пора принять Концепцию миграционной политики с учетом особенностей нынешнего экономического положения и через СМИ довести до сведения иммигрантов, работодателей и гражданского общества «миграционную доктрину», рассчитанную хотя бы на ближайшую перспективу (5-10 лет). Для успешного осуществления такой программы к данной работе очень важно привлечь высококвалифицированных специалистов, в том числе из академического сообщества, различные структуры гражданского общества, общественные объединения, этнические землячества и диаспоры, а также лидеров и авторитетов неформальных сообществ самих мигрантов.

Определенный интерес может представить в этом отношении опыт Европейского Союза, где в каждой стране имеется своя «миграционная доктрина», которая периодически корректируется, в зависимости от изменения обстановки. В последние годы здесь был выработан перечень требований и порядок получения так называемой «Голубой карты» для потен-

циальных мигрантов, дающей право на временный въезд в страну и на работу там по определенным специальностям. Также была разработана система квот по отраслям и регионам, выработаны требования к уровню языковой и профессиональной подготовки для различных категорий иностранных граждан, принимались меры по противодействию компактному заселению и стихийному возникновению этнических или религиозных «гетто». Интеграционные и ассимиляционные программы осуществляются при мощной государственной поддержке, при содействии местных структур гражданского общества, а также благодаря спонсорским проектам по повышению культурного и образовательного уровня, профессиональной подготовки среди мигрантской молодежи.

У нас в отношении адаптации мигрантов как на уровне субъектов федерации, так и в органах местного самоуправления инициативы проявляется мало, и многие руководители по старой привычке ждут указаний из центра и, конечно, финансирования. Однако позитивные изменения в ряде регионов всё же начинают происходить.

К примеру, в Москве в 2006 г. решением комиссии городской думы по науке и образованию было объявлено о намерении открыть в каждом административном округе столицы по специальной школе для обучения мигрантов русскому языку. Кроме того, правительство Москвы поддержало инициативу общественной организации Центра межнационального образования «Этносфера» о создании Учебного центра социально-культурной адаптации мигрантов. Наподобие европейской «голубой карты», в Москве в настоящее время прово-

дится эксперимент по введению «карты иностранного гостя», которую въезжающий мигрант получает на границе бесплатно и где содержатся необходимые сведения о нем.

Существует и задействован также ряд городских целевых программ в Санкт-Петербурге. Здесь ассоциация профессиональных переводчиков совместно с Администрацией города, Департаментом национальной политики и общественных отношений реализует проект «Центр адаптации мигрантов», осуществляя общий мониторинг миграционной ситуации, оказание различных видов помощи и услуг (юридических, социальных, психологической поддержки, по поиску рабочих мест).

В Калининградской области, в Озерске, создается Центр адаптации для мигрантов, который будет содействовать реализации Государственной программы по добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом.

В Липецкой области разрабатывается проект по созданию Центра зарубежных трудовых ресурсов, а в Рязанской области рассматривается вопрос о создании Учебного Центра при содействии Центра социально-правовой помощи иностранным гражданам и мигрантам «Содружество». В Перми в минувшем году прошла презентация Межнационального Общественного центра «Согласие» по социальной адаптации мигрантов в Пермском крае. Центр открылся по инициативе Департамента внутренней политики Администрации края в рамках областной целевой «Программы развития и гармонизации национальных отношений народов Пермского края». В Свердловской области в министерстве экономики и труда рассматривался воп-

рос о привлечении иностранной рабочей силы на предприятия городов Ревды, Первоуральска, Нижнего Тагила, Каменск-Уральского.

К настоящему времени из всех регионов России наиболее результативной в открытии Центров адаптации мигрантов является Республика Карелия. Здесь с марта 2007 г. начали работать центры в городах Петрозаводске, Сортавале, Олонце и Кондопоге. Причиной активности явилась реакция руководства республики на события в Кондопоге в сентябре 2006 г., приведшие к беспорядкам на межэтнической почве с человеческими жертвами и неблагоприятному внутриполитическому резонансу.

В нынешний кризисный период сохранение позитивных тенденций представляется наиболее важным, поскольку тщательно просчитанная миграционная доктрина, выверенная концепция миграционной политики, своевременно и гра-

мотно исполненная высокопрофессиональными специалистами, может в долгосрочной перспективе значительно укрепить Россию и её экономику.

Ссылки:

1 См.: Зайончковская Ж.А. Миграционные тренды в СНГ: итоги десятилетия // Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству. М.: Адамантъ, 2001.

2 Население России 2002. Десятый ежегодный демографический доклад. М.: КДУ, 2004.

3 См.: Мукомель В.И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты. М.: Диполь-Т, 2005.

4 См.: Зорин В.Ю. Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002.

5 Цит. По: Кризис и миграция // Ведомости, № 31, 2008.

Социологический аудит в молодежной политике

Першуткин С.Н.

В статье раскрывается специфика комплексной документальной проверки и оценки региональной молодежной политики с помощью контент-анализа. Приводятся результаты количественного изучения регионального законодательства и положений (регламентов) деятельности подразделений по делам молодежи исполнительной власти, что является новым в исследовании государственной молодежной политики.

Ключевые слова: социологический аудит, молодежная политика, региональное законодательство о молодежи, регламенты деятельности подразделений по делам молодежи исполнительной власти.

Pershutkin S.N.

Sociological audit of State youth politics

In this article the necessity for complex periodical testing and estimation of regional youth politics with the help of such sociological method as content-analysis is proved. In the results of quantitative studying of regional youth politics legislation and regulations of Youth politics Departments activity in regions, an opportunity to evaluate exactly the state of regional youth politics and to define main tasks of its improving occurs.

Keywords: Quantitative methods. Content-analysis. Sociological audit. State Youth politics. Regional youth legislation. Regulations of Youth politics Departments in regions.

Несоответствие государственной молодежной политики в современной России общественным потребностям - это серьезная проблема, заслуживающая управленческих решений и углубленного научного анализа.

Среди причин данной проблемы исследователи называют невыстроенность в современной России данной политики и ее слабость¹, парадоксы и общую несуразность в практической реализации², и, что совсем трудно объяснимо, несоответствие содержания деятельности комитетов и отделов по делам молодежи интересам и потребностям разных молодежных групп³, социологически измеренное в исследовании под руководством профессора Л.П.Куксы, проведенном в 2006-2007 гг. в Новосибирской области. Как выяснилось 36% опрошенных юношей и девушек считают, что государственная молодежная политика нашей стране отражает интересы лишь активной части молодежи, а 78% убеждены, что молодежные структуры отражают интересы самих себя⁴.

Что же касается позиции и аргументации практиков, то среди

причин кризиса государственной молодежной политики ими зачастую называется дефицит финансирования и структурного обеспечения подразделений по делам молодежи исполнительной власти, девиантное поведение молодежи, а также, ее аполитичность и обществу пассивность.

Безусловно, у каждой стороны - исследователей и практиков - своя степень правоты, но чтобы выйти к целостному анализу, к объективным показателям состояния государственной молодежной политики в стране, судя по всему, требуется более активный *поиск методологических и методических средств*, позволяющих сравнительно адекватно представить и описать состояние молодежной социализации и роль социальных институтов в работе с подрастающим поколением.

Думается, что речь бы должна идти о *документальной проверке* с помощью социологических методов, что правомерно называть социологическим аудитом, о количественном анализе документов: региональных законов о молодежи и молодежной политике, регламентов деятельности (комитетов и отделов по делам молодежи разных управленческих уровней) с помощью контент-анализа.

Об актуальности решения данной проблемы свидетельствует множество факторов. Во-первых, усложнение включения молодежи в социум в условиях глобализации и информационного общества, во-вторых, укоренившийся во многих исследованиях молодежи *умозрительный подход*, о негативной роли которого еще в начале 1990-х годов с горечью писали В. И. Чупров и М.Ф.Черныш, подчёркивая, что «в подавляющем случае высказанные специалистами, да и неспециалистами мнения о

молодежи не имеют под собой надежной статистической и эмпирической базы в виде данных социологических исследований, что фрагментарные впечатления от встреч и бесед с молодыми людьми становятся зачастую основой широких обобщений»⁵.

В-третьих, все более явная потребность в новых подходах в работе с молодежью, о чем с явно выраженной озабоченностью говорил Президент России еще 8 июля 2002 г., на совещании по социально-экономическим вопросам в г. Саранске, отмечая что «серьезный вопрос по всему спектру молодежной политики давно назрел, что пытаться формировать ее по слежка обновленным, но старым рецептам - занятие бесперспективное»⁶.

Таким образом, существуют как практические, так политические аргументы для поиска и использования **новых методов** анализа и оценки в нашей стране государственной молодежной политики.

Пожалуй, одним из таких сравнительно новых методов можно было бы рассматривать **социологический аудит** как *документальную проверку* состояния данной отрасли государственного управления, как **стратегию исследования** государственной молодежной политики, а перспективе как комплексный метод изучения государственной молодежной политики, который мог бы быть дополнен финансовым анализом программ и проектов в сфере молодежной политики.

Если аудит финансовый с созданием в нашей стране Счетной Палаты РФ фактически стал привычным, то *социологический аудит* в разных сферах пока еще большей редкостью, а в сфере государственной молодежной политики - в настоящее время - это прин-

ципиальная новация, на наш взгляд. Во всяком случае, ни одной публикации на эту тему, даже постановочного плана в русскоязычных публикациях найти не удалось за последние 20 лет.

В статье предпринята попытка привлечь внимание к этой оригинальной исследовательской стратегии, взяв за основу понятие «аудит», в исходном смысле означающее документальную проверку финансово-экономической деятельности.

В контексте анализа и оценки общей эффективности государственной молодежной политики в РФ, помимо констатации недостаточности финансирования этой отрасли госуправления⁷ требуется ответ на принципиальный политико-социологический вопрос «Отвечает ли нормативно-правовая база государственной молодежной политики, в частности содержание региональных законов о молодежи общественным потребностям и новым задачам, обусловленным формированием в современной России гражданского общества, административной реформы?».

Постараемся высказаться на этот счет отталкиваясь от количественного анализа таких массовых документальных источников, как, с одной стороны, региональное законодательство о молодежи, с другой - регламенты (положения) о подразделениях по делам молодежи исполнительной власти.

В ходе этой достаточно трудоемкой, но необходимой работы с помощью контент-анализа были проанализированы тесты 33 законов примерным объемом около 500 страниц⁸ и тексты 20 положений примерным объемом свыше 150 страниц.

Начав рассмотрение результатов социологического аудита с характеристики в самом общем виде **структуры и содержания** регио-

нальных законов отметим, что **основные направления** государственной молодежной политики в стране и её организационное обеспечение в абсолютном большинстве региональных законов выступают смыслообразующими признаками, определяя перечень разделов, частей, последовательность статей в этих документах.

В 80% законодательных актов признается значимость нормативов финансирования молодежной политики. В 47% текстов прослеживается взаимосвязь закона о молодежи с Уставом конкретного Субъекта Федерации. 75% рассмотренных нами законов раскрывают используемые в них основополагающие понятия.

Примерно таков же удельный вес изученных региональных законов раскрывающих **цели и задачи** молодежной политики.

Все это интересно и оправдано. Не понятен же тот факт, что *ответственность органов исполнительной и представительной власти за работу с молодежью прописывается только в 40% изученных нами законов, да и то в общем виде*. Лишь в 20% изученных законов раскрываются обязанности комитетов и отделов по делам молодежи исполнительной власти по решению молодежных проблем и примерно в таком же числе законов оказываются прописанными обязанности по отношению к молодежи глав муниципальных образований.

Таким образом, благодаря количественному анализу не только удалось компактно представить информацию о каждом втором (принятом в субъектах Федерации) региональном законе о молодежи и молодежной политике, но и удалось увидеть характерные особенности этой разновидности законодательства.

Во-первых, **объектный подход**, т.е. неоправданно большое акцентирование внимания на молодежи как объекте государственного воздействия, на описании нормативного образца (и идеального образа) молодого человека – в ущерб раскрытию обязанностей и роли государственных органов (важнейших субъектов по отношению к молодежи), обладающих всеми видами ресурсов для решения молодежных проблем и реальной молодежной самоорганизации.

Во-вторых, дефицит конкретных норм, раскрывающих необходимые условия для включения молодежи в российское общество (условий материально-технических, информационных, социально-психологических).

Региональное законодательство о молодежной политике можно представить в виде пирамиды, в вершине которой незначительное число норм, посвященных государственному участию в работе с молодежью, а в основании – большое число норм и требований насчет желательных качеств подрастающего поколения и его необходимых обязательств в отношении общества и государства.

Таким образом, размытая и неконкретная роль российского государства и его органов в создании условий для молодежной социализации – это реальная проблема, заслуживающая широкого обсуждения.

Переходя к еще одной разновидности нормативно-правовых актов – регламентам, а точнее сказать, к *положениям* о подразделениях по делам молодежи исполнительной власти разных уровней, коротко остановимся на результатах социологического аудита, полученных в количественном виде с помощью контент-анализа.

Как выяснилось в процессе исследования 150 страничного мас-

сива текстов, все подразделения по делам молодежи обладают качествами и правами юридического лица, действуя на основании оперативного управления. Это с точки зрения организационно-правовой формы подразделений по делам молодежи, представляющих государственные или муниципальные органы власти. Что же касается времени принятия изученного массива документов то 4 из 20 положений (20%) были подготовлены и приняты соответствующими органами власти в 2001-2003 гг., 5 положений (25%) – в 2004 г., 6 (30%) – в 2005 г., 5 (25%) – в 2006 г.

Другими словами, положения о подразделениях по делам молодежи являются сравнительно недавними, принятыми в период президентства В.В.Путина.

Переходя к внутреннему анализу положений, отметим, что в 8 из 20 органов власти признается целесообразным создание самостоятельного органа по делам молодежи. В остальных случаях функции проведения молодежной политики осуществляются наряду с иными социокультурными функциями образования, культуры, социальной защиты, туризма и спорта комплексными подразделениями.

В 13 из 20 положений (65%) прямо определяется адрес местонахождения властного органа по делам молодежи и молодежной политики. В 10 из 20 положений предусматривается создание коллегий (как правило, при том или ином республиканском министерстве или Госкомитете). В 17 из 20 положений указаны бюджетная принадлежность органов по делам молодежи. В 12 из 20 положений определяются полномочия этих органов власти (60%). В 17 из 20 (85%) положений присутствует описание

задач того или иного подразделения по работе с молодежью.

Как показали результаты анализа, этих документов **обязанности** данной категории властных структур, раскрываемые с помощью категорий «эффективно использовать», «обеспечивать сохранность», «не допускать ухудшение технического состояния», «осуществлять капитальный текущий ремонт», «начислять износ на имущество...», «принимать необходимые меры на работников...», «создавать необходимые условия работникам...», «выполнять требования охраны труда, техники общей и пожарной безопасности...», «осуществлять преемственность делопроизводства...», «отчитываться о результатах своей деятельности» оказались зафиксированными лишь **в единичных документах**.

Зато **права** подразделений по делам молодежи (раскрываемые с помощью глаголов «проводить», «созывать», «создавать, реорганизовывать, ликвидировать», «осуществлять руководство, «владеть государственным имуществом...», «назначать») оказались прописанными в 75% положений⁹.

Оценивая перечень прав, отметим их уместность с точки зрения выполнения повседневных обязанностей, но чрезмерную детализацию, приведшую к неоправданной концентрации внимания на организационно-технических аспектах. При этом ряд содержательных аспектов оказался в рассматриваемых документах представлен бегло, в форме деклараций. В частности, поддержка молодежных организаций, (механизм которой в изученных документах оказался прописанным неполно, а ответственность должностных лиц за возможное нарушение нормы не конкретно).

Реальность такова, что государственные и муниципальные служащие в практической деятельности часто подменяют молодежных лидеров (вместо того, чтобы содействовать созданию материально-технических, информационных, социально-психологических условий для нормальной работы некоммерческих негосударственных (молодежных) организаций и организаций, работающих с молодежью для того, чтобы выявлять молодых людей, обладающих организаторскими качествами, помогая им в накоплении опыта иобретении необходимых качеств этой непростой деятельности.

Ряд серьезных вопросов вообще оказались обойденными вниманием в изученных положениях, в частности, взаимодействие комитетов и отделов по делам молодежи местных администраций с гражданским обществом и наукой, а также работа по подготовке и проведению изучения общественного мнения молодежи, по организации на региональном уровне научно-экспертных советов, проведению мониторинга социального самочувствия молодежи и состояния государственной молодежной политики, публикации и общественному обсуждению ежегодных докладов по этой теме.

Все перечисленное, к сожалению, это реальный уровень отражения в территориальных нормативных актах содержания работы подразделений по делам молодежи разных уровней исполнительной власти.

В преобладающем числе регламентов (положений о подразделениях по делам молодежи исполнительной власти) внимание концентрируется на важной, но все-таки второстепенной, а точнее сказать, внутриаппаратной деятельности.

Информационная роль этих органов по обеспечению руководства органов власти и разных групп общественности разноплановой информацией о положении в молодежной среде, о состоянии работы по включению подрастающего поколения в общество оказывается прописанной неудовлетворительно и, вероятно, также выполняемой.

Данный вывод, пожалуй, касается и координирующей роли подразделений по делам молодежи (относительно взаимодействия с органами образования, культуры и спорта, социальной защиты и другими структурами) и раскрытия подобной деятельности с помощью конкретных норм.

Ссылки:

1 Кочетков А.В. Стратегия совершенствования нормативной правовой базы государственной молодежной политики. Рязань, 2007. С.23; Першуткин С.Н. О способах и результатах выявления социально-правовой потребности в совершенствовании государственной молодежной политики // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. №5. С. 28-31; Балмасов С. Ниже асфальта: обсуждаются проблемы молодежной политики в России // Высшее образование сегодня. 2006. №7. С. 14-18.

2 Луков В.А. Молодежь России: в классы или на баррикады? // Вестник аналитики. 2005. №4. С.22.

3 Шурбэ В.З. Молодежь и молодежная бюрократия: качество взаимодействия // Социология власти. 2008. №3. С.124.

4 Там же. С.125.

5 Чупров В.И., Черныш М.Ф. Мотивационная сфера сознания

молодежи: состояние и тенденции развития. М., 1993. С.5.

6 Цит. по изданию: Российская молодежь: проблемы и решения. М., 2005. С. 559.

7 В 2001-2005 гг. на реализацию федеральной целевой программы «Молодежь России» затрачено из федерального бюджета лишь 400 млн. руб., или примерно 2,5 руб. в расчете на одного молодого человека в год.

8 Перечень Субъектов Федерации, законы которых анализировались в исследовании: Алтайский и Красноярский край, республики Башкортостан, Карелия, Марий Эл, Татарстан, Саха (Якутия), Удмуртская и Чувашская Республики, Астраханская, Брянская, Владимирская, Вологодская, Ивановская, Иркутская, Омская, Орловская, Калининградская, Калужская, Ленинградская, Московская, Новосибирская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Пермская, Тверская, Тульская, Тюменская, Ярославская области, а также Еврейская автономная область, Ханты-мансийский и Ненецкий автономные округа.

9 Характеризуя изученный нами массив документов, отметим, что в 9 из 20 положений структура раскрывается с помощью разделов (в 45% случаев), в 10 - с помощью глав (50%) и в 1 положении с помощью статей (этот нормативно-правовой акт составляет 5% от всего массива проанализированных документов). Среднее количество глав или разделов в положении о том или ином органе составляет 5, среднее количество страниц приходящихся на один документ 6.

Удовлетворенность населения жилищно-коммунальным обслуживанием

Харченко К.В.

Статья посвящена проблеме удовлетворенности граждан жилищно-коммунальным обслуживанием. Вопросы методологии и методики оценки удовлетворенности рассматриваются на примере социологического исследования, проведенного среди населения г. Белгорода в мае 2010 г. Результаты исследования обнаруживают, что граждан беспокоит преимущественно качество услуг, а не «демократизм» порядка их предоставления, что не совпадает с ориентирами жилищно-коммунальной реформы.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, удовлетворенность, муниципальная социология, социальный институт, общественное самоуправление.

Kharchenko K.V.

Satisfactoriness of population by the housing and utilities maintenance

This paper is devoted to the study of people's satisfaction with communal services. The methodological and procedural questions of satisfaction measurement are presented on the example of the representative survey conducted in the city of Belgorod in May, 2010. The results of the study reveal that perception of communal institutions depends mostly on the quality of services but not by the 'democratic' order of their providing, that is not in a close agreement with the main purpose of the communal reform. Keywords: communal services, satisfaction, municipal sociology, social institution, public opinion.

В настоящее время представляется актуальной разработка проблематики муниципальной социологии, которая, с одной стороны, должна охватить разнообразие сфер жизнедеятельности человека на территории его проживания, а с другой, обеспечить единство исследовательской методологии и методики. Практическая потребность в результатах социологических исследований вытекает из противоречия, состоящего в том, что статистика утрачивает роль источника своевременных и объективных данных, пригодных для принятия обоснованных решений, тогда как начавшийся переход к программно-целевому управлению требует количественных оценок результативности работы административных структур.

Хотя в нашем исследовании речь пойдет о городской среде, наименование «муниципальная социология» представляется более подходящим к данному контексту, чем социология города. Социология города со времен Э. Дюркгейма акцентирует специфику города как социального феномена, отличающегося от сельских терри-

торий. Муниципальная же социология намного дальше от феноменологии и ближе к прагматике, обеспечивая властные структуры количественной информацией об объекте управления в целях принятия обоснованных решений.

Общим знаменателем исследований в русле муниципальной социологии является категория удовлетворенности, под которой мы понимаем субъективное ощущение человеком полноты реализации своих потребностей в данных условиях, формирующее определенный тип поведения и отношения к окружающему миру [1].

Еще в 1960-е гг. Ф. Херцберг заметил, что удовлетворенность асимметрична: внутренние факторы, определяющие содержание деятельности, способствуют ее повышению, тогда как внешние, «инфраструктурные» факторы, в том числе связанные с материальными условиями, всего лишь снижают неудовлетворенность [2]. Эта закономерность изначально была сформулирована применительно к социально-трудовым отношениям, однако сейчас задача состоит в том, чтобы увидеть ее и в других сферах жизнедеятельности, в частности, в сфере ЖКХ.

В отличие от труда, образования и медицины, результат взаимодействия с которыми осознается и предвкушается, жилищно-коммунальное хозяйство по определению является фоном, средой между личным миром и обществом. Отсюда нет ничего удивительного в том, что стабильная работа всех служб вероятнее всего не вызовет состояния удовлетворенности, а будет восприниматься как норма. Проблемы в сфере ЖКХ приводят к росту неудовлетворенности, поскольку требуют траты времени, сил и материальных ресурсов человека. Напротив, чтобы повысить

удовлетворенность, необходимо одно из следующих условий. Первое – резкое улучшение состояния жилищной среды, повышение качества обслуживания и т.п. При таком условии на первых порах удовлетворенность вырастет, но потом будет снижаться по мере роста субъективно приемлемых стандартов. Второе – осознанный переход жилищно-коммунального хозяйства в разряд содержательной деятельности, т.е. когда в эту среду вкладываются усилия самого выразителя мнения, в том числе творческие. Кстати, именно поэтому власти, стремящейся к общественной поддержке, так важно активизировать гражданское участие.

Логика исследования сферы ЖКХ в русле муниципальной социологии определяется потребностью в многоплановой информации об исследуемом объекте, точнее, о его субъективном восприятии. С такой позиции становится ясным, что одна лишь информация об ответах на прямой вопрос «Довольны ли Вы работой Вашей обслуживающей компании?» вряд ли полезна для управленца-практика, поскольку не дает понимания причин, влияющих на состояние удовлетворенности.

Исследовательские параметры должны быть нацелены на выявление поведенческих установок и оценочных суждений в их диалектической взаимосвязи. Действительно, удовлетворенность сферой ЖКХ интересует муниципальную администрацию не сама по себе, а как верный признак того, будут ли люди жаловаться, ходить на собрания жильцов, объединяться в ТОСы и ТСЖ.

Поведенческие установки и оценочные суждения предполагается измерять в единстве трех направлений:

1) полнота удовлетворения потребности граждан в обеспечении жилищными и коммунальными услугами, а также потребности в справедливых жилищных отношениях, допускающих активную гражданскую позицию жильцов;

2) оценка институциональных условий реализации потребностей, т.е. выявление разницы между назначением институтов – субъектов жилищно-коммунальной политики – и их реальным функционированием;

3) оценка отдельных инициатив местной администрации либо федерального центра, непосредственно затрагивающих интересы населения.

Изучение удовлетворенности граждан сферой ЖКХ в контексте муниципальной социологии имеет свои методологические границы. Можно предположить, что в данном случае нет смысла раскрывать целый ряд параметров, которые, возможно, уместны в других исследованиях. Так, социологам, обслуживающим потребности муниципалитета, не следует заимствовать вопросы из всероссийских опросников, охватывающих город с высоты птичьего полета: «Удается ли коммунальным службам своевременно удовлетворять заявки жителей?», «Как повлияет реформирование ЖКХ на качество жизни населения?». Отдельно взятый гражданин не может знать все обо всех, однако способен рассказать про свой опыт социального взаимодействия, отвечая на вопросы типа «Если вспомнить последний год, как часто Вы сталкивались с несвоевременным выполнением заявок, адресованных коммунальным службам?».

Настоящее исследование основывается на данных социологического опроса, проведенного в мае

2010 г. муниципальным учреждением «Институт муниципальных проблем» под руководством автора (N=1185, квартирный опрос, репрезентативная выборка жителей многоквартирных домов г. Белгорода 18 лет и старше, квотирование по полу, возрасту и 26 обслуживаемым организациям). Кроме того, было проведено 30 углубленных интервью среди жителей домов, относящихся к разным УК/ТСЖ. Интервьюирование проводилось по основным вопросам анкеты, которые задавались в открытой форме. Значения отдельных параметров сравнивались с результатами трех аналогичных исследований Института муниципальных проблем, проводившихся в 2007-2009 гг.

С целью получения адекватных оценок удовлетворенности, учитывающих все варианты ответа (*да; скорее, да; скорее, нет и нет*), нами использовались индексы, рассчитанные по формуле:

$$i = (A + 0,75B - 0,75C - D)/100,$$

где A – процент полностью удовлетворенных, B – процент частично удовлетворенных, C – процент частично неудовлетворенных и D – процент полностью неудовлетворенных.

Коэффициент 0,75 взят условно, с учетом психологии респондентов, дающих вероятностные ответы. В любом случае, индекс сам по себе не является абсолютной величиной и не имеет самостоятельной ценности, а корректность сопоставления обеспечивается применением одной и той же формулы. Индекс измеряется в пределах $\{-1;1\}$, т.е. наглядно демонстрирует, является ли ситуация выигрышной либо критической. Так, положительный индекс означат численный перевес довольных над недовольными, близкий к нулю – равенство этих

Таблица 1
Динамика общей удовлетворенности сферой ЖКХ и работой коммунальных служб

	полностью доволен	скорее, доволен	скорее, не доволен	совсем не доволен	ИНДЕКС {-1; 1}
декабрь 2007 г.	6,7	45,0	25,2	17,6	+0,04
сентябрь 2008 г.	12,3	56,2	16,8	13,4	+0,28
декабрь 2009 г.	6,3	44,4	33,8	12,2	+0,02
май 2010 г.	10,4	40,5	25,6	18,9	+0,03

Таблица 2
Динамика общей удовлетворенности сферой ЖКХ и работой коммунальных служб

	ТСЖ без подрядных орг-й	ТСЖ + 1 подрядн. организация	УК без подряд-ных орг-й	УК + 1-2 подряд-ные организации	Подряд-ная организация	ТСЖ на 1 дом
ИНДЕКС	-0,06	-0,14	+0,02	+0,12	+0,04	+0,02

групп, а отрицательный – преобладание недовольных.

Полнота удовлетворения потребности граждан в обеспечении жилищными и коммунальными услугами

Данный аспект характеризуют общий и частные показатели удовлетворенности. Как показали результаты опросов 2009-2010 гг., за последний год удовлетворенность сферой ЖКХ заметно снизилась по сравнению с предыдущим периодом, возможно, это следствие влияния кризиса. В настоящее время уровень удовлетворенности стабилизировался на средней позиции, однако учтем, что по сравнению с другими сферами, такое значение показателя для г. Белгорода является очень низким (табл. 1).

Фактор пола на оценку удовлетворенности сферой ЖКХ практически не влияет; в отношении возраста отметим, что более или менее приемлемый показатель удовлетворенности сохраняется за счет позиции молодежи, в среде которой значение индекса равняется +0,27 (в сентябре 2008 г. оно дости-

гало +0,39). Для молодых людей сфера ЖКХ не столь значима, как для пенсионеров, и к тому же молодежь оценивает жизнь по меркам современной эпохи, не сравнивая с советским прошлым.

На общую оценку удовлетворенности влияет работа конкретных обслуживающих компаний, в разрезе которых обнаруживается размах значения индекса от -0,54 до +0,58.

Сопоставление общей удовлетворенности ЖКХ с типом обслуживающей компании не обнаруживает ярко выраженной зависимости. Вопреки ожиданиям, ТСЖ уступают по данному критерию управляющим компаниям (табл. 2).

Анализ динамики субъективного взгляда на изменения в обслуживании жилищного фонда за последний год показывает, что две трети граждан (66,8%) не отмечают никаких существенных изменений, 11,7% опрошенных видят позитивные изменения, а 16% – негативные (рис.1).

Удовлетворенность граждан отдельными коммунальными услугами оказалась значительно выше, чем сферой ЖКХ в целом (табл. 3).

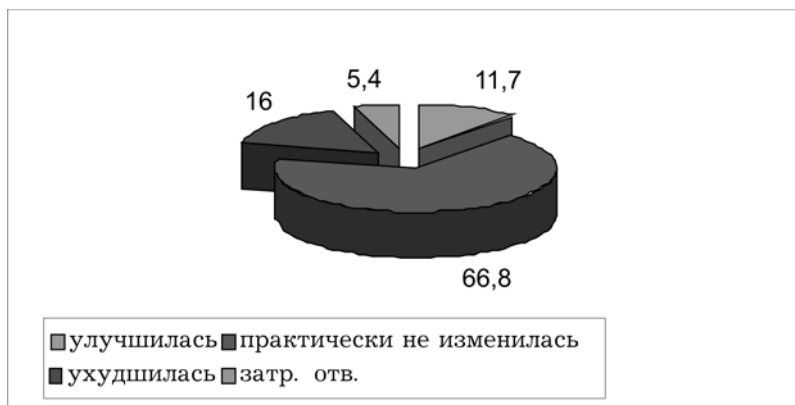

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как изменилась ситуация с обслуживанием жилищного фонда за последний год?» (в % от числа респондентов)

Таблица 3
Удовлетворенность отдельными жилищными и коммунальными услугами

№		полностью удовл.	скорее удовл.	скорее не удовл.	полностью не удовл.	затр. отв.	ИНДЕКС
1.	уборка подъезда	17,6	37,6	26,8	18	0,6	+0,08
2.	освещение в подъезде	18,9	39,9	22,9	17,6	0,6	+0,14
3.	чистота придомовой территории	32,3	43,5	17	7,1	0,1	+0,45
4.	вывоз мусора	42,8	41,7	11,1	3,7	0,7	+0,62
5.	отопление	32,3	40,4	19,2	7,9	0,3	+0,40
6.	горячее водоснабжение	27,6	25,2	4,3	1,4	41,4	+0,42
7.	холодное водоснабжение	50,8	41,4	6,5	0,8	0,3	+0,76
8.	канализация	45,2	42,9	8,8	3,1	0	+0,68
9.	газоснабжение	54,7	39,4	4,3	0	1,5	+0,81
10.	электроснабжение	52,6	40	6,8	0,7	0	+0,77
11.	работа лифта (в % от жителей домов с лифтом)	24,1	54,9	18,5	2,5	нет лифта - 48,9	+0,49

Как видно из табл. 3, наблюдаются существенные расхождения между уровнями удовлетворенности жилищными и коммунальными услугами. Так, если по поводу электро-, газо-, водоснабжения и водоотведения вопросов не возникает, то самыми проблемными видятся гражданам услуги по содержанию жилья и отоплению, входящие в зону ответственности УК/ТСЖ. Сравнение данных с исследованиями 2007-2008 гг. обнаруживает, что уборка подъезда и рабо-

та лифта и в прошлых случаях получали наименьшие оценки.

Расхождения между общим уровнем удовлетворенности и частными показателями говорит о том, что они не являются значимыми факторами, влияющими на обобщенную оценку. Истинные слагаемые неудовлетворенности можно определить посредством открытого вопроса о том, какая проблема в сфере ЖКХ является самой острой для респондента. В нашем случае респонденты чаще всего ука-

зывают на проблему высоких тарифов на жилищно-коммунальные услуги. Кстати, по данным всероссийского исследования 2007 г., 47% россиян отнесли резкий рост жилищно-коммунальных платежей к числу проблем, которых они больше всего опасаются в жизни [3]. Следом за тарифами участники опроса называют проблемы неудовлетворительного состояния дорог во дворах, отсутствия детских площадок, необходимости капитального ремонта дома. Несколько менее значимыми, но все же заслужившими упоминания, оказались проблемы автостоянок, отсутствия скамеек по дворах, освещения и уборки подъезда, культуры обслуживания в УК/ТСЖ. Как видим, удовлетворенность сферой ЖКХ определяется не столько собственно услугами, сколько состоянием жилой среды в широком смысле.

Оценка институциональных условий реализации потребностей граждан в услугах ЖКХ

После реформы 2004 г. заметно усложнилась система институтов, призванных заниматься удовлетворением потребностей жильцов. Чтобы разобраться в этой системе, условно разделим институты ЖКХ на традиционные и новые. К первым будем относить администрацию города и обслуживающие организации, образованные на базе бывших муниципальных предприятий (РЭУ, ЖЭК и т.д.), ко вторым – непосредственное управление домом и аналогичные нововведения. Отдельно будем говорить об институциональных формах, которые, в отличие от институтов, играют в обеспечении потребностей вспомогательную роль: это старший по дому, собрание жильцов и территориальное общественное самоуправление.

Администрация города. В результате жилищно-коммунальной реформы в обстановке нагромождения институтов роль городской администрации оказалась противоречивой. С одной стороны, новые законодательные условия привели к тому, что муниципалитет утратил право напрямую управлять обслуживающими организациями: теперь субъектами ЖКХ являются частные управляющие компании (УК) и «псевдообщественные» товарищества собственников жилья (ТСЖ). С другой стороны, граждане, имеющие проблемы с коммунальным обслуживанием, продолжают обращаться большей частью именно к власти, и, более того, от ее способности оказать содействие зависит политическая поддержка.

Социологический опрос показал, что к настоящему времени администрацию города в качестве влиятельного субъекта видят 38,2% респондентов. Обслуживающим организациям такую роль отводит примерно такая же доля населения (41,9%). Учет возрастного фактора обнаруживает, что представители молодого и среднего поколения уже понимают разделение зон влияния, тогда как пенсионеры по-прежнему возлагают ответственность на муниципалитет.

По данным углубленного интервью, граждане ожидают от администрации если не собственно решения проблем ЖКХ, то хотя бы создания приемлемых правил игры, организационных условий:

· контролировать деятельность УК/ТСЖ, а также цены на коммунальные услуги: *«Больше контроля, куда выделяются деньги, чтобы правильно их распределяли»; «Наказывать нерадивых УК. Принимать меры, чтоб советовались с жильцами. А то делают, а потом переделывают».*

Таблица 4
Удовлетворенность работой коммунальщиков

№	Довольны ли Вы работой...?	полностью удовл.	скорее удовл.	скорее не удовл.	полностью не удовл.	затр. отв.	ИНДЕКС
1.	администрации УК/ТСЖ	9,1	41,8	27,1	11,8	10,2	+0,08
2.	дворника	36,2	44,5	14,3	4,7	0,3	+0,54
3.	уборщицы подъезда	19,9	41,5	23,1	14,8	0,8	+0,19
4.	электриков	16	43,6	22,6	6,3	11,5	+0,25
5.	сантехников	13,6	42,3	22,2	9,5	12,4	+0,19

Таблица 5
Мнения об эффективности различных форм обслуживающих организаций

Как Вы считаете, какая форма управления Вашим домом была бы более эффективной?	всего	ТСЖ без подрядн. орг.	ТСЖ + 1 орг.	УК без подрядн. орг.	УК + 1-2 орг.	Подр. орг.	ТСЖ на 1 дом
Управление управляющей организацией (ООО)	20,6	5,9	8,1	25	24,7	32,5	10
Управление товариществом собственников жилья (ТСЖ) либо кооперативом	17,9	22,9	12,5	11,3	20,2	32,5	20
Непосредственное управление собственниками жилья	27,4	45,8	34,4	30,1	20,4	20	45
Затрудняюсь ответить	34,1	25,4	45	33,6	34,7	15	25

- информировать о повышении цен с такого-то числа в таком-то размере;

- снизить квартплату социально-незащищенным слоям населения;

- ввести либо усилить административную ответственность за выброс мусора во дворе, под балконы;

- обеспечивать общественный порядок во дворах.

Итак, несмотря на попытку законодателя снизить роль муниципалитета в решении проблем ЖКХ, администрация фактически продолжает оставаться влиятельным

институтом, по крайней мере, судя по объему жалоб, поступающих в органы власти вплоть до Президента. Так, за один только апрель 2010 г. в администрацию г. Белгорода по вопросу коммунально-бытового характера поступило 216 обращений, что составляет 27,4% от общего числа обращений.

Обслуживающие организации. Роль УК и ТСЖ в реализации потребностей населения в жилищно-коммунальных услугах характеризует, прежде всего, вопрос об удовлетворенности работой сотрудников коммунальных служб.

Данные обнаруживают довольно сильный разрыв между оценками «начальства» и рядовых работников, который наблюдался и в предыдущих исследованиях. Неудовлетворенность работой коммунальщиков выражается, главным образом, в поведенческих реакциях: многие участники углубленного интервью указывали на то, что сами убирают лестничную площадку, а электриков и сантехников вызывают со стороны, поскольку услуги представителей бывших РЭУ уже давно стали платными, а качество работ зачастую оставляет желать лучшего. Вот только самостоятельно управлять своим домом граждане пока не готовы, и поэтому негативное отношение к администрации УК/ТСЖ не предполагает поведенческой альтернативы, а накапливается и перерастает в недовольство жизненными условиями в целом.

Современным законодательством предусматривается возможность создания в сфере жилищно-коммунальных отношений множества новых *институциональных форм*: собрание жильцов, непосредственное управление многоквартирным домом, общественная должность старшего по дому, территориальное общественное самоуправление.

Муниципальная социология изучает эффективность функционирования каждого такого института по трем параметрам:

1) информированность граждан о существовании института либо о возможности его опредмечивания в конкретных условиях дома, двора, микрорайона;

2) готовность граждан взаимодействовать с этим институтом либо частота взаимодействия и степень охвата целевой группы;

3) доверие к институту и/или удовлетворенность результатами взаимодействия.

ТСЖ и непосредственное управление домом. Законодатели, да и исполнители жилищной политики на местах сейчас уделяют много внимания выбору оптимальной организационной формы обслуживающей компании. С позиции ведомственной оценки (а том числе учитывающей количество поступивших жалоб) ТСЖ зарекомендовали себя как наиболее эффективная форма управления. В самом деле, их финансовые потоки более прозрачны и снижен риск мошенничества при ликвидации. Социологические же данные не позволяют делать такие однозначные выводы, как видно из табл. 5.

Согласно исследованию, доля тех, кто предпочитает УК, заметно возрастает в подгруппах граждан, дома которых ими же и обслуживаются. Доля предпочитающих непосредственное управление больше всего там, где оно уже практикуется, а также среди жителей домов, обслуживаемых крупным ТСЖ. В целом наблюдается статус-кво, т.е. граждане не верят в то, что очередные структурные перемены положительно повлияют на качество коммунального обслуживания.

Вопрос о том, в какой мере население способно управлять жилищным фондом, ставился в работе [4]. По данным нашего исследования, только 28,8% опрошенных допускают, что их непосредственное участие в выборе управляющей компании может положительно сказаться на качестве услуг. При этом противоположной позиции придерживаются 60,6% респондентов.

Углубленное интервью позволяет понять мотивы того, почему жильцы многоквартирных домов не спешат делать выбор в пользу жилищного «самоуправления».

Во-первых, респонденты сетуют на отсутствие в их среде лю-

дей, профессионально разбирающихся в сфере ЖКХ. Как сказал один участник опроса, *«у нас есть ребята-сантехники, но нужен бухгалтер»*. Замысел реформы не предполагает, что в каждом доме будет жить профессиональный коммунальщик и еще все необходимые специалисты, однако такая позиция может определяться низким уровнем доверия к потенциальным подрядчикам. По меньшей мере, на каждый дом должен приходиться хотя бы один общественный лидер – заинтересованный и порядочный человек, который *«отдавал бы себя этой работе не просто так, не формально, а чтобы была отдача этой работе»*.

Во-вторых, респонденты опасаются того, что непосредственное управление домом потребует более высоких затрат, и говорят о несоответствии данной организационной формы своему уровню жизни: *«Собственники – это хорошо, но нет средств на это, чтобы управлять. Нужен богатый человек для этого»*.

В-третьих, не все граждане могут и хотят быть активистами, желая сохранить роль простого потребителя услуг: *«Не нам решать. Мы люди маленькие, нам квиток пришел, и мы по нему платим. А за что платим... неизвестно»*. Кстати, специальный вопрос о готовности человека лично возглавить ТСЖ в границах своего дома насчитывает всего 4,6% положительных ответов, тогда как отрицательных – 90,5%.

В целом расклад мнений об эффективности различных форм обслуживающей организации соответствует следующей позиции: **главное – не форма управления, какой бы демократичной она ни была, а качественное обслуживание**. Удовлетворенность сферой ЖКХ повышается, если ра-

ботники обслуживающей организации, вне зависимости от ее формы, выполняют все требуемые от них обязанности.

Институт старшего по дому. Отношение респондентов к старшему по дому изучалось через такие переменные, как информированность и доверие. По официальным данным, на момент опроса выборы старшего по дому прошли во всех многоквартирных домах. Социологическое исследование позволило установить следующее: 4,3% опрошенных убеждены, что на территории их проживания старшие по дому отсутствуют. Знают своего старшего по дому 38,5% респондентов, причем среди пенсионеров показатель возрастает до 42,4%, а среди молодежи снижается до 19,3%. Не знают – 53,8%, главным образом, это молодые люди. Среди тех, кто знает старшего по дому, 76,4% ему доверяют, 11,4% – не доверяют и 12,1% затрудняются ответить. Многие интервьюируемые указали на то, что старший по дому ничего не делает, хотя нашлись и позитивные примеры: *«Он следит за территорией, состоянием заборов, их окраской»*, *«Рассылает договора, объяснения, пошел в дом управления, и нас поставили на очередь по утеплению и капитальному ремонту дома»*, *«Все делает, суетится. Гоняет наших работников здесь»*. Как видим, в представлении граждан старший по дому – это блюститель интересов соседского сообщества, посредник между жильцами и начальством (в собирательном плане, от обслуживающей организации до муниципалитета и выше). Поскольку институт старших по дому создавался в одночасье, при отсутствии как профессиональной, так и психологической подготовки, все оказалось в зависи-

мости от конкретных людей, их желания и умения действовать. А персонификация социальных институтов, как известно, является признаком их незрелости либо разбалансированности.

Собрание жильцов. Измерение отношения респондентов к участию в общем собрании собственников помещений многоквартирных домов показывает низкий уровень активности граждан – 22,2%, и то с учетом ненадежности самооценок. Кстати, среди молодежи значение показателя снижается до 12,1%, а среди пенсионеров – возрастает до 28,7%. Не смогли участвовать, по их признанию, 39,2%, и не слышали о собрании 27,8% респондентов.

Записи высказываний позволяют выделить три мотива участия в собраниях: 1) представление о должном поведении, заинтересованность инициатора: *«Так как ответственный человек, это касается меня», «Так как это обязательно. Мы два раза пытались организовать...»*; 2) стремление узнать о планах обслуживающей организации: *«Интересно, что скажут на будущее», «Хочется послушать, что они наобещают»*; 3) желание решить проблему, предложить инициативу: *«Нет во дворе стоянки для машин, невозможно вынести человека из подъезда для скорой. Есть место для стоянки, но там не делают. Это меня интересует на собраниях. Так же облагородить детскую площадку. Побольше качелей»*. Неучастие в собраниях респонденты объясняют нехваткой времени, преклонным возрастом либо бесполезностью данного института.

В целом, судя по небольшому числу участников собраний жильцов и слабо выраженной рациональной мотивации, можно гово-

рить о том, что собрание жильцов как социальный институт в большинстве случаев пока еще не соответствует своей основной функции – быть управленческим и контрольным органом.

Территориальное общественное самоуправление (ТОС) является, пожалуй, наиболее противоречивой институциональной формой в сфере ЖКХ. С одной стороны, в ряде российских регионов уже созданы достаточные условия для развития данной разновидности общественного участия в местном самоуправлении, вплоть до ресурсных центров и грантовой поддержки, с другой, остается нерешенным вопрос о месте органов ТОС среди субъектов жилищно-коммунальных отношений. Поскольку проблематика ТОС является обширным исследовательским направлением, в настоящей работе мы ее коснемся лишь в контексте сферы ЖКХ.

К данной форме самоорганизации население демонстрирует неопределенную позицию (49,2%) либо равнодушие (26,7%). Положительное отношение выражают 13,1% респондентов, отрицательное – почти столько же (10,9%). При этом, как показывают ответы на другой вопрос, 68,0% граждан не знают, входит ли их дом в ТОС. Соответственно, большинство интервью содержат лаконичную сентенцию *«не знаю, что это такое»*. Единственный содержательный ответ – *«Да, есть что-то, приходят люди, мы сами их выбрали... Мы можем к ним обратиться, они наши проводники и представители»* – показывает, что фактически ТОС дублирует функции старшего по дому.

В целом можно говорить о том, что институциональные условия реализации потребностей граждан в услугах ЖКХ пока еще недоста-

точные. Наблюдается разбалансированность институтов: гиперфункция муниципалитета и обслуживающих организаций и гипофункция органов общественного самоуправления. Также имеет место дублирование функций ТСЖ, старшего по дому и ТОС. При этом качество жилищно-коммунальных услуг определяется не отлаженностью механизмов институционального взаимодействия, а исключительно человеческим фактором.

Оценка инициатив местной администрации либо федерального центра, непосредственно затрагивающих интересы населения

Третий раздел исследования, выполненного в русле муниципальной социологии, вариативен и зависит от конкретного временного периода, когда проводятся те или иные инициативы – от ключевых элементов жилищно-коммунальной реформы до мероприятий локального значения.

Относительно сферы ЖКХ отметим, что многие инициативы непосредственно затрагивают интересы населения, в том числе финансовые, а значит, отношение к ним не может быть безучастным.

Мы, в частности, попытались выяснить степень готовности граждан участвовать в софинансировании капитального ремонта на условиях оплаты 5% от стоимости работ, как и положено по законодательству [5-6]. Оказалось, что в подгруппе собственников жилья, не участвовавших в данной программе, чуть более четверти респондентов (26,8%) очень хотят, чтобы был сделан капитальный ремонт, 20,0% готовы подчиниться общему решению, 15% считают, что дому ремонт не требуется и 12,3% указывают на обременительные условия оплаты за

ремонт. Остальные опрошенные (25,9%) затруднились с ответом.

Отдельным параметром исследования было отношение к оплате за отопление по общедомовому прибору учета. Такой вид оплаты практикуется в части многоквартирных домов г. Белгорода. За новый вид оплаты высказались 48,2% респондентов, за сохранение прежнего – 41,1%. Такой расклад данных говорит о том, что в целом граждане принимают это нововведение.

Помимо уже реализуемых инициатив, муниципальная социология призвана измерять и гипотетические, время которых еще не наступило. В частности, таковым исследовательским параметром является готовность граждан нести дополнительные расходы на содержание мест общего пользования, чтобы обеспечить их более качественное обслуживание. Согласными на такой вариант обслуживания оказались 25,3% респондента; главным образом это средневозрастная группа (28,9%), тогда как среди молодежи показатель составил всего 17%. В 11% случаев ответы на данный вопрос снабжались пояснениями, откуда можно заключить, что главные условия, на которых граждане будут вкладывать средства в общедолевую собственность – это качество и результативность работ – 25,5%, приемлемая стоимость – 21,8%, целевое использование средств – 19,1% и участие всех жильцов – 16,4% (значения даны в % от числа респондентов, ответивших на открытый вопрос).

Таким образом, муниципальная социология позволяет оценить удовлетворенность граждан сферой ЖКХ посредством учета полноты реализации соответствующих потребностей, предпочтения профильных институтов и готовности адекватно воспринимать исходящие от власти инициативы. Результаты ис-

следования показывают, что в целом удовлетворенность сферой ЖКХ после кризисного 2009 года остается на достаточно низком уровне. При этом ситуация стабилизировалась и не может рассматриваться как критическая, поскольку доли довольных и недовольных сейчас примерно равные. Граждане в большей мере довольны коммунальными услугами, чем жилищными и, оценивая сферу ЖКХ, подразумевают жилую среду в широком плане. Взаимодействуя с институтами жилищно-коммунального профиля, люди воспринимают их, прежде всего, с позиции качества услуг, отодвигая вопрос о демократичности управления на второй план. В такой ситуации условия для реформы, предполагающей переход на непосредственное управление многоквартирными домами, пока еще не созрели. Тем не менее, уже начинает формироваться психология собственников многоквартирных домов, которые готовы не только отстаивать свои права перед властью, но и выполнять обязанности – от поддержания порядка на общих территориях до вкладывания личных средств в их развитие.

Сноски:

1. Харченко К.В. Удовлетворенность населения уровнем безопасности // Мониторинг общественного мнения. – 2009. – №4.

2. Syptak, J.M. Job satisfaction: Putting theory into practice / J.M. Syptak, D.W. Marsland, D. Ulmer / American Academy of Family Physicians, 1999 // www.aafp.org.

3. Тихонова Н.Е., Акатнова А.М., Седова Н.Н. Жилищная политика в современной России. Ситуация в обеспечении населения жильем и коммунальными услугами. Реформирование ЖКХ // Социс. – 2007. – №1. – С.71-81.

4. Галютдинов А.Р., Муллаянов Р.М. Метаморфозы реформы ЖКХ // Социс. – 2007. – №11. – С.50-54.

5. О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства: Федеральный закон №185-ФЗ от 21 июля 2007 г.

6. О порядке определения минимального объема долевого финансирования проведения капитального ремонта многоквартирных домов, переселения граждан из аварийного жилищного фонда, в том числе с учётом необходимости стимулирования развития рынка жилья, за счёт средств бюджетов субъектов Российской Федерации и (или) средств местных бюджетов в 2009 году и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон №323-ФЗ от 30 декабря 2008 г.

Формирование ценностных ориентаций специалиста в технических вузах

Ватлин А.А.

В работе рассматриваются отдельные аспекты формирования ценностных ориентаций и гуманистического мировоззрения студентов высших профессиональных учебных заведений. Исследуются вопросы современной подготовки специалистов в высшей школе, анализируются вопросы связи вузов с социотехнической системой воспитания и обучения специалистов.
Ключевые слова: социология, управление, молодежь, наука, реформа

Vatlin A.A.

Shaping value orientation of the specialist in technical high school

In work separate aspects of formation of valuable orientations and humanistic outlook of students of the higher professional technical educational institutions are considered. Questions of modern preparation of experts at the higher technical school are investigated, questions of communication of high schools with educational system and training of experts are analyzed

Keywords: sociology, management, youth, science, reform

Инновационное высшее образование относится к числу важнейших факторов, способствующих формированию инновационного потенциала российской экономики. Ключевым звеном кадрового обеспечения формирующейся национальной инновационной системы РФ должны стать специалисты технического, технологического и инженерно-экономического профилей. На сегодняшний день становится очевидным, что градиент гармоничного развития человека и общества лежит в области создания новых методов использования информационно-интеллектуального ресурса общества (ИРО).

Успешное использование ИРО в социальной сфере связано, в первую очередь, с развитием у человека механизмов самоопределения, творческого выбора в ситуации неопределенности, способностях осваивать инновации. А эти свойства определяются не только доступностью знаний и информации, сколько содержанием культуры, осмыслением преобразований своей деятельности, - всем тем, что определяет наши отношения с природой, обществом и самим собой.

Стремление использовать сегодняшние исторические альтернативы наталкивается на серьезные трудности. Трудности, не в последнюю очередь связанные с тем, что процессы реформирования накладываются на острые, нерешенные противоречия и проблемы, уходящие своими корнями в далекое и недавнее прошлое. Наблюдавшиеся тогда падение интереса к труду, социальная апатия, отчуждение человека от политической системы, искаженное правосознание, деморализация части населения и т. п. еще не изжиты полностью, еще остаются отнюдь не меньшим тормозом начатых радикальных реформ, нежели технологическая отсталость многих отраслей нашего производства. Кроме того, отсутствие достаточно четко очерченных целей реформ, экономическая и политическая нестабильность, доминирование в обществе традиционных ценностей сформировали у основной массы населения негативно-настороженное отношение к ключевым элементам рыночных преобразований. Кризис продемонстрировал слабость государства и новой элиты. Последствия психологического шока в виде стойкого недоверия населения к власти, любым ее инициативам и начинаниям ощущаются и сегодня.

Социологи утверждают, что хотя фундаментальной ценностью оставалась социальное благополучие, однако, в отличие от предыдущих десятилетий, на первый план начали выходить те референты данной моноценности, которые больше связаны с непосредственным ее физическим воспроизводством. Подсистема массового сознания все более приземлялась и сжималась вокруг некоего ядра понятий фундаментальных ценно-

стей: власть, деньги, стабильность, выживание. Так, например, итоги социологического исследования общественного мнения студентов Новосибирского государственного технического университета, проведенного в 2009 г. показали, что более половины опрошенных (54,8%) в вопросе о ценностных предпочтениях выбрали материальное благополучие (на первом месте - здоровье, на третьем и четвертом - семья и дружба).

Исследования показывают, что молодое поколение гораздо быстрее адаптировалось к новым социальным условиям. Повышенный уровень социального самочувствия молодого поколения в немалой степени связан с тем, что молодые люди менее всего связаны с прошлым и воспринимают нынешнюю жизнь как нечто само собой разумеющееся. Многие из них полны уверенности в собственных силах, по-хорошему амбициозны, ориентируются на современные стандарты потребления, строят планы, исходя из уровня жизни обеспеченных групп.

Одновременно ценностные ориентации молодежи претерпели заметные изменения; особенно это касается значимости труда. Своеобразным фокусом духовной жизни студентов ряда вузов г. Москвы являлись установки, ценностные притязания по поводу того как, каким образом следует достигать успеха в современной жизни. В данном случае речь шла об определяющих жизненных ориентирах. О том, насколько современный молодой человек рассчитывает на собственное трудолюбие к достижению цели, и, соответственно, прилагает в этом достиженческом направлении основные усилия. Или же он (она) рассчитывает на везение, удачу (авантюристическая ориентация). Выяс-

няя мнение студентов о факторах жизненного успеха, социологи отвечали на фундаментальный вопрос: насколько в нашей жизни утвердились достиженческие нормы, нравы или, наоборот, аскриптивно-партикуляристские стандарты, предполагающие, что люди достигают успеха за счет родственных связей и пр.

Исследование показало, что современные квалификационные характеристики специалистов (существующая модель) более или менее полно удовлетворяют только профессиональным требованиям, тогда как социально-психологические требования к специалистам присутствуют в них в недостаточной степени, а личностные и творческие качества вообще обеспечиваются с большой натяжкой. Очевидно, что в качественную характеристику не закладывается единство фундаментальной, специальной, теоретической, общегуманитарной и практической подготовки.

Между тем личностная сторона предполагает раскрытие возможностей субъекта обучения, формирование его мотивов и интересов, воспитание потребностей в процессе целенаправленного взаимодействия преподавателя и студента. И, даже более того, эмоционально-психологические и духовно-нравственные качества специалиста, уровень его гуманитарной культуры становятся профессионально-необходимыми качествами, составляя основу его профессиональной компетентности.

Так, исследование показало, что в настоящее время требования к выпускнику инженерного вуза существенным образом изменились. «Если конкретизировать требования со стороны общества к основному образованию,² пишет Л.Гребнев, - и учесть положения,

сформулированные в «Основных направлениях социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу», (п. 1.6.)¹, то результатом обучения в вузе, должен стать специалист-личность, умеющий обнаруживать проблемы, вырабатывать способы их решения и критически оценивать получаемые при этом результаты – как непосредственные, так и отдаленные. Это человек, способный формировать собственную позицию по любым вопросам общественной жизни, готовый осваивать профессии, требующие именно высшего общего образования и развитых психологических навыков работы в команде, в том числе многопрофессиональной (межнациональной, международной). Это человек, понимающий и, по возможности, разделяющий принципы функционирования открытого, толерантного общества, умеющий соотносить собственные интересы и интересы различных общностей, способный грамотно организовывать как минимум свою деятельность, управлять самим собой, собственной жизнью.²

Речь идет о четырех «столпах» компетентности выпускника высшей школы: профессионально-методической, социально-коммуникативной, компетентности в плане деятельности, претворения задуманного в жизнь, компетентности в плане личности,³ сформировавшегося активного поиска знаний, исключающего дискретность во времени. На наш взгляд, неправомерно сводить инновационность к соединению экономического и технического в деятельности инженера. Инновационность – понятие синтетическое, вобравшее в себя различные стороны активного мышления специалиста. Ядром его содержания мы считаем

нацеленность сознания на новые знания, социально-психологическую потребность в них и интеллектуальную готовность их восприятия.

Сбалансированные требования к выпускнику вуза, его профессионализму, фундаментальной образованности, специальной (теоретической и практической) подготовке, осознанному отношению к труду, специальности и ответственности перед обществом за результаты своей профессиональной деятельности, выдвинутые мировым сообществом, включают в себя и формирование новых подходов к преподаванию гуманитарных и социально-экономических дисциплин, которые должны изучаться не только как общеобразовательные, но и как вооружающие студентов методами решения соответствующих задач, во взаимосвязи с экономическими, правовыми, управленческими, экологическими, социальными, психологическими и другими аспектами их будущей профессиональной деятельности.

Технические науки, изучающие закономерности функционирования техники в силу ее двойственной природы, совмещающей в себе естественное и искусственное, природное и социокультурное, находятся на стыке наук о природе и наук об обществе и человеке. А это означает, что в инженерном образовании при постановке преподавания технических наук, составляющих его основу, необходимо в принципе использовать «язык» гуманитарных наук, язык культуры, раскрывающий «человеческие измерения» техники как способа человеческого существования и деятельности.

Специалист – выпускник высшего учебного заведения – представляет собой, с одной стороны,

личность, с другой – работника. Специалиста как работника характеризуют профессиональные знания, умение и навыки для выполнения им профессиональных обязанностей. Специалист как личность, характеризуется жизненными ценностями, мотивацией, социальными, экономическими, политическими, социокультурными нормами, выходящими за пределы профессионально необходимых.

Исходя из сказанного, сверхзадачей программ подготовки специалистов в высших технических учебных заведениях становится формирование у обучаемых не только знаний, умений и навыков решения отдельных частных инженерных задач на микроуровне, но и для аналогичной деятельности на более высоких уровнях, включая макроуровень, где техносистема, являющаяся объектом той или иной специальности, рассматривается в целом, причем не изолировано, а в ее реальной взаимосвязи с другими техническими системами, внешней природной средой и социумом. Гармоничный синтез двух ветвей человеческой деятельности и двух ветвей знания (гуманитарного и технического) определяет наиболее продуктивную перспективу развития образования.

По свидетельству специалистов (экспертов) ряда университетов в результате изучения гуманитарных дисциплин активизируется не только логическое, но интуитивное, творческое начало человека, расширяется сфера эстетического отношения к миру, осуществляется гармонизация личности. Как показывает опыт ряда стран, эта структура образования дает, в конечном счете, и существенный финансово-экономический эффект. Обеспечить развитие со-

ответствующих личностных, нравственных, социально-культурных и приобретение необходимых профессиональных качеств выпускниками актуальная современная задача всей высшей школы и должен быть ориентиром обучения в вузах. Такой подход позволит построить качественно новую модель личности специалиста.

Модель специалиста в широком смысле, есть «совокупность его профессиональных, социально-психологических, творческих и личностных качеств, определяющих его способность трудиться в современных условиях общественного развития, добиваясь результатов, адекватных требованиям социально-экономического и научно-технического прогресса»⁴.

Тем самым модель специалиста выступает как некий идеал, ориентир, который должен быть достигнут при реализации вузовской подготовки, как инструмент совершенствования системы высшего технического образования.

При этом системный характер деятельности современного специалиста, сочетающий в себе не только предметно-инструментальную, но и духовную, культурную сторону, определяет необходимость отражения в модели специалиста следующих качеств: определенно-го уровня профессиональной компетенции (овладение системой общенаучных, профессиональных знаний и способов деятельности), компетенции социокультурной (наличие системы общечеловеческих и профессиональных целей, ценностей, идеалов), компетенции психологической (определенный уровень творческого, интеллектуального развития, стиль деятельности и общения и т.д.).

Высокий уровень общей эрудиции, сформированное гуманисти-

ческое мировоззрение, наличие специального гуманитарное знание, несущее в себе ценности, идеалы человечества, является предпосылкой для становления метода, основанного на гуманистических принципах. Трансформация гуманитарного знания в умение с целью выработки гуманистического сознания, имеющего практическую реализацию, предполагает как условие воплощение главных принципов гуманизма в сферу повседневной образовательной практики, т.е. гуманизацию всей сферы института образования.

В частности, как считает выдающийся ученый современности Х. Ортега-и-Гассет, «узкий специалист является новым варваром, отставшим от современной цивилизации, архаичным и примитивным... Этот новый варвар является профессионалом..., он более учен, чем когда бы то ни было прежде, но в то же время и более безкультурен»⁵. В современном мире «невежество, замаскированное под «узкоспециальную образованность», становится одной из главных опасностей»⁶: узкий специалист не в состоянии решать социальные проблемы обеспечения безопасности жизнедеятельности человека и окружающей среды, функционирования общества, не может оценивать возможные последствия воздействия научно-технических и технологических разработок на личность, общество, культуру.

Поэтому университет будущего - гуманитарно-технический университет, университет единой культуры человечества, призванный осуществлять формирование целостной, органичной личности. Личности, ориентирующейся в обеих культурах, являющейся носителем новой культуры, в которой уже не будет противоре-

чия гуманитарное - техническое. Одна из важнейших характеристик – это активная гражданская позиция, устойчивое стремление к социальному взаимодействию с обществом, коллективом, друзьями, партнерами, уважение и принятие различных точек зрения, понимание механизмов возникновения и разрешения социальных конфликтов.

Высокая организационно-управленческая культура предполагает: способность ориентироваться в системе общечеловеческих ценностей, и учитывать особенности и интересы различных социальных, национальных, религиозных, политических и профессиональных групп в обществе; понимание психологии личности и малых групп для способности оказывать на них определенное управленческое и педагогическое воздействие; возможность применять различные методы социального управления для создания благоприятной духовной атмосферы и устойчивого психологического климата в научных, инженерно-технических коллективах и студенческих группах; готовность к социально-культурному взаимодействию и сотрудничеству в профессиональных сообществах; развитие способностей работы в команде, в международных проектах; устойчивое стремление руководствоваться в общении и профессиональной деятельности правами и обязанностями гражданина РФ; свободное и ответственное поведение.

Важно воспитывать в специалисте способность к оценке и прогнозированию социальных, экологических и нравственных последствий собственной профессиональной деятельности и организации в целом. В современных условиях научно-технического прогресса,

когда существует реальная опасность возникновения глобальных катастроф техногенного происхождения, экологическое сознание специалистов в области техники и технологии (подразумевающее: обеспечение безопасности человека, общества и окружающей среды; обеспечение выживаемости человека и сохранение его жизни, здоровья, качества окружающей среды), становится одним из наиболее актуальных вопросов их профессионализма.

При этом вся деятельность общества должна подчиняться определенному этическому кодексу. В основе кодекса лежат такие направления поведения инженеров, ученых и преподавателей высшей школы, как: личная ответственность за обеспечение безопасности других в своей профессиональной деятельности и постоянная забота об общественном благополучии; ответственность за качество подготовки новых научных и инженерно-технических работников, честность, беспристрастность, порядочность, справедливость; уважение существующих законов и т.д.

Высокоразвитая личность студента предполагает обладание инструментальными компетенциями, включающими: владение письменной и устной коммуникацией на государственном языке, необходимое знание второго языка; способность и готовность к подготовке и редактированию текстов профессионального и социально-значимого содержания; способность к презентации и защите результатов комплексной инженерной деятельности; способность к критическому восприятию информации, ее анализу и синтезу; владение навыками публичной речи, аргументации, ведения дискуссии, полемики и др.

Высокий профессионализм современных представителей научно-технической интеллигенции невозможен без наличия у них знаний и навыков в области электроники, информатики, коммуникаций и связи. Это обусловлено тем, что в современном информационном обществе коммуникационно-вычислительные сети, информационно-поисковые системы (в частности, Интернет), компьютеры и микроэлектроника становятся неотъемлемыми атрибутами жизни человека и общества, способствуя резкому увеличению и улучшению обмена различной информацией, выступающей, в свою очередь, одним из основных факторов современного общественного развития. Безусловно, успешное владение основами технической эстетики, дизайна и эргономики.

Анализ документов и материалов позволяет определить ряд позитивных тенденций в развитии высшей технической школы, обозначившихся на рубеже XX-XXI вв. Прежде всего это формирование идеологии взаимосвязи развития общества, образования и личности и постепенный переход к личностно ориентированному образованию. В свою очередь это обуславливает переход к многообразию образовательных программ (по срокам, уровням, направлениям обучения), создающих предпосылки для реального выбора индивидуальных образовательных траекторий в соответствии с запросами и возможностями личности. И как следствие возникновение сети разнообразных образовательных учреждений, основной принцип функционирования которых это повышение уровня автономности образовательных учреждений, развитие академических свобод педагогов, учащихся и студентов, гума-

низация образования, движение к органичному единству естественнонаучного и гуманитарного образования. Переориентация образовательного процесса на овладение учащимися и студентами различных способов освоения культуры, развитие у них навыков самостоятельной работы и творчества, использование возможностей высшего образования для формирования гражданской, правовой, психологической, экономической и экологической культуры студентов, для развития многообразия мнений вот основные тенденции в становлении личности специалиста. В связи с этим переход от изучения компьютерной техники к освоению информационных и коммуникационных технологий, становится одним из важнейших условий, наряду с ориентацией на более полное использование образовательных возможностей социокультурной среды, расширение масштабов и повышение значимости инновационного движения для развития системы образования. Все это позволит привлечь в вузы, в высшую техническую школу высококвалифицированных педагогических кадров, обусловит переход к многоуровневой системе профессионального образования.

В тоже время исследование проблемы позволяет сформулировать вывод о том, что сложившееся ныне содержание высшего технического образования все больше отстает от глобальных тенденций становления информационного, постиндустриального, гражданского общества, от потребностей формирования свободной личности в условиях демократизации общества. До сих пор не преодолен его технократический и сциентистский характер, все больше проявляется серьезная проблема слабой включенности сферы обра-

зования в общие процессы российских реформ. Даже в правительственных документах и инструктивных материалах Министерства, социокультурная основа выращивания современного специалиста, как правило, не звучит, остается неким не обязательным фоном.

Литература

1. Блякерев И., Руднев С, Соколов Э., Фролов Н. Многоступенчатое высшее профессиональное образование: профильный подход // Высшее образование в России. 2003. №4.
2. Добренёва Е.В. Реформы образования как проявление общественного дискурса // Социология. 2004. №1.
3. Долженко О. Социокультурные предпосылки становления новой парадигмы высшего образования // Alma Mater. - 2000. -№10.
4. Васильев В., Сухорукова М. Информационное общество и образование // Высшее образование в России. 2003. № 4.
5. Там же. С. 3 - 4.
6. Петрунева Р., Дулина Н., Токарев В. Гуманитарная среда в инженерном вузе. // Высшее образование в России. 1999. № 5. С. 48.
7. Цит. по: Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университетов в европейской культуре. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1994. С. 77.
8. Черткова Е.Л. Научный разум и гуманистические ценности. // Философия науки. Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей. / Отв. ред. И.Т. Касавин, В.Н. Порус. М., 1999. С. 121.

Справедливый социум: историко–философские основания концепции

Князев А.П.

В статье ставится задача продемонстрировать неполноту обыденного истолкования справедливости как закономерности человеческого общения, ориентированной на поддержание общественного баланса. Демонстрируется взаимосвязь феномена справедливости с такими категориями, как свобода и равенство. Особое внимание уделяется практическим основаниям конструирования справедливого социума.

Ключевые слова: справедливость, свобода, равенство, справедливое общество

Knyazev A.P.

Fair society: the historico-philosophical bases of the concept

In article the problem is put to show incompleteness of ordinary interpretation of justice as to the law of human dialogue focused on maintenance of public balance. The interrelation of a phenomenon of justice with such categories as freedom and equality is shown. The special attention is given to the practical bases of designing of fair society.

Keywords: justice, freedom, equality, a fair society

Хотя представления о справедливом и несправедливом жизнеустройстве обусловлены историческим и социокультурным контекстом, базовая характеристика справедливости как соразмерности, эквивалентности оформилась уже в античности, в трудах таких философов, как Пифагор, Сократ, Аристотель. Аристотелевская теория справедливости и в настоящее время сохраняет свою актуальность. Так, современный американский автор А. Макинтайр вслед за Аристотелем выделяет в качестве одной из основных черт человеческой природы стремление к благу посредством добродетелей. «Тезис о склонности человека к преследованию блага в рамках политического общения принимается Макинтайром как предпосылка концепции справедливости»¹.

Как одна из важнейших социокультурных ценностей и одновременно конструктивный принцип социального устройства, справедливость является предметом изучения многих обществоведческих дисциплин: философии, социологии, политологии, экономики. Важнейшими проблемами, харак-

терными для современного дискурса справедливости, являются поиск её рациональных оснований и анализ существующих моделей социальной справедливости.

В устоявшейся трактовке справедливость определяется как понятие о должном соотношении прав и обязанностей, целей и средств, действия и воздаяния. Её можно квалифицировать как оценку отдельными индивидами или их группами своей роли в обществе с точки зрения соответствия, с одной стороны, сложившимся в обществе моделям социальных отношений, с другой – идеалам подобных моделей.

По предположению Ж.-П. Сартра, такие ценности, как справедливость, честность, гуманность и др. должны предполагаться существующими а priori, поскольку без них человек объективно не в состоянии осуществить свободного выбора, совершить тот или иной поступок, и тем более – нести за него ответственность.

Подчеркнём, что справедливость является мерой субъективной, она устанавливается в каждом конкретном обществе в контексте его культуры и истории. Справедливость также есть нравственная мера, санкционированная большинством членов общества в качестве условия их сосуществования и взаимодействия, она является фундаментальной категорией для того или иного общественного порядка, обеспечивая его легитимность, т.е. является предметом договора, компромисса для членов данного общества, консенсусом взаимных обязательств, позволяющим социуму удерживать свою целостность. В упорядоченном обществе, которое регулируется разделяемой всеми концепцией справедливости, с очевидностью присутствует и общее

понимание того, что справедливо, а что – нет.

Представление о социальной справедливости базируется на совокупном чувстве внутренней справедливости, присущем в той или иной мере каждому члену социума. Когнитивисты (Платон, Кант) полагают, что главная роль среди причин возникновения данного явления принадлежит рассудку, т.е. понятие справедливости рассматривается как результат развития абстрактного мышления или формальной логики. Иной точки зрения придерживаются так называемые «моральные сентименталисты» (Д. Юм, А. Смит). По их предположению, представление о справедливости является продуктом эмоциональной сферы и основано на явлениях сопереживания и симпатии.

Понимание справедливости всегда трансформировалось по мере развития социума. Первую формулу справедливости открыли миру римские учёные, провозгласившие: «Каждому – свое», определяя справедливость как закон всеобщего, согласно которому каждое существо вправе рассчитывать лишь на то, что соответствует его сущности. Представители натурализма (Платон, Аристотель) полагали, что решение проблемы справедливости основано на обращении к понятию природы, законы которой признаются универсальными и имеют непосредственное значение для политики. В рамках данного подхода справедливость получает аристократическую трактовку, хотя признается, что окончательное решение этических вопросов невозможно в отрыве от социального и политического контекста².

В новозаветной традиции понятие справедливости стали связывать с «золотым правилом нрав-

ственности»: «И как хотите чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Дальнейшее развитие эта трактовка справедливости получила в виде категорического императива И. Канта: «Поступай согласно такой максиме, которая в то же время может стать всеобщим законом»³.

В эпоху Просвещения справедливость получила новое осмысление в рамках волюнтаристского подхода в трудах Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Д. Локка, Ш. Монтескье. В отличие от натурализма Платона и Аристотеля, этот подход обосновывал свои представления о должном иначе, отрицая всякую предпосылность морального порядка политическому. В контексте волюнтаризма справедливость получила трактовку согласно принципам эгалитаризма, а единственно возможным способом разрешения правовых коллизий было признано неуклонное следование идее права. Данная концепция сохраняет свои позиции и в современной философско-социологической литературе⁴.

Сегодня в обыденной жизни о справедливости обычно говорят как о некоей закономерности человеческого общения, избранной для поддержания баланса между отдачей и приобретением в процессе обмена материальными и духовными благами. В данном контексте под справедливостью подразумевается мера, с помощью которой осуществляется такой эквивалентный обмен. Мера здесь рассматривается не как количественный показатель, а как определенное качество, связанное с наличием порядка, а также с умеренностью или упорядоченностью как его производными. Соответственно, ситуация, в которой баланс нарушается, то есть имеют место какие-то неоправдавши-

еся ожидания или невосполненные усилия, считается проявлением несправедливости.

Однако для философии подобная интерпретация справедливости является неполной, поскольку в ее рамках остаются не проясненными сами *критерии* справедливости, а также соотношение с другими человеческими ценностями – свободой, равенством и т.п. В ходе осмысления феномена справедливости остаётся немаловажной его взаимосвязь с данными категориями. Именно поэтому взаимодействие вышеперечисленных феноменов представляется логичным рассматривать в контексте такого практического приложения, каким является социальное конструирование.

Такие ценности, как справедливость, свобода и равенство не вводимы законодательно, они не являются результатом рефлексивно-волевой процедуры принятия и исполнения законов, в состав которых они включены. Напротив, указанные выше феномены укоренены, вписаны в самую социальную архитектуру, в силу чего обладают исключительно объективной значимостью. Это означает следующее: прежде чем быть зафиксированными субъективно (например, в законе, предписании), свобода и равенство должны присутствовать в социальной реальности объективно, как необходимое качество самой действительности, а не просто как некие благие пожелания законодателей.

Остановимся на этом вопросе подробнее. Свобода – это одна из фундаментальных философских категорий, она ведёт свою историю ещё со времен Античности. Кроме того, это один из наиболее употребительных терминов в целом ряде научных дисциплин. В контексте рассмотрения взаимо-

действия таких категорий, как справедливость и свобода, целесообразно определиться с тем, что принимать за определение свободы, каковы ее критерии и основные проявления. Ш. Монтескье в своей работе «О духе законов» писал: «Нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и произвело бы столь различное впечатление на умы, как слово «свобода». Одни называют свободой легкую возможность низлагать того, кого наделили тиранической властью; другие – право избирать того, кому они должны повиноваться; третьи – право носить оружие и совершать насилие; четвертые видят ее в привилегии состоять под управлением человека своей национальности или подчиняться своим собственным законам. Некий народ долгое время принимал свободу за обычай носить длинную бороду. Иные соединяют это название с известной формой правления, исключая все прочие»⁵.

П.А. Гольбах полагал, что свобода – это «...возможность делать ради своего собственного счастья все то, что не вредит счастью других членов общества»⁶. Классики мировой философии Спиноза и Гегель писали о свободе как о познанной необходимости. Э. Фромм считал, что «свобода означает не что иное, как способность следовать голосу разума, здоровья, благополучия и совести против голоса иррациональных страстей»⁷. Ж.-П. Сартр отмечал, что человек – это свобода. Можно привести и многие другие высказывания философов по данному вопросу. Но уже на данном этапе есть основания утверждать, что свобода имманентна личности, она выступает естественным условием человеческого бытия. Итак, свобода – понятие социальное, она

возникает в процессе совместной жизнедеятельности людей.

В контексте справедливого устройства социума будет закономерным обратиться к первому принципу справедливо устроенного общества, который Дж. Ролз выявил в своём труде «Теория справедливости»: любой человек должен располагать максимальной свободой, совместимой со столь же максимальной свободой других людей. Ибо, как известно, нельзя жить в обществе и в то же время быть свободным от общества: человеку приходится считаться с общественным мнением, правоохранительной системой, более или менее приемлемыми моделями поведения и т.п. Человек, таким образом, всегда несет ответственность за свой свободный выбор⁸.

Справедливость в сознании людей, как правило, тесно связана с представлением о равенстве (правовом, экономическом, социальном, гендерном и пр.). В самом общем смысле, принцип равенства означает применение *равной* меры к заведомо неравным индивидам. Формальное юридическое равенство фактически неравных в тех или иных отношениях индивидов имеет организующий смысл. Будучи продуктом сознательного абстрагирования от различий, присущих уравниваемым объектам, равенство представляет собой определенного рода абстракцию. Например, «правовое равенство как равная мера свободы необходимо включает в себя требование соразмерности, эквивалента в отношениях между свободными индивидами как субъектами права»⁹. Иными словами, правовое равенство представляет собой равенство свободных и независимых друг от друга субъектов права по общему для всех масштабу, единой норме, равной мере. Это означает,

что, «правовое равенство - это равенство свободных и равенство в свободе, общий масштаб и равная мера свободы индивидов. Право говорит и действует языком и средствами такого равенства и благодаря этому выступает как всеобщая и необходимая форма бытия, выражения и осуществления свободы в совместной жизни людей»¹⁰.

Продолжая анализ избранной проблемы, зададимся вопросом о предпосылках справедливости в социальном мире. Здесь имеет смысл снова обратиться к работе Дж. Ролза «Теория справедливости» и рассмотреть второй принцип справедливого устройства социума. Это принцип равной доступности, согласно которому все, что может представлять собой благо для человека, должно быть равно открыто для любого члена общества: это и равная доступность материальных благ, и открытый для всех доступ к любым должностям и социальным позициям.

В справедливо устроенном социуме, как полагает автор, при наличии денежных средств каждому человеку должны быть доступны любые товары и услуги, а при наличии у него соответствующих способностей, знаний, трудолюбия, настойчивости и т.п. для него должна быть открыта возможность достижения в обществе того положения, к которому он стремится. Речь идёт, как видим, об общепризнанных нормах организации современного правового демократического общества. В той или иной форме эти нормы закреплены в реальных конституциях большинства современных развитых государств, в том числе и в действующей Конституции Российской Федерации.

Трактовка Дж. Ролзом принципа различия или неравенства ин-

дивидов представляется весьма оригинальной. Суть последнего состоит в том, что справедливое общество вовсе не обязано облагодетельствовать всех - в свободном и открытом обществе индивиды, по преимуществу, должны сами заботиться о себе. Именно они выбирают те ценности, которые рассматривают как благо и сами стремятся к их достижению, опираясь при этом на собственные силы и способности. Все это самым естественным образом порождает материальное и социальное неравенство.

Помимо прочего, справедливое общество должно быть «честным». Введённое понятие призвано конкретизировать фундаментальное в рамках политической теории Дж. Ролза понятие справедливости. Руководствуясь чувством честности, члены общества призваны осознать, что далеко не все индивиды способны исключительно собственными усилиями обеспечить для себя более или менее достойное существование: инвалиды, нетрудоспособные, хронически больные и многие другие категории граждан неспособны без общественной поддержки на более или менее достойное существование. Ученый настаивает на том, что социальное неравенство будет оправданным и справедливым лишь в том случае, если оно принесет выгоду наименее благополучным членам общества. Вот что по этому поводу пишет сам автор: «Всем проявлениям социального и экономического неравенства должны быть свойственны следующие признаки: наиболее обделенные должны иметь лучшие перспективы, неравенство должно быть связано с должностями и позициями, доступными всем в равной степени»¹¹. Иными словами, когда речь заходит о справедливости, имеющей

место в рамках той или иной формы неравенства, то в максимально возможной степени следует отдавать предпочтение наименее обеспеченным слоям гражданского населения.

Нетрудно заметить, что основанием такого истолкования честности для исследователя является этика долга И. Канта: руководствуясь моральным законом, человек обязан оказывать помощь нищему, даже если это идет вразрез с его природным эгоизмом. Вместе с тем, «честный индивид» Дж. Ролза – это не только высокоморальный, но и *рационально мыслящий* субъект. В данном качестве он должен стремиться к максимальной эффективности помощи бедным. Предполагается, что это будет достигнуто за счет закономерного соотношения благ, которые направляются наиболее обделенным членам общества, и одновременного учета финитности социальных ресурсов, т.к. чрезмерная помощь может истощить ресурсы и подорвать сам механизм производства благ. Все это получило название «максиминимизирующего» принципа выбора, который непосредственно связан с рациональностью «экономического индивида» в современной экономической теории¹².

Благодаря принципу справедливости социальные отношения приобретают устойчивость только в том случае, если каждый имеет в жизни то, что соответствует его заслугам. А поскольку в силу различных факторов люди существенно отличаются друг от друга, справедливое устройство жизни состоит в том, чтобы каждый мог состояться в своей сфере жизнедеятельности. Это означает, что справедливость с необходимостью включает в себя требования свободы и равенства возможностей. В

одном из платоновских диалогов Сократ по этому поводу замечает, что «справедливость состоит в том, чтобы каждый имел свое и исполнял тоже свое»¹³; «...заниматься своим делом и не вмешиваться в другие – это и есть справедливость»¹⁴.

Что же в итоге? В ходе анализа мы получили следующую картину справедливого общества: в нем не могут быть ограничены фундаментальные свободы; на равных началах сочетаются социальная и экономическая справедливость, причём неравенство также признается справедливым; перераспределение благ ориентировано на наиболее обездоленные группы населения.

Литература

1. Гольбах П.А. О природе и её законах, о человеке, о душе и её способностях, о догмате бессмертия, о счастье // Гольбах П.А. Избранные произведения: В 2 Т. – Т. 1. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 715 с.
2. Канарш Г. Справедливость как развитие человеческих качеств // Человек. – М., 2006. – № 5. – С. 5-17.
3. Канарш Г.Ю. Социальная справедливость с позиций натурализма и волюнтаризма // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 1. – С. 102 – 110.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. I. – М.: Мысль, 1965. – С. 219-310.
5. Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – 799 с.
6. Нерсисянц В.С. Философия права. – М.: Изд-во «НОРМА», 2003. – 652 с.
7. Платон. Государство // Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. – М.: «Мысль», 1991. – С. 79-420.

8. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1995. – 535 с.

9. Сорочайкин А.Н. Философия экономики: В поисках новых подходов. – М.: Изд-во Московского университета, 2005. – 192 с.

10. Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992. – 430 с.

11. Хамитов Р.Н. Топология правового пространства – М.: Издательство Московского университета, 2005. – 194 с.

Ссылки:

1 См. подр.: Канарш Г. Справедливость как развитие человеческих качеств // Человек. – 2006. – № 5. – С. 7.

2 См. подр.: Канарш Г.Ю. Социальная справедливость с позиций натурализма и волюнтаризма // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 1. – С. 110.

3 Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. I. – М.: Мысль, 1965. – 544 с.

4 См. подр.: Канарш Г.Ю. Социальная справедливость с позиций натурализма и волюнтаризма // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 1. – С. 110.

5 См.: Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 288.

6 См.: Гольбах П.А. О природе и её законах, о человеке, о душе и её способностях, о догмате бессмертия, о счастье // Гольбах П.А. Избранные произведения: В 2 т. – Т. 1. – М.: Соцэкгиз, 1963. – С. 173.

7 См.: Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992. – С. 94.

8 См.: Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 535 с.

9 См.: Хамитов Р.Н. Топология правового пространства – М.: Издательство Московского университета, 2005. – С. 95.

10 См.: Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: Изд-во «НОРМА», 2003. – С. 17.

11 См.: Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – С. 103.

12 См.: Сорочайкин А.Н. Философия экономики: В поисках новых подходов. – М.: Изд-во Московского университета, 2005. – С. 85.

13 См.: Платон. Государство / Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. – М.: «Мысль», 1991. – С. 206.

14 Там же. С. 205.

Из истории мировых империй и колониальных держав

Экарева И.Л.

Сегодня многие бывшие колонии все еще ощущают себя заложниками мировой экономики, и степень ответственности государств за свои проблемы широко обсуждается. Дебатируется вопрос о том, насколько и в какой степени европейские колониальные державы подготовили колонии к независимости. Сложились и сохранились по сей день французские, английские, испанские и португальские лингвистические блоки в не европейском мире.

Ключевые слова: колонии, колониальные державы, лингвистические блоки, колониальная эпоха

Ekareva I. L.

From the history of world empires and the colonial powers

Today, many former colonies still feel hostage to the global economy, and the degree of State responsibility for their problems has been widely discussed. Debated the question of how and to what extent the European colonial powers have prepared the colony to independence. Developed and preserved to this day in French, English, Spanish and Portuguese language blocks in the non European world. Key words: colony, the colonial powers, lingvistic blocks, the colonial era

Хотя эпоха колониальных завоеваний была открыта в начале XVI века Испанией и Португалией, пальма первенства ими удерживалась не долго. Их коммерческие успехи в Америке, на Филиппинах вызывали зависть у других стран Европы. И уже к XVII веку колониальная инициатива, а точнее прибыльная восточная торговля, переходит к Англии и Голландии. В 1600г. королева Елизавета Английская даровала привилегии Ост-Индской компании, а двумя годами позже образовалась голландская Ост-Индская компания. «Флаг следует за торговлей» - этот принцип лежал в основе не только британской колонизации, когда государство приходило в страны, уже оккупированные торговым капиталом. Так создавались колониальные державы. Сами по себе они ассоциировались с идеями национального величия, конкурентности, выживаемости сильнейшего, символизировали национальную мощь, престиж и судьбу. Их колонии обогащали национальный характер и укрепляли национальную славу. По их мнению, «дикарей» надо было цивилизовать, тогда как сырье и другие ресурсы дол-

жны были приносить пользу экономике метрополии. Каждая страна, имевшая большие или малые колониальные владения, свято верила в необходимость империи и, обладая чувством превосходства, как правящая раса, выполняла так называемую «божественную миссию», неся цивилизацию неевропейскому миру.

В последние десятилетия XIX века Европа расширялась быстрее, чем когда-либо. Между 1800 и 1880гг. колониальные империи добавили 6 500 000 квадратных миль к своим доменам. В следующие три десятилетия империи выросли еще на 8 655 000 квадратных миль, увеличив европейское влияние в мире с 65% земной поверхности до 85%.¹ Только Британская империя занимала четверть земной поверхности, и ей принадлежало более четверти населения Земли.

Революция в науке и технике, позволила исследователям проникнуть вглубь Африки, а христианским миссионерам создать в тропиках свои посты. В Африке железные дороги достигли Бамако в 1905г., Катанги в 1910г., Кано - в 1911г. и Тabora в 1912г. Аэропланы использовались в военных компаниях в Ливии в 1911г. и Марокко в 1912г.

Что же собой представляли мировые империи к началу XX века.

Испанская империя, прежде великая, в XIX веке стала самой маленькой. Утрата ею в 1898 г. Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин в пользу США, островов в Тихом океане в пользу Германии, сократила испанскую империю до Канарских островов, Испанской Сахары, протектората над частью Марокко и испанской Гвинеи в экваториальной Африке (единственной колонии, представляющей экономический интерес, в виде какао).

Испанская колониальная система традиционно была авторитарной, патерналистской и правовой. Самым заметным итогом было обращение филиппинцев в католицизм и приобщение их к испанскому образу жизни. Таким образом, самыми успешными и эффективными колонизаторами были не испанские морские капитаны и конквистадоры, а монахи, которые строили церкви, создавали приходы и школы.

Самой краткосрочной была **Германская империя**. Возникнув в 1884г. она к 1919 г. прекратила свое существование. Большая ее часть находилась в Африке. Немецкая Восточная Африка занимала площадь в 384000 квадратных миль (почти вдвое больше, чем Имперская Германия), Юго-западную Африку, площадью в 322 000 кв. миль, Камерун – 305 000 кв. миль и Тоголенд – 34 000 кв. миль. В Тихом океане и в Азии Германия также владела территориями. Очень незначительные территории в немецкой Юго-Западной и Восточной Африке привлекли немецких поселенцев.

Несмотря на жестокое подавление восстаний в Юго-Западной Африке в 1904-7гг. и в Восточной Африке в 1905-6гг., немцы не были большими варварами, чем французы в Алжире, британцы в Кении или бельгийцы в Конго до 1908г. Существовало общее заблуждение, что колонии были жизненно необходимы Германии для ее процветания. Однако это было не так. Все Германские колонии до 1914г. (за исключением Того - производство какао и резины, и Самоа - производство копра) требовали значительных субсидий. А немецкие финансисты, равно как и эмигранты отдавали определенное предпочтение Восточной Европе и Америкам, а не своим колониям. В 1919г. Германия потеря-

ла свои неприбыльные колонии. В 1930-е годы казалось возможным восстановить некоторые колонии за счет Бельгии и Португалии, однако этого не произошло. Так Германия избежала травмы деколонизации.

Во время Первой мировой войны Британия и Франция появились как крупные ближневосточные державы и к тому же они увеличили свои владения в Африке. Британия (с помощью индийских войск), Франция, Бельгия, ЮАР, Австралия, Новая Зеландия и Япония прибрали к рукам Германские колонии.

Оттоманская империя была демонтирована Британией и Францией, в меньшей степени Италией. Меньшие колониальные державы, такие как Дания, Бельгия и Португалия остались невредимы.

После поражения Китая в 1894-5 гг. и России в 1904-5 гг. **Япония** аннексировала Корею в 1910 г., положив, таким образом, конец доминированию белого человека в имперской политике. В годы Первой мировой войны влияние Японии возросло и в Китае, и в Тихоокеанском регионе. Как в свое время в Германии, в Японии возобладала доктрина необходимости рынков и сырья для выживания. После 1931 г. Япония оккупировала Манчжурию. В годы Второй мировой войны Япония предполагала распространить свою гегемонию на всю Юго-Восточную Азию. Кстати самой устойчивой чертой японского колониального опыта остается глубокое чувство горечи, например, у корейцев по поводу посягательства японцев на их «национальную душу». После 1945 г. утрата Японией колоний, как и в случае с Германией, показала, что для ее экономического восстановления тропические колонии были не нужны.

Итальянская колониальная империя была еще одной жертвой

Второй мировой войны. На рубеже века Эфиопия оставалась вне европейского контроля и даже нанесла позорное поражение Италии в 1896 г. Вторжение Муссолини в Эфиопию в 1935-6 гг. установило «Ново-Римскую Восточно-Африканскую империю». Итальянские домены включали Эритрею, (15 754 квадратных мили, с населением 4188 итальянцев - согласно переписи населения 1931 г.), Итальянское Сомали, (194 000 кв. м. с 1630 итальянцами). Число итальянцев, проживавших в колониях велико, т.к. в итальянском обществе в 1930-е годы преобладало мнение о перенаселении страны. Но главным местом эмиграции была Ливия, которую Италия отвоевала у Турции в 1911 г. К 1938 г. там проживало 89 098 итальянцев, что сравнимо с Кенией, где жило 18 269 белых, Палестиной, где жило тогда 386 084 еврея и с Алжиром, где обитали 987 252 европейца.²

Итальянское фашистское правительство построило гавани и дороги, но при этом отселило местное кочевое мусульманское население ближе к пустыне, таким образом, сократив их численность почти вдвое. В конечном итоге вместо славы эта политика принесла большие расходы в итальянский бюджет и разорение местному населению.

Вторая мировая война разрушила еще одну колониальную империю, намного более существенную и давнюю. Речь идет о **Голландской** империи, которая существовала с XVII века. В Вест-Индии колониальные владения включали Суринам и Курасао. В Ист-Индии на огромном индонезийском архипелаге, состоящем из 13000 островов, протяженностью 3600 миль с востока на запад, голландцы развили колониальную экономику, производя табак, чай, кофе, сахар, копру, добывая

уголь, резину, олово и нефть. Ни в конце XIX века, ни в годы Первой мировой войны голландцы не расширили свои территории. Они оставались в 1939г, такими же, как и в 1815.

Экономический рост привлек новое население голландских бизнесменов и служащих. К 1939г. 240 417 голландцев проживали в Ист-Индии. Выросло и местное население: с 6 млн. до 30 млн. в конце XIX века и до 70 млн. к 1940г.³ Голландское колониальное руководство частично реагировало на проблемы роста населения этих обширных районов. С самого начала они сохраняли местную династию и правила с ее помощью, хотя расширение европейской активности в конце XIX начале XX веков вело все больше к аннексии. К 1930 г. Голландия имела полный суверенитет над 93% Явы и половиной внешних островов, при значительной автономии административных районов. В отличие от французской колониальной системы, голландский колониализм характеризовался децентрализацией и непрямым правлением. Это отличало и британскую колониальную систему.

В 1942г. японская оккупация положила конец голландскому господству. Индонезийская элита заняла административные позиции, которых раньше не имела. Оказывая поддержку и националистическим, и исламским лидерам, японцы поощряли национальное движение. После войны Голландия предполагала возобновить контроль над своими бывшими колониями, но США поддержали националистов. Народ Индонезии добился независимости в 1949г.

Рассмотрим колониальные державы, которые дожили до второй половины XX века. Это Бельгийская, Французская, Британская и Португальская «империи». Существовали общие черты, прису-

щие им. Каждая колония имела «стальную рамку» из военных, полицейских, административных чиновников, которые осуществляли контроль и охраняли границы. Иногда европейский персонал состоял из районного чиновника, нескольких переводчиков и небольшого военного отряда. В начале XX века у португальцев уже не было ресурсов ни военных, ни административных для минимальной оккупации. Каждая колониальная держава экспортировала упрощенную форму своей собственной системы управления и закон, и каждая колония имела юридическую систему, хотя иногда она зависела от неограниченного произвола колонизаторов. Как административные единицы европейских держав, колонии были зарождающимися государствами, каждое находилось в процессе обретения современных черт, присущих государствам Европы. К середине века каждое государство имело сеть правительственных учреждений с телефонами, пишущими машинками и документацией. Каждая колониальная система стала обладать отчетливыми чертами своих колонизаторов, что проявилось в пост колониальный период в конце века.

Бельгийское Конго к середине века приобрело репутацию колониальной модели. Но оно таким стало не сразу. Под авторитарным правлением короля Леопольда за 50 лет до этого Конго пользовалось дурной славой. Леопольд правил в Конго по-своему, не как король бельгийцев. Его режим был эксплуататорским и алчным. Африканцев заставляли собирать сырой каучук под угрозой наказаний, что иногда граничило с жестокостью. Полицейские функции выполняли Force publique, напоминавшие армию наемников, и состоящую из 360 европейских офицеров и 16 000 африканцев. Размеры

колонии Конго составляли свыше 902 082 кв. мили (в 80 раз больше Бельгии). Африканское население было небольшим – 9 млн. в начале бельгийского правления и более 13 млн. чел. в 1958г. Бельгийцев в Конго насчитывалось в 1940г. – 17 536 и в 1958г. – 88 913 чел.⁴

Регион обеспечивал колонизаторов разнообразными природными ресурсами: медью, алмазами и ураном, а также тропическими сельскохозяйственными продуктами, каучуком, пальмовым маслом и хлопком. Самой ценной частью экономики была разработка месторождений. Прибыли от бельгийских инвестиций, однако, были не высоки, с годовым оборотом только 4 или 5 процентов. До 1945г. Бельгия субсидировала колониальный бюджет. По стандартам того времени бельгийское правление было филантропическим и эффективным. Ни одна другая колония не имела лучших условий труда, медицинского обслуживания и начального образования. Католические миссии обеспечивали начальное образование на 56% – высочайший уровень в Африке, меньшее количество посещало среднюю школу и единицы – университеты. Ко времени обретения независимости Бельгийское Конго обеспечивало 16% конголезцев высшим образованием. В декабре 1959г. волнения в Леопольдвилле принудили бельгийскую администрацию признать силу конголезского национализма. Бельгийцы совершили серьезный просчет. Боясь, что волнения могут перерасти в подобию алжирской революции, и, в то же время, понимая, что конголезцы не смогут управлять без них, бельгийцы решили в пользу предоставления независимости 30 июня 1960г. Конго немедленно скатилось к анархии. Слова «Конго» и «пост колониальный хаос» стали синонимами.

До Второй мировой войны **Французская** империя могла сравниться только с Британской. В 1939г. она занимала площадь 4 617 579 кв. миль и имела население 64 946 975 чел. Алжир, управляемый непосредственно как часть Франции, был главной колонией и имел население в 1 млн. европейцев и свыше 6 млн. мусульман с самым высоким в мире приростом населения.⁵ Другие части Североафриканской и ближневосточной империи включали протекторат над Тунисом и Марокко и мандатные территории Сирии и Ливана. В юго-восточной Азии французы имели власть над Индокитаем. В Тихом океане Франция владела Таити, Новой Каледонией и совместно с Британией управляла кондоминиумом Новые Гибриды. В Карибском бассейне Франция удерживала колонии Гваделупа, Мартиника и Французская Гвиана. В тропической Африке французская собственность была больше, чем у кого бы то ни было, простираясь от южного Алжира до Конго и на востоке до англо-египетского Судана. Существовали две основные административные единицы. Федерация Французской Западной Африки включала колонии Мавритания, Сенегала, Берега Слоновой Кости, Дагомеи, Французского Судана, Французской Гвинеи, Верхней Вольты и Нигера. Другая федеральная единица французской экваториальной Африки состояла из Чада, Габона, среднего Конго. Франция управляла мандатными территориями Камеруна и Того. И это еще не весь список. Франция имела группы островов в Индийском океане, Французское Сомали и Мадагаскар. На всех этих территориях со времен французской революции цель была одна. Французское республиканское правление и цивилизация должны быть предложены всем субъектам и должны позволить им стать ассимилированными

ми гражданами Франции. Империя должна стать неотъемлемой частью Франции.

В начале века уже стало ясно французам, что будет трудно, если не невозможно, ассимилировать целые общества в таких местах, как Алжир, Индокитай и черная Африка. Проект трансформации арабов и черных африканцев во французских граждан, очевидно, имел слабые стороны. Тем не менее, идея ассимиляции не исчезла. Французский министр по делам колоний после Первой мировой войны, выдающаяся личность Альберт Соро призвал к инвестициям на развитие колониальной экономики, взаимозависимой с экономикой метрополии. Это было важно, т.к. французы оказались более склонны, чем другие колонизаторы предоставлять денежную и военную помощь своим бывшим колониям. И если всеобщее признание французской республиканской идеи и цивилизаторской миссии не получило дальнейшего развития, то экономический и военный вклад помогли французам создать небольшую ассимилированную элиту, преданную французской цивилизации.

Вторая мировая война положила конец французскому господству на Ближнем Востоке и ослабила французские силы в Индокитае. 1954 г. отмечен решительным поражением Французской империи в Азии.

Одним из главных достижений генерала де Голля после его возвращения к власти в 1958г. было решение о будущем Алжира и судьбе колониальной империи. В 1958г. он предоставил африканцам выбор. Они могли решить в пользу независимости, либо занять определенное положение во французском сообществе, продолжать пользоваться экономической и военной помощью, либо резко обо-

рвать все связи. Только Секу Туре выбрал для Гвинеи разрыв связей с Францией. Остальные остались во французском союзе. В апреле после военного мятежа во французской армии в Алжире де Голль пришел к твердому решению сделать Алжир алжирским. 3 июля 1962г. де Голль провозгласил независимость Алжира.

Португальская империя была последним анахронизмом. Любопытно, что когда европейские колониальные державы находились в агонии, португальцы не потеряли ничего. Их основными владениями были Ангола (481 226 кв. миль) в западной Африке и Мозамбик (297 654 кв. мили) в восточной Африке. Эти регионы были открыты еще Васко да Гамой и другими мореплавателями в XV веке и занимали важное место в национальной психологии. Другие колонии Португалии включали Португальскую Гвинею в западной Африке, острова Зеленого Мыса, Сан Томе и Принсипи, Макао и Тимор в Малайском архипелаге. К 1910г. каждая десятая колония принадлежала Португалии. Эффективный колониальный инструмент развился в виде чартерных компаний или концесий при доминировании Британского капитала. Компании использовали на плантациях подневольный труд, что вызывало серьезный международный протест и, в конечном счете, привело к реформе трудового законодательства в 1926г. Португальцы заслужили репутацию жестокой и деспотичной колониальной державы, как и режим короля Леопольда в Конго, но причины заключались в собственной бедности Португалии и перенесении практики трудовых отношений XIX века в XX. Португалия сама была слаборазвитой страной. Там не было промышленной революции и гуманистического движения. Критический период модернизации со-

впал с правлением Салазара в 1928г. В возрождении Португальского государства особое место занимала идея империи. Салазар возглавлял страну в период ее колониального развития, которое заключалось во введении телеграфа и телефона, в строительстве портов и железных дорог, больниц и школ. К середине века португальские колонии стояли в одном ряду с другими европейскими колониями, хотя и отставали от них на 20 лет. Португальцы рассматривали Анголу и Мозамбик, как многорасовое общество по типу Бразилии. Они считали колонии неотъемлемой частью своего государства.

В Мозамбике и Гвинее в 1964 г произошли восстания. В течение следующего десятилетия Португальцы подавляли мятежников уже в трех африканских колониях. Для поддержания португальской колониальной миссии требовалось военное присутствие 200000 солдат, при численности населения Португалии 8 млн. чел. Половина национального бюджета Португалии шла на войну. В конце концов, Португальская колониальная империя в Африке закончилась в 1974г. в результате революции в Португалии, а не поражения в колониях.

Британская империя – самая большая в истории человечества. В 20-х годах XX в. она занимала четверть земного шара, а жила в ней четверть человечества. Начало британской экспансии было положено в 1583 г. с провозглашения английским владением острова Ньюфаундленд.

С самого начала основная роль в британской колонизации принадлежала торговому капиталу. Именно за счет частной колонизаторской инициативы были достигнуты столь большое могущество и устойчивость. Ее символом стала акционерная Ост-Индская компания, фактически захватившая Индию.

С середины XVII века, когда Англия вступила в капиталистическую фазу своего экономического развития, главной целью английских купцов и предпринимателей было монополизировать торговлю, получать прибыль от торговых операций. Эти цели заложили основу британской колониальной политики в XVII – XVIII веках на Востоке.

В это же время монопольные торговые компании, представляющие интересы торговой буржуазии, стали основными проводниками колониальной политики не только Англии, но и Голландии и Франции. Колониальная система способствовала интенсивному росту торговли и производства. Колонии служили рынками сбыта для растущих мануфактур метрополий, поставляли туда сырье и увеличивали накопление богатства.

Британская империя и Содружество являли собой сложную мировую систему, включавшую земли, присоединяемые на каждой стадии колонизации с начала XVI века.

К примеру, на рубеже XX века одна только Индия была империей с населением 294 361 096 человек (по переписи). Индией управляли чуть меньше 1000 чиновников индийской гражданской службы, почти исключительно британцы. Индийская армия с ядром 250 000 солдат делала Британию величайшей военной державой на Востоке в начале века.⁶ Кстати, именно тогда лорд Керзон, самый красноречивый британский проконсул, писал о Британской Империи как о величайшем инструменте добра, который когда-либо видел мир.

С 1931 г. до 1947 года британские доминионы – Австралия, Новая Зеландия, Канада и Южная Африка были самоуправляющимися и фактически независимыми странами, представляя собой так называемый «клуб белого челове-

ка», а, по сути, являясь малой частью все еще обширной империи.

Демонтаж Британской империи начался в Азии с предоставления независимости Индии и Пакистану в 1947 году, Цейлону и Бирме в 1948 году. Затем наступила очередь Африки. Ветры африканского национализма смели империю за 4 года (с 1960 года). Утратив колонии, европейские страны вернулись к своим традиционным границам.

Интересно отметить, что Соединенные Штаты Америки также создали некую империю из бывших испанских владений. Колониальные владения США включали Гуам, Филиппины и Пуэрто-Рико, а также Вирджинские острова, приобретенные в 1917 г. у Дании.

Итак, сегодня многие бывшие колонии все еще ощущают себя заложниками мировой экономики, и степень ответственности государств за свои проблемы широко обсуждается. Дебатировается вопрос о том, насколько и в какой степени европейские колониальные державы подготовили колонии к независимости. Сложилось и сохранилось по сей день французские, английские, испанские и португальские лингвистические блоки в не европейском мире. Интересно отметить, что французское культурное влияние превышает английское, хотя в крикете и футболе англичане оставили устойчивое наследие. В отличие от британцев, французы охотнее оказывали экономическую и военную помощь своим бывшим колониям, раздираемым этническими и религиозными конфликтами.

В конечном счете, политическое наследие может оказаться менее заметным, чем, скажем, языковые, культурные, эстетические или кулинарные традиции. На старых французских территориях красное вино по-прежнему является непременным составляющим обеда. А на бывших британских терри-

ториях в тропиках, по-прежнему, популярны острый суп, жареный ягненок и имбирный пудинг. По всему миру французских колоний от Сенегала до Таити самым наглядным впечатлением являются французские провинциальные домики и улицы, обсаженные деревьями. В Канаде, Южной Африке или в Индии можно встретить похожие по архитектурному стилю общественные здания, а в ресторанах обнаружить английское меню.

Все это позволяет надеяться, что в будущем именно эти ценности будут напоминать многим странам Азии и Африки об их колониальном прошлом.

Литература

1. М.З.Бор. История мировой экономики, М., 1998.
2. M. Bassin. Modern Russian Culture. Asia. Cambridge University Press. U.K. 1999.
3. R. Louis. The European Colonial Empires. The Oxford History of the Twentieth Century. Oxford University Press, U.K. 1998.
4. Дж. Неру. Взгляд на всемирную историю. 2-ой том, изд. «Прогресс» М., 1975г.

Ссылки:

- 1 R. Louis The European colonial empires. Oxford University Press, 1998. p 92
- 2 R. Louis The European colonial empires. Oxford University Press, 1998. p 95
- 3 R. Louis The European colonial empires. Oxford University Press, 1998. p. 96
- 4 R. Louis The European colonial empires. Oxford University Press, 1998. p 97
- 5 R. Louis The European colonial empires. Oxford University Press, 1998. p 97
- 6 R. Louis The European colonial empires. Oxford University Press, 1998. p 99

Постфеминистский этап гендерных исследований

Юсупова М.В.

Статья анализирует одно из новейших течений современной феминистской теории - постфеминизм. Основным отличием данного направления является его тесная его связь с постмодернистской философией. Рассматриваются основные идеи постфеминизма, его внутренние противоречия и взаимосвязь с классическими постулатами феминистской философии.

Ключевые слова: феминизм, гендер, философский постмодернизм, постфеминизм.

Yusupova M.V.

Post-feminist Stage of Gender Studies

This article analyzes one of the most recent schools in contemporary feminist theory - postfeminism. The main characteristic of this direction is its close connection with the philosophy of postmodern. The author considers basic ideas of postfeminism, its contradictions and interconnections with the classic postulates of feminist philosophy.

Key words: feminism, gender, postmodern, postfeminism.

В рамках нынешнего этапа гендерных исследований, определяемого в литературе как «постфеминистский», феминизм сконцентрировал свое внимание на формировании собственной методологической программы, не опирающейся на концептуальные схемы классической (патриархатной) философии. Ключевым моментом в этой попытке преодолеть «эпистемологический империализм»¹ явилось стремление «сформулировать политику репрезентации, способную возродить феминизм на иных основах»². Существенную роль в этом процессе сыграл французский философ Мишель Фуко. Ряд его книг, опубликованных в начале 1970-х гг., оформил методологию современных гендерных исследований и вывел феминизм из теоретического тупика³. После Фуко любые попытки говорить об отношениях между полами, гендерных практиках, значении пола вне связи названных явлений с механизмами и аппаратами власти, подчинения и господства стали невозможны. Специфика концепции, предложенной М. Фуко и активно используемой феминизмом

«третьей волны», в том, что впервые было поставлено под сомнение само понятие частной жизни как жизни автономной, отдельной и отделенной.

Как заметила Джудит Батлер, известная американская исследовательница-феминистка, скандал, связанный с выходом в свет первого тома «Истории сексуальности» Фуко, был вызван основным тезисом книги о том, что секс, оказывается, «у нас был не всегда»⁴. Половые отношения трансформировались - из разряда собственно половой, сексуальной формы жизнедеятельности в разряд отношений, характеризующих и формирующих личность, - относительны недавно. И что данная трансформация впервые обозначила ситуацию, при которой «пол перестал быть случайной, произвольной чертой, характеризующей личность»⁵. Отныне восприятие личности вне полового аспекта стало немыслимым, и только благодаря наличию у личности определенного набора «типичных» половых признаков и черт поведения стало возможным (или соответственно невозможным) человеческое существование. Понятие пола, таким образом, «позволило свести воедино, собрать в искусственном союзе анатомические элементы, биологические функции, модели поведения, конкретные ощущения и удовольствия для того, чтобы отныне каждый мог использовать эту фиктивную комбинацию в качестве основополагающей причины»⁶, исходного признака, позволяющего классифицировать поведение индивида⁷.

Феминизм же в результате получил аналитическое орудие, которого ему давно не хватало: пол перешел из разряда категории, имеющей некий биологический референт-означаемое, в разряд

категории дискурсивной, т.е. приобретающей свое значение в процессе коммуникативного, диалогического производства смыслов или, говоря иначе, в разряд категории, собственного, изначального, внеконтекстуального смысла не имеющей; диалог же, в свою очередь, стал трактоваться в терминах воспроизводимой им системы ценностных и гносеологических иерархий. В итоге сформировался замкнутый круг понятий «пол-дискурс-власть», анализ соотношений между которыми и определяет развитие современного западного феминизма⁸.

Итак, главная заслуга Фуко и всей феминистской мысли второй половины XX века на пути познания человека состояла в открытии того, что у человека есть пол. Эта банальная истина была вытеснена с главной дороги западноевропейской философии и феминизм, впервые начавший осмысливать свои философские основания, указал, что «человек», понимаемый вне своего корневого качества, каким является пол - есть одна из разновидностей «голой» абстракции. Иными словами, феминизм взялся доказать, что пол пронизывает все сферы социальной и культурной жизни человека. «Пол не является только составляющей, изолированной частью, или незначительной вариацией общечеловеческого. Он не является случайной характеристикой для социального и политического статуса, как, например, цвет глаз: он - важнейшая составляющая часть социального и политического положения субъекта. Он имеет глубочайшее влияние и значение для субъекта, потому что пол проявляется в каждом действии, биологическом, социальном, культурном, если не в конкретном действии, то определено в своей значимости»⁹. В

процессе этого доказательства и возникает потребность в новом понятии, которое бы отражало природу пола не столько как феномена сугубо биологического, сколько как социокультурного.

Новая перспектива оказалась, действительно, революционной, взрывающей представления о природе человека в самих его основаниях, она меняла или, по крайней мере, существенно корректировала сам способ мышления, раздвигала рамки мировоззрения. Она позволила иначе взглянуть на многие «вечные» проблемы человеческого бытия, выпукло продемонстрировав отношения половой асимметрии, иерархичности в обществе. Известная исследовательница Роза Брайдотти замечает по этому поводу: «Феминистские идеи - это траектории мысли, разрабатывающие маршруты полета к невозможным горизонтам», «это проект, предполагающий трансформацию самого акта мышления, его структурных рамок, а не только его образов и содержания», «это импульсы, вызывающие к жизни новые, альтернативные способы конструирования женского субъекта»¹⁰.

Сами понятия *женщина* и *мужчина* становятся текучими, неоднозначными, трудно определяемыми, иными словами, претерпевают общую судьбу со многими понятиями философии XX века, когда они из «классических» объектов исследования становятся «неклассическими». Различия в феминистских подходах к рассмотрению «природы пола» связано со многими причинами, в частности с использованием различных исследовательских методологий: психоанализа, марксистского, феноменологического, постструктуралистского анализа, которые дают основание для расстановки

специфических акцентов в процессе изучения формирования человеческого опыта в современном мире. Одной из главных целей феминистских исследований является снятие пресловутой дихотомии «женщина - природа, мужчина - культура» (безраздельно господствующей в историко-философской антропологической традиции¹¹) и определение, прежде всего, ее культурных потенций.

Главной темой философской антропологии феминизма явилась проблема обретения женщиной новой идентичности, проблема самоидентификации - осознание назревшей потребности «стать тем, кто ты есть». И как раз в этой центральной «точке» начались идейные разногласия внутри феминистской теории, которые привели в 90-х годах XX века к возникновению постфеминизма. Основным отличием последнего явилась более тесная его связь с постмодернистской философией. Его теоретики не только использовали постструктуралистскую методологию, но непосредственно опирались на теоретические положения постмодернистской антропологической концепции. Истолкование человека вне его субъектности, как дискурсивно сконструированного, отказ от (псевдо)универсалистской его трактовки и новая концепция телесности - эти идеи положили начало «контрреволюционному» перевороту в данном исследовательском поле. При этом надо иметь в виду, что критическое переосмысление феминистскими авторами своих базовых оснований - разворачивается в баталиях теоретических, в то время как практическая цель по сути дела та же.

Крупнейшим теоретиком этого направления является Джудит Батлер. В книге «Гендерное бес-

покойство» автор подвергает сомнению собственно традиционный предмет феминизма, а точнее его символическое выражение в понятии «женщина». Проблема заключается в том, считает Батлер, что «предмет исследования» феминизма (само понятие «женщина») выступает как дискурсивно созданный той же самой политической системой, которая должна была способствовать его эмансипации¹². «В действительности закон производит и затем скрывает понятие «субъект до закона», с тем, чтобы обратиться к этому дискурсивному образованию как натурализованной базовой предпосылке, которая впоследствии узаконивает его собственную регулятивную гегемонию», поэтому «феминистской критике следует также разобраться, как категория «женщины» производится и ограничивается теми же структурами власти, при помощи которых добиваются эмансипации» и «сформулировать внутри этой сложившейся структуры критику категорий идентичности»¹³. При не критическом же использовании понятия «женщины» феминизм, согласно взглядам Д.Батлер, по сути, воспроизводит и, значит, укрепляет существующую систему гендерных отношений, что прямо противоположно его целям.

Теоретический конструкт «женщина» как предмет исследования подвергается сомнению и с другой стороны. Дело в том, что само это понятие неоднородно. Цветные женщины были первыми, кто подверг критике феминистскую установку на «женщину», за которой скрывался образ, проблемы и «истина» только западной белой гетеросексуальной женщины среднего класса. Как мы видим, «белый» феминизм претендует на то, чтобы выступать от имени всех

женщин, однако, по существу, опирается на опыт только одной категории женщин. Теоретики постфеминизма активно ставят под вопрос «фальшивый универсализм» теоретического мышления классического философствования и основываются на постмодернистской методологии понимания человеческого опыта как многообразного, раздробленного, где полагание любого типа опыта в качестве «универсального» оборачивается стиранием, игнорированием и обесцениванием опыта других его видов. Ставится под сомнение возможность обобщения женского опыта как такого, возникает идея оставить в стороне понимание женщины как некоей унифицированной сущности, задаться вопросом: существует ли некая общность всех «женщин»? Таким образом, исследователи подходят к вопросу: «Существует ли область «специфически женского», которая отграничена от мужского как такого и может быть распознана как существующая до обозначения и, следовательно, предполагающая универсальность «женщин»?»¹⁴.

Джудит Батлер сконцентрировалась не столько на исследовании источника «уникальности» всеобщего женского опыта, и даже не столько на самом «опыте», сколько на причинах, позволяющих использовать понятия «женщина» и «женское» в качестве естественных и самоочевидных. Действительно, если патриархат можно рассматривать как специфическую конфигурацию властных отношений, которая не является ни неизбежной, ни универсальной, то, рассуждая логически, этот же принцип может быть применен и к базовым категориям *мужчина* и *женщина*, на которых и строится дискурсивное господство патриархата. Следующим логическим зве-

ном в этой цепи рассуждений становится вопрос о том, не является ли, в конце концов, и само политико-половое деление и политико-половая стратификация источником существования патриархата. Как писала Батлер, «хотя ряд феминисток действительно склонен отождествлять пол и идентичность, необходимо подчеркнуть наличие и таких точек зрения в феминизме, согласно которым пол воспринимается как аналитическая категория, как начало отсчета теоретического исследования дифференциального отношения между властью и телами, которые, строго говоря, не могут быть сведены к идентитарным (то есть основанным на «идентичности») позициям»¹⁵.

Под сомнение, таким образом, была поставлена политическая целесообразность *женщины* и *мужчины* - как категории, идентичности и политического субъекта. Указывая на логическую ловушку, в которой оказываются сторонники «женского опыта» и «женской» идентичности, Батлер отмечала: «Установление обязательной и уестествлённой (*naturalized*) гетеросексуальности предполагает существование - и контроль за существованием - пола как бинарного отношения, с двумя различными категориями - «мужским» и «женским»; различие между категориями, в свою очередь, достигается посредством практик гетеросексуального желания. Дифференциация этих двух противоположных элементов приводит к внутренней консолидации «мужского» и «женского» и, соответственно, ко внутренней упорядоченности секса, пола и желания»¹⁶. Иными словами, Батлер постаралась показать, что конкретное господство конкретного «режима истины» (в данном случае дискурсив-

ного производства «пола») строится на артикулированном различии между двумя терминами («мужское/женское»), устойчивая взаимосвязь между которыми обеспечивается нормализацией определенной практики («гетеросексуальность»)»¹⁷.

Таким образом, согласно Батлер, принципы формирования конкретного политико-полового режима можно свести к следующему. Половые практики как структурно вариативные явления приобретают свою стабильность в дискурсивных категориях «мужское» и «женское». Затем обе категории парной оппозиции «мужское/женское» оказываются деконтекстуализованными, изолированными и «приобретают» собственную логику развития, начиная выступать в качестве нормативных, т.е. предписывающих ту или иную модель поведения («мужские» и «женские» половые роли). Эти категории и модели оказываются «переведенными» на язык повседневных «микро-практик», способность участвовать/не участвовать в которых и определяет социальную судьбу индивида. Дальнейшее развитие и кодификация этих практик приводит к тому, что и сами категории начинают восприниматься в качестве естественных, автономных и даже независимых друг от друга. Так становится возможной категория «женского опыта», якобы незамутненного влиянием «мужского господства».

Как замечает Батлер, в случае с «женским/мужским» - и шире - с «полом» - мы имеем типичную ситуацию, при которой одновременно действуют две тенденции. Во-первых, категория «пол», якобы призванная обозначить уже существующее «половое» различие, на самом деле наделяет его смыслом в качестве необходимой

предпосылки своего собственного существования, и смысл различия/различения, таким образом, становится эффектом категории, ее последствием. Во-вторых, естественность и очевидная необходимость существования любой структуры достигается путем постоянного циркулярного воспроизводства – повторения – действия ее механизмов; соответственно, нарушение этого круговорота представляет наибольшую угрозу для самой структуры¹⁸. В итоге, смысл «пола», как и смысл «женского» опыта является очевидным лишь при наличии данных категорий и лишь в процессе их постоянного воспроизводства. Как пишет Батлер, «действие пола, как и действие любой другой ритуальной социальной драмы, основано на повторяемости представления. Этот повтор является, с одной стороны, одновременно и инсценировкой, и переживанием уже сформировавшихся социальных смыслов, а с другой – будничным ритуальным подтверждением их общепринятости<...> Пол не стоит понимать ни как стабильную идентичность, ни как источник дееспособности, дающий начало всем последующим действиям. Скорее пол есть форма идентичности, чье прошлое достаточно шатко, и чье внешнее существование возможно лишь посредством стилизованного повтора определенных действий..., посредством стилизации тела...»¹⁹

Сергей Ушакин, один из самых талантливых и ярких исследователей гендерной тематики в России уверен, что Батлер, безусловно, далека от того, чтобы оспаривать реальное существование анатомических различий, биологических функций и т.п. явлений. Ее акцент на повторяемости как основе идентичности и на ее – иден-

тичности – дискурсивной, категорической и категориальной природе направлен на другое – на невозможность апелляции к некой «уникальной», «аутентичной», «внесоциальной», «данной» и т.п. сущности, на невозможность вывести эту «сущность» из присвоенного, обжитого, приватизированного имени, будь оно мужским или женским. Имя есть данность, временная «местоположенность», но не заданность, не предопределение. И «сущность» – половая, национальная, возрастная и т.п. – определяется только постоянством поведения, т.е. систематическим воспроизводством – или неспособностью к воспроизводству – усвоенных норм. Соответственно, любые попытки строить политическое движение на основе той или иной идентичности лишь демонстрируют глубину этого усвоения. И предписанная «режимом истины» микро-практика воспринимается в качестве единственно возможной²⁰.

Сомнение в существовании «специфически женского» актуализирует, в свою очередь, проблему понимания человеческой телесности, поскольку тело женщины, ее способность к репродукции может быть в первую очередь обозначена в качестве «универсального» основания ее жизненного опыта. Феминизм, опираясь на постмодернистскую методологию альтернативной телесности, пересматривает отношение к женскому телу, видя в нем богатейший источник рождения не только детей, но и новых способов бытия, мышления и культурного творчества. Вместе с тем, и такое истолкование предполагает идею «женского тела» как основу некоей «общности». Постфеминизм же, следуя постмодернистским принципам анализа, ставит вопрос кардинально: тело существует толь-

ко в том виде как оно представлено и действует в различных культурах, оно вплетено в систему конкретных репрезентаций, значений и смыслов своей культуры. Тело не есть нечто заданное, оно дискурсивно; тело белого и желтого, тело рабочего и буржуа, православного и мусульманина - это *разные* тела, поскольку они подчиняются воле различных желаний, обозначений и власти. Это касается и тел мужчины и женщины, которые нельзя рассматривать просто как полярные крайности. Тело «живет» в континууме многомерного, где пол человека - лишь только один из параметров, пересекающийся с другими, оно вплетено в систему властных отношений, которые, собственно, и задают его пол и тип сексуальности. Итак, *тело* само по себе является конструкцией. Нельзя утверждать, что тела обладают значимым существованием, которое бы предшествовало признаку их культурно конституированного пола. Развивая эти положения, теоретики постфеминизма приходят к парадоксальному на первый взгляд утверждению, что сам пол - продукт не столько природы, сколько различных культурных предписаний. Отсюда следуют два принципиальных положения, поставивших под сомнение «краеугольные камни» феминистской философии. Первое сомнение - в правомерности разграничения понятий «пола» и «гендера» в том смысле, в котором оно было предпринято феминистской философией. Постфеминисты отрицают понимание гендера просто как культурного наслоения на биологически предзаданный пол, считают, что «гендер» по существу предшествует «полу», поскольку является тем дискурсивным средством, при помощи которого и производится

«естественный пол» как додискурсивный: «Производство пола в качестве додискурсивного должно быть рассмотрено как следствие действия культурного механизма, обозначаемого как гендер»²¹. Второе - в существовании «истины пола» как таковой.

В постфеминизме пол оказывается порождением, с одной стороны, «института принудительной и натурализованной гетеросексуальности», где мужское отделяется от женского посредством гетеросексуальной «нормы», и с другой, он - «дитя» метафизики сущности: классического типа философствования, на который этот «институт» опирается, и в котором собственно формируются связанные с идентификацией понятия пола²². Таким образом, пол перестает быть непротиворечивой идентичностью, он становится подвижным, изменчивым, пол *рассеивается!* Исследователи пишут о социальной потребности конструирования новой субъектной позиции человека, позиции «политического и личностного перемещения через границы, которые разделяли до сих пор социосексуальные идентичности и общности, разделяли тела и дискурсы»²³. В соответствии с этим формулируется потребность возникновения «новой феминистской политики», для которой «методологической и нормативной предпосылкой» станет «изменчивая модель идентичности» человека. Как пишет Д.Батлер: «Если стабильное понятие культурно конструированного пола (gender) не служит более базовой предпосылкой политики феминизма, то, возможно, в данный момент желательным является появление нового вида феминистской политики, который бы опроверг саму конкретизацию гендера и идентичности и принял бы изменчивую мо-

дель идентичности если не как политическую цель, то, по крайней мере, как методологическую и нормативную предпосылку»²⁴.

Направление постфеминизма сегодня активно развивается, но отношения его с феминизмом остаются очень напряженными. Главная претензия со стороны феминистов состоит в том, что постфеминисты «пропускают» в своем анализе реальные проблемы в жизни людей. Люди в обществе все равно живут и действуют как мужчины и женщины и вне зависимости от осознания ими относительности своих идентичностей они объективно несут «эффекты» маскулинности и феминности, а также все реальные проблемы, связанные с ними. Лаура Ли Даунс пишет работу с говорящим за себя названием: «Если женщина всего лишь пустая категория, тогда почему я боюсь гулять одна по ночам? Политика идентичности встречает субъект постмодерна»²⁵. Шейла Бенхаbib резко и вместе с тем довольно четко изложила суть своих, как она выразилась, «межпарадигматических» разногласий с Батлер: «Определенная версия постмодернизма не только несовместима с феминизмом, но и подрывает саму возможность существования феминизма как формы теоретического рассуждения по поводу освободительных стремлений женщин. Причина этого подрывного влияния кроется в трех основных тезисах, с которыми можно увязать постмодернизм в его наиболее развитом виде. А именно: 1) тезис о смерти человека, понятый как смерть автономного, способного к саморефлексии субъекта, действующего в соответствии с определенными принципами; 2) тезис о смерти истории, понятый как полный отказ борющихся групп от эпистемологического интереса к

истории в процессе написания своих собственных биографий; 3) тезис о смерти метафизики, понятый как невозможность критики или оправдания институтов, практик и традиций, иначе как посредством «локальных», местных историй и сюжетов. Понятый таким образом, постмодернизм ставит под сомнение саму феминистскую подверженность к отстаиванию женской дееспособности и женского самовосприятия, к стремлению женщин взять под контроль свою собственную историю во имя эмансипированного будущего, и к осуществлению радикальной критики общества, способной вскрыть и всю бесконечность многообразия, и всю монотонность сходства полов»²⁶.

По видимости, в современных условиях пока нет возможности разрешить этот центральный феминистский раскол и самым продуктивным выходом из данной ситуации является научиться использовать то напряжение, которое существует сегодня между теоретиками феминизма как новый энергетический импульс для развития представлений о природе человека, его идентичности и свободе.

Многие феминистки негативно настроены по отношению к постмодернизму, называя его патриархальным инструментом, направленным на то, чтобы заставить женщин молчать в то время, когда они лучше, чем когда-либо прежде, подготовлены к тому, чтобы говорить. С другой стороны, несмотря на критику постмодернизма²⁷, существует мнение, что у феминизма и постмодернизма существует множество точек пересечения. Более того, некоторые авторы²⁸ утверждают, что постмодернизм стал возможен отчасти благодаря влиянию, которое оказал феминизм на культуру

в целом и на стратегии рассуждения о гендере в частности. Другие - что постмодернистский феминизм сформировался полностью под влиянием постмодернизма, иногда — что последний был бы невозможен без феминизма²⁹.

Вместе с тем, постмодернизм и феминизм сходятся по ряду важных принципов: во-первых, постмодернизм и феминизм, обнаруживая власть научного знания, подвергают анализу его нейтральность и объективность и приходят к выводу, что оно отражает точку зрения мужчин определенной культуры, класса, расы; во-вторых, такие идеалы, как «истина», «разум», «объективность», «универсальность» и т.п. рассматриваются как отражающие маскулинные ценности в определенный исторический момент (а в действительности являются продуктами целой эпохи - эпохи модерна); в-третьих, и постмодернизм, и феминизм критикуют и другие идеалы Просвещения, например, автономности и самолегитимацию субъекта как отражающего маскулинность Запада эпохи модерна; в-четвертых, постмодернизм предлагает феминизму иную методологию (в частности, осторожность в отношении генерализаций, выходящих за рамки определенной культуры). И постмодернизм, и феминизм разделяют деконструктивистскую методологию, а именно критическое отношение ко всему, включая идеи и социальные практики, структуры, на которых они основаны, язык, которым они мыслятся, и системы, которыми они охраняются.

Развитие политической теории и философии западного феминизма во многом носило и носит диалогический характер, являясь своего рода репликой, ответом, реакцией или комментарием на уже

сформулированные постулаты, аксиомы, теоремы и выводы. Однако, несмотря на свою принципиальную вторичность, современный феминизм далек от того, чтобы быть эхом, повторением, подтверждением или воспроизводством уже произнесенного. В своих лучших проявлениях феминистская теория демонстрирует поразительный эффект, основанный на дестабилизации самих эпистемологических основ господствующих и поэтому «классических» парадигм власти, подчинения, политической борьбы. Несовпадение подходов и моделей, их непрекращающееся взаимное, их собственное диалогическое сосуществование является одним из наиболее ярких и продуктивных примеров феминистской интервенции в области философии, теории и практики современной власти.

Подводя итоги можно заключить, что постмодернизм дал феминизму новый импульс для философской рефлексии в концептуальном поле отношений «мужчина/женщина» и способствовал снятию напряжения, конфликтности и агрессии наиболее распространенной радикальной тенденции феминизма. В результате чего на смену «женским исследованиям» приходят гендерные исследования, актуализирующие как женский, так и мужской опыт, направленные на достижение равенства, признающего различия.

Литература

1. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York, 1990.
2. McNay, L. Foucault and Feminism: Power, Gender and the Self. Cambridge: Polity Press. 1992.
3. Ramazanoglu, C. (ed.). Up Against Foucault : Explorations of Some Tensions Between Foucault

and Feminism. London ; New York: Routledge. 1993.

4. Butler, J. *Sexual Inversions* // Caputo, J., Yount, M. (eds.) *Foucault and the Critique of Institutions*. University Park: The Pennsylvania University Press. 1993.

5. Foucault, M. (1990). *The History of Sexuality. Vol.1: an Introduction*. New York: Vintage Books.

6. Smith, D. *Femininity as Discourse*. // Roman, L., Christian-Smith, L., Ellsworth, E. (eds.). *Becoming Feminine: the Politics of Popular Culture*. London; New York: Falmer Press. 1988.

7. Whelehan, I. *Modern Feminist Thought: From the Second Wave to «Post-feminism»*. New York : New York University Press. 1995.

8. Гросс Э. *Изменяя очертания тела // Введение в гендерные исследования*. Ч.П.: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; Алетея, 2001. С. 599-625.

9. Брайдотти Р. *Женские исследования и политики различия/ / Введение в гендерные исследования*. Ч.П.: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; Алетея, 2001. С. 13-22.

10. Брандт Г.А. *Человек на обочине, или «место» женщины в истории европейской философии// Адам и Ева. Альманах гендерной истории*. М.: ИВИ РАН - 2002. № 4. С. 7-33.

11. Butler, J. *Revisiting bodies and pleasure*. // *Theory, Culture and Society*, 1999, 16 (2).

12. Ушакин С.А. *Поле пола.- Вильнюс: ЕГУ- Москва: ООО «Вариант», 2007. 320 с.*

13. Butler, J. *Further reflections on conversation of our time*.// *Diacritics*, 1997, 27(1).

14. Лауретис де Т. *Американский Фрейд// Введение в гендерные исследования*. Ч.П.: Хрестоматия.

Харьков: ХЦГИ; Алетея, 2001. С. 23-47.

15. Dawns L.L. *If Woman Just an Empty Category, Then Why Am I Afraid to Walk Alone at Night? Identity Politics Meets the Postmodern Subject//Comparative Studies in Society and History* (35), 1993. P. 414-437.

16. *Feminist contentions. A philosophical exchange: Seyla Benhabib, Judith Butler, Drucilla Cornell, Nancy Fraser*. New York: Routledge, 1995.

17. Смит С. *Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории*. - 1997. - № 8. - С. 154-161.

18. Tong, R. *Feminist Thought. A Comprehensive Introduction*. Boudler & San Francisco, Westview Press, 1989.

19. Nicholson, L. J. *Feminism/ Postmodernism*, Routledge, 1990.

20. Клименкова Т. А. *Феминизм и постмодернизм // Феминизм: Восток. Запад. Россия*. - М.: Наука, 1993. С. 176-188.

Ссылки:

1 Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York, 1990. P. 13.

2 Ibid. P. 5.

3 О роли Фуко в развитии феминизма см. McNay, L. *Foucault and Feminism: Power, Gender and the Self*. Cambridge: Polity Press. 1992; Подробный разбор теоретических разногласий между теорией сексуальности, предложенной Фуко, и современным феминизмом см. Ramazanoglu, C. (ed.). *Up Against Foucault : Explorations of Some Tensions Between Foucault and Feminism*. London ; New York: Routledge. 1993.

4 Butler, J. *Sexual Inversions / / Caputo, J., Yount, M. (eds.) Foucault and the Critique of*

Institutions. University Park: The Pennsylvania University Press. 1993. P. 81.

5 Ibid.

6 Foucault, M. (1990). The History of Sexuality. Vol.1: an Introduction. New York: Vintage Books. P. 154.

7 Butler, J. Sexual Inversions / / Caputo, J., Yount, M. (eds.) Foucault and the Critique of Institutions. University Park: The Pennsylvania University Press. 1993. P. 81-82.

8 Историю теоретического развития западного феминизма см.: Whelehan, I. Modern Feminist Thought: From the Second Wave to «Post-feminism». New York : New York University Press. 1995.

9 Гросс Э. Изменяя очертания тела // Введение в гендерные исследования. Ч.П.: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; Алетейя, 2001. С. 619-620.

10 Брайдогги Р. Женские исследования и политики различия/ / Введение в гендерные исследования. Ч.П.: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; Алетейя, 2001. С. 17, 20.

11 Брандт Г.А. Человек на обочине, или «место» женщины в истории европейской философии// Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН - 2002.№ 4. С. 7-33.

12 Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York, 1990. P. 37.

13 Ibid. P. 39-40.

14 Ibid. P. 142.

15 Butler, J. Revisiting bodies and pleasure. //Theory, Culture and Society, 1999, 16 (2). P. 13.

16 Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York, 1990. P. 23.

17 Ушакин С.А. Поле пола.- Вильнюс: ЕГУ- Москва: ООО «Вариант», 2007.С. 76-77.

18 Butler, J. Further reflections on conversation of our time.// Diacritics, 1997, 27(1). P. 14.

19 Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York, 1990. P. 140.

20 Ушакин С.А. Поле пола.- Вильнюс: ЕГУ- Москва: ООО «Вариант», 2007. С. 78.

21 Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York, 1990. P.142.

22 Ibid. P. 143.

23 Лауретис де Т. Американский Фрейд// Введение в гендерные исследования. Ч.П.: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; Алетейя, 2001. С. 43-44.

24 Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York, 1990. P. 167.

25 Dawns L.L. If Woman Just an Empty Category, Then Why Am I Afraid to Walk Alone at Night? Identity Politics Meets the Postmodern Subject//Comparative Studies in Society and History, 35, 1993. P. 414-437.

26 Feminist contentions. A philosophical exchange: Seyla Benhabib, Judith Butler, Drucilla Cornell, Nancy Fraser. New York: Routledge, 1995. P. 29.

27 См. например: Смит С. Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. - 1997. - № 8. - С. 154-161.

28 Tong, R. Feminist Thought. A Comprehensive Introduction. Boudler & San Francisco, Westview Press,1989. P. 218.

29 Nicholson, L. J. Feminism/ Postmodernism, Routledge,1990. P. 20, 26.

Наши авторы

Барков Сергей Александрович - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Бондаренко Юлия Петровна - кандидат социологических наук, Министерство социальной защиты населения Московской области Щелковское управление социальной защиты населения. julsbond@rambler.ru

Быстров Андрей Анатольевич - кандидат культурологии, ООО «Металл-Трейд», г. Саратов. bystrov-a@bk.ru

Гаук Анастасия Викторовна - аспирантка кафедры социологии и социальных технологий управления факультета гуманитарного образования, ГОУ ВПО «Уральский государственный технический университет – УПИ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург. gauk@bk.ru

Ватлин Андрей Александрович - аспирант, Современная гуманитарная академия. avatlin@yandex.ru

Голова Анна Георгиевна – доцент, Московский Гуманитарный Университет. anngelus@mail.ru

Горбачева Наталья Борисовна – Тольяттинский государственный университет, кафедра социологии. GNB@tltsu.ru

Гурьева Людмила Семеновна - кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Московский авиационный ин-

ститут (государственный технический университет) «МАИ». ludmila_prof@inbox.ru

Дорохина Ольга Васильевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Евдошенко Ольга Аркадьевна - соискатель кафедры информатики социальных процессов, социологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. olarev@gmail.com

Изюмов Андрей Игоревич - кандидат исторических наук, УОМГУ, начальник участка.

Князев Александр Петрович - преподаватель Бузулукского филиала ГОУ ВПО «Оренбургский государственный университет». radian2004@bk.ru

Куманенко Станислав Игоревич – аспирант, Российский Государственный Социальный Университет. sikumanenko@mail.ru

Макаров Александр Яковлевич - аспирант социологического факультета Российского Государственного Гуманитарного Университета. kleinboy@mail.ru

Макин Иван Олегович – кандидат социологических наук, соискатель, социологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. 7618989@mail.ru

Маркова Наталья Ефимовна - старший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. markowa@rambler.ru

- Михайлов Александр Петрович** – доктор физико-математических наук, Институт прикладной математики им. М.В.Келдыша РАН. mikhailov@imamod.ru.
- Новоселова Елена Николаевна** – кандидат социологических наук, зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, социологический факультет. nauka@socio.msu.ru
- Першуткин Сергей Николаевич** – кандидат философских наук, докторант кафедры социологии Российской академии государственной службы при Президенте РФ. academ2008@mail.ru.
- Петров Александр Пхоун Чжо** – доктор физико-математических наук, Институт прикладной математики им. М.В.Келдыша РАН. petrov.alexander.p@gmail.com.
- Проневская Ирина Владимировна** – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, кафедра социологии семьи и демографии, социологический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова. family@socio.msu.ru
- Ромченко Екатерина Дмитриевна** – аспирантка кафедры социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. katuainchina@yandex.ru
- Синельников Александр Борисович** – кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. sinelka@mail.ru
- Сушко Андрей Иванович** – кандидат социологических наук, научный сотрудник кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук МГУ им. М.В.Ломоносова. sushko@gmail.com
- Тесленко Ирина Владимировна** – кандидат социологических наук, УГТУ-УПИ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург. iv_k@mail.ru
- Уразалиева Гульшат Кулумжановна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии социологического факультета Российского Государственного Гуманитарного Университета. urazalieva@bk.ru
- Устинова Ирина Викторовна** – преподаватель кафедры философии и социологии, Кольский филиал Петрозаводского государственного университета, г. Мончегорск. felysite@yandex.ru
- Франчук Виктор Иванович** – доктор социологических наук, доцент, Российский Государственный Социальный Университет. vfranchuk@mtu-net.ru
- Харченко Константин Владимирович** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета, зам. директора по научной работе МУ «Институт муниципальных проблем». geszak@mail.ru
- Шевченко Ирина Олеговна** – кандидат исторических наук, доцент социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет. sheviren@yandex.ru

Экарева Ирина Леонидовна - кандидат исторических наук, доцент, профессор Центра языковой подготовки Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.
irin.aekareva@mail.ru

Юсупова Марина Валериевна - аспирантка кафедры философии и истории ГОУ ВПО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет».
usupovamarina@yandex.ru

